

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

HDI

HL 31WE 2

HARVARD LAW LIBRARY.

Received *May 13, 1905.*

8

ЖУРНАЛЪ ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА

Изданіе С.-Петербургскаго Юридическаго Общества

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ

1890

КНИГА ВОСЬМАЯ

ОКТЯБРЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
1890

Handwritten signature or initials, possibly "М. М."

ВЪ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

1) **ВОЕННО-СУДЕБНЫЙ УСТАВЪ.** Раздѣлы II, III и IV 1884 и 1885 г. Цѣна **40** к. съ пересылкою **60** к.

2) **УСТАВЪ ДУХОВНЫХЪ КОНСИСТОРІЙ.** 1884 г. Цѣна **40** к.

3) **УСТАВЪ ЭМЕРИТАЛЬНОЙ КАССЫ ВѢДОМСТВА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ.** Цѣна **25** к.

4) **ПРАВИЛА О РАЗДРОБИТЕЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ КРѢПКИХЪ НАПИТКОВЪ.** Цѣна **25** к.

5) **ПРАВИЛА** о порядкѣ приѣма и расходованія денежныхъ суммъ, поступающихъ въ мировыя и гминныя учрежденія, а равно о счетоводствѣ и отчетности по этимъ суммамъ, съ **Объяснительною Запискою** Цѣна **1** р.

6) **О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ, НАКАЗУЕМЫХЪ ТОЛЬКО ПО ЖАЛОВЪ ПОТЕРПѢВШАГО, ПО РУССКОМУ ПРАВУ.** Соч. А. Фонъ-Резона. Цѣна **1** р.

7) **РУКОВОДСТВО КЪ УГОЛОВНОМУ ПРОЦЕССУ.** Соч. Ю. Глазера. Переводъ А. Лихачева. Выпускъ I. Цѣна **1** р. **25** к. Выпускъ II. Цѣна **75** к. Выпускъ III. Цѣна **75** к. Цѣна за всѣ три выпуска, составляющіе большой томъ въ 41 печатный листъ **2** р. **50** к. Для гг. студентовъ и для подписчиковъ журнала **2** р.

РѢШЕНІЯ СЕНАТА: гражданскаго и уголовного кассационныхъ департаментовъ и общаго собранія за 1887 и 1888 годъ. Цѣна за каждый годъ по **4** р. **50** к. за оба года **8** руб.

См. на слѣд. стр.

ЖУРНАЛЪ

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО

ПРАВА

Издание С.-Петербургскаго Юридическаго Общества

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ

1890

КНИГА ВОСЬМАЯ

ОКТЯБРЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

1890

Rec. May 13, 1903.

СОДЕРЖАНІЕ ВОСЬМОЙ КНИГИ.

I. Узаконоенія и распоряженія правительства . . .	XC-XCVI.
II. Личный составъ	1.
III. О прекращеніи договоровъ (окончаніе) <i>К. Анненкова</i>	1 — 24.
IV. Неаполитанская юстиція и судебныя тюрьмы въ Неаполѣ <i>Н. Семиванова</i>	25 — 80.
V. Возникновеніе суда сословныхъ представителей <i>Гр. Джанишева</i>	81 — 92.
VI. Къ вопросу о сравнительномъ изученіи судебной защиты и ея этики <i>А. Френкеля</i>	93 — 127.
VII. Судебно-медицинская экспертиза на трупахъ и свидѣтельскія показанія въ уголовномъ процессѣ <i>Б. Вронскаго</i>	128—168.
VIII. За мѣсяцъ (юридическая хроника). Финляндское уголовное уложеніе.—Законъ о диффамациі въ новомъ толкованіи сената.—Вопросъ о еврейской присягѣ <i>Z.</i>	169—192.
IX. Некрологъ: Лоренцъ фонъ-Штейнъ <i>С. В.</i>	193—196.

Замѣтки.

X. Нѣсколько замѣчаній на проектъ устава о несостоятельности <i>А. Маттеля</i>	1 — 16.
XI. По поводу ст. 138 уст. гражд. суд. <i>М. Газриленко</i>	16 — 21.
XII. Къ вопросу объ опекунскихъ установленіяхъ для крестьянъ <i>И. Тютрюмова</i>	21 — 37.

II

- XIII. Замѣтки къ поясненію правилъ судебно-межевого
разбирательства (приложеніе IV къ ст. 1400 уст.
гражд. суд. изданія 1883 года) *Н. Побѣдоносцева*. 38 — 51.
- XIV. По поводу проекта новаго закона о потрѣвахъ
А. Тютрюмова . . . . . 51 — 56.
- XV. Объявленія . . . . . I — IV.

Приложенія.

- XVI. Проектъ наказа судебнымъ слѣдователямъ, соста-
вилъ членъ виленскаго окружнаго суда *А. А.*
Соколовъ (окончаніе) . . . . . 49 — 76.
-

УЗАКОНЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

(съ 15-го августа по 15-е сентября)

ОТДѢЛЪ I.

A) Высочайшія повелѣнія.

50) *Объ измѣненіи штатнаго состава кавказскаго и казанскаго военно-окружныхъ судовъ и объ увеличеніи содержанія нѣкоторымъ чинамъ военно-судебныхъ учреждений.*

Военный совѣтъ, согласно съ мнѣніемъ начальника главнаго военно-суднаго управленія, положилъ:

1) Штатъ кавказскаго военно-окружнаго суда сократить на одну должность военнаго судьи, одного помощника секретаря, одного военнаго слѣдователя и одного помощника военнаго прокурора, а казанскаго военно-окружнаго суда—на одну должность военнаго судьи и одну помощника секретаря.

2) Назначить, независимо полагаемаго по штату оклада содержанія, добавочныхъ:

а) военнымъ прокурорамъ военно-окружныхъ судовъ: петербургскаго, московскаго, одесскаго, кіевскаго, виленскаго, кавказскаго, казанскаго и варшавскаго по 542 руб. 77 коп., а за установленными вычетами—по 500 руб. въ годъ;

б) военнымъ слѣдователямъ, исполняющимъ обязанности по производству слѣдствій по особенно сложнымъ хозяйственнымъ дѣламъ въ военныхъ округахъ: петербургскомъ, московскомъ, одесскомъ, кіевскомъ, виленскомъ, кавказскомъ, казанскомъ, варшав-

скомъ, туркестанскомъ и омскомъ—по 325 руб. 66 коп., а за установленными вычетами—по 300 руб. въ годъ каждому;

в) военнымъ судьямъ, исполняющимъ обязанности председателей: въ постоянномъ отдѣленіи омскаго военно-окружнаго суда въ гор. Вѣрномъ, въ иркутскомъ и приамурскомъ военно-окружныхъ судахъ—по 814 руб. 16 коп., а за установленными вычетами—по 750 руб. въ годъ каждому;

г) помощникамъ военныхъ прокуроровъ, исполняющимъ обязанности военныхъ прокуроровъ въ тѣхъ судахъ и отдѣленіи—по 651 руб. 32 коп., а за установленными вычетами—по 600 руб. въ годъ каждому;

д) помощникамъ секретарей, исполняющимъ обязанности секретарей въ постоянномъ отдѣленіи омскаго военно-окружнаго суда въ гор. Вѣрномъ, въ иркутскомъ и приамурскомъ военно-окружныхъ судахъ—по 390 руб. 80 коп., а за установленными вычетами—по 360 руб. въ годъ каждому;

е) помощнику секретаря прокурорскаго надзора постоянного отдѣленія омскаго военно-окружнаго суда въ гор. Вѣрномъ и кандидатамъ на военно-судебныя должности при прокурорскихъ надзорахъ иркутскаго и приамурскаго военно-окружныхъ судовъ, исполняющимъ обязанности секретарей въ названныхъ прокурорскихъ надзорахъ—по 195 руб. 40 коп., а за установленными вычетами—по 180 руб. въ годъ каждому.

3) Расходъ, потребный въ текущемъ году на удовлетвореніе добавочнымъ содержаніемъ указанныхъ выше должностныхъ лицъ, всего полностью по 13753 руб. 80 коп. въ годъ, обратить на сумму, имѣющую образоваться отъ упраздненія шести должностей въ кавказскомъ и казанскомъ военно-окружныхъ судахъ и, затѣмъ, на будущее время необходимую на этотъ предметъ издержку включать въ подлежащія подраздѣленія смѣты главнаго военно-суднаго управленія.

Положеніе это Высочайше утверждено 4 іюня 1890 г. (№ 85, ст. 852).

51) *По вопросу объ утвержденіи нотаріуса въ должности почетнаго мирового судьи.*

Государственный совѣтъ, рассмотрѣвъ внесенное, за разногласіемъ изъ перваго общаго собранія правительствующаго сената, дѣло, возникшее вслѣдствіе всеподданнѣйшей жалобы на опредѣ-

леніе перваго департамента сената объ отказѣ въ утвержденіи нотаріуса въ должности почетнаго мировато судьи, нашелъ, что, по существу принесенной по сему дѣлу всеподданнѣйшей жалобы, надлежитъ разрѣшить вопросъ: можетъ ли должность нотаріуса быть отнесена къ числу тѣхъ должностей, занятіе которыхъ, въ теченіи не менѣе трехъ лѣтъ, замѣняетъ собою требуемый закономъ образовательный для мировыхъ судей цензъ? Обсуждая этотъ вопросъ, государственный совѣтъ принялъ во вниманіе, что, согласно пункта 2 ст. 19 учр. суд. уст., въ мировые судьи могутъ быть избираемы тѣ изъ мѣстныхъ жителей, которые получили образованіе въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, или выдержали соотвѣтствующее сему испытаніе, или же прослужили не менѣе трехъ лѣтъ въ должностяхъ, дающихъ возможность пріобрѣсти практическія свѣдѣнія въ производствѣ судебныхъ дѣлъ. Подъ этимъ послѣднимъ требованіемъ, очевидно, слѣдуетъ разумѣть и практическую подготовку къ разбору судебныхъ дѣлъ. Такой подготовки не можетъ дать исполненіе обязанностей нотаріуса, состоящихъ въ совершеніи разнаго рода актовъ и засвидѣтельствваній и тому подобныхъ дѣйствійхъ (ст. 65 нотар. полож.). Слѣдовательно, пребываніе въ должности нотаріуса, сколько бы оно ни продолжалось, не можетъ составить условія, замѣняющаго, согласно упомянутому закону (п. 2 ст. 19 учр. суд. уст.), образовательный цензъ. Поэтому надлежитъ признать, что при неимѣніи сего послѣдняго просителемъ, служба его съ 1868 г. по 1886 г. нотаріусомъ не даетъ ему права быть избраннымъ въ мировые судьи. Что же касается ссылки просителя на указъ сената по однородному дѣлу, состоявшійся въ смыслѣ противоположномъ вышеизъясненному, то указъ этотъ, въ виду ст. 68 и 69 т. I ч. I зак. осн., не имѣетъ общеобязательной силы.

По симъ основаніямъ, присоединяясь къ заключенію управлявшаго министерствомъ юстиціи и сенаторовъ, съ нимъ согласныхъ, объ оставленіи жалобы просителя безъ послѣдствій, государственный совѣтъ признаетъ, вмѣстѣ съ симъ, полезнымъ такое разрѣшеніе сего дѣла поставить въ общую извѣстность, дабы оно могло служить руководствомъ на будущее время въ подобныхъ настоящему случаяхъ.

Вслѣдствіе сего государственный совѣтъ *мнѣніемъ положилъ*:

1) всеподданнѣйшую жалобу на опредѣленія перваго департамента правительствующаго сената, отъ 3 марта и 14 апрѣля

1887 года, объ отказѣ въ утвержденіи нотаріуса въ должности почетнаго мирового судьи, оставить безъ послѣдствій и 2) представить правительствующему сенату постановленіе это распубликовать во всеобщее свѣдѣніе установленнымъ порядкомъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ соединенныхъ департаментахъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и законовъ государственнаго совѣта, 8 мая 1890 г., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 89, ст. 896).

В) Распоряженія правительства.

Военнаго министра.

1) *Объ упраздненіи нѣкоторыхъ аудиторскихъ должностей.*

Приказомъ по военному вѣдомству, отъ 31 мая 1890 года, объявлено, что за введеніемъ въ дѣйствіе военно-судебнаго устава въ войскахъ приамурскаго военнаго округа, упраздняются нижеслѣдующія аудиторіатскія должности: 1) оберъ-аудиторовъ при управленіяхъ: а) войскъ Амурской области и б) командующаго войсками южно-уссурійскаго отдѣла; 2) старшаго аудитора и аудитора въ управленіи мѣстныхъ войскъ острова Сахалина, и 3) аудиторовъ: въ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8 восточно-сибирскихъ стрѣлковыхъ баталіонахъ, а также во 2 и 5 восточно-сибирскихъ линейныхъ баталіонахъ.

Тѣхъ изъ аудиторіатскихъ чиновниковъ, кои занимаютъ нѣкоторыя изъ упраздняемыхъ должностей, какъ неполучающихъ назначенія по новымъ военно-судебнымъ учрежденіямъ, оставить, согласно § 29 положенія, объявленнаго при приказѣ по военному вѣдомству 28 апрѣля 1889 года за № 106, за штатомъ, на общемъ основаніи.

О семъ военный министръ, 11 іюня 1890 года, донесъ правительствующему сенату. (№ 88. Ст. 877).

Управляющаго министерствомъ государственныхъ имуществъ.

1) *Объ утвержденіи устава дергачевской школы садоводства, огородничества и хмѣлеводства 2 разряда, учрежденной харьковскимъ обществомъ исправительныхъ приютовъ, въ Харьковской губерніи, Харьковскомъ уездѣ, близъ с. Дергачей, для несовершеннолетнихъ преступниковъ.* (№ 90. Ст. 910).

Министра финансовъ.

1) О порядкѣ употребленія марокъ для уплаты судебной пошлины.

Высочайше утвержденнымъ, 24 апрѣля 1890 г., мнѣніемъ государственнаго совѣта, объ установленіи марокъ для уплаты судебной пошлины, между прочимъ, постановлено:

Отд. I ст. 4. Порядокъ употребленія означенныхъ марокъ опредѣляется инструкцію, составляемою министромъ финансовъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи, и представляемою для распубликованія во всеобщее свѣдѣніе правительствующему сенату.

Отд. II. Поручить министру финансовъ опредѣлить, по соглашенію съ министромъ юстиціи, срокъ, съ котораго должны быть введены въ дѣйствіе постановленія, изложенныя въ отд. I настоящаго узаконенія, и представить о томъ правительствующему сенату, для распубликованія во всеобщее свѣдѣніе.

Во исполненіе сего, министръ финансовъ, 21 іюля 1890 г., представилъ засвидѣтельствованную копию съ утвержденной имъ, министромъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи, инструкціи о порядкѣ употребленія марокъ для уплаты судебной пошлины, присовокупивъ при этомъ, что срокъ введенія въ дѣйствіе постановленій объ означенныхъ маркахъ министромъ финансовъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи, опредѣленъ 1 января 1891 года.

На подлинной написано: „По соглашенію съ министромъ юстиціи, утверждаю“
16 іюля 1890 года. Подписаль: министръ финансовъ *И. Вышнеградскій*.

ИНСТРУКЦІЯ

о порядкѣ употребленія марокъ для уплаты судебной пошлины, составленная на основаніи п. 4 ст. 1 Высочайше утвержденного, 24 апрѣля 1890 года, мнѣнія государственнаго совѣта.

1) Для уплаты судебной пошлины по дѣламъ, подсуднымъ общимъ судебнымъ установленіямъ, образованнымъ на основаніи судебныхъ уставовъ императора Александра II, установлены марки пяти разрядовъ: въ *двадцать пять коп.*, *пятьдесятъ коп.*, *одинъ рубль*, *три рубля* и *пять рублей*. На лицевой ихъ сторонѣ въ верхней части помѣщается изображеніе государственнаго герба, надпись „судебная пошлина“ и обозначеніе цѣны марки, нижняя часть состоитъ изъ небольшого пространства чистой бумаги; оборот-

ная сторона покрыта клеемъ. Каждый разрядъ марокъ отличается особымъ рисункомъ и цвѣтомъ, причемъ марки первыхъ двухъ низшихъ разрядовъ по размѣрамъ своимъ менѣ марокъ остальныхъ трехъ высшихъ разрядовъ.

2) Продажа марокъ производится въ казначействахъ и въ судебныхныхъ установленіяхъ не иначе, какъ на наличныя деньги.

3) Судебно-пошлинные марки наклеиваются на прошеніи, жалобѣ или отзывѣ въ лѣвомъ верхнемъ углу листа и если уплата судебной пошлины потребуетъ нѣсколькихъ марокъ, то онѣ должны быть наклеены одна возлѣ другой, даже въ нѣсколько рядовъ, смотря по удобству размѣщенія ихъ.

4) Погашеніе марокъ производится слѣдующимъ образомъ: одинъ изъ подписавшихъ бумагу, или рукоприкладчиковъ, или же переписчиковъ означаетъ на нижней части каждой изъ приклеенныхъ марокъ время написанія прошенія, жалобы или отзыва, т. е. годъ, мѣсяцъ и число. На волю подающихъ бумаги предоставляется прописывать на маркахъ свое имя и фамилію. Въ надписи не допускается никакихъ помарокъ, перечеркиванія и приписокъ.

5) При самомъ приѣмѣ прошенія, жалобы или отзыва, въ судебномъ установленіи производится дополнительное погашеніе марокъ должностнымъ лицомъ. Погашеніе это дѣлается перекрещиваніемъ каждой марки чернилами такимъ образомъ, чтобы концы креста переходили на самую бумагу, и сверхъ того наложеніемъ на той же части марки типографскою или химическою краскою штемпеля или печати; на нижней части марки выставляется время полученія бумаги, если это не обозначено самимъ подающимъ прошеніе, жалобу или отзывъ.

6) Въ случаѣ возвращенія прошенія, жалобы или отзыва съ наклеенными судебно-пошлинными марками (ст. 266, 267, 269, 270 и 755 уст. гражд. суд.), а равно въ случаѣ уплаты судебной пошлины марками въ большемъ, чѣмъ слѣдовало, размѣрѣ, стоимость въ первомъ случаѣ—всѣхъ марокъ, а во второмъ—излишне израсходованныхъ марокъ, возвращается просителю изъ казны, по опредѣленію о томъ суда. Если же, по возвращеніи прошенія, жалобы или отзыва съ наклеенными марками, проситель подастъ вновь прошеніе, жалобу или отзывъ по тому же предмету, то ему засчитываются марки, наклеенныя на первомъ прошеніи, жалобѣ или отзывѣ, но въ томъ лишь случаѣ, когда, при возвращеніи перваго прошенія, жалобы или отзыва, просителю не была возвра-

щена стоимость наклеенныхъ на оныхъ судебнo - пошлинныхъ марокъ, приче́мъ къ новой бумагѣ должна быть приложена пре́жняя бумага въ доказательство того, что она была оплачена судебнoю пошлиною.

7) Наблюде́нiе за употребле́нiемъ и погаше́нiемъ судебнo-пошлинныхъ марокъ возлагается на отвѣ́тственность должностныхъ лицъ, принимающихъ проше́нiя, жалобы или отзы́вы съ наклеенными марками. (№ 89. Ст. 902).

ОТДѢЛЪ II.

Л и ч н ы й с о с т а в ъ.

Высочайшіе приказы

по министерству юстиціи.

Назначаются: членъ рязнскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Бабинъ** — уѣзднымъ членомъ рязанскаго окружнаго суда, по пронскому уѣзду, съ 1 сентября 1890 года; членъ каменецъ - подольскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Фридманъ** и предсѣдатель сѣзда и участковой мировой судья кобрино-пружанскаго округа, Гродненской губерніи, титулярный совѣтникъ **Орловъ** — членами рижскаго окружнаго суда.

Увольняются *отъ должностей, согласно прошеніямъ*: судебные слѣдователи: 1 участка ветлужскаго уѣзда, округа костромскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Кривошеевъ** и 2 участка уржумскаго уѣзда, округа вятскаго окружнаго суда, губернский секретарь **Образцовъ**, съ 1 сентября 1890 года — по случаю назначенія городскими судьями: Кривошеевъ — города Рославля, а Образцовъ — города Симбирска. *Отъ службы*: судебный слѣдователь Лохвицкаго уѣзда, округа лубенскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Турчаниновъ** — согласно прошенію, за болѣзнію.

О ПРЕКРАЩЕНИИ ДОГОВОРОВЪ.

(Окончаніе) ¹⁾.

IV. Прощеніе долга. Въ римскомъ правѣ ²⁾ прекращеніе договоровъ этимъ способомъ допускалось хотя и по волѣ кредитора, но для его дѣйствительности требовалась наличность и согласіе должника; вслѣдствіе этого въ римскомъ правѣ прощеніе долга имѣло значеніе не односторонняго волеизъявленія кредитора, а договора. Заключеніе такого договора въ римскомъ правѣ допускалось въ двухъ видахъ: а) имъ или прямо и непосредственно прекращался какой либо предшествующій договоръ или же б) имъ устанавливалось только соглашеніе о неосуществленіи кредиторомъ своего требованія путемъ иска; соглашеніе это называлось *pactum de non petendo*. Такимъ образомъ, по римскому праву, прощеніе долга имѣло значеніе какъ бы отмѣнительнаго договора, но не исполнѣ, отличаясь отъ послѣдняго тѣмъ, что имъ могло быть прекращаемо только одностороннее требованіе кредитора, между тѣмъ какъ отмѣнительнымъ договоромъ могутъ быть прекращаемы и обоюдныя требованія сторонъ. Саксонское уложеніе усвоило исполнѣмъ взглядъ римскаго права на значеніе прощенія долга, какъ на одинъ изъ видовъ отмѣнительнаго договора. Такъ, оно постановленіе объ этомъ спо-

---

¹⁾ См. кн. VII стр 115—140.

²⁾ Windscheid, Pandecten, т. 3 § 109; Baron, Pandecten, § 268.

ж. гр. и уг. пр. кн. VIII 1890 г.

собѣ прекращенія договоровъ включило въ отдѣленіе, озаглавленное „Отмѣнительный договоръ“; затѣмъ оно, подобно праву римскому, требуетъ для дѣйствительности его согласіе должника на отказъ кредитора отъ его долга ¹⁾). Итальянское уложеніе въ постановленіяхъ, относящихся до прощенія долга, напротивъ, ничего не говоритъ о согласія должника, а говоритъ только, что возвращеніе кредиторомъ должнику заемнаго обязательства, должно служить доказательствомъ прощенія долга по этому обязательству ²⁾). Въ дальнѣйшихъ постановленіяхъ своихъ объ этомъ способѣ прекращенія договоровъ, итальянское уложеніе указываетъ, во первыхъ, послѣдствія прощенія долга относительно тѣхъ добавочныхъ обязательствъ, которыя были заключены съ цѣлью его обезпеченія, и во вторыхъ, послѣдствія отказа со стороны кредитора отъ пользованія этими добавочными обязательствами ³⁾). Что касается вліянія прощенія долга на силу и значеніе добавочныхъ обязательствъ, то оно постановляетъ, что эти обязательства, вслѣдствіе прощенія долга, должны утратить свою силу и значеніе; относительно же вліянія отказа кредитора отъ этихъ добавочныхъ обязательствъ, въ случаяхъ, напр., возвращенія должнику бывшихъ въ залогъ вещей, на силу главнаго долга, оно, напротивъ, постановляетъ, что отказъ кредитора отъ этихъ добавочныхъ обязательствъ не долженъ оказывать никакого вліянія на главный долгъ, который и по отказѣ кредитора отъ нихъ долженъ оставаться неприкосновеннымъ.

Въ нашихъ гражданскихъ законахъ объ отказѣ отъ долга или вообще отъ права требовать исполненія по договору, какъ объ одномъ изъ способовъ прекращенія договоровъ, упоминается въ ст. 1547, помѣщенной среди общихъ правилъ X тома о прекращеніи договоровъ; въ ней говорится: „если сторона, имѣющая по договору право требовать исполненія, отступается добровольно отъ своего права въ цѣломъ

¹⁾ Bûrg. Gesetzb. § 998.

²⁾ Cod. civ. art. 1279.

³⁾ Cod. civ. art. 1280 и 1282.

договорѣ или въ части, тогда дѣйствіе договора въ цѣломъ его составѣ или части прекращается“. О необходимости еще согласія должника на отказъ кредитора отъ своего права въ законѣ ничего не говорится, изъ чего нельзя, кажется, согласно съ мнѣніемъ нашихъ цивилистовъ ¹⁾, не вывести то заключеніе, что и по нашему праву этотъ способъ прекращенія договоровъ можетъ считаться допустимымъ въ видѣ односторонняго волеизъявленія кредитора и при отсутствіи согласія со стороны должника.

Объ условіяхъ и послѣдствіяхъ прощенія долга нашъ законъ не упоминаетъ. Правда, въ 1547 ст. выражено то требованіе, чтобы отказъ кредитора отъ долга не былъ имъ дѣлаемъ во вредъ третьимъ лицамъ, причемъ отказъ этотъ объявляется недѣйствительнымъ, когда онъ учиненъ вопреки этому требованію. На самомъ дѣлѣ, въ постановленіи этомъ нельзя видѣть указанія на одно изъ такихъ условій, наличность коихъ представляется безусловно необходимой для дѣйствительности отказа кредитора отъ своихъ правъ. Несоблюденіе кредиторомъ требованія 1547 ст. можетъ служить основаніемъ только къ предъявленію спора противъ дѣйствительности прощенія со стороны третьихъ лицъ, права коихъ кредиторомъ нарушены; собственно же условіями, необходимыми для дѣйствительности отказа отъ правъ по договору, должны быть признаны, по крайней мѣрѣ, слѣдующія, въ правилѣ 1547 ст. хотя и не указываемыя, но требуемыя самой природой этого акта: а) чтобы отказъ отъ правъ по договору былъ выраженъ лицомъ дѣеспособнымъ, а за недѣеспособнаго—его законнымъ представителемъ, и б) чтобы въ отказѣ было явно выражено намѣреніе кредитора освободить должника отъ исполненія принятыхъ имъ на себя обязанностей.

Что касается, затѣмъ, послѣдствій отказа кредитора отъ правъ по договору, какъ относительно прибавочныхъ частей договора, такъ и послѣдствій отказа отъ этихъ послѣднихъ обязательствъ, по отношенію къ силѣ главнаго обязательства,

---

¹⁾ *Мейеръ*, назван. сочин. стр. 396; *Побѣдомосцевъ*, назван. сочин. стр. 135.

то пробѣлы нашего закона по этимъ вопросамъ могутъ быть восполнены вышеуказанными положеніями западныхъ законодательствъ, имѣющими общее значеніе.

V. Компенсация. Подъ этимъ способомъ прекращенія договоровъ въ римскомъ правѣ ¹⁾ разумѣлся взаимный зачетъ требованій по договорамъ между кредиторомъ и должникомъ, такимъ образомъ, что противопоставленіемъ должникомъ его требованія къ кредитору, прекращалось и требованіе этого послѣдняго къ нему. Послѣдствіемъ такого противопоставленія должникомъ его требованій къ кредитору было то, что кредиторъ лишался права на полученіе отъ него того, что онъ долженъ былъ получить, взаменъ чего освобождался отъ обязанности исполнить лежавшія на немъ обязательства. Должникъ управомочивался къ зачету своего требованія, какъ съ согласія кредитора, такъ и противъ его воли; въ послѣднемъ случаѣ, для-того, чтобы зачетъ могъ влечь за собой прекращеніе обязательства, требовалась наличность слѣдующихъ условій: а) чтобы представляемое должникомъ къ зачету требованіе было матеріально дѣйствительно; б) чтобы требованіе это принадлежало лично ему; в) чтобы требованіе должника, по предмету, было однороднымъ съ требованіемъ кредитора, т. е. чтобы оба требованія заключались, напр., или въ платежъ денегъ, или въ доставленіи извѣстнаго количества замѣнимыхъ вещей и проч., причемъ, однакоже, не требовалось, чтобы взаимныя требованія кредитора и должника стояли между собой въ какой либо связи, вытекали, напр., изъ одного и того же договора, и г) чтобы представляемому должникомъ къ зачету обязательству наступилъ срокъ исполненія. Затѣмъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда должникъ могъ предъявить къ зачету нѣсколько требованій, римское право постановляло, что выборъ того или другаго изъ этихъ требованій зависитъ отъ усмотрѣнія должника. Кромѣ этого, въ римскомъ правѣ были указаны еще и такія требованія, противъ которыхъ не допуска-

---

¹⁾ Windcheid, Pandecten, B. 3 § 100—102 и Baron, Pandecten, § 265.

лось зачета; къ таковымъ были относимы: а) требованія, вытекающія изъ договора поклажи, и б) требованія, вытекающія изъ противозаконнаго присвоенія чужаго имущества.

Приблизительно такимъ же образомъ, хотя и нѣсколько болѣе подробно, опредѣляютъ какъ понятіе компенсаціи, такъ и необходимыя условія и послѣдствія ея, итальянское и саксонское уложенія, изъ которыхъ послѣднее допускаетъ компенсацію, въ болѣе широкихъ предѣлахъ, чѣмъ римское право и итальянское уложеніе. Самое понятіе компенсаціи, какъ итальянское ¹⁾ уложеніе, такъ и саксонское ²⁾, опредѣляютъ такимъ же образомъ, какъ и римское право, причемъ, саксонское ³⁾ уложеніе допускаетъ прекращеніе посредствомъ компенсаціи обязательствъ, предметомъ коихъ являются однородныя дѣйствія. Довольно, затѣмъ, существенное различіе между постановленіями итальянскаго и саксонскаго уложеній о дѣйствіи компенсаціи, нельзя не усмотрѣть въ томъ, что итальянское ⁴⁾ уложеніе допускаетъ дѣйствіе компенсаціи въ силу самаго закона, въ самый моментъ одновременнаго возникновенія двухъ требованій, даже безъ вѣдома и желанія должника; между тѣмъ, какъ саксонское уложеніе, подобно римскому праву, допускаетъ дѣйствіе компенсаціи только по желанію должника, причемъ не требуетъ, подобно римскому праву, согласія кредитора ⁵⁾. Въ остальномъ условія компенсаціи нормируются, какъ итальянскимъ уложеніемъ, такъ и саксонскимъ, приблизительно, одинаково и сходно съ постановленіями римскаго права ⁶⁾. Приблизительно также, какъ римское право, итальянское ⁷⁾ и саксонское ⁸⁾ уложенія опредѣляютъ, во первыхъ, порядокъ предъявленія требованій къ зачету въ тѣхъ случаяхъ, когда у должника имѣется нѣсколько

¹⁾ Cod. civile art. 1285, 1287.

²⁾ Bürg. Gesetzb. § 988.

³⁾ Bürg. Gesetzb. § 997.

⁴⁾ Cod. civile art. 1286.

⁵⁾ Bürg. Gesetzb. § 998.

⁶⁾ Cod. civile art. 1287, 1290, Bürgerl. Gesetzb. §§ 988, 989, 990.

⁷⁾ Cod. civile art. 1289, 1293.

⁸⁾ Bürg. Gesetzb. §§ 993—995.

требованій, и во вторыхъ, тѣ требованія, которыя, по исключенію, не подлежатъ зачету; число ихъ, сравнительно съ римскимъ правомъ, больше; сюда отнесены еще требованія о доставленіи алиментовъ, а также и требованія, представляющія по закону имущество, изъятое отъ взысканій кредиторовъ.

Въ нашихъ гражданскихъ законахъ не содержится никакихъ постановленій о компенсаціи, ни въ общихъ правилахъ X т. о прекращеніи договоровъ, ни въ частныхъ его постановленіяхъ, относящихся до прекращенія отдѣльных договоровъ. Несмотря на это, сенатъ высказался прямо и категорически за допустимость у насъ прекращенія обязательствъ путемъ зачета, но не привелъ никакихъ основаній въ оправданіе правильности этого заключенія ¹⁾. Изъ нашихъ цивилистовъ—Мейеръ ²⁾, Мышь ³⁾, Побѣдоносцевъ ⁴⁾ и Кавелинъ ⁵⁾ также высказываются за допустимость у насъ прекращенія обязательствъ путемъ компенсаціи, каковое заключеніе Побѣдоносцевъ и Кавелинъ стараются оправдать, между прочимъ, и ссылкой на ст. 1166 и 1167 уст. гражд. судопр., которыя дозволяютъ кредитору, купившему на публичномъ торгѣ недвижимое имѣніе, продававшееся на удовлетвореніе взысканій, вносить въ счетъ покупной суммы тѣ взысканія, на удовлетвореніе которыхъ было продано имѣніе должника, причемъ, однакоже, въ случаѣ недостатка вырученной отъ продажи имѣнія суммы на полное удовлетвореніе всѣхъ взысканій, дозволяютъ ему вносить въ счетъ покупной суммы принадлежащія ему взысканія только въ такой части, которая по расчету можетъ быть покрыта вырученной отъ продажи имѣнія суммой. Ссылка Побѣдоносцева и Кавелина на эти узаконенія врядъ-ли можетъ быть признана удачною, потому что, на самомъ дѣлѣ, въ случаѣ, въ этихъ узаконеніяхъ указанномъ,

¹⁾ Рѣш. 1870 г. № 496.

²⁾ Мейеръ, назван. сочин. стр. 144.

³⁾ Мышь, Право зачета одного обязательства другимъ. Судебный Вѣстникъ 1874 г. № 8—12.

⁴⁾ Побѣдоносцевъ, назван. сочин. стр. 189.

⁵⁾ Кавелинъ, Права и обязанности по имущест. и обязат., стр. 162.

нельзя видѣть прекращеніе обязательства должника передъ кредиторомъ посредствомъ компенсаціи, по той простой причинѣ, что въ этомъ случаѣ нѣтъ противостоящихъ другъ другу обязательствъ кредитора къ должнику и обратно, а есть только обязательство должника къ кредитору, которое и покрывается, смотря по обстоятельствамъ, полностью или же только по соразмѣрности, въ известной долѣ, посредствомъ распредѣленія вырученныхъ отъ продажи имущества денегъ. Побѣдоносцевъ, а также Мейеръ и Мышь, въ подтвержденіе заключенія о допустимости у насъ компенсаціи, ссылаются еще на 587 ст. уст. торгов. суд. (XI т. 2 ч.) которая постановляетъ: „когда одно и то же лицо представляетъ заимодавца и должника, тогда замѣна долга искомъ допускается сполна, сумма противъ суммы“. Статья эта, помѣщенная среди постановленій о производствѣ дѣлъ о торговой несостоятельности, указываетъ порядокъ зачета претензій, предъявляемыхъ кредиторомъ къ несостоятельному должнику и имѣемыхъ симъ послѣднимъ къ кредитору, и на самомъ дѣлѣ можетъ служить основаніемъ допустимости у насъ компенсаціи. Впрочемъ, указаніе на допустимость у насъ компенсаціи можно найти еще въ одномъ частномъ постановленіи, выраженномъ въ 105 ст. устава о промышленности XI т. 2 ч., которымъ дозволяется фабричному управленію засчитывать рабочимъ въ счетъ жалованья и долги ихъ фабричному управленію, образовавшіеся за предметы продовольствія, забранные изъ заводскихъ лавокъ.

Недостаточно, конечно, привести, хотя бы даже извлеченныя изъ закона, основанія въ доказательство допустимости у насъ компенсаціи; необходимо еще указать и на тѣ условія, при наличности которыхъ дѣйствіе ея можетъ считаться допустимымъ. Обращаясь къ разсмотрѣнію этихъ послѣднихъ, я не могу, прежде всего, не привести здѣсь то, совершенно справедливое, замѣчаніе г. Побѣдоносцева, относительно одного изъ главнѣйшихъ условій допустимости компенсаціи, которымъ онъ утверждаетъ, что прекращеніе договоровъ этимъ способомъ у насъ можетъ имѣть мѣсто никакъ не *ipso jure*, въ

силу самого закона, какъ допускается французскимъ *code civil* и, по его примѣру, итальянскимъ уложеніемъ, но не иначе, какъ по волѣ или обѣихъ сторонъ, или же, при наличности извѣстныхъ условій, и по волѣ одного должника, какъ это допускается римскимъ правомъ и, по его примѣру, саксонскимъ уложеніемъ ¹⁾). Вполнѣ правильнымъ заключеніе это нельзя не признать, главнымъ образомъ, потому, что оно вполнѣ согласно съ самой природой компенсаціи, какъ такого способа прекращенія договоровъ, который въ своемъ основаніи имѣетъ факты, наступленіе коихъ зависитъ вполнѣ отъ воли сторонъ; вслѣдствіе этого и допущеніе компенсаціи въ силу самого закона, не можетъ быть признано возможнымъ у насъ безъ прямого и спеціальнаго указанія на то закона.

Далѣе, г. Побѣдоносцевъ относительно условій компенсаціи, по одностороннему требованію должника и безъ согласія кредитора, высказывается за принятіе у насъ въ руководству всѣхъ тѣхъ положеній, которыя выработаны римскимъ правомъ и усвоены, затѣмъ, новѣйшими западно-европейскими законодательствами. Чтобы уяснить насколько утвержденіе это въ цѣломъ можетъ быть признано правильнымъ, представляется необходимымъ разобрать, насколько каждое изъ условій компенсаціи по волѣ должника, выработанныхъ римскимъ правомъ, имѣетъ основаніе или въ самой природѣ этого способа прекращенія договоровъ, или же въ постановленіяхъ нашего закона. Въ нашихъ законахъ никакихъ такихъ постановленій, которыми бы имѣлось въ виду собственно дать опредѣленія этихъ условій, не содержится, но, не смотря на это, нѣкоторыя указанія, съ цѣлью ихъ опредѣленія, возможно извлечь изъ тѣхъ вышеприведенныхъ постановленій его, которыя служатъ доказательствомъ допустимости у насъ прекращенія договоровъ этимъ способомъ. Такъ, изъ постановленій этихъ возможно извлечь указанія на слѣдующія условія: во первыхъ, чтобы предлагаемое должникомъ для зачета требованіе принадлежало лично ему, и во

---

¹⁾ *Побѣдоносцевъ*, назван. сочин. стр. 189.

вторыхъ, чтобы предлагаемое имъ къ зачету требованіе подлежало уже исполненію. Первое изъ этихъ положеній одинаково вытекаетъ изъ обѣихъ вышеприведенныхъ статей, т. е. какъ изъ 587 ст. уст. судопр. торг., такъ и изъ 105 ст. уст. о промышл., такъ какъ ими обѣими предоставляется должнику право представлять къ зачету именно *его* долгъ къ кредитору; а второе положеніе вытекаетъ, главнымъ образомъ, изъ послѣдней статьи, которой предоставляется фабричному управленію право, *при выдачѣ жалованья* рабочимъ, предъявлять къ зачету въ жалованье ихъ *доли* фабрикѣ за забранные припасы. На необходимость у насъ этихъ условій компенсаціи, надо замѣтить, указываютъ также Мейеръ и Мышъ.

Затѣмъ, что касается другихъ условій компенсаціи, то на нихъ нельзя уже найти ни малѣйшаго намека въ нашихъ законахъ; но относительно одного изъ нихъ, указаннаго собственно въ правѣ римскомъ, а именно, чтобы предъявляемое къ зачету требованіе было матеріально дѣйствительно, нельзя не признать, что наличность его, какъ условія, вытекающаго изъ самой природы компенсаціи, представляется положительно необходимой и у насъ, какъ это утверждаетъ и г. Мышъ, ибо предъявленіе къ зачету обязательства, матеріально недѣйствительнаго или ничтожнаго представляется, по объясненію Мейера ¹⁾, просто невозможнымъ. То условіе компенсаціи, по которому предъявляемое для зачета требованіе должника было однородно по объекту съ требованіемъ кредитора, Побѣдоносцевъ считаетъ вытекающимъ также изъ самой природы компенсаціи, хотя вообще кредиторъ не можетъ быть принужденъ къ принятію не той вещи, которая слѣдуетъ ему по обязательству, но по исключенію это возможно въ тѣхъ случаяхъ, когда обязательство должника о доставленіи извѣстнаго количества вещей можетъ быть превращено, съ цѣлью предъявленія его къ зачету, въ обязательство уплаты денегъ. Превращеніе это, по мнѣнію Побѣдоносцева, однако же,

---

¹⁾ Мейеръ, назван. сочин. стр. 397.

рѣшительно не можетъ считаться допустимымъ въ случаяхъ обязанности должника выдать вещь, индивидуально опредѣленную ¹⁾). Въ виду того, что на самомъ дѣлѣ всякія обязательства имущественнаго характера, каковы бы ни былъ объектъ ихъ, могутъ быть оцѣниваемы на деньги и, затѣмъ, по стоимости своей, сравниваемы между собой и учитываемы,—что и представляется необходимымъ для компенсаціи,—и казалось бы возможнымъ признать, что однородность по объекту обязательствъ, предъявляемыхъ къ зачету, какъ не вытекающая изъ самой природы компенсаціи, не можетъ имѣть значенія у насъ; но дѣло въ томъ, что основаніемъ къ недопустимости компенсаціи безъ согласія кредитора, въ случаяхъ разнородности обязательствъ по ихъ объекту, должно служить, главнымъ образомъ, то обстоятельство, указываемое и Побѣдоносцевымъ, что ни одинъ кредиторъ вообще не можетъ быть принужденъ, безъ его согласія, принимать въ исполненіе обязательства не тотъ предметъ, доставить который обязанъ должникъ. Римскимъ правомъ ²⁾), такъ называемая *datio in solutum voluntaria*, т. е. предоставленіе кредитору вмѣсто опредѣленнаго договоромъ объекта обязательства другаго, хотя бы и равноцѣннаго, безъ согласія на то со стороны кредитора, считалась рѣшительно недопустимой. Въ виду же того, что *datio in solutum voluntaria* не можетъ считаться допустимой безъ согласія кредитора и по нашимъ законамъ, требующимъ, какъ мы видѣли выше, доставленія непременно того самаго предмета, который былъ означенъ въ договорѣ, слѣдуетъ признать, что и у насъ, какъ необходимое условіе компенсаціи, по требованію должника, безъ согласія кредитора, должна быть признана однородность требованій, притомъ безусловно и безъ всякихъ исключеній.

По разсмотрѣніи, такимъ образомъ, всѣхъ условій компенсаціи, нельзя не признать, что, въ общемъ, утвержденіе Побѣдоносцева о необходимости принятія у насъ въ руко-

¹⁾ *Побѣдоносцевъ*, назван. сочин. стр. 187.

²⁾ *Baron, Pandecten* § 225.

водству постановленій по этому предмету римскаго права представляется правильнымъ. Нельзя также не признать вполне правильнымъ и другое его утверждение о допустимости у насъ исключеній по отношенію къ поклажѣ и ссудѣ имущества, а также къ обязательствамъ, вытекающимъ изъ завладѣнія имуществомъ. Хотя въ нашихъ законахъ и нѣтъ указаній на допустимость у насъ этихъ исключеній, но, несмотря на это, утверждение Побѣдоносцева вполне правильно потому, что предоставленіе должнику права предъявлять къ зачету требованія, въ указанныхъ случаяхъ, было бы равносильно дозволенію пользоваться правомъ удержанія чужаго имущества, въ удовлетвореніе своего требованія, пользованіе каковымъ правомъ, по самому его существу, выступаетъ уже изъ сферы тѣхъ правомочій, которыми вправѣ пользоваться должникъ. Въ виду этого обстоятельства и Мышъ высказался за недопустимость у насъ со стороны поклажепринимателя удержанія взятыхъ имъ на сохраненіе денегъ или вещей, съ цѣлью компенсированія требованія на поклажедателя. Помимо этихъ случаевъ недопустимости со стороны должника пользоваться компенсаціей, возникаетъ вопросъ: погашаются ли посредствомъ компенсаціи обязательства о доставленіи алиментовъ? Въ нашихъ законахъ, на основаніи тѣхъ постановленій (ст. 106 и 172 т. X), которыми опредѣляются обязанности доставленія алимента мужемъ женѣ и родителями дѣтямъ, совершенно независимо отъ того, имѣетъ ли мужъ какой либо долгъ на женѣ, или родители на дѣтяхъ,—слѣдуетъ скорѣе придти къ тому заключенію, что обязанность доставленія алиментовъ и у насъ не можетъ подлежать погашенію путемъ компенсаціи.

VI. Сліяніе. Въ римскомъ правѣ ¹⁾ договоръ прекращался въ томъ случаѣ, когда путемъ наслѣдованія, какъ универсальнаго преемства, соединялись въ одномъ лицѣ, т. е. въ лицѣ наслѣдника, права вѣрителя и должника. Основа-

---

¹⁾ Windscheid, Pandecten, B. 3 § 144; Baron Pandecten. § 270.

ніемъ къ прекращенію договора въ этомъ случаѣ служило то обстоятельство, что никто не можетъ быть въ одно и тоже время самъ себѣ вѣрителемъ и должникомъ. Послѣдствія прекращенія договора, по причинѣ сліянія въ одномъ лицѣ правъ вѣрителя и должника, распространялись также на добавочный договоръ поручительства, который также терялъ силу; въ случаѣ же сліянія въ одномъ лицѣ, путемъ наслѣдованія правъ вѣрителя и поручителя, поручительство теряло силу, но главный должникъ не освобождался отъ обязательства. Также точно въ случаяхъ сліянія въ одномъ лицѣ правъ вѣрителя и одного изъ содолжниковъ—обязательства остальныхъ содолжниковъ оставались въ силѣ.

Итальянское ¹⁾ и саксонское ²⁾ уложенія хотя и указываютъ, подобно праву римскому, на сліяніе въ одномъ лицѣ правъ вѣрителя и должника, какъ на одинъ изъ способовъ прекращенія договоровъ, но при этомъ объ основаніи или возможныхъ поводахъ его,—какъ дѣлаетъ право римское, указывающее, какъ на его основаніе, на универсальное преемство между кредиторомъ и должникомъ, вслѣдствіе наслѣдованія,—уже ничего не говорятъ; изъ этого нельзя, кажется, не вывести то заключеніе, что итальянское и саксонское уложенія придаютъ этому способу прекращенія договоровъ болѣе широкое значеніе и допускаютъ прекращеніе договоровъ, вслѣдствіе сліянія въ одномъ лицѣ правъ вѣрителя и должника, не только въ случаяхъ такого сліянія по причинѣ наслѣдованія, но также и по другимъ основаніямъ, напр., вслѣдствіе соединенія въ одномъ лицѣ правъ кредитора и должника по частному преемству. Относительно послѣдствій прекращенія договоровъ вслѣдствіе сліянія въ одномъ лицѣ правъ кредитора и должника, саксонское уложеніе ограничивается голько указаніемъ послѣдствій по отношенію къ главному договору; итальянское же уложеніе указываетъ еще послѣдствія прекращенія этимъ способомъ договора по отношенію обязанностей какъ поручителя, такъ и содолжниковъ, а равно и

¹⁾ Cod. civ., art. 1296.

²⁾ Bürg. Gesetzb. § 1008.

послѣдствія прекращенія этимъ способомъ добавочнаго договора поручительства по отношенію къ главному обязательству, которыя и опредѣляетъ совершенно согласно указаніямъ, содержащимся въ этомъ отношеніи въ правѣ римскомъ, постановляя, во первыхъ, что въ случаяхъ прекращенія договора, вслѣдствіе сліянія, добавочное обязательство поручительства теряетъ силу; но въ случаѣ сліянія въ одномъ лицѣ правъ кредитора и поручителя, отпадаетъ только добавочное обязательство поручителя, главное же обязательство должника остается въ силѣ, и во вторыхъ, что въ случаѣ сліянія въ одномъ лицѣ правъ кредитора и одного изъ солидарныхъ содолжниковъ, прекращается обязательство только этого послѣдняго, обязательства же другихъ содолжниковъ также остаются въ силѣ ¹⁾).

Въ нашихъ гражданскихъ законахъ о конфузій есть только среди законовъ о наслѣдованіи одно частное постановленіе, выраженное въ ст. 1260, которое указываетъ, какимъ образомъ должно быть поступаемо въ томъ случаѣ, когда кто либо изъ сыновей умершаго отдалъ ему на сохраненіе деньги или вещи и не получилъ ихъ обратно при его жизни. Въ этомъ случаѣ предписывается, до раздѣла наслѣдства прочимъ сонаслѣдникамъ, уплатить этотъ долгъ брату, раздѣливъ его съ нимъ по соразмѣрности наслѣдственныхъ долей. Основываясь на этомъ частномъ постановленіи, сенатъ ²⁾, Мейеръ ³⁾ и Побѣдоносцевъ ⁴⁾, дѣлаютъ уже общее заключеніе, что въ случаѣ соединенія въ одномъ лицѣ правъ кредитора и должника вслѣдствіе наслѣдованія, кредиторскія права наслѣдателя прекращаются въ размѣрѣ наслѣдственныхъ правъ наслѣдника, въ чемъ бы ихъ взаимныя права и обязательства ни заключались. Такимъ образомъ сенатъ, Мейеръ и въ особенности Побѣдоносцевъ, совершенно основательно вывели изъ частнаго постановленія закона общее положеніе о

¹⁾ Cod. civile art. 1297.

²⁾ Рѣшеніе 1869 г. № 1292.

³⁾ Мейеръ, назван. сочин. стр. 399.

⁴⁾ Побѣдоносцевъ, т. 2, назван. сочин. стр. 329.

допустимости у насъ прекращенія договоровъ, вслѣдствіе сліянія въ одномъ лицѣ правъ кредитора и должника, по причинѣ наступленія наслѣдственнаго преемства между ними.

Г. Побѣдоносцевъ, въ другомъ мѣстѣ своего Курса, высказавъ сперва общее положеніе о допустимости прекращенія договоровъ вслѣдствіе вообще случайнаго соединенія въ одномъ лицѣ права требовать исполненія по договору и обязанности его исполнить, затѣмъ уже утверждаетъ, что это можетъ быть при наслѣдственномъ преемствѣ и по закону и по завѣщанію ¹⁾). Утвержденіе это указываетъ, что Побѣдоносцевъ, по вопросу о допустимости прекращенія договоровъ посредствомъ конфузій, стоитъ на точкѣ зрѣнія права римскаго, но не новѣйшихъ законодательствъ, которыя, какъ мы видѣли выше, опредѣляютъ этотъ способъ прекращенія договоровъ болѣе общимъ образомъ, независимо отъ самаго основанія сліянія. Опредѣленія этихъ послѣднихъ законодательствъ нельзя, кажется, не признать болѣе правильными, какъ болѣе соотвѣтствующія самой природѣ этого способа прекращенія договоровъ, могущаго проявлять свое дѣйствіе совершенно независимо отъ основанія сліянія, т. е. совершенно независимо отъ того, является ли основаніемъ сліянія универсальное или сингулярное преемство; сліяніе и по сингулярному преемству должно непременно сопровождаться тѣми же послѣдствіями, какъ и вслѣдствіе преемства универсальнаго. Такъ, не можетъ, кажется, не быть очевиднымъ, что въ случаѣ приобрѣтенія, напр., арендаторомъ, поклажепринимателемъ, ссудопринимателемъ и проч. бывшаго у нихъ, въ силу договоровъ найма, ссуды или поклажи имущества въ собственность, всѣ эти договоры, вслѣдствіе сліянія въ лицѣ арендатора, поклажепринимателя или ссудопринимателя правъ и обязанностей, должны утратить свою силу, т. е. должны прекратиться.

VII. Смерть одной изъ сторонъ. Смерть одной изъ сторонъ договора, все равно—вѣрителя или должника, вообще

¹⁾ *Побѣдоносцевъ*, назван. сочин. т. 3, стр. 198.

по римскому праву ¹⁾ не принималась за обстоятельство, могущее влечь за собой прекращение договора; права и обязанности, за смертью той или другой стороны, по общему правилу, переходили къ ея наслѣдникамъ; только въ видѣ исключенія допускалось прекращеніе, вслѣдствіе смерти одной изъ сторонъ, такихъ обязательствъ, которыя по самой природѣ своей были тѣсно связаны съ личностью контрагентовъ; за смертью одной изъ сторонъ, по римскому праву, прекращались только договоры личного найма, довѣренности и товарищества.

Изъ виду того обстоятельства, что смерть одной изъ сторонъ договора не имѣетъ значенія общаго основанія прекращенія договоровъ, итальянское уложеніе въ общихъ правилахъ о прекращеніи договоровъ и не упоминаетъ объ этомъ обстоятельстве, какъ объ одномъ изъ основаній прекращенія договоровъ, а указываетъ на него, подобно праву римскому, какъ на основаніе прекращенія только договоровъ найма работъ, товарищества полнаго и довѣренности ²⁾. Саксонское уложеніе хотя и содержитъ въ себѣ постановленіе о прекращеніи договоровъ вслѣдствіе смерти одной изъ сторонъ, въ общихъ правилахъ о прекращеніи договоровъ, но указываетъ на смерть только какъ на основаніе прекращенія такихъ обязательствъ, которыя или заключаются въ совершеніи должникомъ личныхъ дѣйствій, или же связаны съ лицомъ вѣрителя ³⁾.

Постановленіе, подобное этому, содержится и въ нашихъ законахъ и, притомъ, между общихъ правилъ объ исполненіи договоровъ (ст. 1544), гдѣ указывается, что договоры о дѣйствіяхъ личныхъ, какъ - то: о наймѣ въ услуги и тому подобныя, считаются обязательными единственно для лицъ, заключившихъ оныя, не распространяясь на ихъ потомство. Въ виду такого общаго правила о силѣ договоровъ личныхъ

---

¹⁾ Windscheid, назван. сочин. § 111; Baron, назв. соч. § 270.

²⁾ Cod. civile art. 1642, 1729, 1757.

³⁾ Bürg. Gesetzb. § 1007.

и въ частныхъ постановленіяхъ, выраженныхъ въ 2238 и 2330 ст. о прекращеніи договоровъ личнаго найма и довѣренности указывается, во первыхъ, что если хозяинъ умереть до наступленія срока договора личнаго найма, то обязанность наемника прекращается, если договоръ былъ заключенъ на имя одного хозяина, безъ распространенія его на его наслѣдниковъ, и во вторыхъ, договоръ довѣренности прекращается вслѣдствіе смерти довѣрителя или повѣреннаго. Всѣ другіе, затѣмъ, договоры не могутъ прекращаться за смертью которой либо изъ сторонъ, ибо въ силу 1259 и 1543 ст. всѣ права и обязанности по договорамъ имущественнымъ, за смертью которой либо изъ сторонъ, переходятъ къ ея наслѣдникамъ.

VIII. Уголовное наказаніе. Присужденіе одной изъ сторонъ договора къ такому уголовному наказанію, которое влекло за собой, подобно смерти, открытіе наслѣдства послѣ осужденнаго, имѣло въ римскомъ правѣ¹⁾ то же значеніе, какъ и смерть и могло служить основаніемъ къ прекращенію также только тѣхъ договоровъ, которые прекращались за смертью одной изъ сторонъ. Въ итальянскомъ и саксонскомъ уложеніяхъ объ уголовномъ наказаніи, какъ основаніи прекращенія договоровъ, вовсе не упоминается; въ нашихъ же гражданскихъ законахъ, въ ст. 1553 указывается на лишеніе по суду всѣхъ правъ состоянія одного изъ контрагентовъ договора, какъ на обстоятельство, которое должно влечь за собой прекращеніе личныхъ обязательствъ осужденнаго; въ виду этого нельзя не придти къ тому заключенію, что присужденіе къ уголовному наказанію должно имѣть у насъ значеніе основанія прекращенія договоровъ въ тѣхъ же случаяхъ, какъ и смерть одной изъ сторонъ, т. е. въ личныхъ обязательствахъ: найма и довѣренности. Подкрѣпленіемъ этому не можетъ не служить и ст. 2330, въ которой указывается, что договоръ довѣренности прекращается, между прочимъ, и вслѣдствіе лишенія довѣрителя или повѣреннаго всѣхъ правъ состоянія, или же

¹⁾ Вагон, назван. сочин. § 272.

всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ. Хотя подобнаго постановленія о договорѣ личнаго найма въ законѣ и не содержится, но несмотря на это, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что и договоръ этотъ, какъ договоръ о личныхъ дѣйствіяхъ, долженъ прекращаться вслѣдствіе присужденія одной изъ сторонъ къ уголовному наказанію, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ изъ частныхъ правилъ, относящихся до прекращенія особенныхъ видовъ договора личнаго найма, напр. въ 109 ст. уст. о промышленности, прямо указано, что договоръ о наймѣ на фабрики и заводы прекращается, между прочимъ, и въ случаѣ высылки рабочаго, по распоряженію подлежащей власти, изъ мѣста исполненія договора, или присужденія его къ заключенію на срокъ, дѣлающій исполненіе договора невозможнымъ.

IX. Срокъ и резолютивное условіе. Какъ наступленію отмѣнительнаго или конечнаго срока—*dies ad quem*, до котораго должно было продолжаться дѣйствіе договора, такъ равно и наступленію резолютивнаго или отмѣнительнаго условія, въ римскомъ правѣ ¹⁾ одинаково придавалось значеніе основанія прекращенія договоровъ. Итальянское и саксонское уложенія, какъ объ общемъ основаніи прекращенія договоровъ, говорятъ только о наступленіи резолютивнаго условія ²⁾; о наступленіи же конечнаго срока договора, какъ основанія его прекращенія, упоминаютъ только въ нѣкоторыхъ частныхъ постановленіяхъ, относящихся до отдѣльныхъ договоровъ, какъ напр. о договорахъ найма имущества и товарищества ³⁾.

Въ нашихъ гражданскихъ законахъ о прекращеніи договоровъ, напротивъ, нѣтъ никакихъ общихъ постановленій ни о томъ, ни о другомъ изъ этихъ основаній прекращенія

---

¹⁾ Windscheid, назван. сочин. § 113; Baron, назван. сочин. § 282.

²⁾ Codice civ. art. 1158; Bürg. Gesetz. § 883.

³⁾ Cod. civil art. 1591, 1729; Bürg. Gesetz. §§ 1192, 1381.

ж. гр. и уг. пр. кн. VII 1890 г.

договоровъ; но о конечномъ срокѣ не трудно найти много частныхъ постановленій, какъ напр.: въ ст. 2155 т. X, по которой съ истеченіемъ срока, назначеннаго въ уставѣ компаніи (который есть ничто иное, какъ одинъ изъ видовъ товарищескаго договора), прекращается ея существованіе; въ ст. 2330, по которой договоръ довѣренности прекращается истеченіемъ срока, на который довѣренность выдана; въ ст. 109 т. XI ч. 2 уст. о промышл., по которой договоръ найма рабочихъ на фабрики и заводы прекращается, между прочимъ, истеченіемъ срока, на который договоръ былъ заключенъ и т. п.

Что касается, далѣе, прекращенія договоровъ вслѣдствіе наступленія резолютивнаго условія, то нельзя не согласиться съ г. Побѣдоносцевымъ, что включеніе въ договоры резолютивнаго условія допускается и у насъ, въ силу ст. 1530, позволяющей включать въ договоръ всякія условія, закономъ не противныя ¹⁾). Понятно, что если бы стороны обусловили существованіе договора наступленіемъ выраженнаго въ немъ резолютивнаго условія, наступленіе его, уже по самой природѣ его, должно непремѣнно произвести юридическій эффектъ, заключающійся въ прекращеніи дѣйствія договора.

Х. Гибель предмета договора. Случайная гибель предмета договора, безъ всякой вины со стороны должника, вообще, по римскому праву ²⁾), освобождала должника отъ обязанностей его по договору, вслѣдствіе чего и влекла за собой его прекращеніе. Правило это примѣнялось, однако же, не всегда; напротивъ, въ римскомъ правѣ было установлено и нѣсколько случаевъ такого рода исключеній изъ него, когда должникъ, несмотря на гибель предмета договора, не освобождался отъ исполненія. Исключенія эти допускались въ слѣдующихъ случаяхъ: а) когда должникъ обязанъ былъ

---

¹⁾ *Побѣдоносцевъ*, назван. сочин. стр. 11—13.

²⁾ *Вагон*, назван. сочин. § 238.

доставить какое либо количество вещей известнаго рода; цѣлый родъ вещей никогда погибнуть не можетъ—*genus perire non censetur*, почему, въ случаѣ гибели у должника, напр., занятыхъ имъ денегъ отъ пожара или другаго несчастія, онъ не освобождается отъ обязанности доставленія таковыхъ кредитору; б) когда должникъ обязанъ былъ по договору доставить альтернативно ту или другую вещь и когда погибала только одна изъ этихъ вещей; въ такихъ случаяхъ онъ не лишается еще возможности доставить другую вещь ¹⁾. Въ остальныхъ случаяхъ случайная гибель предмета договора влекла за собой, по римскому праву ²⁾, прекращеніе обязанностей не только по договорамъ одностороннимъ, но и двустороннимъ, когда отъ исполненія обязанностей по договору освобождались обѣ стороны, а не только та, которая была обязана доставить погибшій предметъ; исключеніе составляла только купля-продажа и купле—подобные договоры, при которыхъ покупатель не освобождался отъ обязанности уплатить продавцу слѣдующія ему деньги за индивидуально опредѣленные вещи, или индивидуально опредѣленное количество вещей, несмотря на то, что вещи эти не могли быть ему переданы, вслѣдствіе ихъ гибели.

Изъ новѣйшихъ законодательствъ итальянское уложеніе постановляетъ вообще, что случайная гибель опредѣленной вещи, какъ предмета договора, или утрата ея не по винѣ должника, какъ и изытіе ея изъ торговаго оборота, влечетъ за собой прекращеніе договора ³⁾. Постановленія саксонскаго уложенія о случайной гибели предмета договора отличаются большей подробностью и представляются по содержанію почти тождественными съ опредѣленіями римскаго права ⁴⁾.

Въ нашихъ гражданскихъ законахъ имѣется нѣсколько частныхъ постановленій о прекращеніи нѣкоторыхъ отдѣль-

---

¹⁾ Вагон, назван. сочин. § 238.

²⁾ Ibid. § 269.

³⁾ Code civil art. 1298.

⁴⁾ Bürg. Gesetzb. § 1010—1013.

ныхъ договоровъ, вслѣдствіе гибели предмета. Такъ, во первыхъ, на основаніи ст. 2106, поклажеприниматель освобождается отъ обязанности возвратить взятые имъ на сохраненіе вещи, когда докажетъ, что вещи погибли отъ пожара, наводненія или иного несчастнаго случая, безъ всякаго съ его стороны нерадѣнія; во вторыхъ, по 216 ст. полож. о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ, одной изъ причинъ, освобождающихъ подрядчика или поставщика отъ исполненія принятыхъ имъ на себя обязанностей, является гибель предметовъ поставки, вслѣдствіе, напр., захвата ихъ непріателемъ, истребленія отъ сильной бури, молніи и тому подобныхъ причинъ, и въ третьихъ, на основаніи 182 ст. уст. торг., договоръ товарищества общихъ хозяевъ судна прекращается и въ томъ случаѣ, когда судно истребится, разломается, или же будетъ захвачено насиліемъ. Основываясь на нѣкоторыхъ изъ этихъ постановленій, Побѣдоносцевъ ¹⁾, согласно съ мнѣніемъ сената ²⁾, также высказался за допустимость прекращенія у насъ договоровъ вслѣдствіе гибели предмета договора, по случаю, напр., истребленія пожаромъ отданнаго въ наемъ зданія.

Мы видѣли выше, что купля-продажа и ей подобные договоры по римскому праву не прекращались вслѣдствіе гибели предмета этихъ договоровъ. Исключеніе это потому не можетъ быть принято къ руководству у насъ, что оно положительно противорѣчитъ тому общему началу права, въ силу котораго *periculum rei sentit dominus*. Понять, въ чемъ заключается его противорѣчіе этому началу—нетрудно, если принять во вниманіе то обстоятельство, что по нашимъ законамъ, по мнѣнію большинства нашихъ цивилистовъ, напр. Мейера ³⁾, Побѣдоносцева ⁴⁾, Кавелина ⁵⁾ и друг., переходъ

---

¹⁾ *Побѣдоносцевъ*, назван. сочин. т. 3 стр. 200.

²⁾ Рѣшеніе кассационнаго департамента 1869 г. № 1191.

³⁾ *Мейеръ*, назван. сочин. стр. 58.

⁴⁾ *Побѣдоносцевъ*, назван. сочин. т. I стр. 224.

⁵⁾ *Кавелинъ*, назван. сочин. стр. 79.

права собственности на приобретателя совершается не въ моментъ заключенія договора, а въ моментъ передачи продавцомъ покупщику отчуждаемаго имущества; вслѣдствіе этого, въ случаѣ гибели его въ рукахъ продавца до передачи покупщику, послѣдствія, въ силу начала *periculum rei sentit dominus*, долженъ терпѣть продавецъ, а не покупщикъ; при такомъ положеніи этого вопроса не можетъ не быть очевиднымъ, что послѣдствіемъ гибели проданнаго, но не переданнаго еще продавцемъ покупщику имущества, можетъ быть только прекращеніе дѣйствія договора для обѣихъ сторонъ.

XI. Невозможность исполненія. По римскому праву ¹⁾ договоры подлежали прекращенію не только въ случаяхъ гибели предмета договора безъ вины должника, но также и вообще въ случаяхъ невозможности исполненія, вслѣдствіе наступленія безъ вины должника такихъ обстоятельствъ, которыя являются рѣшительнымъ препятствіемъ къ предоставленію кредитору удовлетворенія. Коль скоро невозможность исполненія наступала безъ вины должника, представлялось уже безразличнымъ, была ли наступившая невозможность объективной или субъективной, т. е. зависило ли наступленіе ея отъ обстоятельствъ внѣшнихъ, напр., наводненія, землетрясенія, вторженія непріятели, кораблекрушенія, нападенія разбойниковъ и проч., или же отъ личной неспособности должника совершить условленныя дѣйствія, напр., сумасшествія, неизлечимой болѣзни и проч.

Весьма близкими къ постановленіямъ римскаго права о невозможности исполненія, представляются и постановленія саксонскаго уложенія, которое, прежде всего, постановляетъ вообще, что коль скоро удовлетвореніе сдѣлалось безъ вины должника невозможнымъ, то прекращается и самое требованіе другой стороны о предоставленіи этого удовлетворенія ²⁾. По отно-

---

¹⁾ Windscheid, назван. сочин. §§ 16 и 112; Baron, назван. сочин. §§ 238 и 269.

²⁾ Bürg. Gesetzb. § 1009.

пенію же къ требованію о совершеніи какихъ либо личныхъ дѣйствій, саксонское уложеніе постановляетъ еще, что такіа требованія прекращаются вслѣдствіе наступленія личной неспособности должника къ совершенію этихъ дѣйствій ¹⁾).

Въ нашихъ гражданскихъ законахъ можно найти нѣсколько постановленій, въ которыхъ упоминается о прекращеніи договоровъ, вслѣдствіе наступленія обстоятельствъ, дѣлающихъ ихъ исполненіе невозможнымъ, и въ которыхъ упоминается, какъ объ обстоятельствахъ, вызывающихъ объективную невозможность исполненія, такъ и субъективную. Такъ, въ ст. 1689 указывается, что договоръ продажи уничтожается вслѣдствіе невозможности исполнить оный путемъ заключенія формальнаго акта о продажѣ, наступившей для обѣихъ сторонъ или одной изъ нихъ, причемъ, какъ на обстоятельства невозможности исполненія, указывается на слѣдующія: а) на лишеніе свободы одной изъ сторонъ; б) на прекращеніе сообщеній по случаю появленія заразы, нашествія непріятеля, разлитія рѣкъ и тому подобныхъ непреодолимыхъ препятствій; в) на внезапное разореніе одной изъ сторонъ отъ несчастнаго случая; г) на болѣзнь одной изъ сторонъ, лишающую возможность отлучаться изъ дому, и д) на смерть родителей, мужа, жены или дѣтей одной изъ сторонъ, а также на тяжкую болѣзнь кого либо изъ нихъ. Затѣмъ, въ ст. 2330 указывается, между прочимъ, какъ на одно изъ основаній прекращенія договора довѣренности, на обстоятельство признанія довѣрителя или повѣреннаго сумасшедшимъ, несостоятельнымъ или пропавшимъ безъ вѣсти. Далѣе, въ ст. 216 полож. о казен. подряд. и поставк. указывается, какъ на обстоятельства, освобождающія подрядчика или поставщика отъ исполненія договора подряда или поставки, а именно: а) на вторженіе непріятеля въ тѣ мѣста, гдѣ производится подрядъ, или куда должна быть произведена поставка или перевозка указанныхъ въ договорѣ вещей; б) на такое распоряженіе правительства, послѣдовавшее по

---

¹⁾ Ibid, § 1010.

военнымъ или инымъ обстоятельствамъ, которое можетъ воспрепятствовать подрядчику или поставщику исполнить договоръ въ условленномъ въ немъ мѣстѣ, и в) на появленіе моровой язвы въ мѣстности, гдѣ договоръ подряда или поставки долженъ быть исполненъ. Наконецъ, въ ст. 109 т. XI 2 ч. устава о промышленности, какъ на обстоятельства, вслѣдствіе наступленія коихъ становится невозможнымъ исполненіе договора найма рабочихъ на фабрики или заводы, указывается: а) на обязательное поступленіе рабочаго въ военную или общественную службу; б) на отказъ со стороны установленія, выдающаго виды на жительство, возобновить таковой рабочему, и в) на пріостановленіе на фабрикахъ работъ на продолжительное время по какому либо несчастному случаю, напр., наводненію, взрыву паровика на фабрикахъ и тому подобныхъ.

Изъ нашихъ цивилистовъ Побѣдоносцевъ ¹⁾ и Кавелинъ ²⁾ хотя и высказались за допустимость прекращенія у насъ договоровъ, вслѣдствіе наступленія обстоятельствъ, дѣлающихъ исполненіе ихъ невозможнымъ, но не мотивировали это сіе заключеніе никакими соображеніями, извлеченными изъ нашего положительнаго закона.

XII. Давность. Указывалось въ римскомъ правѣ ³⁾ также и на давность, какъ на одно изъ основаній прекращенія договоровъ въ тѣхъ случаяхъ, когда требованіе о ихъ исполненіи не предъявлялось кредиторомъ въ теченіи извѣстнаго опредѣленнаго промежутка времени. Указываютъ на давность, какъ на одно изъ основаній прекращенія договоровъ, также не только итальянское и саксонское уложенія, но и наши гражданскіе законы и, притомъ, въ ст. 1549, помѣщенной среди общихъ правилъ о прекращеніи договоровъ. Въ силу этой статьи, договоры прекращаются, если отъ срока, назначеннаго для окончательнаго ихъ дѣйствія, протекла деся-

¹⁾ *Побѣдоносцевъ*, назван. сочин. стр. 198.

²⁾ *Кавелинъ*, назван. сочин. стр. 160.

³⁾ *Windscheid*, назван. сочин. § 113; *Baron*, назван. сочин. § 91.

тилѣтняя давность и договоръ не былъ представленъ ко взысканію. Входить, далѣе, въ объясненіе собственно условій, наличность которыхъ представляется необходимой для дѣйствія погашающей давности, какъ одного изъ основаній прерыванія договоровъ, я здѣсь не считаю у мѣста, ибо ученіе о давности представляется особымъ самостоятельнымъ институтомъ, дѣйствіе котораго проявляется не только по отношенію погашенія договорныхъ правъ, но и въ другихъ.

К. Анненковъ.

НЕАПОЛИТАНСКАЯ ЮСТИЦИЯ И СУДЕБНЫЯ ТЮРЬМЫ ВЪ НЕАПОЛѢ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ по южной Италіи).

I.

....Въ качествѣ юриста по профессіи, мы, конечно, не могли не интересоваться неаполитанской юстиціей, тѣмъ болѣе, что во время довольно продолжительнаго пребыванія въ Неаполѣ, мы уже успѣли осмотрѣть все, что полагается „по обычаю“ показывать иностранцу. Сговорившись съ однимъ знакомымъ адвокатомъ, знающимъ французскій языкъ, что къ слову сказать не часто встрѣчается между неаполитанцами, которые и на итальянскомъ то языкѣ говорятъ пресеверно, мы въ опредѣленный заранѣе день отправились смотрѣть жрецовъ мѣстной Фемиды во время ихъ священнодѣйствія. Неаполитанскій трибуналъ находится въ центрѣ стараго Неаполя и занимаетъ старинный капуанскій замокъ. Добраться до него съ площади Фердинанда—центра неаполитанской общественной жизни, цѣлое путешествіе, вполнѣ, впрочемъ, интересное, благодаря оригинальной красотѣ стараго города съ его корридорами вмѣсто улицъ и площадями, на которыхъ съ трудомъ разѣзжаются двѣ кареты. Нечистота улицъ стараго города невообразимая—вонь едва переносимая. Надо замѣтить, что въ Неаполѣ, за исключеніемъ новыхъ строящихся кварталовъ, обязанность дезинфекцірованія и соблюденія всякихъ иныхъ санитарныхъ требованій

всецѣло возложена на солнце, но такъ какъ оно проникнуть на мостовую улицъ стараго города не можетъ, по причинѣ узкости улицъ и высоты домовъ, то мостовая и покрыта какою то зеленоватой слизью, объѣдами и отбросами всѣхъ сортовъ и видовъ. Неаполитанская улица это помойная яма европейскихъ домовъ, на нее выливаютъ всѣ нечистоты и выбрасывается весь мусоръ. вмѣстѣ съ тѣмъ улица для большинства обитателей въ то же время замѣняетъ и кухню: на ней ставятся жаровни, на которыхъ тушится чеснокъ и приготавливаются макароны — эти два излюбленныхъ блюда народной кухни. Но въ вознагражденіе за эту вонь и грязь, чрезъ узкую щель между верхними этажами домовъ, на васъ смотритъ лазурное неаполитанское небо. То тутъ, то тамъ невольно останавливаетъ вниманіе или старый фронтонъ съ его классической правильностью линий или остатокъ древней стѣны, поросшей мхомъ и увитой плющемъ, или, наконецъ, древняя церковь, изразцовый пестрый куполъ которой, подъ яркими лучами полуденнаго солнца переливаетъ всѣми цвѣтами радуги. Да и самый людской гамъ и шумъ, отъ которыхъ стонъ стоитъ на улицахъ, плѣняетъ нашего брата петербуржца, привыкшаго къ строгой чинности улицъ. Нашъ полицейскій, свято держась устава о предупрежденіи и пресѣченіи, строго блюдетъ, чтобы на улицахъ громко не выражались ни проявленія восторга, ни огорченій и прекращаетъ таковыя сразу и безапелляціонно, требуя отъ обывателя одного — молчаливаго признанія благодѣтельной опеки начальства. Итальянскій городской, особенно въ южной Италіи, это олицетворенная флегма. Онъ не только спокойно переноситъ шумное проявленіе какихъ бы то ни было чувствъ, но и исполненіе тутъ же на улицѣ всѣхъ человѣческихъ потребностей. Во внѣшней важности неаполитанскій городской, впрочемъ, нашему не уступить, особенно карабинеръ — этотъ полицейскій гвардеецъ, одѣтый въ черный фракъ съ красными выпушками, лосины, ботфорты, съ треуголкой на бекрень и при шпагѣ, фасона извѣстнаго у насъ подъ именемъ „селедки“. На первый разъ эти карабинеры производятъ впе-

чатлївіе не то какихъ то ряженныхъ, не то опереточныхъ артистовъ, идущихъ въ костюмахъ на репетицію.

Ровно $\frac{3}{4}$ часа потребовалось нашему возницѣ, чтобы доставить насъ съ площади Фердинанда до трибунала, несмотря на то, что желая заслужить предъ иностранцемъ, онъ непрерывно щелкалъ бичемъ и издавалъ какіе то гортанные звуки, на которые, впрочемъ, его вляченка ни малѣйшаго вниманія не обращала и продолжала трусить собачьей рысцой. Но вотъ и трибуналъ. Помѣщается онъ, какъ мы уже говорили, въ знаменитомъ капуанскомъ замѣѣ, величественномъ зданіи, съ двумя высокими башнями по обѣимъ сторонамъ главныхъ воротъ. Замокъ очень древенъ; начатъ постройкой при Вильгельмѣ I и оконченъ при Фридрихѣ II въ 1230 году. Онъ былъ жилищемъ двухъ царствовавшихъ династій Гогенштауфеновъ и Анжу. Съ 1540 года въ немъ, по приказанію Петра Толедскаго, помѣщаются судебныя установленія, а прежде, кромѣ того, находилась и знаменитая тюрьма „Vicaria“. Замокъ очень красивъ, но, къ сожалѣнію, игрушечная площадь, на которой онъ стоитъ, мѣшаетъ обнять все зданіе сразу. Въ то время, когда мы къ нему подъѣзжали, значительная часть фасада была къ тому же закрыта лѣсами, такъ какъ зданіе капитально ремонтировалось и нижній этажъ, занятый прежде тюрьмою, приспособлялся для помѣщенія въ немъ слѣдственныхъ камеръ. За нѣсколько мѣсяцевъ до нашего посѣщенія, часть замка, именно та, гдѣ помѣщались слѣдственные камеры, рухнула. Хотя крушеніе и произошло среди бѣлаго дня, но, по удивительно счастливой случайности, никто при этомъ не пострадалъ. Во всемъ помѣщеніи въ моментъ крушенія находился только одинъ изъ секретарей, всѣ другіе ушли завтракать. Секретарь этотъ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ чудомъ спасся, во время землетрясенія на островѣ Искіи (въ Казамичіолѣ), и тутъ опять судьба ему поблагопріятствовала. Услышавъ подозрительный трескъ онъ выскочилъ въ коридоръ и буквально чрезъ нѣсколько секундъ наружная стѣна зданія рухнула.

Широкія ворота ведутъ во внутрь замка. Въ почернѣвшія

отъ времени стѣны воротъ врѣзаны бѣлыя мраморныя доски съ полуистертыми надписями о времени построения и его знаменитыхъ строителяхъ. Дворъ замка обширенъ и, конечно, грязенъ. На право отъ входа лѣстница во второй этажъ, гдѣ и помѣщаются залы засѣданій. На первой площадѣ широкой, свѣтлой—и опять таки невозможно грязной лѣстницы помѣщается ларь съ книгами и канцелярскими принадлежностями. Противъ ларя дверь въ ресторанъ, куда мы первоначально и отправились, такъ какъ тамъ мы условились встрѣтиться съ адвокатомъ, любезно взявшимъ быть нашимъ цистероне. Ресторанъ—какъ ресторанъ. Отличіе его отъ ресторана петербургскаго окружнаго суда заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что буфетъ и кухня составляютъ въ немъ одно нераздѣльное цѣлое и помѣщаются въ одной комнатѣ. За стойкой, вмѣсто дамы нашего ресторана, командуетъ черномазый субъектъ безъ сюртука, но въ черной шолоховой шапочкѣ. Адвокатъ нашъ не заставилъ себя ждать и, освѣжившись сифономъ холодной содовой воды, мы отправились на верхъ, въ помѣщеніе суда. Можно держать пари, что ни одинъ россіанинъ, при видѣ лѣстницы, ведущей въ помѣщеніе трибунала, если не знаетъ заранѣе, что она именно туда и ведетъ, ни за что не догадается, что ему намѣрены показать храмъ еемиды. Вся широкая лѣстница сплошь занята народомъ. Много женщинъ и еще больше дѣтей. На одной изъ нижнихъ ступенекъ удобно расположилась здоровая, съ мѣднокраснымъ отъ загара лицомъ и жгучими черными глазами, неаполитанка, одѣтая въ бѣлую ночную кофту и зычнымъ, слегка гнусавымъ голосомъ приглашаетъ проходящихъ полакомиться камини-то, по виду весьма подозрительными, крендельками, которыми наполнена стоящая около нея увѣсистая корзина. Зычный голосъ продавщицы не остается гласомъ вопіющимъ въ пустынь и какіе-то двое не то адвокатовъ, не то канцеляристовъ, съ видимымъ аппетитомъ уничтожаютъ сомнительнаго вида снѣдь. На другой ступенькѣ идиллія. Стройный, худощавый неаполитанецъ, очевидно поселянинъ, упершись на ладонь, умильно

смотреть, какъ его юная супруга полновѣсной и грязной грудью кормить ихъ первенца. Только что мы успѣли подняться на верхнюю площадку, какъ вдругъ, Богъ знаетъ откуда, вынырнувшій мальчишка, съ опасностью сломить шею, бросается внизъ по лѣстницѣ за брошеннымъ мною окуркомъ сигары и по дорогѣ получаетъ здоровый подзатыльникъ отъ торговли кренделями, корзину которой онъ чуть не опрокинулъ.

На верхней площадкѣ группа изъ пяти—шести женщинъ внимательно слушаетъ какого-то господина въ рыжемъ пиджакѣ. Слышны всхлипыванія и усиленное сморканье. Въ углу, недалеко отъ всхлипывающихъ женщинъ, сидитъ безногій нищій и жалобно причитываетъ. Вся площадка занята неопредѣленныхъ профессій женщинами и мужчинами, разсматривать которыхъ мы не стали и пробившись не безъ труда чрезъ эту толпу, мы попали въ широкій залъ въ два свѣта. Стѣны зала расписаны медальонами съ мифологическими сюжетами, на плафонѣ также мифологическій сюжетъ. Живопись старая, сильно потемнѣвшая. По компановкѣ фигуръ и отчасти по колориту можно заключить, что она принадлежитъ кисти хорошаго мастера. Намъ особенно понравился плафонъ съ богиней охоты посрединѣ. Но насколько хорошъ плафонъ, настолько же отвратителенъ полъ зала. Его широкія, дурно отесанныя плиты напоминаютъ скорѣе мостовую и, при томъ, северную, а отнюдь не полъ жилаго помѣщенія,—притомъ бывшаго дворца. Объясняется это тѣмъ, что старый мозаиковый полъ, соотвѣтствовавшій плафону, былъ увезенъ для какого-то изъ дворцовъ бывшаго неаполитанскаго короля, чуть ли не для казертскаго, а вмѣсто него и устроили мостовую. Залъ двусвѣтный, и хотя верхніе окна затянуты сплошь паутиной, но не смотря на это свѣта вполне достаточно. У самаго входа два столика. За однимъ сидитъ среднихъ лѣтъ дама съ весьма развитыми формами, въ ночной кофтѣ и съ золотыми кольцами 1^{1/2} вершковаго діаметра въ ушахъ, брошкой съ небольшое блюдечко на мощной груди и прической, представляющей чудо парикмахерскаго искусства. За другимъ—тоже дама, но

старая, съ крючковатымъ носомъ, сильно смахивающая на хищную птицу. Синьоры торгуютъ гербовой бумагой, сигарами и спичками. По обѣимъ стѣнамъ зала разставлены длинные простые столы; за ними сидятъ какіе-то оборванцы, сосутъ сигары, отъ которыхъ въ залѣ стоитъ запахъ жженныхъ перьевъ и кричатъ невообразимо. Мой адвокатъ Г. объясняетъ, что это судебные пристава. Между столами движется сплошная толпа—все въ шляпахъ и большинство съ сигарами или папиросами въ зубахъ. Г. поминутно раскланивается, т. е. по неаполитанскому обычаю не снимая шляпы болтаетъ правой рукой передъ носомъ и любезно улыбается. Онъ объясняетъ, что здоровающиеся съ нимъ гг. его товарищи по профессіи. На наше удивленіе, что ужь очень ихъ много—онъ спѣшитъ успокоить насъ, что по случаю незначительнаго въ этотъ день числа засѣданій, въ трибуналѣ сравнительно очень мало адвокатовъ. На вопросъ, сколько же всего адвокатовъ числится въ Неаполѣ?—онъ отвѣчаетъ, что таковыхъ имѣется болѣе трехъ съ половиною тысячъ, иными словами—по одному адвокату на 200 жителей. Понятно, что адвокатскій заработокъ въ Неаполѣ невеликъ и большинство адвокатовъ имѣетъ еще и другія занятія. Напримѣръ нашъ чичероне—человѣкъ пользующійся репутаціей дѣльнаго цивилиста, написавшій весьма солидную монографію по торговому праву, имѣющій, помимо того, старыя семейныя связи въ магистратурѣ—все-таки вынужденъ служить секретаремъ провинціального совѣта, такъ какъ на адвокатскій заработокъ онъ жить, хотя бы и очень скромно, не можетъ. Крупные куши зарабатываютъ лишь адвокаты-депутаты—по причинамъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Разъ зашла рѣчь о количествѣ адвокатовъ, сообщимъ кстати свѣдѣнія и о количествѣ чиновъ неаполитанскихъ судебныхъ установленій. Беремъ эти свѣдѣнія изъ неаполитанскаго юридическаго календаря за прошлый годъ. Въ уголовномъ кассационномъ трибуналѣ было, кромѣ президента—14 совѣтниковъ, въ гражданскомъ трибуналѣ—президентъ и 9 совѣтниковъ. Лицъ прокурорскаго надзора при кассационныхъ трибуналахъ было 7. Генераль-прокуроръ и 6

товарищей (въ непродолжительномъ времени отдѣльные кассационные трибуналы подлежатъ уничтоженію — будетъ одинъ для всей Италіи кассационный судъ въ Римѣ). Въ апелляціонномъ трибуналѣ было: въ трехъ гражданскихъ отдѣленіяхъ— 3 президента и 21 совѣтникъ, въ двухъ особыхъ отдѣленіяхъ (promiscua)— 2 президента и 14 совѣтниковъ и въ двухъ уголовныхъ отдѣленіяхъ— 2 президента и 12 совѣтниковъ. Въ обвинительной камерѣ президентъ и 8 совѣтниковъ. Кромѣ того, при апелляціонномъ трибуналѣ состоятъ генераль-прокуроръ и 17 его товарищей. Въ исправительныхъ и гражданскомъ трибуналахъ имѣется 1 президентъ, 7 вице-президентовъ секцій и 51 судья. Изъ этихъ судей 11 командированы для производства слѣдствій. Прокуратура при этихъ трибуналахъ: 1 королевскій прокуроръ и 16 его товарищей. Итого 161 лицо, не считая чиновъ канцелярій.

Вернемся, однако, къ нашему посѣщенію трибунала. Въ стѣнахъ зала, о которомъ мы велирѣчь, пробить рядъ маленькихъ узенькихъ дверей, безобразящихъ залъ какъ шрамы красивое лицо. Надъ дверями прибиты бѣлыя дощечки съ надписями: „секція уголовная“, „секція гражданская“ и внизу №. У дверей уголовныхъ секцій дежурятъ полицейскіе въ лакированныхъ киверахъ съ полусаблями чрезъ плечо. Мы начинаемъ осмотръ съ единственной уголовной секціи, въ которой въ то время шло засѣданіе. Входъ свободный. Требуется только снять шляпу и бросить сигару. Нырнувъ въ одну изъ дверей мы попали въ круглый небольшой залъ, съ большимъ такъ наз. венеціанскимъ окномъ, устроеннымъ подъ самымъ потолкомъ. Залъ раздѣленъ рѣшеткой на двѣ, почти равныя части. Въ первой, подъ окномъ, широкій столъ покоемъ, за которымъ возсѣдаютъ— по срединѣ судьи, а по бокамъ—прокуроръ и секретарь. Противъ стола судей—столъ для защитниковъ, а рядомъ съ нимъ расположена, на небольшомъ возвышеніи, скамья обвиняемыхъ. За рѣшеткой мѣста для публики, безъ стульевъ и скамеекъ. На стѣнѣ за судейскимъ столомъ лубочные портреты короля и королевы и прекрасное, пожелтѣвшее отъ времени, распятіе изъ слоновой кости. Судейскій столъ

занимають вице - президентъ секціи и двое судей. Всѣ трое весьма почтеннаго возраста, особенно судьи; одинъ изъ послѣднихъ даже сильно на мумію смахиваетъ. Очевидно въ итальянскомъ судебномъ вѣдомствѣ карьера дѣлается не быстро. По случаю жары, судьи сидятъ въ пиджакахъ, повѣсивъ свои тоги на спинки креселъ и положивъ предъ собою береты съ серебряными шнурами. Только бѣлые крахмальные галстуки, того же фасона, какъ носятъ у насъ лютеранскіе пасторы, остаются видимымъ знакомъ ихъ судейскаго достоинства. Прокуроръ, какъ и подобаетъ блюстителю закона, вольности себѣ не дозволяетъ и, несмотря на страшную духоту, сидитъ въ тогѣ и беретѣ. Онъ обложенъ дѣлами и ему поминутно его секретарь приноситъ какія-то бумаги и онъ, не смущаясь тѣмъ, что одинъ изъ судей докладываетъ дѣло, шушукается довольно громко съ секретаремъ и дѣлаетъ распоряженія по принесеннымъ бумагамъ. Вообще судъ творится довольно-таки по домашнему, что рѣжетъ глазъ намъ, привышимъ къ нѣскольکو даже чопорной чинности нашихъ петербургскихъ судебныхъ засѣданій. Дѣло, на разбирательство котораго мы попали, оказалось крайне несложнымъ. Какой-то оборванецъ обвинялся въ кражѣ тряпки въ нѣскольکو копѣекъ цѣною. Поймали оборванца съ поличнымъ и онъ находится, какъ говорятъ наши арестанты, „въ откровенномъ сознаніи“. Судебное слѣдствіе продолжалось нѣскольکو минутъ и прокуроръ, не вставая съ мѣста (очевидно въ Италіи не поднималось „остраго“ вопроса о сидѣніи или стояніи прокуратуры, вызвавшего у насъ въ недавнемъ прошломъ цѣлую бурю), сказалъ пару словъ и далъ заключеніе о мѣрѣ наказанія. Защитникъ не послѣдовалъ, однако, благому примѣру своего антагониста. Накинувъ на плечи люстриновую, порывѣвшую отъ времени тогу, кажется составлявшую собственность почти всего адвокатскаго сословія Неаполя, онъ сразу пустился, что называется, въ карьеръ: заболталъ головой, замахалъ руками и началъ кричать, какъ будто судьи были глухіе. Рѣчь его, какъ прорвавшая плотину вода, лилась неудержимо. Прокуроръ рѣшилъ было остановить увлекающагося оратора, за-

мѣтивъ ему, что все, что онъ говоритъ, къ дѣлу не относится. Но это только масла подлило въ огонь; адвокатъ еще неистовѣе замахалъ руками и повысилъ голосъ до визга. Тутъ же выдержалъ сладко было задремавшій вице-президентъ. Онъ сталъ стучать по столу и укорять адвоката въ злоупотребленіи терпѣніемъ судей. Тотъ все не унимался. Къ пресѣдателю присоединились членъ-докладчикъ и прокуроръ и, наконецъ, при содѣйствіи предсѣдательскаго колокольчика—къ слову сказать весьма солидныхъ размѣровъ—расходившійся ципероне былъ остановленъ. Хотя ворышка и получилъ слѣдующую ему по закону мзду, но его защитникъ могъ съ гордостью сказать, что потрудился на пользу своего кліента не щадя силъ. „Бѣднякъ навѣрно три дня просидитъ безъ голоса“ замѣтили мы Г.—„Нѣтъ, они къ этому привычны“—отвѣтилъ намъ нашъ ципероне, причемъ добавилъ, что этотъ адвокатъ такъ рьянъ потому, что онъ начинающій и предложилъ пойти въ апелляціонный трибуналъ, гдѣ, какъ ему только что сказали, пледируютъ двое довольно извѣстныхъ адвокатовъ. Конечно, мы охотно согласились послушать довольно знаменитыхъ ораторовъ.

Чтобы добраться до апелляціоннаго трибунала, намъ пришлось пройти небольшой залъ, изъ котораго широкія стеклянные двери (такъ назыв. тамбуръ, болѣе умѣстный въ уличномъ подъѣздѣ) ведутъ, въ передѣланный изъ капеллы, залъ общихъ собраній апелляціоннаго трибунала. Вообще нужно замѣтить крайне рѣзкій контрастъ между остатками старины въ Castel Capuano и новыми подѣлками. Все старое изящно, полно вкуса, вездѣ строго выдержанный стиль, вездѣ видна рука талантливыхъ мастеровъ; все новое безвкусно, аляповато и носитъ рыночный характеръ. Напр., въ томъ же аванзалѣ между лѣпныхъ медальоновъ поставлены бюсты знаменитыхъ итальянскихъ юристовъ. Это бронзированные гипсовые фигуры, на неуклюжихъ кронштейнахъ, просто рѣжутъ глазъ. Это какіе-то комья грязи на статуѣ античнаго рѣзца. Или—этотъ стеклянный тамбуръ, выкрашенный мѣловой краской, а надъ нимъ чудная фреска крещенія Спасителя? Впро-

чемъ, въ Италіи не въ одномъ неаполитанскомъ трибуналѣ старое неизмѣримо выше новаго Повернувъ изъ аванзала въ небольшой корридоръ, нашъ чичероне остановился передъ дверью, завѣшенной старымъ, толстымъ, по краямъ обшитымъ кожей, одѣяломъ. Оказалось, что за одѣяломъ и находится залъ засѣданій апелляціоннаго трибунала, куда мы направлялись. Подобное приспособленіе у дверей весьма практично. Публика входя не производитъ шума, неизбежнаго при открываніи и закрываніи дверей. Кромѣ того, при немъ свознякъ, обыкновенно сильный, въ Италіи окна всегда отворены, въ значительной степени ослабляется, такъ какъ, чтобы проникнуть въ залъ, нужно только отодвинуть занавѣску. Залъ засѣданія апелляціоннаго трибунала невеликъ и устроенъ совершенно также какъ и вышеописанный залъ исправительнаго суда, но судей за столомъ сидѣло не трое, а четверо. Трое были въ сюртукахъ и ихъ обшитые золотымъ шнуркомъ береты лежали предъ ними на столѣ. Четвертый судья сидѣлъ въ тогѣ и беретѣ, причемъ послѣдній былъ вышитъ не золотымъ, а серебрянымъ шнуромъ. Оказалось, что это запасный судья, приглашенный изъ исправительнаго трибунала. Онъ видимо важничалъ выпавшей на его долю честию, но въ тоже время жарясь въ тогѣ и беретѣ выказывалъ явное уваженіе къ старшимъ. За прокурорскимъ столомъ сидѣлъ товарищъ генералъ-прокурора, по фигурѣ напоминающій лихаго отставнаго вирасира. Того прокуроръ снялъ, но чтобы не казаться слишкомъ либеральнымъ—остался въ беретѣ. Скамью защитниковъ занимали, какъ уже было сказано, почти знаменитости. Они депутаты и, потому, судъ относился къ нимъ съ неговорящей въ пользу самостоятельности судей предупредительностью. Эту неприличную угодливость судей, къ адвокатамъ-депутатамъ намъ, къ сожалѣнію, постоянно приходилось наблюдать въ Италіи. Объясняется она очень просто: депутатъ—это сила. Его жалобу на какого бы-то ни было члена магистратуры ни одинъ министръ юстиціи, вполнѣ зависящій отъ парламента, безъ вниманія не оставитъ и, конечно, постарается удовле-

творить, по возможности, вліятельнаго депутата-адвоката, не особенно печалась объ обидѣ при этомъ какого-то провинціального судьи. Члены прокуратуры, по тѣмъ же мотивамъ, не желаютъ ссориться съ депутатами и такъ какъ люди—вездѣ люди, то можно отчасти повѣрить справедливости утвержденія, что обвинители, имѣя противниками адвокатовъ-депутатовъ нерѣдко прячутъ въ карманѣ свое краснорѣчіе и проявляютъ необыкновенную мягкость и снисходительность къ человѣческимъ слабостямъ, и если не отказываются отъ обвиненія, то охотно признаютъ смягчающія обстоятельства. Защитники-депутаты, съ которыми мы впервые встрѣтились въ трибуналѣ, на видѣ оказались людьми молодыми, съ весьма сдержанными манерами—сравнительно конечно, не смотря на то, что они оба неаполитанцы. Дѣло, которое они явились защищать, не могло назваться симпатичнымъ. Обвинялись двое богатыхъ фабрикантовъ, изъ окрестностей Неаполя, въ непринятіи мѣръ предосторожности на фабрикѣ, послѣдствіемъ чего была смерть одного и увѣче двухъ рабочихъ. Обвиняемые, напавъ адвокатовъ-депутатовъ, очевидно, за свою судьбу никакого страха не испытывали и держали себя до отвращенія развязно. Одинъ при этомъ нисколько не стѣсняясь сваливать вину на своего товарища. Свидѣтели обвиненія подсудимыхъ весьма не одобряли; напротивъ, свидѣтели защиты изображали ихъ въ видѣ ангеловъ, посланныхъ на землю съ цѣлью благотворить немущимъ. Подобное противорѣчіе въ показаніяхъ свидѣтелей двухъ сторонъ, конечно, въ порядкѣ вещей проявляется и не въ одной Италіи. Свидѣтелей допросили живо и приступили къ преніямъ. Прокуроръ говорилъ весьма недурно, кратко, ясно и безпристрастно. Въ концѣ рѣчи онъ немного помахалъ руками и покивалъ головой въ сторону обвиняемыхъ, видимо желая имъ выразить порицаніе. Но тѣмъ не менѣе справедливости утвержденія, что прокуроры боятся адвокатовъ-депутатовъ, рѣчь обвинителя въ насъ не поколебала. Можетъ быть, конечно, что въ данномъ случаѣ обвинитель былъ чрезвычайно мягкій по характеру человѣкъ, но откровенно признаемся, все-таки,

сомнѣніе въ нашу душу эта мягкость заронила. Послѣ прокурора началъ говорить защитникъ. Съ первыхъ словъ было видно, что онъ чувствуетъ себя какъ рыба въ водѣ и никакой предсѣдательской цензуры не боится. Началъ онъ съ замѣчанія, что коль обвиняютъ, то надо защищаться, хотя бы для обвиненія, очевидно, отсутствовали какія бы то ни было данныя. Одобряя, затѣмъ, умѣренность прокурора, защитникъ довольно развязно рекомендовалъ ему, что еще лучше умѣренности отказъ обвинять невиннаго. Переходя къ разбору уликъ, защитникъ повторилъ хвалебные отзывы свидѣтелей защиты о подсудимыхъ и изобразилъ дѣло какъ гнусную интригу враговъ его кліента. Разбирая, затѣмъ, показанія свидѣтелей обвиненія, защитникъ вошелъ въ пафосъ, началъ покрѣпывать и рѣзко жестикулировать руками. Закончилъ онъ надеждой на судейское безпристрастіе, которое не допуститъ осужденія невиннаго, причемъ довольно прозрачно намекнулъ, что, главнымъ образомъ, его надежды покоятся на президентъ, который-де давно приобрѣлъ славу нелицепріятнаго судьи. Другой защитникъ оказался гораздо слабѣе. Онъ даже не соблюлъ внѣшнихъ приличій и относился къ трибуналу вполнѣ пренебрежительно. Впрочемъ, два—три намека на какія-то намъ неизвѣстныя обстоятельства изъ судебной практики развеселили аудиторію и даже величественный судья низшаго трибунала соизволилъ улыбаться. Г. говорилъ намъ, что слава втораго адвоката—это его тонкое остроуміе—и нахальство, могли бы мы добавить, но не хотѣли огорчать нашего любезнаго чичероне, питающаго въ глубинѣ души надежду попасть въ депутаты и, потому, особенно нѣжно относящагося къ адвокатамъ-депутатамъ. Въ Италіи, также какъ и во Франціи и Америкѣ, адвокатура составляетъ наиболѣе вѣрный путь къ депутатскому креслу. Значительное большинство депутатовъ парламента отъ Неаполя—адвокаты. Тоже явленіе замѣчается и въ другихъ большихъ итальянскихъ городахъ. Знаменитѣйшій и симпатичнѣйшій изъ неаполитанскихъ адвокатовъ — Песина, не только достигъ сенаторскаго кресла, но и два раза былъ министромъ—разъ юсти-

ции, другой—земледѣлія, а теперь состоитъ профессоромъ университета въ Неаполѣ и вице-президентомъ сената въ Римѣ. Но въ виду массы адвокатовъ, все-таки это счастливыя исключенія. Сама, профессія адвокатуры не пользуется особой любовью населенія, хотя неаполитанская страсть къ сутяжничеству и заставляетъ часто обращаться къ ихъ услугамъ. Семья нашего чичероне Г., весьма близкая по семейнымъ связямъ къ лучшимъ членамъ неаполитанской интеллигенціи, по его словамъ, сильно противилась его желанію избрать адвокатское поприще и когда онъ, все-таки, поставилъ на своемъ, то сильно въ нему охладѣла. Да и онъ самъ, кажется, не прочь бы былъ промѣнять адвокатскую тогу и надежду быть депутатомъ на хорошее казенное мѣсто. Только необходимость начинать службу въ министерствѣ юстиціи, съ дурно оплачиваемой и безпокойной должностью претора, останавливаетъ его бросить адвокатскія занятія и перейти въ магистратуру.

Судъ съ присяжными засѣдаетъ въ другомъ зданіи и чтобы покончить съ описаніемъ Castel Capuano мы скажемъ два слова о двухъ залахъ засѣданій гражданскаго трибунала, которыя по своей отдѣлкѣ заслуживаютъ полного вниманія. Потолки этихъ залъ такъ хороши, что кажется выдержать конкуренцію съ лучшими плафонами дворцовъ и не въ одной только Италіи. Позолота карнизовъ отъ времени прибрѣла пріятный для глазъ оттѣнокъ, а краски на плафонѣ такъ свѣжи, что какъ будто плафонъ написанъ десяткомъ лѣтъ тому назадъ. Убогая обстановка этихъ залъ, неуклюжая мебель, потертое, выцвѣтшее сукно столовъ и лубочные портреты короля и королевы съ потускнѣвшими стеклами, въ облупленныхъ дешевенькихъ рамахъ, чрезвычайно рельефно оттѣняютъ старое царственное великолѣпіе стѣнъ и потолковъ. Точно варвары наводнили страну и превратили въ кабачки и конюшни старые храмы, гдѣ умѣли цѣнить и понимать красоту и изящество. Заслуживаетъ также вниманія и бібліотека, съ лѣпнымъ потолкомъ и дивной картиной „Распятіе“, приписываемой кисти Ан. Каррачи. На счетъ книгъ въ бібліотекѣ большаго богатства не видно. Все больше казенныя

изданія послѣдняго времени, да и тѣ, судя по свѣжести переплетовъ, едва ли часто покидаютъ свои полки. Намъ въ Неаполѣ говорили, что много старыхъ книгъ и манускриптовъ уничтожено было во время какого-то пожара. Не знаемъ вѣрно ли это?

II.

Переходимъ теперь къ описанію впечатлѣній, вынесенныхъ нами при знакомствѣ съ судомъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Засѣданія этого суда происходятъ, какъ мы сказали, не въ Castel Capuano, а въ другомъ зданіи, прежде принадлежавшемъ очень богатому монашескому ордену. Оно расположено также въ старомъ городѣ, недалеко отъ прелестной старинной церкви св. Януарія. Съ улицы, въ зданіе бывшаго монастыря ведутъ широкія каменные ворота, чрезъ которыя вы входите на четырехъ угольный, мощный плитами, дворъ. Посрединѣ колодезь, окруженный четырьмя мраморными статуями св. апостоловъ-евангелистовъ. Противъ главныхъ воротъ, подъ полукруглыми арками, поддерживаемыми массивными колоннами, широкая наружная лѣстница ведетъ во второй этажъ. Поднявшись по ней, вы входите въ длинный мрачный коридоръ, съ дверями направо и налево. Это кельи бывшихъ членовъ монашествующаго ордена. Въ самомъ началѣ коридора нужно повернуть налево и тогда вы очутитесь въ короткомъ, но широкомъ коридорѣ, который велъ прежде въ капеллу, нынѣ передѣланную въ залъ засѣданій. Входъ, какъ и въ апелляціонномъ трибуналѣ, завѣшанъ тяжелымъ, обшитымъ по краямъ кожей, грязнымъ одѣяломъ. Нырнувъ подъ одѣяло, мы очутились въ храмѣ правосудія. У входа двѣ, хорошей старинной работы, мраморныя кропильницы говорятъ о бывшемъ назначеніи зала. Стѣны голыя, выкрашены въ какой-то необыкновенно линючій зеленоватый цвѣтъ. Мѣсто алтаря занимаетъ судейскій столъ и столы прокурора и секретаря. За ними невысокая, деревянная перегородка, на которой висятъ портреты короля и королевы. Между ними довольно большое распятіе. Надъ перегородкой, на стѣнѣ, надпись,

окруженная вѣнкомъ изъ лавровъ: „La lege e eguali per tutti“, т. е. законъ равенъ для всѣхъ. Впрочемъ судьи, сидя спиной къ этой прекрасной надписи, ея не видятъ. Рядомъ со столомъ прокурора у стѣны—мѣста для присяжныхъ. Онѣ состоятъ изъ трехъ лавочекъ, помѣщенныхъ одна надъ другой въ видѣ маленькаго амфитеатра, ничѣмъ необитыхъ и выкрашенныхъ въ зеленый цвѣтъ. Объ удобствахъ присяжныхъ, очевидно, особыхъ заботъ не прилагается. Также мало заботятся и объ удобствахъ публики. Въ части зала, для нея отведенной—нѣтъ ни стульевъ, ни скамеекъ. Только у дверей поставлена скамья для карабинеровъ и солдатъ, отбывающихъ во время засѣданій караульную службу. Къ особенностямъ обстановки, въ общемъ весьма напоминающей наши провинціальныя суды, конечно снабженныя большими удобствами для присяжныхъ и публики, слѣдуетъ отнести развѣ то, что между столомъ секретаря и судейскимъ, на одной линіи съ судейскими креслами, было поставлено нѣсколько стульевъ, которые, во время перваго нашего посѣщенія трибунала, были заняты какими-то тремя дамами, съ огромными вѣрами въ рукахъ. Всѣ три дамы были „на возрастѣ“ и особой красотой не отличались. Оказалось, по справкѣ, что это мѣстныя уголовныя дамы, пользующіяся покровительствомъ кого-то изъ членовъ трибунала, лица вѣроятно вліятельнаго, такъ какъ дамамъ этимъ оказывались знаки особаго почтенія. Мы попали на разбирательство весьма обычнаго для южной Италіи дѣла—убійства въ запальчивости и раздраженіи. Дѣло было несложно и свидѣтелей вызывалось немного, хотя допросъ ихъ тянулся сравнительно очень долго, такъ какъ никакого порядка въ допросѣ не было. Защитникъ перебывалъ прокурора, тотъ, въ свою очередь, защитника, а председатель (членъ судебной палаты), для достиженія полнаго безпристрастія, перебывалъ ихъ обоихъ. Не знаю—способъ ли допроса или природная несообразительность допрашиваемыхъ, но сколько намъ ни случалось слышать показанія свидѣтелей въ неаполитанскихъ трибуналахъ—а слышали мы ихъ не одну сотню—всегда они давались какъ-то неувѣренно, сбивчиво. Свидѣтели произво-

дили на насъ впечатлѣніе людей, не вполне понимающихъ о чемъ ихъ спрашиваютъ. Очень можетъ быть, что это намъ только показалось, хотя, впрочемъ, и отъ чиновъ магистратуры намъ приходилось слышать жалобы на неясность свидѣтельскихъ показаній. Однако возвратимся къ разбору дѣла. Допросивъ свидѣтелей, прочли актъ осмотра и заключеніе врача о причинѣ смерти; но экспертовъ, въ виду безспорности факта и признанія обвиняемаго, что рана нанесена имъ, допрошено не было. Затѣмъ предсѣдатель спросилъ присяжныхъ, не нуждаются ли они въ дополненіи слѣдствія передпросомъ свидѣтелей или прочтеніемъ документовъ и, по отрицательномъ отвѣтѣ, предоставилъ слово представителю обвинительной власти. Прокуроръ, человекъ среднихъ лѣтъ, лысый и довольно флегматичный, что вмѣстѣ съ правильнымъ итальянскимъ языкомъ, на которомъ онъ говорилъ, указывало на то, что онъ уроженецъ сѣвера Италіи, а не южанинъ, началъ съ того, что самъ похвалилъ себя за безпристрастіе и объяснилъ, что потерпѣвшій первый далъ пощечину обвиняемому, но что это, конечно, никоимъ образомъ не можетъ оправдывать столь жестокое и ужасное преступленіе какъ убійство. На важности преступленія—лишенія жизни—прокуроръ застрѣлъ и распространялся объ этомъ добрую четверть часа. Надоѣлъ онъ этимъ доказательствомъ, что дважды два четыре—до крайности, но бывшій также съ нами товарищъ прокурора баронъ Г. увѣрялъ, что съ итальянскими присяжными иначе говорить нельзя, такъ какъ они плохо уясняютъ значеніе преступленій вообще, а не корыстныхъ, какъ напр. убійство въ запальчивости въ особенности, и имъ надо вбивать въ голову даже самыя простыя на видъ истины. Провѣрить утвержденіе почтеннаго барона намъ не пришлось, но нужно замѣтить, однако, что баронъ Г. одинъ изъ столповъ новой антропологической школы, которая, какъ извѣстно, весьма недружелюбно относится къ институту присяжныхъ засѣдателей. Впрочемъ нареканія на итальянскихъ присяжныхъ намъ приходилось не разъ слышать и отъ сторонниковъ этой формы суда, причемъ всѣ въ

одинъ голосъ говорили, что лучшіе люди Италіи уклоняются отъ исполненія обязанности присяжнаго засѣдателя. Это тѣмъ болѣе странно, что въ Италіи быть присяжнымъ куда легче нежели у насъ. Присяжныхъ тамъ не заставляютъ сидѣть въ судѣ по цѣлымъ недѣлямъ, а всегда отпускаютъ ночевать домой. Засѣданія рѣдко продолжаются болѣе 5—6 часовъ подъ рядъ и, притомъ, бываютъ не ежедневно, а черезъ день— по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ и дѣло, которое бы у насъ окончилось дня въ два, въ Неаполѣ требуетъ для разрѣшенія не менѣе недѣли. Такимъ образомъ вопросъ о личномъ составѣ присяжныхъ въ Италіи является однимъ изъ самыхъ трудно разрѣшимыхъ. Этимъ недостаткомъ правильной организаціи можно объяснить тѣ нападки на институтъ, который сконцентрировалъ въ своей извѣстной книгѣ „La Criminologie“ ¹⁾ баронъ Гарофало. Ссылаясь на цѣлый рядъ процессовъ, онъ доказываетъ, что масса несправедливыхъ приговоровъ присяжныхъ объясняется ихъ невѣжествомъ, неспособностью понять смыслъ тѣхъ или другихъ юридическихъ терминовъ. Онъ увѣряетъ, что итальянскіе присяжные произносятъ приговоръ нерѣдко просто въ пику администрации и, напр., оправдываютъ похитителей казеннаго имущества съ единственной цѣлью досадить министру финансовъ. Кромѣ того, присяжные часто поддаются вліянію талантливыхъ адвокатовъ и произносятъ вердикты не вникая въ суть дѣла, увлекаясь хлесткими фразами и проч. Баронъ Гарофало идетъ дальше и печатно утверждаетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ у присяжныхъ прямо существуютъ таксы, какъ для оправданій, такъ и для признанія смягчающихъ обстоятельствъ, и увѣряетъ, что одинъ сициліанскій присяжный прямо жаловался одному депутату, что извѣстный процессъ ничего не далъ присяжнымъ.

Оставляя эти увѣренія на совѣсти нашего почтеннаго друга, мы возвратимся къ прерванному разсказу. Покончивъ съ важ-

---

¹⁾ La criminologie, Etudes sur la nature du crime et la théorie de la pénalité. Paris, 1880, стр. 367 и слѣд.

ностью преступленія убійства, прокуроръ едва коснулся обстоя-
тельствъ дѣла, какъ мы уже говорили, самыхъ несложныхъ и
кончилъ патетическимъ воззваніемъ къ душѣ убіеннаго, пред-
рекая ей, что она скоро будетъ утѣшена обвинительнымъ при-
говоромъ ея злодѣю.

На насъ рѣчь обвинителя не произвела никакого впечатлѣ-
нія, да кажется и на присяжныхъ она оказала такое же дѣйствіе.
Правда, что дѣло-то ужъ очень пустое было — негдѣ было обви-
нителю себя показать, но справедливость требуетъ замѣтить, что
и по другимъ, болѣе сложнымъ, дѣламъ мы не слышали осо-
бенно выдающихся обвинителей. Но за то мы въ неаполи-
танскомъ трибуналѣ и круглыхъ бездарностей не видѣли.
Личный составъ обвинителей былъ всегда средняго уровня,
скорѣй — даже выше средняго. За рѣчью обвинителя послѣдо-
вала рѣчь защитника. Намъ никогда и въ голову не прихо-
дило, чтобы человѣкъ могъ такъ кричать 1½ часа подъ рядъ,
какъ кричалъ г. защитникъ. При этомъ голосъ у него былъ
какой-то особенно звонкій басъ. Намъ этотъ голосъ напо-
минилъ уморительный эпизодъ, бывшій въ одномъ изъ столич-
ныхъ нашихъ мировыхъ сѣздовъ. Нѣкій частный повѣренный
началъ свою рѣчь необычайнымъ протодыяконскимъ басомъ;
предсѣдатель попросилъ его говорить не такъ громко, на что
защитникъ обидѣлся и заявилъ, что онъ говоритъ своимъ го-
лосомъ. „Ну, такъ говорите не своимъ голосомъ, а то я сижу
точно подъ колоколомъ“ спокойно замѣтилъ предсѣдатель.
Именно такое впечатлѣніе — что сидишь подъ колоколомъ,
испытывали мы во время рѣчи г. защитника. А итальянцы —
ничего, очевидно привыкли. Кромѣ необычайной силы лег-
кихъ и голосовыхъ связокъ, нашъ адвокатъ проявлялъ не-
обыкновенную любовь къ маціону. Какъ раненный звѣрь,
окруженный стаей собакъ, метался онъ по небольшому про-
странству между столомъ защиты и креслами присяжныхъ.
Каждую минуту ближайшіе къ столу защитника присяжные
рисковали, что ихъ задѣнетъ длань расхаживающаго оратора;
но на этотъ разъ судьба имъ видимо благопріятствовала. Но
во всякомъ случаѣ усердіе адвоката заслуживало величай-

шей похвалы: потъ лиль съ него градомъ и онъ каждую минуту вынужденъ былъ вытирать платкомъ свою голову. Даже на томнаго прокурора подѣйствовало это усердіе и онъ дважды прерывалъ своего противника, предлагая ему освѣжиться и отдохнуть. Но адвокатъ не внималъ этимъ совѣтамъ и неудержимо мчался на всѣхъ парахъ впередъ. Въ концѣ рѣчи онъ совершенно изнемогъ и кончилъ какимъ-то хрипомъ, а не человѣческимъ голосомъ, требуя, чтобы невинный вышелъ изъ суда свободнымъ.

Если откинуть невозможную, съ нашей точки зрѣнія, форму рѣчи, то слѣдуетъ признать, что адвокатъ сдѣлалъ все, что возможно для защиты своего кліента. Онъ весьма рельефно, хотя вѣроятно съ большой свободой относительно истины, очертилъ характеръ подсудимаго и жертвы преступленія. Онъ утверждалъ, что много лѣтъ пострадавшій не давалъ обвиняемому покоя своей придирчивостью, желая постоянно его унижить. И о женщинѣ, какъ водится, г. адвокатъ прозрачно намекнулъ, что, дескать, въ этомъ дѣлѣ она всему виной. Затѣмъ онъ изобразилъ муки обвиняемаго, его сдержанность и тотъ моментъ, когда чаша терпѣнія переполнилась и онъ ударомъ ножа отвѣтилъ на послѣднее тяжкое оскорбленіе. Потомъ защитникъ забылъ только, что сказанное имъ о необыкновенныхъ нравственныхъ качествахъ своего кліента и сталъ доказывать, что онъ просто хотѣлъ побить своего соперника и если ударилъ его вмѣсто кулака ножомъ, то совершенно помимо своей воли, просто чортъ попуталъ и видно судьба была потерпѣвшему умереть отъ ножа въ тавернѣ, а не на своей постелѣ. Не преминулъ г. защитникъ и польстить присяжныхъ и, надо сознаться, льстилъ чрезвычайно грубо, что, впрочемъ, свойственно пылкимъ сынамъ юга. Прокуроръ не оставилъ рѣчь безъ возраженія и тоже разошелся: и по столу кулакомъ стучалъ и кричалъ довольно-таки громко, хотя, конечно, до адвокатскаго крика ему было далеко, какъ до звѣзды небесной. Присяжные относились къ жару сторонъ довольно индифферентно. Они оглядывали публику и судебныхъ дѣателей устало-лѣни-

выми взглядами и производили впечатлѣніе людей, отбывающихъ скучную барщину. Лежавшіе на столикахъ ихъ головные уборы они удостоивали гораздо большимъ вниманіемъ чѣмъ краснорѣчіе бойцовъ. По окончаніи преній, председатель прочелъ проектъ двухъ вопросовъ. Въ первомъ говорилось о самомъ фактѣ, а во второмъ — о смягчающихъ обстоятельствахъ. По прочтеніи вопросовъ было сказано резюме, не отличавшееся объективностью, а имѣвшее довольно прозрачно выраженный обвинительный характеръ. Сказано оно было недурно, но съ несоотвѣтствующимъ судейскому безпристрастію пыломъ. Затѣмъ присяжнымъ были прочтены два параграфа закона, въ которыхъ говорилось: 1) что присяжные не отдають отчета въ томъ, какимъ путемъ они приходятъ къ постановляемому ими рѣшенію, и 2) что присяжные нарушаютъ свою обязанность, если, при постановленіи рѣшенія, они оставляютъ безъ обсужденія какія либо обстоятельства, могущія послужить въ пользу обвиняемаго. (Эти положенія, напечатанныя большими буквами, должны, въ надлежащемъ количествѣ экземпляровъ, лежать на столѣ въ совѣщательной комнатѣ присяжныхъ). Затѣмъ присяжныхъ удалили въ ихъ комнату, поставивъ къ дверямъ караулъ, которому приказано было ни присяжныхъ не выпускать и никого въ ихъ комнату не допускать. Порядокъ совѣщанія присяжныхъ одинаковъ съ нашимъ. Совѣщаніемъ руководить старшина. Но мнѣнія подаются не словесныя, а письменныя. Каждому присяжному дается листокъ бумаги, съ печатью трибунала, на которомъ напечатано: „по чести и совѣсти я вотирую за“ и присяжный прописываетъ свое мнѣніе. Сначала вотируютъ по главному вопросу, а затѣмъ о смягчающихъ обстоятельствахъ. Билеты съ мнѣніями старшина присяжныхъ кладетъ въ урну, смѣшиваетъ и, потомъ, вынимая, читаетъ отвѣты и пишетъ результатъ голосованія на вопросномъ листѣ.

Одновременно съ уходомъ присяжныхъ увели и подсудимаго, надѣвъ ему предварительно ручныя кандалы. Судьи остались въ залѣ и, покинувъ свои кресла, окружили прокурора. Къ нимъ скоро присоединился и защитникъ, который

по утомленію не присутствовалъ при резюме предсѣдателя, а ходилъ немного освѣжиться. Повидимому отношенія судей и сторонъ были самыя прекрасныя и разговаривали они весело и вполнѣ дружелюбно. Уголовныхъ дамъ угостили тутъ же въ залѣ мороженымъ, скушавъ которое они удалились. Минуть чрезъ 15 по уходѣ присяжныхъ, они заявили, чрезъ пристава, что готовы и судъ занялъ свои мѣста. Подсудимаго не позвали и присяжные вернулись въ залъ въ его отсутствіе. Старшина приложивъ руку къ сердцу (такъ требуетъ 506 ст. уст. угол. суд.), объявилъ, что совѣстью и честью онъ удостовѣряетъ, что отвѣтъ присяжныхъ на первый вопросъ—нѣтъ не виновенъ, а второй оставленъ безъ отвѣта. Затѣмъ онъ тутъ же на столѣ судей подписалъ вопросный листъ, который послѣ того былъ подписанъ предсѣдателемъ и скрѣпленъ секретаремъ и предсѣдатель сдѣлалъ распоряженіе о приводѣ подсудимаго, въ присутствіи котораго секретарь громко прочелъ приговоръ и подсудимый былъ объявленъ свободнымъ отъ суда и отпущенъ на всѣ четыре стороны.

Самый порядокъ производства суда съ участіемъ присяжныхъ въ Италіи, какъ читатель могъ убѣдиться изъ изложеннаго, въ сущности весьма сходенъ съ нашимъ судопроизводствомъ, но только у насъ соблюдается внѣшній порядокъ въ засѣданіяхъ; въ южной же Италіи судятъ по домашнему. Прокуроръ, какъ мы уже замѣчали, перебиваетъ защитника, тотъ—прокурора, предсѣдатель перебиваетъ обоихъ. Нерѣдко секретарь вставляетъ свое замѣчаніе, а случается даже, что и публика весьма рельефно выражаетъ свое сочувствіе или недовольство тому или другому моменту процесса. Что касается до личнаго состава неаполитанскихъ трибуналовъ, вѣдающихъ дѣла съ присяжными, то нельзя не указать на преобладающую роль предсѣдателя предъ другими членами коллегіи. Оно конечно онъ на то и предсѣдатель, но едва ли соответствуетъ коллегіальному началу такое безпрекословное, трогательное согласіе, которое существуетъ между предсѣдателемъ и его сочленами. Первый нерѣдко даже забываетъ

спросить мнѣнія своихъ „квивающихъ“ товарищей и они начинаютъ кивать уже послѣ объявленія постановленія суда. Предсѣдательствуетъ въ ассизахъ членъ апелляціоннаго трибунала и обыкновенно изъ наиболѣе бойкихъ, чаще всего — бывший членъ прокуратуры, извѣстный своимъ ораторскимъ искусствомъ. Членами же при немъ состоятъ судьи исправительнаго трибунала, притомъ наиболѣе ветхіе деньми и слабые знаніями. Вотъ въ чемъ и лежитъ причина деспотизма предсѣдателя. Особенно важное значеніе приобретаетъ предсѣдатель въ процессахъ, гдѣ косвеннымъ образомъ задѣта администрація или вліятельные депутаты. Въ этихъ процессахъ, гдѣ, обыкновенно, защитниками также являются депутаты, положеніе предсѣдателя страшно трудное: нужно умѣть угодить всѣмъ и въ тоже время показать нѣкоторое видимое уваженіе къ праву и справедливости. Впрочемъ „правда“ въ этого рода процессахъ нерѣдко пользуется наименьшимъ авантажемъ и охотно приносится въ жертву или интересамъ партіи или вліятельнымъ лицамъ. Въ процессахъ, гдѣ не затронуты какіе либо важные интересы неаполитанскіе, предсѣдатели нерѣдко не стѣсняются и, памятуя свою прежнюю обвинительную дѣятельность, говорятъ прямо обвинительныя резюме. Нельзя одобрить также отношеній предсѣдателей къ свидѣтелямъ, которыхъ они то и дѣло весьма рѣзко обрываютъ. Еще разъ повторяемъ — на счетъ внѣшняго благочинія въ неаполитанскихъ трибуналахъ „слабо“. Но за то есть что и похвалить. Во первыхъ, трудятся судьи много и значеніе этого труда, конечно, усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что полгода Неаполь жарится на тропическомъ солнцѣ и при этомъ тяжкій трудъ этотъ оплачивается очень плохо. Судья получаетъ что-то около трехъ тысячъ франковъ и повышенія по службѣ чрезвычайно медленны. Напр., извѣстный дѣятель антропологической школы баронъ Гарофало, о которомъ мы не разъ упоминали, человѣкъ чрезвычайно внимательно относящійся къ своимъ служебнымъ обязанностямъ, девять лѣтъ былъ товарищемъ прокурора и затѣмъ назначенъ товарищемъ предсѣдателя исправительнаго трибунала. Положе-

ніе же товарища предсѣдателя исправительнаго трибунала гораздо ниже положенія товарищей предсѣдателя нашихъ окружныхъ судовъ. Тѣмъ не менѣе, по понятіямъ итальянцевъ, баронъ Гарофало дѣлаетъ быструю карьеру. Судебная карьера проходится въ низеслѣдующей постепенности. Лицо, поступающее на службу по министерству юстиціи, обязательно должно получить высшее юридическое образованіе и зачисляется аудиторомъ (соотвѣтствуетъ нашимъ кандидатамъ на судебныя должности), въ каковомъ званіи оно находится отъ 4 до 7 лѣтъ. Окончивъ этотъ стажъ, аудиторъ можетъ рассчитывать на должность претора, судьи исправительнаго трибунала, или товарища прокурора. Преторъ—обыкновенно послѣ долготѣйшей службы—назначается судьей исправительнаго трибунала и командировается къ исправленію обязанностей слѣдователя. Послѣдніе тѣмъ обыкновенно и заканчиваютъ свою карьеру: какъ у насъ въ доброе *старое* время сдавались негодные губернаторы въ сенатъ, такъ въ Италіи ослабѣвшіе физически и умственно слѣдователи и преторы сдаются въ исправительный трибуналъ, гдѣ они съ успѣхомъ исполняютъ обязанности „*живающихъ*“ членовъ. Товарищи прокуроровъ обыкновенно назначаются товарищами предсѣдателя, затѣмъ прокурорами, товарищами прокуроровъ судебныхъ палатъ и затѣмъ членами апелляціонныхъ трибуналовъ. Всѣ высшія судебныя мѣста, какъ-то—прокуроровъ и предсѣдателей апелляціонныхъ судовъ и членовъ кассационныхъ трибуналовъ, замѣщаются бывшими членами апелляціонныхъ судовъ. Такимъ образомъ выходитъ, что всѣ лучшія должности достаются преимущественно чинамъ прокурорскаго надзора, что, конечно, особеннаго удовольствія въ судьяхъ не вызываетъ и, потому, даже для посторонняго наблюдателя не трудно уловить антагонизмъ, существующій между чинами двухъ магистратуръ. Къ чести прокуратуры нужно, впрочемъ, замѣтить, что лица, ее составляющія, въ огромномъ большинствѣ случаевъ являются людьми болѣе образованными и свѣдущими въ правѣ, чѣмъ гг. судьи. Напр., въ ряду сотрудниковъ главнаго органа новой антропологической школы (Archivio di psichiatria, antro-

pologia criminale e scienze penali) мы находимъ, кромѣ Гарофало, еще слѣдующихъ лицъ прокурорскаго надзора: Дуранше, Лестинни, Ноче, Торти и др. и только одного судью—Абатемарко, бывшаго прокуроромъ въ Неаполѣ. Среди судей, по крайней мѣрѣ неаполитанскихъ, почти нѣтъ лицъ, знающихъ иностранные языки, и вообще образованіе ихъ очень слабое. Напр., какъ мы убѣдились, огромное большинство ихъ имѣютъ болѣе чѣмъ смутное понятіе о Россіи, что, къ слову сказать, въ Италіи встрѣчается не у однихъ судей.

Чтобы покончить съ неаполитанскими трибуналами, мы укажемъ на заслуживающій подражанія вышеуказанный порядокъ предварительнаго, въ отсутствіи подсудимаго, чтенія отвѣтовъ присяжныхъ на предложенные имъ судомъ вопросы. Онъ избавляетъ подсудимаго отъ напрасныхъ мукъ, которыя испытываетъ каждый подсудимый при звонкѣ, указывающемъ на окончаніе присяжными возложенной на нихъ задачи. Если присяжные возвращаются въ залъ не съ готовыми отвѣтами, а съ просьбами разъясненій, или отвѣты ихъ не могутъ быть приняты судомъ, то подсудимому напрасно приходится страдать два раза при роковомъ для него звонкѣ. Такъ какъ интересы подсудимаго, при наличности защитника, во время требуемыхъ присяжными разъясненій, нисколько не страдаютъ отъ его отсутствія и, кромѣ того, разъясненіе заносится въ въ протоколъ, то нельзя не признать, что избавленіе подсудимаго отъ напрасной муки является вполне гуманнымъ.

III.

Ознакомившись съ порядкомъ отправленія правосудія, мы рѣшили посмотриѣть и на способы изслѣдованія преступленій въ Неаполѣ. Для этой цѣли мы, заручившись письмомъ генераль-прокурора, отправились къ квестору—главному начальнику полиціи. Для того, чтобы избѣгнуть столкновеній между начальникомъ полиціи и прокуратурой—первый изъ нихъ обыкновенно самъ состоитъ въ числѣ чиновъ прокурорскаго надзора. Къ исполненію важной квесторской обязанности командировается обыкновенно одинъ изъ товарищей генераль-прокурора, который всегда можетъ воз-

вратиться въ прокуратуру и, притомъ, въ лучший городъ, чѣмъ тотъ, гдѣ онъ прежде исполнялъ прокурорскія обязанности; напр. неаполитанскій квесторъ можетъ всегда рассчитывать попасть въ Римъ. Во время исполненія своихъ полицейскихъ обязанностей квесторъ вполнѣ подчиненъ администраціи, въ лицѣ префекта, и, такимъ образомъ, онъ является связующимъ звеномъ между прокуратурой и администраціей, что, понятно, ничего кромѣ пользы дѣлу не приноситъ. Во время изученія нами итальянскихъ судебныхъ порядковъ—квесторомъ въ Неаполѣ былъ Сав. Р., который, благодаря вѣроятно рекомендаціи весьма уважаемаго въ Неаполѣ Сав. Bornini, принялъ насъ съ распростертыми объятіями и далъ намъ всѣ просимыя нами разъясненія. Во время перваго нашего посѣщенія мы совершенно невольно поставили любезнаго квестора въ довольно комическое положеніе. Только что г. квесторъ разошелся, рассказывая намъ проектируемыя имъ улучшенія, какъ вошелъ чиновникъ и заявилъ, что г. квестора желаетъ видѣть какой-то депутатъ или сенаторъ. Должно быть этотъ господинъ былъ человѣкомъ очень вліятельнымъ, потому что Сав. Р., только что отчаянно махавшій руками, доказывая намъ свою самостоятельность, сразу притихъ и растерялся. Выпроводить иностранца, рекомендованнаго генераль-прокуроромъ, онъ очевидно стѣснялся, но и заставить ждать вліятельнаго депутата было не только непріятно, но и просто опасно. Мы, конечно, вывели бѣднаго квестора изъ бѣды, заявивъ ему, что увлекшись его бесѣдой, мы не обратили вниманія на время и, къ сожалѣнію, должны просить его отложить до другаго раза конецъ его объясненій, такъ какъ мы должны спѣшить на поѣздъ. Квесторъ пожалѣлъ объ этомъ, заявилъ, что г. депутатъ можетъ подождать, и самымъ любезнымъ образомъ проводилъ насъ до дверей, подаривъ намъ для ознакомленія съ устройствомъ полиціи экземпляръ „Regolamento di servizio, amministrazione e disciplina pel corpo delle guardie di pubblica sicurezza“. Мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько выдержекъ изъ этого регламента, смѣемъ думать, не безынтересныхъ для нашихъ читателей.

Корпусъ охранителей общественной безопасности (*corpo delle guardie di pullica Sicurezza*) имѣетъ своею задачей наблюдение за исполненіемъ законовъ, оказаніе помощи и охранение порядка исключительно въ городахъ. По преимуществу онъ пополняется изъ солдатъ, отбывшихъ обязательный срокъ службы. Чтобы попасть въ этотъ корпусъ необходимо быть прирожденнымъ или натурализованнымъ итальянцемъ, имѣть не болѣе 40 лѣтъ отъ роду, имѣть здоровое сложеніе и полное отсутствіе физическихъ недостатковъ, умѣть читать и писать, не быть судимымъ и не состоять подъ слѣдствіемъ и судомъ. Впрочемъ судимость, за которую былъ назначенъ штрафъ, незамѣненный арестомъ, не служитъ препятствіемъ къ поступленію въ корпусъ. Холостые и безсемейные вдовцы имѣютъ предпочтеніе предъ женатыми. Надо замѣтить, что итальянскіе администраторы вообще къ женатымъ служащимъ относятся непочтительно, находя, что на такихъ лицъ нельзя возлагать деликатныхъ секретныхъ порученій. Этимъ достигается обратный результатъ, и если наши читатели помнятъ нашу статью о каморрѣ, то они, конечно, замѣтили, что во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ фигурировали полицейскіе, весьма важную роль играли ихъ любовницы. Охранителей въ Италіи не особенно много. Въ 1888 году ихъ было 4505 человекъ пѣшихъ и 549 конныхъ, всего 5054 человека. Въ этомъ числѣ было 28 командировъ (1, 2 и 3 классовъ), 87 мѣстныхъ предводителей (*Marechiali d'allogio*), 224—бригадира, 340 подбригадировъ, 640—околадочныхъ (*appuntati*) и 3605 стражниковъ. Содержаніе, получаемое ими, для Италіи довольно значительное. Командиры получаютъ 3000, 2500 и 2000 лиръ, смотря по классу должности, предводители по 1500, бригадиры по 1100, околадочные по 1000 и стражники по 900 лиръ. Кромѣ того въ корпусѣ числится 150 учениковъ, получающихъ по 750 лиръ въ годъ. Помѣщеніе для чиновъ корпуса полагается отъ города; причемъ регламентъ весьма подробно указываетъ какое это должно быть помѣщеніе, гдѣ расположено, какъ меблировано и т. д. Между прочимъ въ каждой казармѣ обязательно должна быть комната для школы

и для собраний, а также карцеръ для провинившихся. Кромѣ порядочнаго жалованья ¹⁾, чины корпуса жандармовъ (какъ мы будемъ впередъ называть для краткости хранителей безопасности), не дурно обеспечены на старость пенсіями. Пенсіи 3 разрядовъ: за 15, 25 и 30 лѣтъ службы. За 15 дается въ пенсію $\frac{1}{4}$ часть жалованья, за 25 лѣтъ—половина и за 30 лѣтъ— $\frac{3}{4}$ всего содержанія. Такимъ образомъ бригадиръ за 30 лѣтъ службы получитъ 975 лиръ пенсіи. Принимая во вниманіе дешевизну итальянской жизни, сравнительно съ нашей, такая пенсія должна считаться равной той, которую, по закону, получаютъ члены нашихъ окружныхъ судовъ. Вдовы бездѣтныя получаютъ ¹/₂ часть пенсіи, слѣдующей ихъ мужьямъ, если же у вдовы есть дѣти, то они получаютъ половину.

Переходимъ теперь къ самому порядку разслѣдованія преступленій. Жандармы—это, такъ сказать, спеціалисты по розыскной части. На ихъ обязанности лежитъ какъ открытіе преступленій, такъ и принятіе заявленій отъ потерпѣвшихъ. Они имѣютъ право предварительнаго допроса свидѣтелей и потерпѣвшихъ, задержанія вещей и обвиняемыхъ, если послѣдніе застигнуты на мѣстѣ преступленія, или указываются общественною молвою (*publico clamore*), если при этомъ наказаніе за совершенное преступленіе не ниже трехмѣсячнаго тюремнаго заключенія или задержанный нищій или бродяга, или лицо, неимѣющее постояннаго мѣста жительства и опредѣленныхъ занятій. Протоколы, составленные жандармами и удостовѣренные свидѣтелями, должны быть, не позднѣе какъ чрезъ два дня по обнаруженіи преступленія, переданы по принадлежности или претору, если проступокъ не выходитъ изъ сферы его компетенціи, или прокурору, если дѣло касается болѣе серьезнаго преступленія. Такъ — по закону; но

---

¹⁾ За поимку бѣжавшихъ арестантовъ полагаются особія преміи; напр за поимку бѣжавшаго съ каторги—50 лиръ, бѣжавшаго изъ тюрьмы и приговореннаго къ 20-ти лѣтнему заключенію—30 лиръ. Плата уменьшается сообразно съ срокомъ заключенія лица пойманнаго. Чѣмъ меньше срокъ, тѣмъ дешевле плата.

въ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ въ Неаполѣ, всѣ дознанія передаются преторамъ, которые, дополнивъ дознаніе, въ чемъ они это найдутъ нужнымъ, затѣмъ уже передаютъ его прокурору.

Собственно руководство дознаніями сосредоточивается въ рукахъ полицейскихъ комиссаровъ (*delegato*) и инспекторовъ, подчиненныхъ квестору и имѣющихъ въ каждомъ кварталѣ Неаполя. Помощь жандармамъ и полицейскимъ инспекторамъ должны оказывать высшіе и низшіе чины карабиньеровъ и синдики и заступающіе ихъ мѣсто. Въ селеніяхъ, обязанности жандармовъ возлагаются на полевыхъ сторожей и другихъ лицъ сельскаго управленія. Въ случаѣ какихъ либо недоразумѣній при розыскѣ обращаются обыкновенно къ претору. Хорошъ преторъ—и въ кварталѣ сравнительно спокойнѣе, говоримъ—сравнительно, потому, что вообще неаполитанская полиція оставляетъ весьма многого желать.

Преторъ имѣетъ двойныя функціи—розыскныя и судебныя. Первые, по закону, несложны. Онъ обязанъ, когда къ нему доставятъ обвиняемаго, допросить его и свидѣтелей, единственно съ цѣлью опредѣлить подсудность дѣла, и если преступленіе ему неподсудно, то немедленно препроводить арестованнаго къ прокурору и если это сдѣлать немедленно невозможно, то распорядиться о заключеніи обвиняемаго подъ стражу. Впрочемъ, если и по отсылкѣ дознанія къ прокурору, преторъ усмотритъ, что обвиняемый, оставленный на свободѣ, имѣетъ намѣреніе скрыться, онъ можетъ его арестовать, если при этомъ противъ него существуютъ сильныя улики и наказаніе, ему угрожающее, не ниже трехмѣсячнаго тюремнаго заключенія. Протоколъ о задержаніи немедленно отсылается прокурору. Въ мѣстностяхъ, гдѣ не находится на лицо судебного слѣдователя, преторъ обязанъ исполнить всѣ его обязанности, какъ для установленія самаго событія преступления, такъ и для доказательства виновности подозреваемаго, если таковой находится на лицо. Въ этихъ случаяхъ преторъ обязанъ окончить разслѣдованіе въ пятнадцатидневный срокъ и препроводить къ прокурору всѣ акты и

протоколы изслѣдованія и добытыя вещественныя доказательства. Дѣйствуя за слѣдователя, преторъ пользуется всѣми правами, предоставленными сему послѣднему, какъ относительно обвиняемаго, такъ равно и свидѣтелей. Этимъ правомъ претора замѣнять судебного слѣдователя, въ Неаполѣ злоупотребляютъ, и слѣдователи взваливаютъ на нихъ значительную часть своей работы и въ этомъ нисколько не отстаютъ отъ прокуратуры, исполняющей свои обязанности по наблюденію за дознаніями лишь въ самыхъ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ. Если при обнаруженіи преступленія нѣтъ на лицо участковаго претора, то его обязанности исполняетъ преторъ сосѣдняго участка. Всѣхъ преторовъ въ Неаполѣ 14. Теперь обратимся къ судейской дѣятельности преторовъ.

Подробно останавливаться на перечисленіи дѣлъ, подсудныхъ претору, мы не будемъ, а скажемъ лишь нѣсколько словъ о самомъ порядкѣ суда. Привлечь къ своему суду преторъ можетъ или самостоятельно, или по просьбѣ потерпѣвшаго, или по распоряженію прокурорской власти. Вызовъ къ суду долженъ быть сдѣланъ за три дня до числа, назначеннаго для разбора дѣла, причемъ, если вызываемый живетъ внѣ черты города, гдѣ находится камера претора, то прибавляется поверстный срокъ. Этотъ трехдневный срокъ не обязателенъ въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства, и всѣ застигнутые въ преступленіи (*in flagrante reato*) обвиняемые немедленно, со всѣми свидѣтелями и потерпѣвшимъ, если таковой на лицо, доставляются къ претору. Въ этихъ случаяхъ судъ очень скоръ и репрессія непосредственно слѣдуетъ за совершеніемъ преступнаго посягательства. Нечего, конечно, и распространяться, насколько вообще такой скорый судъ желателенъ. Впрочемъ и въ этихъ случаяхъ подсудимый имѣетъ право просить отсрочку разбирательства на три дня и сослаться на свидѣтелей, или прямо доставить таковыхъ къ самому дню разбирательства. Разбирательство дѣлъ у преторовъ публичное, но въ случаѣ, если разбирательство дѣла публично оскорбляетъ общественную нравственность и угро-

жаетъ общественному спокойствію, то дѣло можетъ слушаться при закрытыхъ дверяхъ. Но рѣшеніе всегда объявляется публично. Насколько намъ извѣстно, закрытіе дверей засѣданія у преторовъ практикуется крайне рѣдко. Разбирательство можетъ быть заочное и обвиняемому разрѣшается прислать вмѣсто себя защитника, уполномоченнаго довѣренностью. Присутствіе защитника необязательно по дѣламъ о нарушеніяхъ, составляющихъ компетенцію преторскаго суда; наоборотъ, въ дѣлахъ, разбираемыхъ съ участіемъ присяжныхъ, обвиняемому, неимѣющему защитника, обязательно назначается казенный защитникъ. У претора въ роли защитника можетъ являться всякій совершеннолѣтній, которому по суду не воспрещено отправленіе общественныхъ должностей. Въ судѣ же присяжныхъ являться защитниками могутъ только присяжные адвокаты. При преторскомъ судѣ обязательно состоитъ секретарь, на обязанности котораго лежитъ веденіе протокола судебного засѣданія. Если разборъ дѣла происходитъ заочно, то обвиняемый, въ пятидневный срокъ, можетъ подать отзывъ на заочное рѣшеніе и тогда разбирательство дѣла назначается вновь, но если и во второму разбирательству обвиняемый не явится, то рѣшеніе считается окончательнымъ и подлежитъ обжалованію лишь въ кассационномъ порядкѣ.

Обратимся къ нашимъ личнымъ наблюденіямъ полицейскихъ разслѣдованій и преторскаго суда.

Во второе посѣщеніе квестора мы получили отъ него письменное разрѣшеніе присутствовать при дознаніи и письмо къ претору квартала Кіаіа, ближайшаго къ мѣсту нашей квартиры. Намъ показалось, что разрѣшеніе почтенный квесторъ давалъ крайне неохотно, по крайней мѣрѣ онъ добрый десятокъ разъ принимался насъ увѣрять, что ничего интереснаго въ этихъ дознаніяхъ нѣтъ. Мы протестовали, говоря, что руководимая имъ полиція не можетъ дѣйствовать дурно, а хорошее дознаніе, намъ, какъ лицамъ, принадлежащимъ къ прокурорскому надзору, посмотрѣть очень-де пріятно. Тогда квесторъ принялъ другую тактику. Нахмуривъ брови

и выражая сердечное безпокойство прикладываніемъ руки къ сердцу, квесторъ замѣтилъ, что иногда при дознаніяхъ бывають свалки и какъ ни велико уваженіе неаполитанцевъ къ иностранцамъ, но мы тѣмъ не менѣе можемъ подвергнуться оскорбленіямъ и тѣмъ сдѣлаемъ его, квестора, совершенно несчастнымъ. Но и на эту удочку мы не поддались, хотя и знали, что неаполитанцы уваженіе къ иностранцамъ высказываютъ лишь тѣмъ, что деруть съ нихъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ и что надуть иностранца считается богоугоднымъ дѣломъ. Мы отвѣчали квестору градомъ благодарностей за его безпокойство о насъ и увѣряли его, что мы не сомнѣваемся, что делегатъ, производящій дознаніе, не допустить какихъ либо оскорбленій по нашему адресу и, наконецъ, что мы сами, въ случаѣ надобности, сѣумѣемъ постоять за себя. Доказывать, что полиція не въ состояніи кого либо защитить—квестору было неудобно и онъ уступилъ и письмо намъ далъ. Но это была половина дѣла. Нужно было уломать претора своевременно дать намъ знать о предстоящемъ болѣе или менѣе интересномъ дознаніи. Намъ помогъ въ этомъ обязательнѣйшій изъ чиновъ неаполитанской прокуратуры баронъ Г. Онъ отправился съ нами къ претору Кіаіи, своему старому знакомому, вдобавокъ весьма ему чѣмъ-то обязанному, и тотъ обѣщалъ намъ сдѣлать все, что мы пожелаемъ. Мы попросили прежде всего разрѣшенія ознакомиться съ нѣсколькими текущими дѣлами, чтобы постичь самую процедуру, и намъ дали цѣлый ворохъ дознаній. Прежде всего мы замѣтимъ, что бумаги при дознаніи изводятся порядкомъ, но протоколы полиціи весьма небрежны и, по увѣренію чиновъ прокуратуры, нерѣдко пребываютъ въ непримиримой враждѣ съ истиной. Поэтому дознанія полиціи по дѣламъ, направляемымъ въ исправительные суды, преторамъ приходится производить вновь и они дѣлаютъ это дѣло съ чрезвычайной обстоятельностью, дабы избѣжать непріятной перспективы дополнительныхъ дознаній, но собственно внѣшняго порядка въ дознаніяхъ нѣтъ. Бумаги не подшиты какъ слѣдуетъ, написаны небрежно, нерѣдко на

лоскуткахъ бумаги. Конечно, мы не могли оцѣнить этихъ дознаній, не зная тѣхъ дѣлъ, къ которымъ они относятся, но и изъ нихъ можно было вывести заключеніе, что неаполитанская полиція весьма мало интересуется тѣмъ, чтобы предавать въ руки правосудія нарушителей общественнаго порядка и спокойствія. Напр., мы видѣли дознаніе объ избіеніи неизвѣстно кѣмъ *двухъ* полицейскихъ. Такъ потерпѣвшіе и остались не отмщены. Это, говорятъ, бываетъ—нерѣдко.

Присутствовать лично при болѣе или менѣе интересномъ дознаніи намъ, однако, не удалось. Во время нашего пребыванія въ Неаполѣ, хотя и было два довольно серьезныхъ убійства, одно—съ цѣлью грабежа, но совершены они были на окраинахъ города и мы узнали объ нихъ когда уже дѣла были переданы судебнымъ слѣдователямъ. Тѣ же дознанія, на которыхъ мы присутствовали, ничего интереснаго не представляли. Былъ разъ такой случай. На Санта-Лучія, гдѣ живетъ и собирается всякій неаполитанскій сбродъ и гдѣ постоянно происходятъ недоразумѣнія, обыкновенно кончающіяся хорошимъ ударомъ ножа, намъ пришлось присутствовать при томъ, какъ какой-то калабриецъ, поспоривъ съ товарищемъ, будто бы его обсчитавшимъ, не долго думая засадилъ ему ножъ въ бокъ. Находившійся вблизи полицейскій, услышавъ отчаянный крикъ раненаго, сначала не обратилъ на него никакого вниманія, но когда раздались крики „убить, убить“, то онъ рѣшилъ посмотрѣть въ чемъ дѣло. Надо было видѣть, съ какимъ невозмутимымъ спокойствіемъ блюститель порядка и хранитель общественнаго спокойствія подходилъ къ валявшемуся въ пыли раненому, чтобы вполне оцѣнить все неуваженіе къ человѣку и презрѣніе къ человѣческимъ страданіямъ, которое сплошь проявляютъ неаполитанскіе полицейскіе. „Жестокіе, сударь, нравы въ нашемъ городѣ“, могутъ сказать неаполитанцы, пародируя извѣстную фразу Кулибина въ „Грозѣ“ Островскаго. Калабриецъ, такъ угостившій пріятеля, далъ себя арестовать двумъ случайно проходившимъ мимо солдатамъ и они передали его полицей-

скимъ, а раненаго отнесли въ ближайшій приѣмный покой, гдѣ и подали ему первую, правда нѣсколько позднюю, помощь. Ни въ чемъ такъ ярко не выразилась слабость неаполитанской полиціи, какъ въ полной безуспѣшности ея борьбы съ каморрой, которая, несмотря на всѣ принимаемыя противъ нея мѣры, продолжаетъ процвѣтать и до настоящаго времени. Чтобы покончить съ розысками преступленій намъ надо остановиться на роли прокурорскаго надзора въ этой стадіи процесса.

Главный надзоръ за дѣятельностью по розыску, какъ должностныхъ лицъ, такъ и чиновъ судебной полиціи, сосредоточивается въ рукахъ генераль-прокурора апелляціоннаго суда. Если онъ усмотритъ въ ихъ дѣятельности какойнибудь промахъ или небрежность, то онъ дѣлаетъ виновному предостереженіе, которое заносится въ особую, для того заведенную книгу. Въ случаѣ рецидива (рецидивомъ признается повтореніе проступка въ годовой срокъ со дня полученія предостереженія), генераль-прокуроръ о неправильныхъ дѣйствіяхъ судебной полиціи доноситъ министру юстиціи. Къ генераль-прокурору же обращаются съ жалобами на дѣйствія судебной полиціи какъ официальные, такъ и частныя лица. Надзоръ генераль-прокурора за дознаніями, конечно, не можетъ быть особенно дѣйствителенъ, такъ какъ и безъ того у генераль-прокурора пропасть дѣла, впрочемъ въ его камерѣ мы видѣли не мало переписокъ по неправильностямъ дознанія и, кажется, даваемые имъ предостереженія носятъ характеръ далеко не платоническій. Во всякомъ случаѣ до генераль-прокурора, главнымъ образомъ, доходятъ свѣдѣнія о безпорядкахъ при дознаніяхъ чрезъ королевскаго прокурора, который обязанъ ему сообщать о всѣхъ преступленіяхъ и проступкахъ, имѣвшихъ мѣсто въ округѣ суда, при которомъ онъ состоитъ. При полученіи извѣщенія о совершившемся преступленіи, королевскій прокуроръ обязанъ немедленно увѣдомить слѣдователя о случившемся и препроводить къ нему всѣ собранныя дознаніемъ свѣдѣнія и самъ обязанъ, не выжидая прибытія слѣдователя, принять всѣ зависящія отъ него

мѣры для раскрытія преступленія и произвести допросъ по дозрѣваемаго, если таковой находится на лицо.

Въ случаѣ застигнутыхъ преступленій, влекущихъ за собою наказаніе не ниже трехмѣсячнаго тюремнаго заключенія, прокуроръ долженъ немедленно отправиться на мѣсто преступленія, гдѣ обязанъ собрать всѣ свѣдѣнія о совершенномъ преступномъ дѣяніи, произвести всѣ необходимые осмотры и изслѣдованія, допросить подозрѣваемаго и свидѣтелей, руководствуясь при этомъ правилами, предписанными закономъ для судебныхъ слѣдователей. Если совершенное дѣяніе подсудно исправительному суду, то прокуроръ немедленно по допросѣ обвиняемаго отсылаетъ его, въ сопровожденіи полицейскихъ, производившихъ первоначальное дознаніе и необходимыхъ для рѣшенія дѣла свидѣтелей, въ исправительный судъ, который и обязанъ немедленно разобрать дѣло. Если въ это время трибуналъ не засѣдаетъ, то разборъ отлагается до другого дня и обвиняемый арестуется. Этотъ порядокъ не распространяется на дѣла по нарушеніямъ законовъ о печати и на политическія преступленія. Препровожденный прямо въ судъ обвиняемый имѣетъ право просить объ отсрочкѣ засѣданія, для приготовленія къ защитѣ, и судъ обязанъ отсрочить разборъ дѣла на три дня. При этомъ, а равно и въ случаяхъ, когда разборъ дѣла откладывается по усмотрѣнію суда, обвиняемый можетъ быть освобожденъ отъ содержанія подъ стражей, какъ съ потребованіемъ поручительства, такъ и безъ онаго, но съ обязательствомъ неотлучки съ мѣста жительства. Застигнутыми преступленіями, по итальянскимъ законамъ, считаются не только тѣ, когда преступникъ задержанъ спустя непродолжительное время послѣ обнаруженія, или если онъ прямо уличается потерпѣвшимъ или общественной молвою (*publico clamore*), или при немъ будутъ найдены поличное, оружіе, орудія и, вообще, какія либо вещи, дающія право предполагать, что преступленіе совершено имъ, но къ нимъ же относится случай, когда хозяинъ того помѣщенія, въ которомъ произошло преступное дѣяніе, требуетъ признанія его таковымъ.

По прибытіи на мѣсто преступленія судебного слѣдователя, прокуроръ передаетъ ему руководство разслѣдованіемъ преступленія, но въ случаѣ наличности сильныхъ уликъ противъ подозрѣваемаго, или въ случаѣ покушенія послѣдняго на побѣгъ—онъ можетъ самъ распорядиться о немедленномъ заключеніи подозрѣваемаго подъ стражу.

Въ преступленіяхъ незастигнутыхъ, если арестъ подозрѣваемаго произведенъ по распоряженію претора, полицейскаго инспектора или другаго должностнаго лица, арестованный немедленно препровождается къ прокурору, который обязанъ его допросить, собрать о немъ болѣе существенныя свѣдѣнія и препроводить его къ судебному слѣдователю не позднѣе какъ чрезъ 24 часа. При разслѣдованіяхъ, производимыхъ прокуроромъ, обязательно присутствуетъ секретарь, но въ выборѣ этого секретаря прокуроръ не особенно стѣсненъ. Секретарскія обязанности при немъ могутъ исполнять, кромѣ его личнаго секретаря, канцелярскій чиновникъ суда, офицеръ корпуса жандармовъ, нотариусъ, помощникъ нотариуса, присяжный канцеляристъ изъ состоящихъ при секретаріатѣ, муниципальный совѣтникъ или, наконецъ, вмѣсто секретаря могутъ быть приглашены двое свидѣтелей.

Изложенный порядокъ имѣетъ весьма много общаго съ французскимъ порядкомъ разслѣдованія преступленій ¹⁾, даже правильнѣе сказать — это просто съ него сколокъ. Тѣмъ не менѣе мѣстныя условія жизни и національный характеръ наложили своеобразный отпечатокъ на розыскъ преступленій въ Италіи (оговариваемся, мы имѣемъ въ виду только южную Италію, сѣверная намъ слишкомъ мало извѣстна, чтобы давать право дѣлать какіе-либо выводы). Если во Франціи слышатся голоса, что прокурорскій надзоръ имѣетъ слишкомъ много власти и что судейскія функціи не подобаетъ поручать не судьямъ, то въ Италіи ужъ никакъ нельзя обвинять прокуроровъ, въ томъ что они слишкомъ усердствуютъ держась обвинитель-

---

¹⁾ См. нашу статью „Судебно-полицейскій розыскъ у насъ и во Франціи“, Юридическій Вѣстникъ за 1884 г. № 7.

наго направленія и что подозрѣваемый въ ихъ глазахъ всегда является виновнымъ. Все дѣло дознаній свалено, какъ мы уже замѣчали выше, на преторовъ, которые такъ обременены работою, что рады всячески сбыть дознаніе, если, впрочемъ, потерпѣвшій не принадлежитъ къ числу вліятельныхъ лицъ, могущихъ помочь претору выбраться изъ его каторжнаго служебнаго положенія. Не входя въ подробный критическій разборъ постановки розыска преступленій по итальянскому законодательству, мы отмѣтимъ только, что тамъ чрезвычайно злоупотребляютъ понятіемъ застигнутыхъ преступленій, особенно по дѣламъ, невызывающимъ особаго общественнаго вниманія. Разъ преступленіе совершено въ домѣ, то хозяину или приказывается, если онъ человѣкъ простой и не бойкій, или намекается, если онъ человѣкъ самостоятельный— требовать, чтобы преступленіе было признано застигнутымъ. Въ такихъ случаяхъ преторъ, по уполномочію прокурорскаго надзора, живо производитъ разслѣдованіе и отправляетъ дѣло къ прокурору. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ ему поручается произвести дополнительное дознаніе. Нѣтъ сомнѣній, этотъ порядокъ приводитъ къ необычайной быстротѣ разслѣдованій, но чтобы онъ былъ особенно удобенъ для точности и вѣрности изслѣдованія, то въ этомъ можно весьма и весьма усомниться. Поклонники этой быстроты указывали намъ въ защиту этого порядка, что жалобъ на него поступаетъ мало, но едва-ли, принимая во вниманіе неразвитость неаполитанскаго населенія, подобный мотивъ заслуживаетъ уваженія.

Теперь обратимся къ дѣятельности судебныхъ слѣдователей и хотя вопросъ о ихъ положеніи въ Италіи—насколько намъ, по крайней мѣрѣ, извѣстно—въ русской юридической литературѣ почти не затрогивался, тѣмъ не менѣе по условіямъ мѣста мы не можемъ останавливаться на немъ особенно подробно. Сначала мы приведемъ сущность узаконеній, регламентирующихъ ихъ дѣятельность, а потомъ коснемся нашихъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ, къ сожалѣнію весьма кратковременнаго, личнаго съ ними знакомства. Судебный слѣдователь занимаетъ первое мѣсто среди чиновъ судебной полиціи.

Прибывши на мѣсто преступленія онъ дѣлается хозяиномъ производящагося разслѣдованія и по своему усмотрѣнію можетъ измѣнить составленные уже акты, если находятъ таковыя неполными или неправильными. Эти первенствующая роль принадлежитъ судебному слѣдователю даже и въ томъ случаѣ, если окажется, что разслѣдуемое преступленіе совершено не въ его участкѣ. Въ этомъ случаѣ акты произведеннаго имъ предварительнаго разслѣдованія онъ передаетъ подлежащему судебному слѣдователю. Впрочемъ и по закону производство разслѣдованій на мѣстѣ слѣдователь, кромѣ случаевъ особой важности, можетъ поручить претору (что обыкновенно и дѣлается въ Неаполѣ), или полицейскому комиссару, которые, по окончаніи возложеннаго на нихъ порученія, препровождаютъ составленные ими акты на его распоряженіе. При дознаніяхъ, лично производимыхъ слѣдователемъ, равно какъ и при производствѣ слѣдствія, на нихъ могутъ присутствовать лица прокурорскаго надзора и обязательно присутствіе секретаря или лица, исполняющаго его обязанности, которымъ можетъ быть и нотаріусъ и кандидатъ на должность нотаріуса или даже простой канцелярскій чиновникъ, который предварительно даетъ клятвенное обѣщаніе съ должной внимательностью исполнять свои обязанности и хранить втайнѣ добытыя слѣдствіемъ данныя. Если слѣдствія начинаются предложеніемъ лица прокурорскаго надзора, или по жалобѣ потерпѣвшаго, прямо направленной къ судебному слѣдователю, онъ обязанъ произвести требуемое разслѣдованіе и по просьбѣ потерпѣвшаго, заявляющаго гражданскій искъ, установить наличность понесенныхъ имъ убытковъ.

Свидѣтелямъ, подлежащимъ допросу, воспрещается предлагать коварные (*suggestive*) вопросы. Отвѣты должны записываться дословно, безъ произвольныхъ сокращеній секретаремъ. Протоколъ допроса прочитывается секретаремъ внятнымъ и яснымъ голосомъ и подписывается свидѣтелемъ, лицомъ прокурорскаго надзора, если таковое присутствовало при допросѣ, слѣдователемъ, и скрѣпляется секретаремъ. Отсутствіе

этой скрѣпы дѣлаетъ протоколъ недѣйствительнымъ. Относительно оговорокъ и исправленій въ протоколахъ, въ уставѣ судопроизводства существуетъ цѣлый рядъ правилъ, которыя остаются гласомъ вопіющимъ въ пустынь и тѣ протоколы, которые намъ случалось видѣть, черкались и перечеркивались безъ всякихъ правилъ. Точно также весьма подробно регламентированы вопросы о допросѣ чрезъ переводчиковъ, допросѣ глухонѣмыхъ и проч. Секретари за нарушеніе правилъ, предписанныхъ закономъ относительно составленія протоколовъ, могутъ быть подвергнуты штрафу въ 25 лиръ. Если судебный слѣдователь находитъ невозможнымъ исполнить предложеніе лица прокурорскаго надзора, то онъ составляетъ объ этомъ постановленіе, которое и препровождаетъ къ генералъ-прокурору, который чрезъ пять дней обязанъ представить свое заключеніе по этому предмету и всѣ акты въ обвинительную камеру, которая также въ пятидневный срокъ, должна постановить по дѣлу окончательное рѣшеніе. Затѣмъ, большое значеніе для слѣдственной части имѣетъ такъ назыв. *самега di consiglio*, но прежде нежели говорить объ ея организаціи, мы скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ правилахъ, которыми руководятся при возбужденіи слѣдствія, при обыскахъ, изслѣдованіяхъ мертвыхъ тѣлъ, арестованіи подозрѣваемыхъ и ихъ освобожденіи.

Что касается до принятія заявленія и жалобы, то въ этомъ никакихъ особенностей уставъ не представляетъ: ихъ обязано принимать всякое должностное лицо; а потому мы прямо перейдемъ къ постановленіямъ о гражданскихъ искахъ. Гражданскій искъ за убытки, причиненные преступленіемъ, можетъ быть веденъ совершенно самостоятельно въ гражданскомъ судѣ, даже ранѣе окончанія слѣдствія, но по просьбѣ потерпѣвшаго онъ можетъ быть признанъ и гражданскимъ истцомъ въ уголовномъ процессѣ. Требованіе объ этомъ обращается къ лицу, производящему слѣдствіе или къ суду, если оно заявляется по окончаніи слѣдствія, но просить о признаніи гражданскимъ истцомъ въ апелляціонной инстанціи возбраняется. Въ случаяхъ, если обвиняемый прямо, по дознаніи,

препровождается въ судъ, просьба о признаніи потерпѣвшаго гражданскимъ истцомъ должна быть заявлена до открытія засѣданія. О признаніи стороны гражданскимъ истцомъ оповѣщаются какъ прокуроръ, такъ и обвиняемый, и со времени признанія гражданскому истцу посылаются копіи съ постановленій, для чего онъ, одновременно съ заявленіемъ иска, долженъ обозначить свое мѣстожителство, куда ему и посылаются всѣ бумаги. Въ пятидневный срокъ со дня заявленія о гражданскомъ искѣ, предъявившій его потерпѣвшій обязанъ представить доказательства какъ своего права на искъ, такъ и размѣра понесенныхъ имъ убытковъ. Впрочемъ истецъ можетъ оговорить въ прошеніи „что размѣръ убытковъ онъ желаетъ отыскивать гражданскимъ судомъ.“ Гражданскій истецъ можетъ всегда отказаться отъ гражданского иска, но въ дѣлахъ, начинаемыхъ единственно по жалобѣ потерпѣвшаго и оканчиваемыхъ примиреніемъ, если при томъ есть нѣсколько соучастниковъ, отказъ отъ иска относительно одного изъ соучастниковъ, освобождаетъ и всѣхъ другихъ отъ гражданской отвѣтственности. Нужно замѣтить, что въ южной Италіи судиться вообще любятъ и, потому, даже ничтожно потерпѣвшіе отъ какого-либо преступленія не упускаютъ случая заявлять гражданскіе иски. Несмѣтное количество неаполитанскихъ адвокатовъ, конечно, оказываетъ немало вліянія на развитіе и укрѣпленіе этой страсти къ сутяжничеству.

Перейдемъ теперь къ рассмотрѣнію правилъ, предписываемыхъ закономъ относительно экспертовъ и производства обысковъ.

Правила эти отличаются крайней подробностью и стараются предусмотрѣть и регламентировать всякую мельчайшую подробность процесса. Напр. ст. 132 уст. угол. судопр. говорить, что если экспертъ не можетъ дать немедленно заключенія о свойствѣ поврежденія, то онъ даетъ таковое тогда, когда это позволитъ состояніе потерпѣвшаго и т. д. Конечно на подобныхъ постановленіяхъ мы останавливаться не будемъ, а отмѣтимъ только положенія наиболѣе своеобразныя и интересныя. Прежде всего укажемъ, что уставъ уголовного судоп-

производства не особенно тщательно охраняет неприкосновенность жилища. Право производить обыски не только въ квартирѣ обвиняемаго, но и у лицъ, у которыхъ предполагается найти вещи, полезныя для раскрытія преступленія, предоставляется всякому лицу, производящему разслѣдованіе, причемъ особенно широко пользоваться этимъ правомъ разрѣшается когда дѣло идетъ о приготовленіи фальшивыхъ денежныхъ знаковъ и государственныхъ бумагъ. Производство обысковъ запрещено ночью (отъ пяти часовъ вечера до семи утра—съ 1 октября по 31 марта и съ восьми часовъ вечера до семи часовъ утра—въ остальное время года), но и это ограниченіе не имѣетъ на практикѣ никакого значенія, такъ какъ по закону въ случаяхъ, если по обстоятельствамъ дѣла есть основаніе предполагать, что замедленіе въ производствѣ обыска можетъ вредно отозваться на интересахъ слѣдствія, обыски дозволяются во всякое время. При обыскахъ должны присутствовать—хозяинъ помѣщенія, гдѣ обыскъ производится, или его довѣренный или, наконецъ, двое его родственниковъ или сосѣдей. Но отсутствіе этихъ лицъ не можетъ препятствовать производству обыска.

Производство обысковъ въ почтовыхъ конторахъ и выемка писемъ обставлены нѣкоторыми гарантіями, указанными въ почтовомъ регламентѣ, но и онѣ не могутъ считаться особенно ограждающими неприкосновенность почтовой корреспонденціи, такъ какъ ихъ можно нарушать въ случаяхъ, признаваемыхъ исключительными. Что касается собственно производства экспертизы, то заслуживаютъ вниманія слѣдующія постановленія. По закону экспертовъ должно быть двое и только въ случаяхъ крайней необходимости разрѣшается ограничиваться однимъ экспертомъ. Быть въ одно и тоже время и экспертомъ и свидѣтелемъ не дозволяется. Эксперты не могутъ быть лица потерявшія гражданскія права и родственники обвиняемаго, какъ по рожденію, такъ и по усыновленію. Точно также не могутъ быть экспертами врачи и акушерки, которымъ были довѣрены какія либо семейныя тайны, если дѣло касается этихъ тайнъ. Эксперты допрашиваются подъ присягой

и безприсяжный допросъ никакого значенія имѣть не можетъ. Если приглашенные эксперты, по всестороннемъ изслѣдованіи подлежащаго лица или предмета не придутъ къ единогласному заключенію, то приглашается третій экспертъ, которому и сообщается весь изслѣдованный матеріалъ и онъ даетъ мотивированное мнѣніе. По усмотрѣнію лица, производящаго слѣдствіе, и на вторичную экспертизу можетъ быть приглашено вмѣсто одного нѣсколько экспертовъ.

Не основанный на законныхъ мотивахъ отказъ эксперта явиться на производство экспертизы или дать мотивированное заключеніе, послѣ экспертизы влечетъ за собою отвѣтственность по уголовному уложенію. Въ этихъ случаяхъ производящій дознаніе составляетъ протоколъ и препровождаетъ его къ прокурору; отъ котораго и зависитъ возбужденіе преслѣдованія.

Что касается собственно до медицинской экспертизы, то, особенно въ послѣднее время, когда новая антропологическая школа пріобрѣла не мало послѣдователей, у итальянскихъ врачей и профессоровъ медицинскихъ факультетовъ замѣчается большой интересъ къ преступникамъ и врачи охотно берутъ на себя ихъ изслѣдованія, конечно въ случаяхъ, если затрогиваются какіе либо вопросы психологіи и антропологіи. Судебнымъ дѣятелямъ, не принадлежащимъ къ новой школѣ, эта любовь врачей къ производству экспертизъ, особенно о состояніи умственныхъ способностей обвиняемыхъ, не нравится. Они увѣряютъ, что врачи готовы признать всякаго преступника помѣшаннымъ или совершившимъ преступленіе въ аффектѣ, однимъ словомъ—признать его невмѣняемымъ. Въ этомъ, надо сознаться, они правы. Но къ врачамъ предъявляется еще другое, очень серьезное обвиненіе. Говорятъ, что многіе изъ нихъ такъ охотно соглашаются производить экспертизы вовсе не изъ желанія открыть правду и послужить, такимъ образомъ, справедливости, а единственно съ цѣлью себя рекламировать или доказать справедливость проповѣдуемыхъ ими теорій. Въ послѣднемъ всего болѣе обвиняютъ дѣятелей новой школы. Не избѣгъ этихъ нападокъ и знаменитый Ломброзо;

напротивъ, на него они сыпались и сыпятся болѣе чѣмъ на другихъ. Увѣряють, что въ громадномъ большинствѣ заключеній, даваемыхъ имъ какъ экспертомъ, онъ притягиваетъ за волосы факты, могущіе будто бы подтвердить его теорію о преступномъ человѣкѣ. Это обвиненіе, нужно также сознаться, имѣетъ нѣкоторое основаніе, но нечего и говорить, что оно преувеличено. Ломброзо человѣкъ страшно увлекающійся и фанатически преданный своимъ идеямъ о преступномъ человѣкѣ. Неудивительно, поэтому, что онъ вноситъ это увлеченіе и въ свои экспертизы, а страсть, какъ извѣстно, далеко не помогаетъ раскрытію истины, особенно въ дѣлахъ судебныхъ. Впрочемъ развѣ у насъ, особенно нѣсколько лѣтъ тому назадъ, не замѣчалось тоже явленіе? Развѣ наши врачи-психіатры, давая заключенія въ судебныхъ процессахъ, не склонны были въ каждомъ преступникѣ видѣть невмѣняемаго? Пожалуй, впрочемъ, врачи, съ своей точки зрѣнія, и правы — нормальныхъ людей нѣтъ, во всякомъ человѣкѣ есть странности и такъ какъ юридическими свѣдѣніями врачи не обладаютъ, то и понятно, что юридическая теорія вмѣненія толкуется ими вкривъ и вкось.

По незначительнымъ процессамъ, не вызывающимъ общественнаго вниманія и не могущимъ, поэтому, служить рекламой, судебно-медицинская экспертиза въ Италіи не отличается отъ нашей провинціальной экспертизы, т. е. въ огромномъ большинствѣ случаевъ она никуда не годится. Обратимся теперь къ порядку вызова и допроса свидѣтелей. При допросахъ по уголовнымъ дѣламъ законъ требуетъ ограничивать число свидѣтелей лишь тѣмъ количествомъ, которое дѣйствительно необходимо для всесторонняго разрѣшенія дѣла, но при этомъ слѣдователь обязанъ разъяснять какъ обстоятельства, уличающія подсудимаго, такъ и обстоятельства, его оправдывающія. Способъ вызова свидѣтелей тотъ же какъ и у насъ, при помощи повѣстокъ, но если свидѣтель живетъ въ городѣ, гдѣ производится дознаніе, то онъ можетъ быть приглашенъ и безъ повѣстки, чрезъ полицейскаго, что обыкновенно и дѣлается. За неявку безъ законныхъ причинъ слѣдователь

можетъ собственной властью подвергнуть свидѣтеля штрафу въ размѣрѣ до 20 лиръ и можетъ подвергнуть приводу къ слѣдующему засѣданію. Допросъ свидѣтелей можетъ производиться какъ въ камерѣ слѣдователя, такъ и на мѣстѣ совершенія преступленія. Преторъ обыкновенно допрашиваетъ на мѣстѣ, слѣдователь—въ своей камерѣ.

Къ слову замѣтимъ, что съ свидѣтелями въ Италіи не особенно церемонятся и заставляютъ ихъ прождать часокъ-другой, пока начальство сходитъ позавтракать, за особый грѣхъ не считается. Бываетъ, что заставляютъ придти и на другой день. Отъ свидѣтелей перейдемъ къ обвиняемымъ. Обвиняемые вызываются къ слѣдствію или повѣсткой о явкѣ или подвергаются приводу. Въ послѣднемъ случаѣ они немедленно арестуются полиціей. Подвергать приводу разрѣшается вообще лишь обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою наказаніе тюремнымъ заключеніемъ на срокъ выше трехъ мѣсяцевъ, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ рецидива, за который наказаніе по закону меньше трехмѣсячнаго заключенія. Точно также могутъ быть подвергнуты приводу лица, хотя и обвиняемыя въ незначительныхъ нарушеніяхъ, но не имѣющія опредѣленнаго мѣстожителства, или скрывшіяся, или же неявившіяся по полученной ими повѣсткѣ. Въ послѣднемъ случаѣ приводъ допускается только тогда, когда за преступленіе, въ которомъ обвиняется подозрѣваемый, назначается наказаніе вообще не меньше тюремнаго заключенія. Если обвиняемый представитъ доказательства законной причины своей неявки, то постановленіе объ арестѣ отмѣняется. Слѣдователь можетъ обязать обвиняемаго не покидать своего мѣстожителства, подъ угрозой, что за неисполненіе этого требованія онъ будетъ подвергнутъ заключенію. По одной жалобѣ частнаго лица никто не можетъ быть подвергнутъ приводу къ слѣдствію, но если жалоба подкрѣплена доказательствами, внушающими довѣріе, напр. рѣшеніями судебныхъ мѣстъ, законно составленными протоколами полиціи и т. д., то слѣдователь можетъ издать приказъ объ арестѣ. О всѣхъ приказахъ сообщается прокурорскому надзору. Порядокъ врученія повѣстокъ ничего

особаго не представляет и вполне тождественъ съ практикующимся у насъ. Если производится арестъ лица, проживающаго въ частной квартирѣ, то въ приказѣ объ арестѣ это должно быть обозначено и, кромѣ того, въ этихъ случаяхъ при арестѣ обязательно присутствуетъ или преторъ, или делегатъ, или синдикъ. До явки одного изъ этихъ лицъ или заступающихъ ихъ мѣсто, полиція принимаетъ мѣры, чтобы лишить обвиняемаго возможности побѣга. Арестованный полиціей немедленно препровождается къ должностному лицу, по приказу котораго онъ арестованъ. Въ случаѣ болѣзни лица, подлежащаго приводу, производящій разслѣдованіе дѣла отправляется къ нему на квартиру вмѣстѣ съ врачомъ и если врачъ найдетъ невозможнымъ немедленно препроводить его въ тюрьму, то до выздоровленія онъ подвергается домашнему аресту. Лицо, арестованное при застигнутомъ преступленіи, если за совершенный имъ проступокъ оно по закону не подлежитъ предварительному аресту, по допросѣ немедленно освобождается преторомъ. Но если совершенный проступокъ неподсуденъ претору, то онъ, снявъ допросъ съ обвиняемаго, немедленно препровождаетъ протоколъ допроса прокурору подлежащаго суда. Точно также и судебный слѣдователь въ 24 часа по допросѣ обвиняемаго препровождаетъ всѣ акты допроса прокурору. Если слѣдователя нѣтъ на мѣстѣ, то, по распоряженію предсѣдателя суда, онъ можетъ быть замѣненъ другимъ слѣдователемъ. Прокуроръ въ двое сутокъ со дня полученія слѣдственныхъ актовъ обязанъ дать по дѣлу письменное заключеніе, которое препровождаетъ къ слѣдователю, который въ 24 часа по его полученіи обязанъ препроводить все дѣло въ совѣщательную камеру (camera di consiglio—она состоитъ изъ двухъ судей исправительнаго трибунала и одного судебного слѣдователя по назначенію, на годъ, первымъ предсѣдателемъ апелляціоннаго суда). Но если дѣло, по мнѣнію прокурора, не нуждается въ дальнѣйшихъ разслѣдованіяхъ, то онъ препровождаетъ его, какъ выше было указано, прямо въ судъ. Въ совѣщательной камерѣ предсѣдательствуетъ предсѣдатель или товарищъ предсѣдателя суда, если таковой на-

ходится въ числѣ двухъ судей камеры, въ противномъ случаѣ председательствуетъ старшій по лѣтамъ. Если совѣщательная камера усмотритъ, что улики противъ обвиняемаго достаточны, то она утверждаетъ постановленіе объ его арестѣ, если же по ея мнѣнію улики недостаточны и требуется дополнительное разслѣдованіе, то она постановляетъ объ освобожденіи арестованнаго на поруки или безъ поручительства и, кромѣ того, можетъ обязать его подпискою о неотлучкѣ съ мѣста жительства. Если обвиняемый еще не розысканъ, но постановленіе объ его арестѣ состоялось и таковое камера признаетъ правильнымъ, то дѣло возвращается слѣдователю, который не далѣе какъ чрезъ пять дней по задержаніи обвиняемаго обязанъ его допросить, и протоколъ допроса препроводить къ прокурору, а дѣло представить въ камеру. Въ 24 часа по полученіи протокола допроса, прокуроръ представляетъ камерѣ свое новое заключеніе по дѣлу. Оно разсматривается камерой вмѣстѣ съ дѣломъ. Если камера найдетъ, что арестованный подлежитъ освобожденію, то она его освобождаетъ, но если слѣдователь, при дальнѣйшемъ разслѣдованіи, найдетъ новыя улики, то онъ сообщаетъ объ этомъ прокурору, который вноситъ въ камеру свое заключеніе по этому предмету и отъ камеры зависитъ издать новый приказъ объ арестѣ. Прокуроръ присутствуетъ въ камерѣ при разборѣ дѣлъ и можетъ словесно дополнять свое письменное заключеніе. Обвиняемый и гражданскій истецъ на засѣданіе камеры не приглашаются и могутъ представлять лишь письменныя объясненія, но таковыя необязательны и камера поставляетъ рѣшенія и безъ нихъ. Опредѣленія камеры должны быть подробно мотивированы. Прокуроръ можетъ обжаловать камерѣ преданія суду постановленія совѣщательной камеры, если послѣдняя, вопреки его заключенію, или освободила обвиняемаго изъ подъ стражи, или не издала приказа объ арестѣ относительно обвиняемаго, находящагося на свободѣ, или вовсе не потребовала поручительства или, наконецъ, назначило послѣднее въ размѣрѣ меньшемъ, нежели требовалъ прокуроръ. Во время обжалованія обвиняемый

безъ разрѣшенія прокурора не можетъ быть освобожденъ. По полученіи протеста генералъ-прокуроръ въ теченіи трехъ дней обязанъ предложить таковой обвинительной камерѣ, которая должна рассмотреть протестъ въ теченіи пяти дней. Рѣшенія обвинительной камеры окончательныя. Обвиняемому также предоставляется право обжаловать постановленія совѣщательной камеры—камерѣ преданія суду.

Освобождать отъ предварительнаго ареста безусловно воспрещается:

1) праздношатающихся, бродягъ и нищихъ, уже бывшихъ присужденными къ уголовному наказанію по обвиненію въ кражѣ, подлогѣ и мошенничествѣ, и вновь обвиняемыхъ въ тѣхъ же преступленіяхъ;

2) лицъ, застигнутыхъ во время совершенія преступленія или задержанныхъ немедленно послѣ совершенія преступленія по заявленію потерпѣвшихъ или народной молвѣ,

и 3) лицъ, обвиняемыхъ въ возмущеніи, сопротивленіи или насиліи противъ представителей общественной власти и полиціи (въ послѣднемъ случаѣ могутъ быть освобождены отъ задержанія обвиняемые, достигшіе 18-тилѣтняго возраста).

Во всякомъ положеніи процесса обвиняемый можетъ просить объ освобожденіи его изъ подъ стражи. Въ болѣе серьезныхъ преступленіяхъ освобождаютъ обвиняемыхъ подъ залогъ или поручительство, сумма котораго назначается сообразно состоятельности обвиняемаго и важности совершеннаго имъ проступка. Впрочемъ, бѣдныхъ обвиняемыхъ, доказавшихъ свою безупречную прошлую жизнь, разрѣшается освобождать и безъ поручительства. Всякій освобожденный обвиняемый даетъ подписку не повидать, безъ разрѣшенія подлежащей власти, избранное имъ мѣстожителство и являться къ суду и слѣдствію въ продолженіи пятидневнаго, со дня полученія повѣстки, срока. Неисполнившій этого обязательства лишается внесеннаго имъ залога, который дѣлается собственностью государства и тогда обвиняемый безусловно заключается подъ стражу. Изъ удержаннаго залога, въ случаѣ не-

состоятельности обвиненнаго, уплачиваются издержки, понесенныя потерпѣвшимъ во время леченія отъ причиненныхъ ему поврежденій, издержки на защиту и всѣ судебныя издержки, а равно и вознагражденіе за убытки, причиненныя потерпѣвшему. Требованіе послѣднихъ должно послѣдовать въ годичный срокъ со дня вступленія рѣшенія въ законную силу, въ противномъ случаѣ оно не подлежитъ удовлетворенію.

Правила о допросѣ обвиняемыхъ, о разслѣдованіяхъ и очныхъ ставкахъ не представляютъ по итальянскому уставу уголовного судопроизводства особенно интересныхъ постановленій. Замѣтимъ только, что очныя ставки вообще допускаются лишь въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою тюремное заключеніе или болѣе строгое наказаніе и, при томъ, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда инымъ путемъ невозможно добраться до истины.

Что касается до порядка заключенія слѣдствія, то судебный слѣдователь, признавъ дѣло достаточно разслѣдованнымъ, немедленно препровождаетъ его къ королевскому прокурору, который въ теченіи трехъ дней обязанъ составить свое заключеніе по дѣлу и возвратить его слѣдователю и тотъ, вмѣстѣ съ своимъ окончательнымъ постановленіемъ, представляетъ дѣло совѣщательной камерѣ. Эта послѣдняя собирается разъ въ недѣлю и чаще, если въ томъ представляется необходимость. Разсмотрѣвъ дѣло и находя слѣдствіе неполнымъ, совѣщательная камера возвращаетъ дѣло къ дослѣдованію, по окончаніи котораго дѣло тѣмъ же порядкомъ вновь поступаетъ въ камеру. Если, затѣмъ, по разсмотрѣніи окажется, что дѣло не подлежитъ сужденію въ общемъ порядкѣ, то оно препровождается къ подлежащему спеціальному суду. Если камера найдетъ, что дѣяніе подсудимаго не заключаетъ въ себѣ признаковъ преступленія или что собранныя противъ обвиняемаго улики недостаточны для преданія его суду, то она прекращаетъ дѣло и если обвиняемый арестованъ, то дѣлаетъ распоряженіе о немедленномъ его освобожденіи. Если дѣло, по мнѣнію камеры, подсудно претору, то дѣло отсылается къ нему и обвиняемый освобождается, если онъ не

принадлежитъ къ числу лицъ, неподлежащихъ предварительному освобожденію. Когда преступное дѣяніе обвиняемаго подсудно исправительному суду, то дѣло отсылается въ этотъ судъ. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ дѣло препровождается чрезъ прокурора, но если дѣло подсудно суду съ присяжными, то оно препровождается къ генераль-прокурору, который въ десятидневный срокъ обязанъ составить по дѣлу свое заключеніе и внести его въ камеру преданія суду. Препровождая дѣло къ генераль-прокурору, совѣщательная камера, если дѣло касается преступленія и обвиняемый не арестованъ, дѣлаетъ распоряженіе объ арестѣ обвиняемаго. На постановленія совѣщательной камеры относительно подсудности дѣлъ прокуроръ имѣетъ право протеста, равно какъ и при прекращеніи дѣлъ по недостатку уликъ. Въ послѣднемъ случаѣ къ протесту прокурора можетъ присоединиться и гражданскій истецъ. Также допускаются протесты прокуратуры противъ освобожденія обвиняемыхъ изъ подъ стражи. Освобожденный отъ суда вошедшимъ въ законную силу постановленіемъ совѣщательной камеры, можетъ быть вновь привлеченъ къ слѣдствію лишь въ случаѣ открывшихся новыхъ обстоятельствъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ порядокъ разслѣдованія преступленій по итальянскому уставу судопроизводства. Сравнивая его съ нашимъ порядкомъ мы увидимъ, что тамъ придается гораздо больше значенія слѣдственной власти и прокуратура имѣетъ гораздо менѣе значенія, чѣмъ у насъ. Въ совѣщательной камерѣ слѣдователь долженъ имѣть рѣшающій голосъ, такъ какъ судьи исправительныхъ трибуналовъ, по крайней мѣрѣ въ южной Италіи, инвалиды судебного вѣдомства, которые вполне подчиняются болѣе живому элементу коллегіи—въ лицѣ слѣдователя. Такъ по закону, но въ дѣйствительности прокуратура въ Италіи имѣетъ все-таки, если не *de facto*, то *de jure*, большое значеніе при изслѣдованіи преступленій. Чинамъ прокуратуры, при сравнительно медленномъ служебномъ движеніи чиновъ министерства юстиціи, все-таки судебная карьера болѣе удастся и судьи еже-

минутно ожидая, что товарищъ прокурора будетъ назначенъ товарищемъ предсѣдателя, вовсе не желаютъ портить съ нимъ отношеній и потому они лишь въ исключительныхъ случаяхъ не соглашаются съ его заключеніями. Что касается до личнаго состава слѣдователей, то намъ, къ сожалѣнію, пришлось очень мало съ ними познакомиться. Можетъ быть совершенно случайно, но во время нашего ознакомленія съ неаполитанской юстиціей—неаполитанскіе слѣдователи, съ которыми мы встрѣчались, были люди мрачные и крайне не-сообщительные. Они твердо стояли на одномъ, что при разслѣдованіи ими преступленій—постороннимъ лицамъ, а тѣмъ паче иностранцамъ, быть не надлежитъ. Конечно, при извѣстной настойчивости можно бы было, путемъ разныхъ воздѣйствій, добиться проникновенія въ святую святыхъ этихъ мрачныхъ мудрецовъ, но это едва ли бы къ чему либо привело, такъ какъ безъ искренняго желанія самихъ слѣдователей—все равно мы бы много интереснаго не узнали. Поэтому мы и не пытались сойдтись съ ними поближе и ограничились собраніемъ свѣдѣній о личномъ составѣ слѣдователей отъ близко стоящихъ къ нимъ чиновъ прокурорскаго надзора и судей трибунала. Въ общемъ, эти свѣдѣнія не были и даже далеко не были въ пользу г. г. слѣдователей, но повторять эти отзывы мы не станемъ, такъ какъ они не основаны на нашемъ личномъ наблюденіи и, слѣдовательно, отвѣчать за ихъ вѣрность мы не можемъ. Лично мы могли убѣдиться только въ одномъ, что неаполитанскіе слѣдователи особенно обременять себя занятіями не любятъ и охотно допускаютъ преторовъ производить слѣдственныя дѣйствія, которыя по закону слѣдовало бы производить имъ самимъ.

V.

Ознакомившись съ порядкомъ производства слѣдствій, мы пожелали осмотрѣть тюрьмы судебного вѣдомства (*carceri giudiziarie*) и безконечно любезный генералъ-прокуроръ познакомилъ насъ съ директоромъ тюремъ—по злой ироніи судьбы—носящимъ фамилію Paradiso и поручилъ насъ особому его вниманію. Въ условленный наканунѣ день мы отправились

въ тюрьму св. Франциска, расположенную почти рядомъ съ капуанскимъ замкомъ. Тюрьма эта служить одновременно и домомъ предварительнаго заключенія и мѣстомъ отбытія наказанія для осужденныхъ преторами и исправительными трибуналами на сроки, непревышающіе одинъ годъ. Тюрьма построена среди другихъ частныхъ домовъ и представляетъ собою обширное четырехъугольное и четырехъэтажное зданіе. Окна двухъ нижнихъ этажей закрыты желѣзными рѣшетками. Вхоть въ тюрьму одинъ. Пройдя ворота, калитка которыхъ всегда на замкѣ, вы входите въ довольно большой мощный дворъ съ фонтаномъ по срединѣ и клумбами цвѣтовъ и зелени по краямъ: Противъ входа, въ прекрасномъ бѣломъ съ позолотой кіотѣ—статуя Мадонны, предъ которой горитъ неугасимая лампада. Мадонна вся въ цвѣтахъ и обвѣшана всевозможными украшеніями. Этотъ тюремный дворъ скорѣе напоминаетъ дворъ монастыря, а не тюрьмы и только желѣзныя рѣшетки оконъ указываютъ на дѣйствительное назначеніе окружающихъ дворъ зданій. Прежде чѣмъ мы будемъ описывать, и весьма кратко, наши впечатлѣнія, мы сдѣлаемъ нѣсколько выдержекъ изъ регламента 27 января 1861 года опредѣляющаго внутренніе тюремные порядки, дѣйствующіе и донинѣ. Тюрьма св. Франциска имѣетъ и общія и одиночныя камеры. Подвергнутые одиночному заключенію лишены права сношенія между собою, безъ особаго на каждый разъ разрѣшенія: тюремной администраціи—для отбывающихъ наказаніе и судебной власти—для подслѣдственныхъ. Всякій арестантъ, подвергнутый одиночному заключенію, обязанъ наблюдать чистоту въ своей камерѣ; въ общихъ же камерахъ уборка ихъ совершается арестантами по очереди, причемъ въ каждой такой камерѣ находится старшій изъ арестантовъ, которому ввѣренъ ближайшій надзоръ за порядкомъ общей камеры. Всѣ арестанты обязаны старшему такимъ же повиновеніемъ, какъ и чинамъ тюремной администраціи. (За свою службу старшій получаетъ $\frac{1}{4}$ литра вина въ день). Кромѣ чистоты, старшій обязанъ наблюдать, чтобы въ его камерѣ отнюдь не допускалась никакая тор-

говля или мѣна какими бы то ни было предметами, какъ между самими арестантами, такъ и со сторожами и посторонними лицами, допускаемыми для свиданій. Точно также возбраняются всякія игры, связанныя съ какимъ либо интересомъ. Запрещены также пѣсни, игра на музыкальныхъ инструментахъ и вообще всякое нарушеніе тишины. Безусловное молчаніе обязательно для всѣхъ арестантовъ во время принятія пищи, во время работы, въ школѣ и ночью.

Арестанты сами наблюдаютъ за цѣлостью казеннаго имущества, выданнаго имъ на руки и находящагося въ камерахъ. Въ случаѣ утраты или порчи такового они, кромѣ того, что подвергаются дисциплинарнымъ взысканіямъ, обязаны вознаградить казну изъ заработанныхъ ими денегъ, а если таковыхъ у нихъ нѣтъ, то имъ сокращаютъ выдачу пищи. Если арестантъ, виновный въ порчѣ, не открытъ, то за порчу казеннаго имущества отвѣчаетъ вся камера, въ которой обнаружено дѣяніе. Арестантъ не можетъ имѣть при себѣ ни ножей, ни бритвъ и, вообще, никакого орудія, могущаго причинить смерть или увѣче. Для бритья существуетъ особая камера, гдѣ должность брадоброя исполняетъ одинъ изъ надежнѣйшихъ арестантовъ, по назначенію тюремной администраціи. Въ тюрьмахъ, гдѣ есть особые помѣщенія для пребыванія арестантовъ днемъ, пребываніе въ спальняхъ разрѣшается только во время, опредѣленное для сна; гдѣ же такихъ помѣщеній нѣтъ, тамъ койки на день прикрѣпляются къ стѣнамъ такимъ образомъ, чтобы на нихъ невозможно было лежать. Всякое письменное заявленіе со стороны арестантовъ помѣщается въ особый запертый ящикъ, который ежедневно обносится по камерамъ. Ящикъ этотъ передается директору, который вскрываетъ его и дѣлаетъ надлежащія распоряженія по сдѣланнымъ заявленіямъ. День въ тюрьмѣ начинается по звонку. Умывшись, одѣвшись и убравъ постели и камеры, арестанты обязаны прочитать установленныя молитвы. Одиночные читаютъ ихъ про себя, а въ общихъ камерахъ молитвы громко читаются старшимъ. Затѣмъ слѣдуетъ прогулка во дворѣ, причемъ подслѣдственнымъ аре-

стантамъ общая прогулка можетъ быть разрѣшаема лишь по согласію на то судебной власти. Продолжительность прогулокъ находится въ зависимости отъ времени года. Въ дурную погоду прогулки производятся въ корридорахъ. Малолѣтнимъ и больнымъ, послѣднимъ — по предписаніямъ врача, время прогулки увеличивается. Всѣ отбывающіе наказаніе могутъ быть назначены на общественныя работы. Арестантамъ, знавшимъ до поступленія въ тюрьму какое либо ремесло, разрѣшается имъ заниматься, если это удобно по характеру устройства тюрьмы. Чрезъ посредство тюремной администраціи арестанты могутъ принимать заказы и отъ частныхъ лицъ. Третья часть заработанныхъ арестантами денегъ поступаетъ въ пользу казны, а двѣ трети — въ ихъ личную собственность; но деньги на руки не выдаются и хранятся у администраціи тюрьмы впредь до освобожденія арестанта. Но если арестантъ во все время пребыванія въ тюрьмѣ не подвергался никакимъ дисциплинарнымъ взысканіямъ, то при освобожденіи ему можетъ быть возвращена и та часть заработанныхъ денегъ, которая поступила въ пользу казны.

Арестантамъ разрѣшаются свиданія: подслѣдственнымъ — три раза въ недѣлю и одинъ разъ — осужденнымъ. Дни и часы свиданій (полчаса каждый разъ) впередъ устанавливаются администраціей, но въ исключительныхъ случаяхъ свиданіе можетъ быть дано и въ не заранѣе опредѣленный часъ. Во время общественныхъ церковныхъ службъ, а также и во время допросовъ свиданія не разрѣшаются. Подслѣдственнымъ арестантамъ свиданіе съ адвокатомъ можетъ быть дано лишь съ разрѣшенія судебной власти, но когда подслѣдственному врученъ обвинительный актъ, то онъ не можетъ быть лишенъ права свиданія съ своимъ защитникомъ. Полученіе писемъ дозволяется, но они предварительно прочитываются однимъ изъ членовъ тюремной администраціи, причемъ не разрѣшается писать и получать болѣе двухъ писемъ въ недѣлю. На имѣніе въ своей камерѣ бумаги, карандашей, перьевъ и чернилъ арестантъ долженъ спрашивать разрѣшеніе администраціи. На бумагахъ обязательно ставится тюремный штемпель.

Дисциплинарныя наказанія въ тюрьмахъ слѣдующія:

1. Лишеніе права прогулокъ, права покупки пищи (арестантамъ разрѣшается покупка пищи, но не болѣе какъ на 50 чентезимовъ (15 к.) въ день), права свиданій и права корреспонденціи.

2. Лишеніе всего или части заработка.

3. Посаженіе на хлѣбъ и на воду.

4. Карцеръ, съ содержаніемъ ни хлѣбъ и водѣ.

5. Темный карцеръ, съ содержаніемъ на хлѣбъ и водѣ.

6. Карцеръ, съ надѣваніемъ смирительной рубашки и содержаніемъ на хлѣбъ и водѣ.

При рецидивѣ назначается высшая мѣра наказанія. Рецидивистами считаются совершившіе такой же или болѣе тяжкій проступокъ въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ по отбытіи наказанія. Посаженнымъ на хлѣбъ и на воду чрезъ три въ четвертый дается горячая пища.

Чтобы покончить съ регламентомъ мы еще укажемъ, что въ тюрьмахъ имѣются для арестантовъ библіотеки и допускается доставка книгъ и газетъ родственниками, но предварительно книги должны пройти чрезъ цензуру тюремной администраціи. Чтеніе разрѣшается только въ свободное отъ обязательной работы время (количество и продолжительность работъ не опредѣляется регламентомъ и зависитъ отъ тюремнаго совѣта каждой тюрьмы). Посѣщеніе тюремной школы обязательно для осужденныхъ. Въ ней обучаютъ чтенію, письму и первымъ правиламъ ариметики.

Подслѣдственнымъ арестантамъ разрѣшается имѣть свою пищу и потреблять въ день 1 литръ вина взрослымъ и $\frac{1}{2}$ литра—несовершеннолѣтнимъ. Вотъ болѣе интересныя изъ тюремныхъ правилъ.

Обратимся къ личнымъ впечатлѣніямъ. Осмотръ мы начали съ кабинета директора, гдѣ намъ разрѣшили просмотрѣть тюремные отчеты и книги. Благодаря трудамъ знаменитаго тюрьмовѣда Бертрани-Скаліз, состоящаго главнымъ директоромъ итальянскихъ тюремъ, тюремная статистика ведется на вполне раціональныхъ основаніяхъ, но останавли-

ваться на этомъ вопросѣ мы не будемъ, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далако. Мы уважемъ только на то, что по штрафному журналу оказалось, что дисциплинарныя взысканія сравнительно рѣдко примѣняются въ тюрьмѣ св. Франциска, но за то рецидивистовъ въ тюрьмѣ достаточно, хотя достопочтенный Sign. Paradiso и увѣрялъ насъ, что это случайное явленіе, но особенно довѣрять этому утвержденію не слѣдуетъ. Ужъ очень г. директоръ старался заминать разговоръ о рецидивѣ: видно это самое больное мѣсто тюремнаго дѣла, послѣ конечно камерры ¹⁾). О послѣдней мы и не говорили съ директоромъ, не желая обидѣть любезнаго хозяина и оставили его въ пріятномъ заблужденіи, что мы выполнѣ вѣримъ, что ему удалось избавить порученныя его вѣдѣнію тюрьмы отъ этой глетворной заразы. Впрочемъ и самъ г. директоръ не отрицалъ, что въ тюрьмѣ сидитъ нѣсколько камерристовъ и что *en* тюрьмы камерра существуетъ въ Неаполѣ. Въ нижнемъ этажѣ тюрьмы помѣщаются кухня и прачешная. Каждому арестанту дается 750 грам. хлѣба и 120 грам. мясной пищи, которая дается разъ въ недѣлю, по четвергамъ. Кромѣ хлѣба дается похлебка изъ овощей, преимущественно бобовъ и макаронъ. Хлѣбъ очень хорошъ, но похлебка не важная, хотя, повидимому, арестанты ей довольны. Кухня, какъ и вся вообще тюрьма, содержится въ примѣрной чистотѣ. Кромѣ кухни, въ нижнемъ же этажѣ помѣщается большая свѣтлая камера судебного слѣдователя, гдѣ онъ производитъ допросы, такъ какъ посылать арестантовъ для допросовъ въ камеры слѣдователей, находящіяся въ капуанскомъ замкѣ, считается неудобнымъ. Тутъ же помѣщеніе школы и капелла. Въ школѣ, кромѣ обыкновенныхъ школьных столовъ, большая черная доска и нѣсколько географическихъ картъ по стѣнамъ, работы арестантовъ. Капелла убрана довольно скудно.

Во второмъ и третьемъ этажѣ помѣщаются арестантскія камеры, свѣтлыя и довольно просторныя (во время нашего

---

¹⁾ Смотри нашу статью „Камерра въ Неаполѣ“, Журналъ гражд. и угол. права кн. II 1889 года

перваго посѣщенія тюрьмы въ ней содержалось 545 мужчинъ, женщинъ въ эту тюрьму не заключаютъ). Очень хороши постели. Одиночныя камеры страдаютъ недостаткомъ воздуха. Относительно камеръ въ итальянскихъ тюрьмахъ существуетъ оригинальное, не едва ли заслуживающее подражанія, правило. За плату въ 35 центезимовъ въ сутки арестантъ можетъ нанять себѣ отдѣльную камеру. Вѣроятно такихъ охотниковъ много, такъ какъ такими камерами занята значительная часть третьяго этажа. Обыкновенно такія камеры нанимаются не однимъ, а двумя арестантами вмѣстѣ и въ громадномъ большинствѣ случаевъ такими тюремными аристократами въ неаполитанскихъ тюрьмахъ являются каморристы. Еще новое доказательство, что каморра продолжаетъ процвѣтать въ тюрьмахъ. Въ самомъ верхнемъ этажѣ помѣщается цѣлый рядъ незанятыхъ камеръ на случай появленія въ тюрьмѣ эпидимическихъ болѣзней. Эти камеры устроены послѣ холеры; съ послѣдней, къ слову замѣтимъ, весьма удачно боролась тюремная администрація. Медицинская часть въ тюрьмѣ также заслуживаетъ похвалы. Подъ больницу отведено нѣсколько большихъ свѣтлыхъ камеръ, а для заразныхъ имѣются отдѣльныя камеры, гдѣ содержатся по два и даже по одному арестанту. Дежурный фельдшеръ постоянно находится въ тюрьмѣ и докторъ ежедневно обходитъ всѣ камеры. На послѣднемъ лежитъ и весь санитарный надзоръ. Что касается до арестантскихъ работъ, то въ тюрьмѣ св. Франциска преобладаютъ производства, удобно производимыя въ камерахъ, напр. дѣланіе гильзъ для папиросъ, плетеніе шляпъ, шитье сапогъ и т. п. Впрочемъ есть и столярныя мастерскія. Замѣчательно, что изъ тюрьмы не бываетъ побѣговъ. Однимъ словомъ, внѣшнее, видимое благоустройство тюрьмы не оставляетъ желать ничего лучшаго, но какое же можно придавать значеніе этой декораціи, когда во внутренней жизни тюрьмы несомнѣнно царитъ каморра.

Кромѣ тюрьмы св. Франциска къ судебнымъ тюрьмамъ принадлежатъ женская тюрьма St. Maria Adanione и Concordia для малолѣтнихъ (до 18-ти лѣтнаго возраста). О нихъ мы

скажемъ только нѣсколько словъ. Прежде всего относительно внѣшняго благоустройства они уступаютъ въ значительной мѣрѣ тюрьмѣ св. Франциска. Въ первой изъ нихъ только хорошъ внутреннй дворъ съ колоннами и фонтаномъ (тюрьма помѣщается въ зданіи упраздненнаго монастыря). Надзоръ за арестантами довѣренъ сестрамъ милосердія извѣстной общины St. Vicenza di Pol и сестры, повидимому, весьма ревностно относятся къ своимъ обязанностямъ. Правила содержанія тѣ же, что и въ мужскихъ тюрьмахъ. Работаютъ преимущественно бѣлье для арестантовъ же и войскъ, и работаютъ хорошо. Что удивительно—это грязноватое содержаніе кухни, да и хлѣбъ хуже чѣмъ въ мужской тюрьмѣ.

Дѣтская тюрьма Concordia (на 200 человекъ) также помѣщается въ бывшемъ монастырскомъ помѣщеніи и обладаетъ хорошимъ дворомъ для прогулокъ. На видъ дѣти здоровы и, кажется, не особенно тяготеются своимъ заключеніемъ. Они ежедневно, по 2¹/₂ часа, проводятъ въ тюремной школѣ, гдѣ обучаются по группамъ. Послѣ школы идутъ въ мастерскія, которыхъ немного. Прогулокъ дается достаточно. Хлѣбъ хорошъ и если мы не ошибаемся, то его привозятъ изъ тюрьмы св. Франциска. Къ сожалѣнію, дѣти не раздѣляются по группамъ и въ корень испорченныя постоянно находятся вмѣстѣ съ виновными въ прошеніи милости и праздношатайствъ. Особенно строгой дисциплины не замѣтно и вообще тюрьма не произвела на насъ хорошаго впечатлѣнія.

На этомъ мы заканчиваемъ наши замѣтки объ итальянской юстиціи и судебныхъ тюрьмахъ. Выводы предоставляемъ дѣлать нашимъ читателямъ, но оговоримся, что мы вовсе не собирались писать трактатъ объ итальянскомъ правосудіи, наша работа не болѣе какъ рядъ замѣтокъ туриста-юриста.

Н. Селивановъ.

ВОЗНИКНОВЕНІЕ СУДА СОСЛОВНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

(матеріалы для исторіи судебной реформы).

До изданія закона 7 іюля 1889 г. *нормальнымъ* судомъ по уголовнымъ дѣламъ признавался у насъ, въ силу судебныхъ уставовъ, судъ присяжныхъ, за крайне ограниченными изъятіями, изъ коихъ большинство носило временный характеръ. Законъ же 7 іюля, рядомъ съ судомъ присяжныхъ и, пожалуй, надъ нимъ, учредилъ судъ особаго присутствія судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, или, какъ его называютъ не совсѣмъ удачно ¹⁾, судъ сословныхъ представителей, въ пользу котораго и изъялъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ многочисленныя категоріи важнѣйшихъ дѣлъ (въ общемъ—изъяты преступленія, предусмотрѣнныя въ нѣсколькихъ десяткахъ статей уложенія). Въ виду той важности, которую, такимъ образомъ, получило особое присутствіе палаты, не безъинтересно познакомиться съ исторіею его происхожденія и мотивами его учрежденія.

I.

По первоначальному плану главныхъ дѣателей судебной реформы, не предполагалось допускать *никакихъ* изъятій изъ начала суда присяжнаго. Въ знаменитыхъ „соображеніяхъ“ государственной канцеляріи, составленныхъ въ 1862 г. при

---

¹⁾ По существу своему эта форма, какъ извѣстно, ничѣмъ почти не отличается отъ обыкновеннаго короннаго суда.

участіи Высочайше прикомандированныхъ къ ней юристовъ ¹⁾, весьма подробно указывались неудобства допущенія коренныхъ „изъятій“ изъ общаго порядка.

Вотъ что мы находимъ въ этихъ соображеніяхъ:

Установленіе ²⁾ особеннаго порядка судопроизводства по какому либо роду дѣлъ принимается всегда общественнымъ мнѣніемъ съ недовѣрчивостью. Причина тому заключается въ общемъ убѣжденіи, что юридическій порядокъ дѣйствій, необходимыхъ для обнаруженія истины въ уголовномъ дѣлѣ, не зависитъ отъ свойства преступнаго дѣянія, но долженъ представлять, во всякомъ случаѣ, одинаково справедливое соглашеніе мѣръ, вызываемыхъ преслѣдованіемъ преступления, съ мѣрами, ограждающими возможную невинность обвиняемаго—одинаково основательный способъ вывода заключенія изъ данныхъ, собранныхъ слѣдствіемъ и выясненныхъ судебными преніями. Поэтому, изъятія изъ общаго порядка судопроизводства должны быть допускаемы только при совершенной невозможности распространенія сего порядка на какой либо родъ дѣлъ. Конечно, нѣкоторые преступления требуютъ особенныхъ дѣйствій въ ихъ раскрытію. Но эти особенныя дѣйствія не выходятъ изъ объема общаго устава уголовного судопроизводства и не должны нарушать равномѣрности огражденій, на которыя имѣетъ право всякій обвиняемый, въ какомъ бы преступленіи, чонъ ни обвинялся. Если можно допустить въ этомъ отношеніи какое либо различіе, то развѣ только въ томъ смыслѣ, чтобы обвиняемые въ тяжкихъ преступленіяхъ пользовались *большими* огражденіями, потому что исправленіе ошибочныхъ приговоровъ по тяжкимъ преступленіямъ затруднительнѣе, а иногда и совершенно невозможно. На этомъ основаніи всѣ особенности

---

¹⁾ Государственнымъ секретаремъ былъ въ это время В. П. Бутковъ, а статсъ-секретаремъ С. И. Зарудный, бывший душою всего дѣла. Прикомандированные юристы были: Н. А. Буцковский, А. М. Плавскій, К. П. Побѣдоносцевъ, Н. И. Стояновскій, Д. А. Ровинскій и др.; см. книгу мою „С. И. Зарудный“ М. 1889 г. и статью мою „Н. А. Буцковский“ въ *Вѣстникъ Европы* 1889 г. № 12.

²⁾ См. т. XVIII дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи.

уголовного судопроизводства должны бы сводиться къ различію въ подсудности, которая не можетъ быть одинаковою для всѣхъ дѣлъ: одни изъ нихъ, менѣе важныя и чаще всего встрѣчающіяся, требуютъ преимущественно быстрого и близкаго къ мѣсту происшествія разбирательства, а другія, болѣе важныя и, въ особенности, болѣе вліятельныя на благосостояніе государства, требуютъ преимущественно ручательствъ въ зрѣлости сужденій, зависящей отъ познаній, способности и опытности судей, т. е. отъ такихъ условій, которыя соединять въ себѣ могутъ скорѣе всего судьи высшихъ судовъ.

При разсмотрѣніи съ этой точки зрѣнія тѣхъ изъятій изъ общаго порядка судопроизводства, которыя обусловливаются въ проектѣ гр. Блудова особенными свойствами противозаконныхъ дѣяній, не представляется, по мнѣнію составителей „соображеній“, достаточнаго основанія къ установленію особеннаго порядка судопроизводства, ни для дѣлъ по преступленіямъ противъ вѣры, ни для дѣлъ о бродяжествѣ, укрывательствѣ бѣглыхъ, членовредительствѣ и нарушеніи уставовъ по разнымъ частямъ казеннаго управленія.

II.

Въ частности о судопроизводствѣ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, въ „соображеніяхъ“ читаемъ: если вообще всякое изъятіе изъ общаго порядка судопроизводства уголовного возбуждаетъ недовѣріе къ суду, котораго дѣйствія въ такомъ случаѣ обыкновенно истолковываются превратно, какъ предпринятія будто бы не въ общихъ видахъ открытія истины, а въ особенныхъ видахъ правительства, то нечего и говорить о томъ, въ какой степени лишонъ былъ бы довѣрія особенный порядокъ судопроизводства по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, въ которыхъ государство, преслѣдующее преступленіе, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и юридическое лицо, непосредственно имъ оскорбленное или отъ него потерпѣвшее. Не слѣдуетъ, однако, смѣшивать собственно порядка судопроизводства, въ смыслѣ тѣхъ судебныхъ формъ, посредствомъ коихъ устанавливается равновѣсіе между обви-

неніємъ и зашитою, съ порядкомъ подсудности, въ которомъ всегда и вездѣ допускались различія не только территоріальныя, но также по роду преступленій и проступковъ, и различія эти не возбуждали предубѣжденія противъ правосудія. Во Франціи, какъ извѣстно, всѣ дѣла уголовныя, въ отношеніи къ подсудности ихъ, раздѣляются, по важности противозаконныхъ дѣяній, на три категоріи: полицейскія нарушенія разсматриваются въ полицейскихъ судахъ мировыми судьями и мерами, болѣе важныя проступки разсматриваются въ общихъ судахъ первой степени, которые по дѣламъ этого рода носятъ названіе судовъ исправительной полиціи, а собственно такъ называемыя преступленія разсматриваются, при участіи присяжныхъ, въ ассизныхъ судахъ, которые состояются изъ трехъ членовъ суда второй степени или, по крайней мѣрѣ, подъ предсѣдательствомъ одного изъ нихъ и двухъ членовъ суда первой степени. Но не это различіе подсудности по роду преступленій и проступковъ было ненавистно французамъ и вызвало постановленія о томъ, что никто не можетъ быть лишонъ права быть судимымъ своими естественными судьями, и что образованіе чрезвычайныхъ судовъ или судебныхъ комиссій, подъ какими бы то ни было названіями, возбраняется. Здѣсь подъ названіемъ естественныхъ судей подразумѣваются судьи, установленные закономъ для разсмотрѣнія преступленій извѣстнаго рода или для суда надъ людьми извѣстнаго вѣдомства.

Понятно, что передача дѣла, возникшаго не въ томъ судѣ, которому оно подсудно по закону, или образованіе для такого дѣла особаго суда, можетъ возбудить мысль о подборѣ судей въ виду какъ совершившагося уже преступленія, такъ и подозрѣваемыхъ въ немъ лицъ. Но ничего общаго съ этою мыслию не имѣетъ общее правило закона, что нѣкоторыя дѣла особенной важности для государства разсматриваются непосредственно, на примѣръ, въ областныхъ палатахъ. Если бы члены окружныхъ судовъ назначались по выборамъ сословій, а члены областныхъ палатъ опредѣлялись отъ правительства, то конечно отнесеніе какаго либо рода дѣлъ къ

непосредственному разсмотрѣнію сихъ палатъ, помимо окружныхъ судовъ, могло бы возбудить недовѣріе къ суду палатъ по дѣламъ этого рода. Но если члены всѣхъ судебныхъ мѣстъ, какъ окружныхъ, такъ и областныхъ, называемыхъ палатами, будутъ опредѣляться отъ правительства, то въ такомъ случаѣ не можетъ даже возникнуть какого либо сомнѣнія въ томъ, что судьи высшихъ судовъ, наиболѣе просвѣщенные и уважаемые, будутъ не менѣе самостоятельны и безпристрастны, чѣмъ судьи нижнихъ судовъ. Судъ по преступленіямъ государственнымъ, говорится далѣе въ „соображеніяхъ“, долженъ производиться въ областной палатѣ (по уголовному департаменту), согласно съ общими правилами уголовного судопроизводства. Здѣсь возникаетъ вопросъ: можно ли предоставить по дѣламъ этого рода опредѣленіе вины или невинности подсудимыхъ присяжнымъ засѣдателямъ?

Обсужденіе въ уголовномъ дѣлѣ фактической его стороны не чрезъ постоянныхъ судей, а чрезъ представителей общества, называемыхъ присяжными, составляетъ для подсудимыхъ дѣйствительную гарантію, въ чемъ нельзя и сомнѣваться; съ другой стороны тяжкія обвиненія требуютъ наибольшихъ гарантій въ правдивости суда: посему нельзя безъ нарушенія справедливости лишить этой гарантіи подсудимыхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, за которыя исключительно, какъ за преступленія самыя тяжкія, законы наши опредѣляютъ смертную казнь. Гарантія, доставляемая судомъ чрезъ присяжныхъ, получаетъ особенно важное значеніе именно въ дѣлахъ по преступленіямъ государственнымъ, потому что въ сихъ дѣлахъ, какъ замѣчено выше, государство, преслѣдующее преступленіе, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и юридическое лицо, непосредственно оскорбленное или потерпѣвшее отъ преступленія. Поэтому, сколь бы ни были безпристрастны и самостоятельны судьи, опредѣленные отъ правительства, рѣшенія ихъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ никогда не будутъ пользоваться довѣріемъ общества. По дѣламъ этого рода, разсматриваемымъ безъ присяжныхъ, всегда будутъ нареканія въ пристрастіи, преувеличеніи вины и притѣ-

сненіи подсудимыхъ, отъ чего самые важные преступники не рѣдко представляются въ глазахъ общества несчастными жертвами и разыгрываютъ роль мучениковъ и страдальцевъ за истину. Для восторженныхъ умовъ страхъ наказанія безсиленъ при общественномъ сочувствіи къ наказанному, а лишить государственнаго преступника этого сочувствія можно тогда, когда онъ будетъ осужденъ самымъ обществомъ, въ лицѣ его представителей. Правда, что преслѣдованіе государственныхъ преступленій судомъ чрезъ присяжныхъ можетъ быть энергическимъ лишь при извѣстной степени согласія между стремленіями правительства и общества. Но въ дѣлахъ сего рода осужденіе присяжными имѣетъ такую нравственную силу, что если бы оно и встрѣчалось рѣже, чѣмъ осужденіе чрезъ правительственныхъ судей, то и въ такомъ случаѣ вліяніе уголовного закона на общество было бы дѣйствительнѣе. Притомъ правительство, не отвергающее никакихъ полезныхъ преобразованій въ усовершенствованію государственнаго управленія и общественного порядка, не можетъ не найти поддержки со стороны благомыслящей части общества въ преслѣдованіи злоумышленниковъ, стремящихся къ разрушенію существующаго порядка во имя своихъ вредныхъ ученій и выдающихъ себя за представителей общества, съ тѣмъ, чтобы навязывать ему свою преступную волю. Такіе злоумышленники всегда появлялись во времена переходныя, когда строй общественной жизни пересоздается большею или меньшею частію, вслѣдствіе нѣкоторыхъ коренныхъ преобразованій, и если вліяніе такихъ людей поддерживалось иногда долѣе того времени, которое потребно было для разоблаченія ихъ своекорыстныхъ и вредныхъ ученій, то, конечно, отчасти и отъ того, что правительства преслѣдовали государственныхъ преступниковъ безъ участія и поддержки общества и давали имъ возможность разыгрывать роль угнетенныхъ жертвъ мнимаго прогресса. Необходимо, чтобы само общество осудило такихъ людей, и у насъ оно непременно ихъ осудитъ, если доступъ въ присяжные по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ будетъ открытъ только лицамъ

зрѣлыхъ лѣтъ, имѣющимъ обезпеченныя средства къ жизни и способнымъ къ обсужденію какъ важности сихъ преступленій, такъ и точной силы письменныхъ доказательствъ, на которыхъ обыкновенно основывается обвиненіе въ этихъ преступленіяхъ. Само собою разумѣется, что рѣшенія присяжныхъ могутъ имѣть только тогда нравственную силу, когда присяжные будутъ избираемы не правительственными чинами, а представителями сословныхъ управленій общества. Начальнику губерніи въ составленіи списка присяжныхъ можетъ быть предоставлено только отрицательное участіе, т. е. право исключенія изъ списка людей, въ благонадежности коихъ онъ сомнѣвается. На семъ основаніи можно было бы постановить:

1) что списокъ лицъ, могущихъ быть присяжными засѣдателями по дѣламъ о государственныхъ и другихъ преступленіяхъ, подсудныхъ непосредственно судебной палатѣ, составляется ежегодно изъ общихъ списковъ присяжныхъ засѣдателей мѣстнаго окружнаго суда;

2) что составленіе сего списка возлагается на особый комитетъ, состоящій подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя, изъ уѣздныхъ предводителей дворянства, городскихъ головъ и мировыхъ судей судебного округа, и передается на разсмотрѣніе мѣстнаго начальника губерніи, который можетъ сократить число избранныхъ лицъ на одну треть и даже на половину, съ тѣмъ, однако, чтобы въ списокъ оставалось не менѣе двойнаго комплекта, въ которомъ присяжные призываются къ засѣданіямъ, т. е. не менѣе 60 лицъ;

3) что присяжные засѣдатели приглашаются въ областную палату къ засѣданію по мѣрѣ открывающейся въ томъ надобности, въ числѣ 30 лицъ, имена коихъ вынимаются по жребію въ присутствіи уголовного департамента палаты, и

4) что въ судебной палатѣ отводъ присяжныхъ, избраніе изъ числа неотведенныхъ лицъ присяжныхъ для составленія присутствія, постановленіе ими рѣшенія о винѣ или невинности подсудимаго и, по ихъ рѣшенію, судебного приговора, производятся тѣмъ же порядкомъ, какой предначертанъ для

дѣлъ, разсматриваемыхъ съ участіемъ присяжныхъ въ окружныхъ судахъ.

Если вообще рѣшенія состоящихъ на службѣ судей о виновности лицъ, преслѣдуемыхъ за государственныя преступленія, не пользуются довѣріемъ общества, то еще меньшимъ сочувствіемъ могутъ пользоваться тѣ изъ сихъ рѣшеній, которыя относятся къ низшимъ степенямъ означенныхъ преступленій, въ которыхъ вина подсудимыхъ менѣе осязательна. Участіе присяжныхъ въ постановленіи уголовныхъ приговоровъ столь свойственно дѣламъ о преступленіяхъ государственныхъ, что оно должно быть распространено на всѣ эти дѣла безъ изыятія, хотя бы подсудимые подлежали наказаніямъ, несоединеннымъ ни съ лишеніемъ, ни съ ограниченіемъ правъ состоянія. Это тѣмъ необходимѣе, что для различныхъ степеней какова бы то ни было преступленія, неудобно было бы устанавливать различные порядки судопроизводства, потому что такимъ образомъ нерѣдко приходилось бы въ одномъ и томъ же дѣлѣ, по мѣрѣ обнаруженія большей или меньшей степени злаго умысла, измѣнять порядокъ судопроизводства.

III.

Иначе взглянулъ на дѣло государственный совѣтъ ¹⁾. При сужденіи о порядкѣ, какой слѣдуетъ установить для дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, соединенные департаменты ²⁾ приняли на видъ, что преступленія государственныя, какъ направленные не противъ частныхъ лицъ или отдѣльныхъ членовъ общества, а противъ всего государства, или верховной власти, гораздо важнѣе и опаснѣе всѣхъ другихъ преступленій, но, по особому свойству своему, не всегда и не во всѣхъ членахъ общества возбуждаютъ та-

---

¹⁾ См. томъ XIX дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи, журналъ соединенныхъ департаментовъ № 65.

²⁾ Въ соединенныхъ департаментахъ присутствовали: кн. Гагаринъ, гр. Панинъ, Кочубей, бар. Корфъ, Литке, Бахтиязъ, Норовъ, Гофманъ, Толстой и Мухомовъ.

кое отвращеніе, какое возбуждаютъ другія преступленія, особенно если прикрываются ложною наружностью мнимаго желанія общественнаго блага. Наружность эта иногда такъ обманчива, что для многихъ людей, имѣющихъ неправильныя понятія о долгѣ гражданина и отношеніяхъ его къ правительству, самыя преступныя дѣла представляются совсѣмъ въ иномъ видѣ, получаютъ совсѣмъ другое значеніе и, вмѣсто строгаго, вполне заслуженнаго осужденія, встрѣчаютъ сочувствіе. Притомъ политическія и соціальныя теоріи, направленные противъ существующаго порядка вещей въ государствѣ и обществѣ, имѣютъ столько оттѣнковъ, что отъ пустыхъ, почти невинныхъ мечтаній и утопій, доходятъ до самыхъ вредныхъ ученій, подрывающихъ даже возможность общественной жизни, но иногда и тѣ и другія, людьми неопытными, считаются равно ничтожными и безвредными. При такихъ воззрѣніяхъ предоставить присяжнымъ, избраннымъ обществомъ, разрѣшеніе вопроса о преступности или не преступности ученій и дѣйствій, превратно толкуемыхъ и невѣрно понимаемыхъ многими, иногда даже добросовѣстными, членами общества, значило бы оставить государство, общество и власть безъ всякой защиты.

Съ другой стороны, часто, вслѣдствіе случайнаго стеченія совершенно постороннихъ обстоятельствъ, нѣкоторыя дѣйствія получаютъ въ глазахъ большинства всего народонаселенія такое преступное значеніе, что оно, увлекаясь мщеніемъ, страхомъ и ненавистью, готово придумать для нихъ такія казни, отъ которыхъ давно уже отказалось уголовное правосудіе, а еще чаще, вслѣдствіе болѣзненной подозрительности, способно даже дѣйствія, вовсе ничего незначущія, признать за важныя преступленія. При такомъ настроеніи умовъ предоставить присяжнымъ рѣшеніе вопроса о виновности или невинности лицъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, значило бы отдать ихъ на жертву народной мстительности.

Нельзя также не принять въ соображеніе, что въ той средѣ нашего общества, изъ которой предполагается назна-

чать большинство присяжныхъ, встрѣчаются, къ сожалѣнію, и распространяются различными средствами ошибочныя понятія о государственномъ устройствѣ, объ его отношеніяхъ къ отдѣльнымъ частнымъ лицамъ и о тѣхъ обязанностяхъ, которыя возникаютъ изъ необходимости поддержанія и сохраненія сихъ отношеній, для блага всего государства, преуспѣванія общественной жизни и благосостоянія гражданъ.

Между тѣмъ весьма желательно, чтобы учрежденіе присяжныхъ дѣйствовало у насъ сколь возможно успѣшнѣе и приобрѣло то довѣріе и уваженіе, котораго оно заслуживаетъ, а для этого необходимо, на первое время его введенія, предоставить присяжнымъ засѣдателямъ только разборъ такихъ преступленій, по которымъ отъ нихъ можно ожидать приговоровъ безошибочныхъ.

Очевидно, что во всѣхъ выше упомянутыхъ случаяхъ и государство и подсудимые могутъ ожидать полного обезпеченія только отъ суда безпристрастнаго и вполне просвѣщеннаго, дѣйствующаго не по увлеченію, не по страсти или предразсудкамъ, а по строгимъ законамъ справедливости, отъ суда, пользующагося равнымъ довѣріемъ какъ правительства, такъ и общества, которое всегда смотритъ съ недоувѣрчивостью на преслѣдованіе преступленій государственныхъ судомъ негласнымъ и состоящимъ изъ судей, опредѣляемыхъ отъ правительства, отчего нерѣдко случается, что осуждаемые встрѣчаютъ сочувствіе въ общественномъ мнѣніи и наказаніе ихъ не достигаетъ своей цѣли.

Все вышеизложенное приводитъ къ убѣжденію, что въ настоящее время судъ по государственнымъ преступленіямъ не можетъ производиться съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, избираемыхъ общимъ, вновь устанавливаемымъ порядкомъ, а долженъ быть устроенъ такимъ образомъ, чтобы высокое общественное положеніе судей служило ручательствомъ въ строгомъ, но справедливомъ преслѣдованіи ими всякаго злоумышленія противъ верховной власти и установленнаго государственными законами образа правленія, чтобы при семъ подсудимые пользовались всѣми средствами защиты,

установленными общимъ порядкомъ уголовного судопроизводства, и чтобы вмѣстѣ съ судьями, въ охраненіи государственныхъ учреждений и общаго спокойствія и въ огражденіи подсудимыхъ, участвовали представители какъ правительственной власти, такъ и всѣхъ сословій.

На основаніи сихъ соображеній соединенные департаменты полагаютъ: производство слѣдствія и суда по государственнымъ преступленіямъ предоставить судебной палатѣ, члены которой, съ опытностію въ производствѣ и сужденіи дѣлъ, будутъ соединять, по высокому и независимому положенію и знаніямъ своимъ, ручательство въ безпристрастномъ изслѣдованіи и зрѣломъ обсужденіи дѣла и, сверхъ того, въ составу присутствія палаты, по дѣламъ сего рода, присоединять высшихъ представителей сословныхъ обществъ, именно: мѣстнаго губернскаго предводителя дворянства, одного изъ уѣздныхъ предводителей дворянства мѣстнаго судебного округа и одного изъ городскихъ головъ того же округа и, наконецъ, по избранію мѣстнаго губернскаго начальства, одного изъ волостныхъ головъ или старшинъ того уѣзда, въ коемъ находится палата. Сии сословные представители должны участвовать, наравнѣ съ членами палаты, какъ въ опредѣленіи, по большинству голосовъ, вины или невинности подсудимаго, такъ и въ постановленіи приговора о наказаніи признаннаго виновнымъ. Порядокъ назначенія сихъ лицъ долженъ быть опредѣленъ подробно въ уставѣ уголовного судопроизводства.

Сими правилами, по мнѣнію соединенныхъ департаментовъ, будетъ совершенно обезпеченъ правильный судъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, а затѣмъ уже не представится надобности учреждать, для отдѣльныхъ случаевъ, особые суды, дѣйствія которыхъ почти всегда возбуждаютъ недовѣріе и толкуются превратно, какъ предпріятыя, будто бы, не для открытія истины, а въ особенныхъ видахъ правительства.

Таковы соображенія, приведшія къ созданію спеціального

трибунала для сужденія о государственныхъ преступленіяхъ. Этому именно трибуналу—особому присутствію судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей—и передалъ законъ 7 іюля 1889 г. значительное количество дѣлъ, ничего общаго съ государственными преступленіями не имѣющихъ.

Гр. Джаншиевъ.

КЪ ВОПРОСУ О СРАВНИТЕЛЬНОМЪ ИЗУЧЕНІИ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ И ЕЯ ЭТИКИ.

I.

Сравнительное изученіе институтовъ права и учрежденій разныхъ народовъ или государствъ даетъ намъ возможность подмѣтить и установить аксіому, заключающуюся въ томъ, что нѣкоторые институты и учрежденія у разныхъ народовъ имѣютъ между собою разительное сходство. Такое сходство часто замѣчается, въ особенности, когда сравниваются институты и учрежденія народовъ или государствъ, имѣющихъ одно общее происхожденіе. Однако, сходство это замѣчается и между народами неродственными, но которые стоятъ на одинаковой степени развитія или цивилизаціи. Вслѣдствіе сего сравнительное изученіе законодательствъ, указывая на сродство или сходство правовыхъ институтовъ, имѣетъ громадное *научное значеніе* ¹⁾.

У насъ почти нѣтъ собственной литературы поднятаго нами вопроса о *сравнительномъ изученіи существа судебной защиты и ея этики*; что же касается матеріала, которымъ мы пользовались при составленіи настоящаго изслѣдованія, то мы можемъ указать на слѣдующія сочиненія, которыя здѣсь приводимъ, чтобы не повторяться:

1) „Esprit des lois“, Монтескье; 2) „Les passions“, Декарта; 3) „Руководство къ судебной защитѣ“, Миттермайера; 4) „Лекція по государственному праву“, Андреевскаго; 5) „Обозрѣніе внѣшней исторіи русскаго государства“, Неволіна; 6) „Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ“, Владимірова; 7) „Опытъ теоріи косвенныхъ уликъ“, Уильза; 8) „О судебныхъ доказательствахъ“, Пахмана; 9) „Изслѣдованіе Русской Правды“, Калачева, Мстиславскаго и др.; 10) „Исторія

Пополняя пробѣлъ знаній, сравнительное изслѣдованіе институтовъ и учреждений выясняетъ всесторонне предметъ, указываетъ на недостатки одного и достоинства другаго и даетъ возможность улучшать свои институты и учреждения. Мы этимъ вовсе не желаемъ сказать, что можно легко заимствовать у разныхъ государствъ недостающія учреждения или институты и пересаживать ихъ на собственную почву. Мы далеки отъ этой мысли. Тѣмъ не менѣе пользу отъ сравнительнаго изученія надо имѣть въ виду также и съ практической точки зрѣнія: посредствомъ сравненія получается возможность избѣгать ошибокъ, указанныхъ опытомъ другихъ народовъ, а потому не только улучшать свои учреждения и институты, но даже дѣлать въ нихъ заимствованія, конечно тогда, когда такія заимствованія не противорѣчатъ исторической и юридической жизни народа и соотвѣтствуютъ его основнымъ взглядамъ на государственныя учреждения и правовые институты.

Мы подчеркиваемъ послѣднюю мысль, такъ какъ, по нашему мнѣнію, всякое истинно государственное учреждение или правовой институтъ долженъ быть продуктомъ совокупной исторической работы факторовъ, входящихъ въ составъ государства. Поэтому, только тѣ учреждения могутъ быть жизненными, устойчивыми въ государствѣ, которыя развились, переработались и окрѣпли на почвѣ народной жизни или, *по крайней мѣрѣ, соответствовали воззрѣніямъ народа* на государственное устройство. Безъ этого ни одно государственное учреждение не будетъ истинно народнымъ, не привьется къ нему, такъ какъ только то, что „отъ плоти и

адвокатуры“, Стоянова; 11) „Курсъ уголовного судопроизводства“, Фойницкаго; 12) „Le bateau romain“, Грилье-Дюмазо; 13) „Histoire des avocats“, Фурнеля; 14) „Libre défense des accusés“, Дюпена; 15) „О сословіи адвокатовъ“, Миттермайера; 16) „Адвокатура во Франціи, Англіи и Германіи“, Кистяковского; 17) „Очеркъ изслѣдованій Франческо Каррара объ уголовной защитѣ“, Вульфберта; 18) „Замѣтки о русской адвокатурѣ“, Арсеньева и Макалинскаго; 19) „Задачи этики“, Кавелипа; 20) „Реформа уголовной защиты“, Владимірова; 21) „Защита въ уголовномъ процессѣ“, Фойницкаго; 22) „Веденіе неправыхъ дѣлъ“, Джаншіева; 23) Судебные уставы Императора Александра II.

костей народа“, представляет собою учреждение, могущее занять надлежащее мѣсто въ государственномъ устройствѣ и дать хорошіе и полезные результаты для народа, словомъ— исполнить свое назначеніе.

Къ числу учреждений, которыя однородны для всѣхъ народовъ, принадлежать всѣмъ временамъ, имѣютъ сходство во всѣхъ странахъ и безъ которыхъ ни одно государство не существуетъ, слѣдуетъ, безспорно, отнести правильно поставленные на народныхъ началахъ институты судебной защиты и адвокатуры.

О пользѣ и необходимости сравнительнаго изученія этихъ институтовъ мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Избирая вопросъ „о сравнительномъ изученіи существа судебной защиты и ея этики“, мы, однако, не думаемъ излагать въ настоящемъ случаѣ теорію судебной защиты и адвокатскую этику. Мы коснемся только нѣкоторыхъ, болѣе рельефныхъ и общихъ разнымъ народамъ сторонъ теоріи судебной защиты, уясняющихъ собственно важность и необходимость для насъ изученія существа ея, а также недоразумѣнія, вытекающія изъ примѣненія законовъ адвокатской этики.

Обратимся сначала къ судебной защитѣ.

Необходимость вообще сравнительнаго изученія происхожденія у разныхъ народовъ судебной защиты, ея существа, значенія, развитія и сходства, опредѣляется существомъ принциповъ, положенныхъ въ ея основаніе, невозможностью обойтись безъ судебной защиты и судебныхъ защитниковъ. Поэтому, когда приходится примѣнять въ жизни нашихъ судовъ эти принципы, слѣдуетъ, чтобы опытъ стараго времени предостерегъ насъ отъ ошибокъ. Важность и значеніе судебной защиты наступили для насъ съ введеніемъ судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. Но указаніе на эти уставы имѣетъ значеніе лишь какъ указаніе времени обновленія жизни нашихъ судовъ. Этимъ, однако, не уменьшается важность судебной защиты по древнему русскому судопроизводству, такъ какъ защита на судѣ не только не игнорировалась въ древ-

немъ процессъ, но, можемъ сказать, составляла по преимуществу необходимую его принадлежность. Уставы Императора Александра II, какъ мы сейчасъ увидимъ, только восстановили старыя основы процесса нашего: устность, гласность, судебную защиту чрезъ адвокатовъ и судъ присяжныхъ.... Въ противность мнѣнію, утверждающему, что эти основы дали совершенно новые законы, неимѣющіе указанія на прежнія судопроизводственныя правила, мы думаемъ, что это лишь *отчасти* вѣрно. Правда, судебные уставы Императора Александра II представляютъ рѣзкое отличіе отъ порядковъ, долго существовавшихъ въ русскомъ уголовномъ судопроизводствѣ по правиламъ 2 книги XV т. св. зае. изд. 1857 г.; къ тому же судебные уставы воспользовались богатѣйшимъ матеріаломъ иностранныхъ кодексовъ и новыми трудами русскихъ юристовъ; но никто не станетъ возражать противъ того, что судебные уставы, въ свою очередь, потому только и приобрѣтаютъ особую силу и значеніе, что соотвѣтствуютъ духу и потребностямъ русскаго народа, что въ *сущности* своемъ не противорѣчатъ русскому праву и процессу, которымъ и прежде были не чужды эти принципы.

Исторія нашего права и процесса раскрываетъ намъ много интересныхъ и поучительныхъ вещей. И теперь, когда судебная реформа успѣла уже доказать на практикѣ цѣлесообразность гласнаго суда, когда вопли противъ суда присяжныхъ вызываютъ негодованіе людей, преданныхъ интересу правосудія, когда прокуроры и адвокаты воочію доказали преимущество обвинительнаго процесса передъ слѣдственнымъ, когда новые русскіе суды должны быть признаны народнымъ достояніемъ, теперь, повторяемъ, болѣе чѣмъ когда либо, необходимо уяснить себѣ историческій ходъ развитія судебной защиты по нашимъ законамъ, чтобы на основаніи прошлаго сдѣлать оцѣнку настоящему.

Такое изученіе приобрѣтаетъ особую цѣну, потому что оно указываетъ намъ на истины, которыя съ перваго взгляда принимаются какъ совершенно новыя, но которыя, какъ вы-

ясняетъ намъ исторія, принадлежать, по нашему праву, еще сѣдой старинѣ....

Такъ, изъ исторіи права и процесса мы видимъ, что основы русской судебной защиты также стары, какъ и русскіе суды; что устность и гласность составляли *sine qua non* прежняго суда; что въ дѣлѣ представленія судебныхъ доказательствъ, въ принципѣ, разница между древнимъ и новымъ порядкомъ существенно не велика; что эта разница заключается только во внѣшнихъ формахъ, но не въ образѣ убѣжденія, составляющую главную заботу и цѣль всякой судебной защиты, причемъ лишь нѣкоторые грубые, старые виды доказательствъ, напр. поединокъ, ордали и пытки, исключены изъ судебной защиты. Далѣе, изученіе древнихъ юридическихъ памятниковъ вынуждаетъ насъ признать, что новый русскій процессъ, говоря вообще, равномерно не разнится въ принципѣ отъ древнихъ порядковъ не только въ отношеніи матеріала, служащаго основаніемъ для защиты, потому что въ этомъ отношеніи, какъ мы уже видѣли, между ними должно быть несомнѣнное сходство, но и въ отношеніи судебного устройства (суда присяжныхъ) и судебныхъ защитниковъ (адвокатовъ).

Само собою разумѣется, что мы говоримъ не о судѣ канцелярій по своду зак. 1857 г., а о болѣе старомъ времени, которому не были чужды принципы устности, гласности и свободной защиты. Времена Русской Правды, Псковской судной грамоты, Новгорода великаго и вся эпоха до введенія у насъ слѣдственнаго процесса, служатъ тому полнымъ доказательствомъ. Если бы это было иначе, то судебные уставы Императора Александра II не могли бы проявить такой жизненности, какая проявлена ими въ дѣйствительности. Нельзя насадить въ государствѣ цѣлое правовое учрежденіе, которое въ самое короткое время исполнѣе привилось бы къ правамъ всего обширнаго государства, быстро пустило не только ростки и цвѣты, но и дало плодъ!....

Сравнительное изученіе стараго и новаго порядка русскаго процесса даетъ наглядное объясненіе этому явленію.

ж. гр. и уг. пр. кн. VIII 1890 г.

7

нію. Достаточно бѣлаго взгляда на древнее устройство русскаго судопроизводства и сравненія его съ новымъ, по законамъ 20 ноября 1864 г., чтобы убѣдиться во всемъ сказанномъ нами относительно сродства уставовъ съ древнею формою процесса.

II.

Но обратимся къ вопросу. Разсматривая большинство законодательствъ извѣстныхъ намъ народовъ, какъ нынѣ существующихъ, такъ и отжившихъ свой вѣкъ, мы замѣчаемъ явленіе, постоянно повторяющееся, что судебная защита всегда признавалась и признается существенною частью суда, безъ которой немислимо правосудіе.

Понятіе о необходимости судебной защиты до того укоренилось во всеобщемъ сознаніи, что нѣтъ ни одного народа, который отвергалъ бы священные принципы этой защиты. Основной законъ этой защиты—*„прежде выслушать, а потомъ судить“*—признавался всѣми народами.

„Reum enim non audiri, latrationium est, non iudicium“ сказалъ Amien Marcellin. По французскимъ законамъ: „никто не можетъ быть судимъ, прежде нежели былъ спрошенъ или законно привлеченъ къ суду“ (Constitution de l'an III, art. II). Конституція Клотера (Clotaire) 1560 г. заключаетъ въ себѣ подобныя же постановленія. Въ законахъ Англіи, германскихъ государствъ, Австріи, Соединенныхъ Штатовъ и др. встрѣчаемъ подобное же правило. Въ нашихъ судебныхъ уставахъ императора Александра II ст. 1 говоритъ: „Никто не можетъ подлежать судебному преслѣдованію за преступленіе или проступокъ, не бывъ привлеченъ къ отвѣтственности *въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами сего устава*“. Всякій приговоръ начинается словами: „разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла“, или „выслушавъ стороны“, или же другими, равнозначущими выраженіями, безъ чего приговоръ теряетъ силу судебного рѣшенія.

Такое тождество всѣхъ законодательствъ должно имѣть къ тому одно общее основаніе. И мы видимъ, что сравнитель-

ное изученіе исторіи первобытныхъ народовъ указываетъ, что судебная защита *вытекаетъ изъ природы вещей* и составляетъ *естественное право человека*. Исторія человѣческихъ страданій и нуждъ объясняетъ намъ кажимъ путемъ возникла защита вообще и судебная въ частности.

Человѣкъ, какъ единица, представляетъ собою нѣчто слабое, незащитное. Это заставляетъ его тяготѣть къ подобнымъ себѣ. Актъ тяготѣнія способствуетъ образованію рода, общины, гражданскаго союза и государства съ *цѣлью взаимной защиты*. Но кровавый путь, исполненный всякихъ ужасовъ и тревогъ, который пришлось пройти человѣку, пока онъ образовалъ правильный союзъ съ подобными себѣ, защищаясь отъ всеподавляющихъ стихій, дикихъ звѣрей и всего враждебнаго ему, и тотъ тернистый путь, который приходится ему проходить уже при лучшихъ условіяхъ (въ государствахъ), когда его безопасности угрожаютъ пороки и страсти другихъ людей, настолько ужасенъ, насколько опасны людскія страсти, источникъ и причина бѣдствій всего рода человѣческаго.

Борьба, въ началѣ, съ враждебными стихіями, а затѣмъ съ преступленіемъ, вызвала, прежде всего, у людей стремленіе къ *самозащитѣ* какъ отъ непреодолимыхъ силъ природы, такъ и отъ людей, покушавшихся на личность, имущество и жизнь человѣческую, вслѣдствіе присущихъ имъ страстей, которыя лишь постепенно, подъ вліяніемъ истинной цивилизаціи и гуманности, утихаютъ, смягчаются и перестаютъ давать такое громадное число вопіющихъ преступленій, какое онѣ давали прежде.

При самомъ началѣ образованія гражданскихъ обществъ, понятно, преобладали *междоусобія* и *самоуправства*. Сила была правомъ. Уголовное право было у всѣхъ первобытныхъ народовъ дѣломъ частной мести. Затѣмъ оно было правомъ *выкупа*. Возникшая власть ограничила междоусобицу и самоуправство.

Такимъ образомъ, только окрѣпнувъ въ обществѣ и подчинивъ себѣ враждебныя стихіи, человѣкъ находитъ средства обезо-

пасить себя въ общежитіи; причемъ уже власть въ государствѣ беретъ на себя обязанность и заботу защищать его. Правильный ходъ этой заботы, когда и общественная власть совершенно окрѣпла, вызываетъ обычай суда и наказанія преступниковъ.

Такъ какъ подобныя учрежденія вытекли изъ борьбы съ правонарушеніями, то логическимъ слѣдствіемъ ея были, съ одной стороны—институтъ обвиненія, а съ другой—во имя высшей идеи правосудія—институтъ судебной защиты.

Являясь *противоположностью* нападенію (обвиненію), судебная защита глубоко залегла въ сознаніи людей и государственной власти и сдѣлалась необходимымъ условіемъ всякаго судебного процесса; это потому, что судебная защита, опираясь на существо и природу человѣка, является для него, въ свою очередь, надежнѣйшимъ средствомъ при нападеніи на него.

„Правило, что подсудимому долженъ быть предоставленъ полный просторъ къ оправданію, говоритъ Дюпенъ старшій, въ его „*Libre défense des accusés*“, до того вкоренилось въ понятіяхъ каждаго судьи и криминалиста, что образовался другой законъ, обратившійся въ аксіому, что *защита истекаетъ изъ права естественнаго*“. „Это законъ животныхъ, живущихъ подъ ужасною властью силы; это законъ людей, соединенныхъ въ общество; это былъ бы законъ безсмертныхъ боговъ, если бы была возможность постигнуть болѣе одного Бога“.

„Этотъ законъ справедливъ въ *физическомъ* отношеніи: должно отражать силу силою. Самое убійство перестаетъ быть преступленіемъ, если лицо, учинившее его, защищало свое тѣло“.

„Этотъ законъ справедливъ въ *нравственномъ* отношеніи, говоритъ Цицеронъ въ *de Officiis*, книга I, глава 16; и тотъ, кто станетъ подъ тяжестью обвиненія, имѣетъ право парировать удары и защищаться всѣми средствами, внушенными ему разумомъ, т. е. объясненіями и словами, данными намъ божественною благодатью, чтобы изучать, вразумлять, защищаться, сноситься между собою, крѣпче стягивать союзъ

гражданскаго общества и водворять между людьми справедливость“.

„Этотъ законъ *естественной защиты* не допускаетъ ограниченій; онъ принадлежитъ всѣмъ временамъ, всѣмъ странамъ; онъ существуетъ во всѣхъ обстоятельствахъ и для всѣхъ людей!....“

Источники судебной защиты обыкновенно ищутъ въ *справедливости*, которая всегда живетъ въ измѣнчивой природѣ чловѣка.

Вотъ почему принято утверждать, что судебная защита не есть искусственный институтъ: у всѣхъ народовъ, древнихъ и новыхъ, она основывается на естественной *необходимости* личной защиты, а также на важности и цѣлесообразности судебной защиты для задачъ общежитія и правосудія.

Этотъ непреложный законъ устанавливаетъ сравнительная исторія судебной защиты разныхъ государствъ и о немъ свидѣлствуютъ величайшіе міровые мыслители, какъ напр.: Цицеронъ, Діонисій Лаэртій, Гуго Гроцій, Гоббесъ, и др.

Поэтому, отвергать право защиты нельзя безъ того, чтобы не отвергнуть и аксіомы, что *общественные союзы и государства образовались для взаимной защиты, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова.*

А какъ свобода личности въ государствѣ, по условіямъ общежитія, ограничивается этими условіями, то и судебная защита зависитъ отъ общихъ и частныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ государствѣ. Вслѣдствіе сего судебная защита ограничивается *естественнымъ правомъ чловѣческихъ обществъ*, которое, однако же, въ существѣ своемъ, не противорѣчитъ естественному праву каждаго отдѣльнаго лица на защиту. Если ограничить судебную защиту въ государствѣ, тогда не будетъ увѣренности гражданъ въ справедливости общественныхъ органовъ и въ безопасности всѣхъ и каждаго отъ неправильныхъ обвиненій.

III.

Но если судебная защита обязательна въ процессѣ, то спрашивается: какія ея основы, задачи и органы? Какимъ путемъ она развилась и дошла до нашего времени въ своемъ настоящемъ видѣ? Какіе нравственные законы установила она съ цѣлью улучшенія правовыхъ отношеній между людьми, такъ какъ судебная защита есть одно изъ средствъ къ достиженію истины и справедливости? Такіе вопросы, напрашиваются всякому, желающему уяснить себѣ столь важный институтъ въ дѣлѣ правосудія.

Изъ краткаго предъидущаго очерка мы видѣли, что судебная защита есть, прежде всего, *правовой институтъ* и что *необходимость* ея основывается: а) на природѣ ея и б) на положительныхъ законодательствахъ. Вслѣдствіе сего судебная защита имѣетъ, въ свою очередь, свои собственные законы, которые раскрываются частью *обычнымъ правомъ*, а частью *положительными законодательствами*.

Обычаи судебной защиты у разныхъ народовъ вытекаютъ изъ *нравственныхъ принциповъ* и почерпаютъ свои основы изъ правилъ *этики*. Правила судебной этики передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію и сохраняются весьма строго. Разрабатываетъ ихъ наука и ученые юристы — судебные защитники.

Что касается *писанныхъ законовъ*, то они обыкновенно смотрятъ на судебную защиту съ двухъ точекъ зрѣнія: 1) какъ на институтъ, составляющій извѣстную часть уголовного и гражданскаго судопроизводства, и 2) какъ на судебную практику при веденіи процесса. Но есть еще одна сторона судебной защиты, такъ сказать, *историко-догматическая*, которая объемлетъ собою движніе судебной защиты въ разные періоды юридической жизни даннаго народа. Эта *научная сторона* защиты, имѣющая непрерывную связь съ исторіею самаго процесса, указываетъ какъ на многія превратности, которыя претерпѣвалъ этотъ институтъ въ разное время, такъ и на шаги этого института по пути къ усовершенствованію и завоеванію себѣ все большаго и большаго права гражданства въ процессѣ.

Обыкновенно уголовно-судебная достовѣрность въ виновности подсудимаго складывается изъ трехъ частей: совершилось-ли событіе преступленія, было-ли оно дѣяніемъ подсудимаго и виновенъ-ли онъ? Когда стеченіе вѣроятностей, вытекающихъ изъ представленныхъ на судѣ доказательствъ, приведетъ судью къ внутреннему убѣжденію въ томъ, что событіе, составляющее предметъ преслѣдованія, имѣло мѣсто въ дѣйствительности, что оно было дѣяніемъ подсудимаго и, что онъ виновенъ въ немъ, тогда наступаетъ для суда еще четвертый, послѣдній вопросъ: какимъ наказаніемъ должно быть обложено это дѣяніе подсудимаго?

Согласно такому положенію обвиненія, судебная защита, съ своей стороны, стремится отклонить, на законномъ основаніи, постановленіе приговора, неблагоприятнаго для обвиняемаго въ какомъ либо преступленіи или проступкѣ, и содѣйствовать, чтобы невинный былъ избавленъ отъ всякаго наказанія, а виновный не потерпѣлъ болѣе сильнаго противъ того, какое опредѣлено закономъ.

Для достиженія такой цѣли, судебная защита имѣетъ въ своемъ распоряженіи все, что добыто на судѣ. По времени и характеру этой защиты, она дѣлится на двѣ части — на *матеріальную* и *формальную*.

Первая объемлетъ весь собранный въ дѣлѣ матеріалъ, по указанію самаго заинтересованнаго лица въ уголовномъ процессѣ, а вторая объемлетъ всѣ дѣйствія защиты, направленные къ открытію невинности и оправданію подсудимаго.

Обращаясь къ выясненію существа перваго вида защиты, замѣтимъ, что у всѣхъ народовъ судебная защита всегда соотвѣтствуетъ характеру правонарушеній. Въ этомъ отношеніи, защита, находясь въ связи съ свойствомъ правонарушеній, находится также въ непосредственной зависимости отъ средствъ и способовъ *доказательствъ*. Естественное положеніе вещей и вѣковая мудрость народовъ выработали главные основы судебной защиты. Эти основы раскрываются въ исторіи борьбы человѣка за существованіе и опираются на доказательства. Поэтому судебная защита находится, прежде всего,

въ средствѣ съ естественнымъ положеніемъ, въ которомъ находится обороняющійся противъ нападающаго; затѣмъ, какъ противовѣсь обвиненію и подобно ему, она *стремится къ истинѣ и въ доказательствахъ видитъ къ тому средство*. Это послужило основаніемъ къ разработкѣ теоріи доказательствъ. Въ то время, когда естественная защита имѣетъ свою цѣлью *самоогражденіе*, судебная защита, будучи въ такомъ же соотношеніи къ обвиненію, *ищетъ конечнаго результата въ убѣжденіи судей въ справедливости защищаемаго дѣла*. Поэтому разницы между обыкновенною или личною защитой (физическою) и судебною, въ сущности, по ихъ природѣ, нѣтъ никакой; она сводится къ одной лишь *формѣ*. Въ отношеніи къ послѣдней центръ тяжести лежитъ въ доказательствахъ, которыя и играютъ первенствующую роль въ судебномъ процессѣ.

Доказательства, какъ средство защиты на судѣ, вырабатывались постепенно. Какъ явленіе повторяющееся, мы встрѣчаемъ у разныхъ народовъ слѣдующія доказательства: *поличное, свидѣтели, сознаніе, ордалии, поединокъ, оговоръ, пытка, осмотръ, присяга, повальный обыскъ* (дознаніе чрезъ оковыхъ людей), *письменные документы, давность, экспертиза*. Кромѣ того, уголовно-судебная достовѣрность проявляется еще въ такъ называемыхъ *уликахъ*, которыми именуются собственно признаки или средства удостовѣренія. Улики дѣлятся на *прямые* и *косвенные*. Прямыми называются тѣ, которыми удостовѣряется дѣйствительность *главнаго факта*, составляющаго предметъ изслѣдованія, а косвенными тѣ, которыя удостовѣряютъ дѣйствительность *второстепенныхъ* обстоятельствъ, изъ совокупности которыхъ можно вывести заключеніе о достовѣрности главнаго факта. Косвенныя улики дѣлятся также на *несомнѣнныя* и *предполагаемыя*. Улика или признакъ считается несомнѣнною, когда связь между главнымъ фактомъ и обстоятельствомъ, составляющимъ улику или признакъ, является необходимою на основаніи естественныхъ законовъ природы, а предполагаемою — когда эта связь является только вѣроятною.

Вслѣдствіе естественнаго своего происхожденія, доказательства, въ своихъ главныхъ чертахъ, *одинаковы* у всѣхъ на-

родовъ. Появляясь у однихъ ранѣе, у другихъ позднѣе, развиваясь у однихъ болѣе, нежели у другихъ, отживая свой вѣкъ у одного народа скорѣе, нежели у другаго,— каждый изъ исчисленныхъ нами видовъ доказательствъ, за рѣдкими исключеніями, непремѣнно встрѣчается въ процессѣ почти всѣхъ законодательствъ; а потому сравнительное изученіе доказательствъ и уликъ у разныхъ народовъ, безъ сомнѣнія, должно принести громадную пользу дѣлу судебной защиты и установить извѣстные законы тождества и указанія для ихъ пользованія. Всѣ эти виды доказательствъ признавались и нашими судами; но поединокъ (поле), пытка и ордаліи давно уже исчезли изъ нашего процесса.

Второе явленіе, которое усматривается изъ существа повторяемости доказательствъ, не ограничивается только сферою научной разработки: простая истина—неизмѣняемость существа доказательствъ — привела законодательства къ большимъ заблужденіямъ,— къ установленію постоянныхъ, формальныхъ, такъ называемыхъ *законныхъ* доказательствъ, которыя, однако же, въ настоящее время осуждены наукою и отмѣнены большею частью законодательствъ. У насъ теорія формальныхъ доказательствъ исчезла въ мѣстностяхъ, гдѣ введены судебные уставы, вмѣстѣ съ отмѣною дѣйствія 2 части XV т. св. заѣ. изд. 1857 г.

IV.

Такъ какъ каждый народъ вырабатываетъ въ своемъ сознаніи извѣстныя правовыя понятія и доходитъ до истины не одинаковымъ путемъ, то *способы, приемы и порядокъ* убѣжденія судей бываютъ различныя. Порядокъ этотъ, влияя на матеріальную защиту, обуславливаетъ собою *форму процесса*.

Практика различныхъ государствъ, а иногда и одного и того же народа, подъ вліяніемъ различныхъ причинъ и взглядовъ на судебное устройство, выработала *три формы процесса: обвинительную, слѣдственную и смѣшанную*.

Первая, болѣе совершенная форма, соотвѣтствуетъ справедливости, устности, гласности, основывается на ясности обви-

ненія и свободѣ защиты непосредственно передъ судомъ присяжныхъ или коронныхъ судей. Вторая форма — тайный, инвизиционный, канцелярскій, вымогательный процессъ, въ которомъ нѣтъ должной справедливости въ положеніи обвиняемаго, потому что нѣтъ опредѣленнаго обвиненія и полной защиты. Третья форма — среднее между обоими процессами, частичка того и другаго. Нашъ процессъ, отвергающій защиту на предварительномъ слѣдствіи, приближается къ смѣшанной формѣ. Соотвѣтственно формѣ процесса устраивается и система представленія на судъ доказательствъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что доказательства — есть, такъ сказать, матеріальная сторона дѣла. Необходимо умѣть вполне воспользоваться этимъ матеріаломъ.

Это дѣло не такъ легко, въ особенности, если принять во вниманіе, что стороны не всегда могутъ сохранить на судъ необходимое хладнокровіе и разсудительность.

Волненіе, раздраженное самолюбіе, чувство нанесенной обиды, боязнь за свои права, за свою судьбу — лишаютъ спорящихъ или участвующихъ въ уголовномъ процессѣ должнаго самообладанія; а потому является необходимость въ посредствующемъ лицѣ между сторонами и судомъ. Необходимость въ такомъ лицѣ признана всѣми законодательствами въ принципѣ; а съ развитіемъ законодательствъ, съ усложненіемъ судебныхъ формъ, ни одинъ процессъ не можетъ обойтись безъ посредника-адвоката, какъ знатока законовъ, судебныхъ формъ и, вообще, порядка процесса. Есть характерныя черты, большею частью общія всѣмъ народамъ, признающимъ адвокатуру. Вездѣ адвокатура является, въ началѣ, какъ слѣдствіе заботливости старшаго о своихъ домохозяевахъ. Впрочемъ, когда процессы не могли быть сложными, когда порядокъ разбирательства былъ совершенно простой, не было, конечно, надобности въ посредникѣ, такъ какъ споры и обвиненія разбирались въ самой семьѣ, родѣ или общинѣ, и каждый являлся лично на судъ. Но съ усложненіемъ отношеній, въ особенности, когда споры и обвиненія происходили между членами разныхъ семействъ, родовъ или общинъ, обя-

занность защитника лежала на отцѣ семейства или, вообще, на старшемъ въ родѣ; а такъ какъ рабъ считался принадлежащимъ къ числу домочадцевъ, то владѣльцы исполняли обязанность защитника и по отношеніи къ рабу. Такъ было у евреевъ, въ Греціи, Римѣ и другихъ государствахъ. Такъ было и по нашему древнему праву. Это же мы видимъ у всѣхъ народовъ, стоящихъ на примитивной степени общественнаго развитія. Затѣмъ, въ послѣдующемъ періодѣ, гражданскіе союзы и общества обязаны были защищать своихъ членовъ. Эту обязанность исполняла „вервь“ въ древней Россіи, что видно изъ института „о дикой вирѣ“ по Русской Правдѣ: „иже не вложится въ виру“ и т. д. Такую же обязанность усматриваемъ въ „союзахъ“ или *ручательствахъ* (Wehre)—по германскому праву и т. д. Потомъ выработалось обыкновение приводить съ собою на судъ родственниковъ и друзей, чтобы ихъ присутвіемъ поддержать силу обвиненія или придать значеніе оправдательнымъ аргументамъ. Впослѣдствіи эта свита, участвующая въ процессѣ лица, получила иной характеръ: друзья и знакомые являлись на судъ, чтобы засвидѣтельствовать о хорошихъ качествахъ своего кліента (обычай этотъ существовалъ въ Греціи, Римѣ и другихъ государствахъ и эта свита называлась *laudatores*—хвалебщики). Нѣкоторые думаютъ, что изъ этого образовался впослѣдствіи *повальный обыскъ*.

Естественными защитниками, понятно, являлись также и *опекуны* („пестуны“—по нашему праву).

Далѣе мы видимъ, что въ средніе вѣка, у разныхъ народовъ, обязанности защитниковъ на судѣ исполняли: духовенство, странствующие рыцари (*chevaliers errants*), феодалы и патроны (на судѣ короля или императора). У духовенства были свои адвокаты—*advocati, defensores ecclesiarum*. Города, общины, провинціи стали имѣть своихъ адвокатовъ. Русское духовенство въ особенности часто являлось защитникомъ частныхъ и общихъ интересовъ народа; а наши богатыри—старшіе и младшіе, породившіе массу былинъ о подвигахъ ихъ въ защиту вдовъ и сиротъ, не представляютъ ли собою защитниковъ, подобно странствующимъ рыцарямъ на Западѣ?

Между тѣмъ, еще ранѣе, съ началомъ устройства правильныхъ судовъ, выработался институтъ специальныхъ судебныхъ защитниковъ—адвокатовъ, которые у различныхъ народовъ имѣли разное названіе.

Появленіе специалистовъ адвокатовъ объясняютъ слѣдующимъ образомъ. Съ постепеннымъ развитіемъ политической жизни народовъ, съ умноженіемъ общественныхъ интересовъ, съ развитіемъ судебного дѣла, въ которомъ непосредственное участіе принимали выборные отъ народа, напр. въ Греціи (судъ гелиастовъ), явилась потребность въ публичныхъ ораторахъ, а затѣмъ необходимость специализировать обязанности судебныхъ защитниковъ. Отсюда возникъ обычай публично-политическихъ рѣчей (правосудіе отправлялось все-народно, на площадяхъ). Публичное ораторское искусство было весьма развито въ древности. Наши „*сѣче*“ и публичное обсужденіе общественныхъ, политическихъ и другихъ интересовъ требовали также публичныхъ рѣчей. Порядки, существовавшіе въ древнемъ Псковѣ и Новгородѣ, не мало способствовали этому обычаю. Исторія записала много примѣровъ такихъ рѣчей, начиная отъ рѣчи Вадима, до рѣчей царя Ивана Грознаго, который былъ замѣчательнымъ ораторомъ. Послѣдующая исторія уголовного судопроизводства разныхъ государствъ указываетъ на установленіе непосредственныхъ судебныхъ ораторовъ-защитниковъ, на обязанности которыхъ лежало только въ рѣдкихъ случаяхъ собраніе судебного матеріала, а главнѣйше—группировка и анализъ его и представленіе въ обработанномъ видѣ суду, съ цѣлью облегчить судьямъ произнесеніе правильнаго рѣшенія или приговора. Съ момента принятія участія въ защитѣ адвоката и наступаетъ такъ называемая учеными криминалистами (Миттермайеромъ и др.) *формальная сторона защиты*.

Въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе исторіи *технической* судебной защиты, какъ она проявилась по разнымъ законодательствамъ; для нашихъ цѣлей болѣе важны *судьба адвокатуры* и уясненіе зависимости ея отъ условій государственности.

Институтъ судебныхъ защитниковъ долго не могъ правильно образоваться. Судебными защитниками были иногда люди, исполнявшіе эту обязанность болѣе въ качествѣ совѣтниковъ (у египтянъ, у евреевъ), а иногда только въ качествѣ народныхъ ораторовъ (у грековъ). Впрочемъ у евреевъ защитники имѣли также свое названіе *санегеры* (въ противоположность *катогерамъ*—обвинителямъ). Въ Греціи адвокатами сначала назывались ораторами, а потомъ защитниками, которые должны были быть знакомы съ законами. Первый примѣръ специальныхъ защитниковъ (по профессіи) мы встрѣчаемъ у римлянъ. Послѣ того институтъ адвокатуры развился въ средніе вѣка въ Германіи (адвокаты должностные, правительственные, синодалыные, придворнаго суда, апелляціоннаго, для бѣдныхъ) а затѣмъ въ Англіи (баристеры, атторнеи, серженцы, солиситоры) и, по преимуществу, во Франціи (*avocat, avoué, agent d'affaires, agréés*—присяжные стряпчие). Въ новѣйшія времена адвокатура является стройнымъ, законченнымъ учрежденіемъ, члены котораго, въ особенности на западѣ Европы, стяжали себѣ всемірную славу, съ честью поддерживая девизъ—свободной защиты какъ подсудимыхъ въ уголовномъ процессѣ, такъ и интересовъ тяжущихся въ гражданскомъ дѣлѣ.

Нашъ древній процессъ также зналъ специальныхъ защитниковъ, такъ какъ долгое время въ немъ господствовало *обвинительное начало*. Чтобы убѣдиться въ существованіи у насъ обвинителя и защитника, стоитъ только обратиться къ Русской Правдѣ, къ главѣ о „поклепной вирѣ“. Самое слово „поклепная“ обозначаетъ *обвинительная*.... Согласно законамъ о клепной вирѣ, „мечникъ“ (обвинитель, стражъ закона) представлялъ собою заинтересованное лицо въ обвиненіи и получалъ „*уричну*“ за доказанное преступленіе, тогда какъ „*дѣтескъ*“ — представитель интересовъ защиты, получалъ „*кунъ сметную*“, когда обвиненіе было *сметено*, опровергнуто. Независимо отъ этого, какъ мы уже видѣли, само общество или „вервь“ принимало участіе въ защитѣ своихъ членовъ противъ преслѣдованій, направленныхъ чиновниками

енязя, заинтересованными въ обвиненіи фискальными цѣлями. Затѣмъ мы встрѣчаемъ формальнымъ защитниковъ: „*пособниковъ*“—по псковской судной грамотѣ, „стряпчаго“—по судебнику и т. д., не говоря уже о родственникахъ, друзьяхъ, опекунахъ, допускаясь въ качествѣ защитниковъ.

Далѣе, даже во времена господства слѣдственного порядка, допускалась защита чрезъ другихъ лицъ. напр.: защита *помѣщиками* своихъ крѣпостныхъ. По „воинскому артикулу“ Петра I—особые адвокаты (воинскій процессъ ч. 1, гл. 5): „въ случаѣ болѣзни дозволяется представить на судъ вмѣсто себя *адвоката*“; по своду законовъ—„уполномоченные“ или „повѣренные“ въ гражданскихъ дѣлахъ, „присяжные стряпчие“—въ коммерческихъ судахъ, въ общежитіи называвшіеся „ходатаями по дѣламъ“. Наконецъ, судебные уставы Императора Александра II узаконили корпорацію „присяжныхъ повѣренныхъ“, а впослѣдствіи и „*повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ*“. Въ бывшемъ *царствѣ Польскомъ* адвокатура существовала давно, какъ учрежденіе. Повѣренные при мировыхъ судахъ назывались *оборонителями* или *защитниками*; при общихъ судахъ первой инстанціи—*патронами*, а при сенатѣ—*меценатами*. Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ адвокаты назначались, какъ должностныя лица, высшими судебными мѣстами. Въ *Финляндіи* никто не имѣетъ права заниматься судебною практикою безъ свидѣтельства суда.

V.

Отмѣтимъ еще одну, весьма характерную особенность въ исторіи судебной защиты. Она, въ разныхъ періодахъ своего развитія, всегда соотвѣтствовала *политическому устройству* государства, его характеру и образу правленія. Что судебная защита, какъ часть цѣлаго, должна отвѣчать государственному устройству—это совершенно понятно, но, къ сожалѣнію, на практикѣ дѣло судебной защиты нерѣдко вмѣшивали въ внутреннюю политику въ государствѣ. Вслѣдствіе этого основы судебной защиты часто подрывались, подъ вліяніемъ разныхъ событій, взглядовъ, теченій и политиче-

скихъ осложненій. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что, по политическимъ причинамъ, ни одна часть судебного устройства, быть можетъ, не подвергалась такимъ превратностямъ, какъ судебная защита вообще и адвокатура въ частности. Государственные органы всегда были весьма чутки къ дѣятельности защитниковъ. Нерѣдко политическія соображенія и подозрѣнія почти вовсе упраздняли судебную защиту, или старались ее стѣснить, или исказить ея истинную цѣль, значеніе и характеръ.

Стремленіе вмѣшивать институтъ судебной защиты въ сферу политики едва ли оправдывается вѣскими доводами.

Правда, люди, посвящавшіе себя дѣлу защиты, всегда и вездѣ стояли на высотѣ своего назначенія и выдѣлялись по своему развитію, познаніямъ и краснорѣчію; но этимъ еще не исчерпывается ни ихъ, такъ сказать, опасность, ни основанія къ стѣсненію неповинныхъ въ этомъ подсудимыхъ... Правда, вліяніе на суды и на народъ судебныхъ ораторовъ въ Греціи, Римѣ, во Франціи, было громадно, но это вліяніе напрасно усиливало опасенія правящихъ органовъ и напрасно противъ свободы защиты воздвигались гоненія, издавались стѣсняющія защиту узаконенія и правила. Несправедливость такихъ притѣсненій сама по себѣ очевидна, такъ какъ она дурно вліяетъ на ходъ и способъ судебной защиты, часто во вредъ интересамъ не только участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, но и справедливости и самого правосудія. Въ особенности такія стѣсненія замѣчались въ дѣлахъ общественной и государственной важности и во время борьбы правящихъ партій, причемъ вѣсы правосудія нерѣдко склонялись не въ сторону праваго...

Тѣмъ не менѣе, мы можемъ отмѣтить отрадное явленіе, что не смотря на стѣсненія, которымъ подвергалась въ этихъ случаяхъ адвокатура, она, въ большинствѣ случаевъ, старалась охранять важность и существенность своихъ обязанностей, равно помнила и то, что на ней лежитъ бремя судебной защиты тѣхъ, *которые сами не способны и не могутъ защищать себя*. Адвокаты помнили, что обязанность ихъ крайне деликатна,

весьма важна, серьезна, хотя и трудна и ответственна, а подчас даже и опасна.

Вслѣдствіе зависимости судебной защиты чрезъ адвокатовъ отъ *формы уголовного судопроизводства*, эта зависимость значительнымъ образомъ отзывается на интересахъ подсудимаго. Только при обвинительномъ порядкѣ процесса подсудимый можетъ вполне пользоваться услугами адвоката; при смѣшанномъ процессѣ участіе защитника начинается только тогда, когда дѣло поступаетъ въ судъ; затѣмъ помощь защитника при слѣдственной формѣ судопроизводства крайне ограничена одними частными совѣтами и составленіемъ прошеній, защитительныхъ записокъ (по нашему своду — „рукоприкладство“ подъ записками) и жалобъ.

Если на западѣ, напр. во Франціи и Англіи, твердо установившіеся принципы судебной защиты пережили всѣ политическія бури и превратности, то въ Италіи и въ Германіи, а въ особенности въ Австріи, судебная защита, какъ институтъ, подвергалась большимъ превратностямъ, съ первѣсомъ слѣдственного, инквизиціоннаго порядка надъ обвинительнымъ.

Наша судебная защита, вслѣдствіе усилившагося въ средніе вѣка преобладанія государственной власти, потерпѣла ту же участь.

Мы уже говорили, что въ древности судебная защита и самый процессъ у насъ были немислимы безъ устности и гласности, безъ непосредственного производства судебного слѣдствія предъ судомъ, состоявшимъ, въ опредѣленныхъ случаяхъ, изъ выборныхъ отъ народа, а иногда изъ коронныхъ судей.

Такимъ образомъ цѣлый рядъ судебныхъ гарантій, которыми мы теперь гордимся какъ продуктомъ новѣйшей цивилизаціи, представляется, по нашей исторіи, правильнѣе сказать, продуктомъ стараго порядка вещей, приуроченнаго къ новымъ потребностямъ, съ измѣненными и усовершенствованными формами процесса.

Но средневѣковое теченіе юридической жизни, съ ея осо-

бенностями, поработило эти принципы. Къ числу причинъ, имѣвшихъ вліяніе на неправильное направленіе, данное русскому процессу, слѣдуетъ отнести борьбу власти князя съ обществомъ, власти царя съ земствомъ, и, наконецъ, татарское иго. Къ болѣе же ближайшимъ причинамъ слѣдуетъ отнести ограничительные законы обоихъ судебниковъ, уложенія царя Алексѣя Михайловича и весь розыскной процессъ, не исключая реформъ Петра I и дальнѣйшихъ законодательныхъ работъ до изданія судебныхъ уставовъ. Все это тѣснило свободу судебной защиты, которая наконецъ насильственно была погребена въ тайникахъ разныхъ приказовъ и канцелярій....

Но, несмотря на насиліе русской юридической жизни несвойственнымъ ея духу и начальной исторіи слѣдственнымъ порядкомъ процесса, принципы свободной судебной защиты, которые были освящены древнѣйшимъ правомъ, не могли навсегда погибнуть для русскаго общества. И дѣйствительно: исторія учитъ насъ, что несмотря на многократныя усилія законодательствъ (напр. въ Австріи, Россіи и др.) дать судебной защитѣ несвойственный ей характеръ и ложное направленіе, въ концѣ концовъ, природа вещей, беретъ свое..... Вотъ почему лучшіе законодательные труды способны только возстановить учрежденіе судебной защиты въ ея древнихъ условіяхъ и значеніи.

Наша судебная защита служить въ особенности тому нагляднымъ доказательствомъ: вопіющій вредъ, причиненный дореформеннымъ направленіемъ судебной защиты какъ общественнымъ, такъ и частнымъ интересамъ, вынудилъ Императора Александра II дать ей организацію, соотвѣтствующую ея природѣ и возвратить ей полную свободу, для блага людей и торжества правосудія!

VI.

Обратимся теперь къ *адвокатской этикѣ*. Нѣсколько сотъ лѣтъ существованія на западѣ адвокатуры, конечно, не обошлось безъ того, чтобы она, въ теченіи своей славной и полезной дѣятельности, не выработала своихъ нравственныхъ

основъ и правилъ, которыми адвокаты и руководствовались для поддержанія чести и достоинства сословія. Знакомство съ внутреннею жизнью европейской адвокатуры даетъ намъ прекрасное понятіе о тѣхъ принципахъ, во имя которыхъ дѣйствовали и трудились защитники законности, справедливости и милосердія. Знакомство это вводитъ насъ въ тотъ кругъ мужества, преданности и вообще лояльности, который свойственъ только людямъ, посвятившимъ себя служенію высокимъ гуманнымъ цѣлямъ! И если западная адвокатура не свободна отъ нѣкоторой страстности въ политическихъ процессахъ, то виною тому притѣсненія, которымъ она подвергалась частью безпричинно (напр. во Франціи и Германіи), или по причинамъ, недостаточнымъ для оправданія такихъ притѣсненій.

Оставляя въ сторонѣ политическія препирательства и допуская существованіе пороковъ и недостатковъ въ самой адвокатурѣ, мы остановимся, главнымъ образомъ, на той пользѣ, которую она принесла правосудію и на томъ нравственномъ кодексѣ, который ею выработанъ и регулируетъ ея отношенія къ законности, къ суду, къ корпораціи и къ кліентамъ.

Мы уже говорили, что адвокатскіе обычаи и вообще правила адвокатской этики составляютъ *обычное право адвокатовъ*, о которомъ трактуется въ цѣлой массѣ сочиненій и мемуаровъ и которое усматривается изъ разныхъ случаевъ, процессовъ, дисциплинарныхъ производствъ и адвокатскихъ конференцій..... Независимо тѣхъ законовъ этики, которые вошли въ текстъ иностранныхъ законодательствъ, существуетъ богатѣйшая западная литература.

Эта литература, заключающаяся и въ отдѣльныхъ монографіяхъ и въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, которую было бы затруднительно перечислить, даетъ богатый матеріалъ для сравнительнаго изученія законовъ нравовъ и обычаевъ адвокатуры у разныхъ народовъ. Изученіе этихъ критиковъ дѣятельности судебныхъ защитниковъ проливаетъ свѣтъ на

многіе вопросы адвокатской этики, и может послужить на пользу и вразумленіе нашей молодой адвокатурѣ....

Скажемъ, при этомъ, словами Миттермайера ¹⁾, что „при преобразованіи судопроизводства, нельзя надѣяться на коренное улучшеніе въ отправленіи правосудія, если не будетъ надлежащимъ образомъ устроено сословіе адвокатовъ. Для успѣшнаго дѣйствія новыхъ порядковъ нужно искать ручательства не въ однѣхъ формахъ судопроизводства, равно не въ одной заботливости о назначеніи, по возможности, лучшихъ судей, и не въ введеніи государственной адвокатуры. Самыя лучшія формы будутъ бесполезны, если лица, которыя должны примѣнять ихъ, не будутъ одушевлены благороднымъ стремленіемъ и если они не будутъ убѣждены, что процессуальная форма должна всегда соответствовать цѣли и способствовать торжеству истины. Отъ адвокатовъ зависитъ примѣненіе и дѣйствительность законныхъ формъ. Успѣхъ дѣйствія, къ которому прилагаютъ форму, зависитъ отъ того, какъ исполняютъ ее“..... Очевидно, эти истины должны быть усвоены и у насъ.

VII.

Хотя судебные уставы обновили русскіе суды, хотя судъ присяжныхъ засѣдателей—полная гарантія свободной судебной защиты, а гласное, устное, состязательное веденіе дѣла по гражданскимъ дѣламъ—большая гарантія правильного ихъ разрѣшенія, хотя нашимъ адвокатамъ отерялось обширное и весьма почтенное поле дѣятельности.... но....

Но есть также категоріи лицъ, которыя, не нападая на основы судебныхъ уставовъ, предъявляютъ къ нашей адвокатурѣ многія обвиненія, отчасти основательныя, отчасти преувеличенныя, причемъ указывается на неправильные поступки, на веденіе неправыхъ дѣлъ и вообще на нарушенія адвокатскихъ обязанностей, т. е. на такія обстоятельства, которыя способны вызвать на серьезныя размышленія. Безъ

---

¹⁾ О сословіи адвокатовъ, стр. 1—2.

конечный споръ о значеніи и дѣятельности „софистовъ XIX столѣтія“ и „прелюбодѣевъ мысли“—какъ окрестила строгая критика адвокатовъ нашего времени,—споръ, сильно занимающій юридическую литературу и судебныхъ дѣятелей, указываетъ на важность предмета и на неотложность разрѣшенія вопросовъ, вызываемыхъ дѣятельностью современной адвокатуры. Однако же весьма трудно пока разобраться въ массѣ обвиненій пессимистовъ и возраженій ихъ оппонентовъ, прежде всего, въ виду страстности, которая внесена въ этотъ споръ. Вообще, мы думаемъ, что тѣ, которые требуютъ ограниченія и стѣсненія правъ защиты на судѣ, во первыхъ, не имѣютъ подъ собою надлежащей почвы, потому что они не обладаютъ достаточнымъ матеріаломъ для безпристрастной критики, а потому сужденія ихъ, говоря судебнымъ языкомъ, преждевременны, и во вторыхъ, они неправы, потому что всякое стѣсненіе защиты и ея органовъ—адвокатовъ, есть посягательство противъ правъ не отдѣльныхъ лицъ, а всего общества, освященныхъ и правомъ естественнымъ и правомъ народнымъ.

Говоря о *несвоевременности* нападокъ на нашу судебную защиту въ смыслѣ ограниченія ея правъ, слѣдуетъ указать, что недостатокъ изученія вопроса дѣлаетъ предметъ неяснымъ, а потому невозможнымъ для надлежащей его оцѣнки.

Необходимо имѣть, прежде всего, въ виду, что законы адвокатской этики не такъ просты, какъ это кажется съ перваго раза. Существуютъ разныя теоріи, разныя требованія, предъявляемыя къ адвокатурѣ. Очевидно одно—что писанный законъ не удовлетворяетъ требованіямъ этики, которыя идутъ далѣе положительнаго закона. Кромѣ того и самыя требованія этики часто спорны и вызываютъ много пререканій какъ въ литературѣ, такъ и въ судахъ и адвокатскихъ совѣтахъ. А потому, не исчисляя ихъ (тѣмъ болѣе, что это и не входитъ въ нашу программу), мы ограничимся замѣчаніемъ, что существо этики можетъ быть изслѣдуваемо какъ изученіемъ адвокатскихъ традицій, такъ и судебной практики и юридической литературы.

Что касается русской адвокатской этики, то не смотря на то, что основы нашей судебной защиты могли бы опираться на указаніяхъ исторіи древней правовой русской жизни, она остается еще въ зачаточномъ состояніи. Кромѣ того нельзя не признать, что эти основы *de facto* все еще новы для нашихъ судовъ и судебной практики.

Многіе вѣка, раздѣляющіе новое судопроизводство отъ древняго, между которыми каменною стѣною стоитъ слѣдственный процессъ, съ его приказами, розысками и канцеляріями, отсутствіе послѣдовательной видимой связи между старыми и современными защитниками, новые порядки, вытекающіе изъ новыхъ условій дѣйствія, иные взгляды на нравственность и законность, а равно и новые элементы, вошедшіе въ теперешнюю русскую адвокатуру, составъ которой не опирается на традиціи, все это дѣлаетъ изученіе вопроса крайне затруднительнымъ. Затрудненіе увеличивается *отсутствіемъ выработанной теоріи и незначительностью практики новой судебной защиты и адвокатуры.*

Хотя въ 390—406 ст. уст. судеб. учр. судеб. устан. императора Александра II исчислены законныя обязанности присяжнаго повѣреннаго, но статьи эти, какъ извѣстно, далеко не исчерпываютъ адвокатской этики. Съ другой стороны, вопросы о нравственной обязанности адвокатовъ къ обществу, къ суду, къ своей корпорации и къ кліентамъ весьма мало выяснены нашею судебною практикою. Вообще наша адвокатская этика пребываетъ все еще въ младенчествѣ. Ни сенатъ, ни общество, ни даже юридическая література не могутъ до сихъ поръ разобраться въ простыхъ понятіяхъ, что такое: *хотя законно*, но *не нравственно*, что дозволено или не дозволено, какія адвокатъ можетъ вести дѣла и какія не можетъ вести, вправѣ ли онъ отказаться отъ порученныхъ ему совѣтомъ дѣлъ, по неосновательности или безнравственности дѣлъ, и т. д. Мало затронуты вопросы о совмѣстимости обязанностей адвоката съ другими профессіями и частными занятіями, о правѣ адвоката рекламировать себя, выставлѣть вывѣски, предлагать безвозмездное веденіе дѣлъ и вообще

розыскивать кліентовъ, отказываться отъ защиты уголовныхъ дѣлъ и при какихъ условіяхъ, равно какъ вопросы, касающіеся способа веденія дѣлъ, т. е. какія считать дозволенными и какія недозволенными средства и т. д. Постояннымъ камнемъ преткновенія служатъ: поведеніе адвоката на судѣ, манера, выраженія, сравненія и критика, допускаемая ими во время судебныхъ засѣданій и преній. Также не установлены еще правильныя отношенія адвоката ко всей корпораціи и къ своимъ товарищамъ,—къ послѣднимъ въ особенности; а также въ отношеніи права оцѣнки ихъ дѣятельности, сужденій, заочныхъ порицаній, или права принятія такихъ дѣлъ, которыя ведетъ уже другой адвокатъ и, притомъ, до его отказа отъ веденія дѣла, или же въ отношеніи обязательнаго соглашенія на отсрочку слушанія дѣлъ, въ случаѣ неявки товарища въ засѣданіе суда, когда извѣстно, что такая явка должна послѣдовать, или когда товарищъ заявилъ объ этомъ просьбу, и другіе подобныя вопросы адвокатской этики. Равномѣрно не опредѣлены и не выяснены съ точностью вопросы о томъ, какія условія допускаются въ договорахъ съ кліентами, возможна ли неустойка въ этихъ договорахъ, слѣдуетъ ли заключать договоры о гонорарѣ по уголовнымъ дѣламъ, какія могутъ быть обстоятельства, которыя, внѣ законныхъ условій, даютъ право адвокату, знакомому съ дѣломъ одной стороны, быть адвокатомъ другой, съ какими руководящими началами долженъ соображаться адвокатъ въ отношеніи предѣловъ его обязанности исполнять хотя законныя, но явно жестокія требованія кліентовъ и т. д.

Правда, хорошее воспитаніе, истинная образованность, личный тонъ, природная деликатность могутъ многое подсказывать—разрѣшить что можно и чего нельзя. Но если такой врожденной или выработанной деликатности нѣтъ, а есть одна способность дѣльнаго и знающаго адвоката, то что дѣлать?!....

Были бы полезны точныя правила по всѣмъ этимъ предметамъ, если бы ихъ можно было установить, но если этого невозможно сдѣлать, если, притомъ же, и самые принципы нашей адвокатской этики еще не выработаны и не установле-

ны, то что же дѣлать, на чемъ остановиться, гдѣ найти выходъ?

Слѣдуетъ ли выработать собственную систему или заимствовать ее у другихъ народовъ? Но разработка собственной теоріи дѣло не легкое и требуетъ много времени: западная адвокатура жила цѣлыя столѣтія, пока выработала свой нравственный кодексъ.

Заимствовать цѣликомъ этотъ кодексъ? Но это также невозможно! Хотя законы нравственности, законы этики имѣютъ многія общія черты, свойственныя всѣмъ культурнымъ народамъ, хотя въ извѣстной мѣрѣ они могутъ служить руководящею нитью и подспорьемъ для судебныхъ обычаевъ и практики, но нельзя не сознаться, что исторія нашей юридической жизни, наши индивидуальныя наклонности и условія естественнаго народоженія народныхъ институтовъ, требуютъ самостоятельнаго изслѣдованія и такое изслѣдованіе должно быть положено въ основаніе нашей судебной и адвокатской этики.

Такимъ образомъ остается одно: необходимо пробѣлы принциповъ нашей судебной защиты и адвокатской этики выработать и установить тщательнымъ изученіемъ какъ русскихъ правовыхъ и нравственныхъ возрѣній, такъ и возрѣній и практики западныхъ народовъ, у которыхъ судебная защита и этика адвокатуры были предметомъ особой заботливости общества, науки и законодательства.

Основаніемъ для руководства, въ нѣкоторой степени, иностранною адвокатской и судебною этикою служить для насъ истина, указанная выше, что многія черты судебной защиты, вслѣдствіе ихъ естественнаго происхожденія, общи почти всѣмъ народамъ одинаковаго юридическаго и нравственнаго развитія. Оправданіемъ этому можетъ служить и всѣмъ общій—въ большей или меньшей степени—взглядъ какъ на дурное и безнравственное, такъ и на хорошее и нравственное, о чемъ мы также уже выше замѣтили.

Во всякомъ случаѣ осторожное отношеніе къ требованію стѣснить или ограничить право защиты вытекаетъ изъ существа спора, изъ важности адвокатской профессіи, серьез-

ности ея обязанностей, цѣлесообразности ея дѣятельности и необходимости положенія, занимаемаго защитою въ сферѣ судебной дѣятельности.

Не говоря уже о томъ, что грѣхи нѣкоторыхъ лицъ, весьма возможные при исполненіи многотрудной и многосложной адвокатской дѣятельности, не могутъ вліять на оцѣнку дѣятельности всей корпораціи, мы думаемъ, что для уясненія „паденія“ у насъ адвокатской профессіи (если только дѣйствительно это печальное событіе у насъ наступило) надо ранѣе собрать самымъ тщательнымъ образомъ *во всѣхъ* судебныхъ округахъ Россіи, по заранѣе *выработанной программѣ*, фактическія данныя какъ о приемахъ нашей судебной защиты, такъ и вообще о дѣятельности нашихъ присяжныхъ повѣренныхъ. Программа эта должна обнимать институтъ судебной защиты во всемъ его объемѣ; она должна касаться не только дисциплинарныхъ производствъ объ адвокатахъ по нарушеніямъ ими своихъ обязанностей къ обществу, суду, корпораціи, отдѣльнымъ лицамъ, а въ особенности къ ихъ кліентамъ, но и обычаевъ какъ адвокатскихъ и судебныхъ, такъ и мѣстныхъ обычаевъ вообще; словомъ—обнимать предметъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.... Затѣмъ этому матеріалу необходимо сдѣлать систематическій сводъ и подвергнуть его всестороннему обсужденію.

Безъ такого подробнаго изученія невозможна, съ одной стороны, выработка общихъ руководящихъ началъ, а съ другой—безошибочное сужденіе о томъ, насколько въ дѣйствительности грѣховна наша присяжная адвокатура, соответствуетъ ли она своему назначенію и требуетъ ли она основной реорганизаціи.

Допуская даже, что и по тѣмъ даннымъ, которыя имѣются въ настоящее время, есть возможность доказать, что наша адвокатура еще не приблизилась къ *идеалу* судебной защиты и не стала на высотѣ назначенія, какъ судебно-политическій институтъ, который сдѣлалъ адвокатскую корпорацію на западѣ разсадникомъ, откуда пополняются ряды высшей магистратуры, то это еще не значить, что нужно

ограничивать права нашей адвокатуры на судъ и требовать ея переустройства. Видимые промахи и недостатки, независимо отъ личныхъ качествъ защитника, легко объясняются новизною дѣла, недостаточнымъ развитіемъ самаго общества, отсутствіемъ общественнаго мнѣнія и малымъ проникновеніемъ въ юридическую жизнь нашу нравственныхъ началъ.

Только постепеннымъ, осторожнымъ и внимательнымъ изученіемъ нашей судебной защиты, дѣятельности судебныхъ защитниковъ и юридической жизни, съ ея нравственными основами и воззрѣніями—съ одной стороны, и сравнительнымъ изслѣдованіемъ этихъ институтовъ съ дѣятельностью защиты и защитниковъ и ихъ этикою въ другихъ цивилизованныхъ государствахъ—съ другой, можемъ выяснить пользу или вредъ нашего института судебной защиты и адвокатуры, ихъ цѣлесообразность или бесполезность, ихъ достаточное развитіе или косность, устойчивость или неустойчивость ихъ нравственныхъ принциповъ, пригодность адвокатуры какъ государственнаго установленія, или неотложность измѣненія ея основъ; причемъ критика укажетъ на все ненормальное и уродливое въ этихъ институтахъ.

VIII.

А между тѣмъ, наша судебная практика крайне скудна рѣшеніемъ вопросовъ, возбуждаемыхъ вообще судебною защитою. Кромѣ выдающихся дѣлъ Мельницкихъ, Мироновича, саратовскаго земельного банка, кражи изъ московскаго почтамта цѣнныхъ бумагъ и нѣк. др., по которымъ заявлялось о крупныхъ неправильныхъ дѣйствіяхъ, допущенныхъ защитою—мы можемъ указать весьма немного.

Русская юридическая литература, насколько намъ извѣстно, также небогата сочиненіями, трактующими какъ о нравственныхъ принципахъ судебной защиты, такъ и относительно *общей* дѣятельности нашихъ присяжныхъ повѣренныхъ. Вообще *законы этики* затронуты Кавелинымъ въ его сочиненіи „*Задачи этики*“. Затѣмъ мы имѣемъ слѣдующія

изслѣдованія о нашей адвокатурѣ: „Замѣтки объ адвокатурѣ“, К. Арсеньева (С.-П.-б., 1885 г.); „О правѣ представительства на судѣ“, Пальховскаго (Москва, 1876 г.); „Представительство въ гражданскомъ правѣ“, Гордона (С.-П.-б., 1879 г.); „Пальховскій. Наша присяжная адвокатура“, (С.-П.-б., 1885 г.); „Курсъ уголовного судопроизводства“ (С.-П.-б., 1884 г.) и „Защита въ уголовномъ процессѣ“ И. Фойницкаго (С.-П.-б., 1885 г.); „Реформа уголовной защиты“, Владимірова (Харьковъ, 1886 г.); „Веденіе неправыхъ дѣлъ“ (Москва, 1887 г., 2 изд.) и „Вопросы адвокатской дисциплины“ (Москва, 1888 г.) Г. Джаншіева; „Вѣчные вопросы адвокатуры“ Невядомскаго (Москва, 1887 г.); „Докладъ по вопросу о совмѣщеніи званія присяжнаго повѣреннаго съ другими должностями и занятіями“, Дмитріевскаго (Москва, 1888 г.); „Петербургская присяжная адвокатура“, П. Макалинскаго (С.-П.-б., 1889 года) и нѣсколько журнальных статей: а) въ Журналъ министерства юстиціи: Делпа („О значеніи адвоката въ гражданскомъ процессѣ“, 1881 г., № 12); Бѣликова („Адвокатура въ Россіи“, 1865 г., № 2) и нѣк. др.; б) въ Судебномъ Вѣстникѣ: „О значеніи судебного краснорѣчія и его національныхъ различій“ (1886 г., № 3); Лохвицкаго („Избраніе обвиняемымъ защитника“, 1868 г., № 38); Э. Ж. („Присяжные повѣренные“, 1868 г., № 171); Семенова („Повѣренные со стороны обвиняемыхъ и защитники подсудимыхъ“, 1869 г., № 130); Л. Исарлова („Образованіе присяжныхъ повѣренныхъ при закавказскихъ судебныхъ учрежденіяхъ“, 1869 г., № 241); „Адвокатъ и кліентъ“ (1870 г., № 322); Бобріицева-Пушкина („О настоящемъ положеніи адвокатской корпорации въ Россіи, 1869 г., № 210) и „Школа присяжныхъ адвокатовъ по проекту Лавестама“, 1876 г., № 131); Кистяковскаго („Несовмѣстимость обязанности защитника съ предшествовавшей ролью судебного слѣдователя и съ ближайшимъ родствомъ съ судьей, рѣшающимъ защищаемое имъ дѣло“, 1873 г., № 157); Лавестама („Школа присяжной адвокатуры“, 1876 г., №№ 110 и 111) и нѣк. др.; в) въ

Юридическомъ Журналѣ: Мстиславскаго („О поклѣнной вирѣ или понятіе объ обвинительномъ процессѣ по русской Правдѣ“, 1861 г., № 5); г) въ *Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права*: Платонова („О русской адвокатурѣ“, 1875 г., №№ 3, 4 и 5) и „Новая организація помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ“, 1880 г., № 6); Рихтера („Десятилѣтніе консультаціи присяжныхъ повѣренныхъ“, 1880 г., № 6); Саранчова („Петербургская адвокатура“, 1882 г., № 1); М. Гребенищикова („Обязанности адвоката къ кліенту во время веденія дѣла“, 1883 г., № 8); „Защитительная роль въ уголовномъ процессѣ“, 1884 г., № 4); „Задача адвокатуры“, 1886 г., № 5, „Условія пріема въ присяжные повѣренные“, 1889 г., № 1) и разборы его „Отчетовъ совѣта с.-петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ“ за многіе годы; Н. З. „Взглядъ профессора на уголовную защиту“, 1887 г., № 4); С. Щеловитова („О значеніи началъ устной и непосредственности въ уголовномъ процессѣ“, 1888 г., № 8); Икса („Когда же“, 1888 г., № 5) и нѣк. др.; д) въ *Юридическомъ Вѣстникѣ*: Барышева (Защита по уголовнымъ дѣламъ“, 1878 г., №№ 9 и 10); Джанишева („Объ автономіи сословія присяжныхъ повѣренныхъ“, 1879 г., № 2, „Ограниченіе гласности на судѣ“, 1887 г., №№ 2 и 3, „Вопросы адвокатской дисциплины“, 1887 г., № 4); Карюкова („Защита на предварительномъ слѣдствіи“, 1880 г., № 12); Фалька („О защитѣ и ея функціяхъ на предварительномъ слѣдствіи“, 1882 г., № 2); Н. М. („Присяжная адвокатура и конкурсная дѣла“, 1887 г., № 12) и мн. др.; е) въ *Юридическомъ Обзорѣ*: Рашета („Наша присяжная адвокатура“, 1881 г., № 15) и „Замѣтка“ (1884 г., № 182); Френкеля („О нашей присяжной адвокатурѣ“ (1881 года, № 20); Положеніе присяжной адвокатуры на Кавказѣ“, (1881 г., №№ 21 и 25); „Право повѣреннаго включать въ договоры съ кліентами пунктъ о неустойкѣ“ (1884 г., № 184 и др.). Затѣмъ какъ въ *Судебной Газетѣ*, такъ и въ другихъ неспеціально юридическихъ изданіяхъ были помѣщаемы немногія статьи о занимающемъ насъ предметѣ; наконецъ у

насъ публикуются отчеты о дѣятельности совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ с.-петербургскаго, московскаго и харьковскаго и это самый богатый матеріалъ; но опубликованныхъ отчетовъ окружныхъ судовъ, заступающихъ, во всѣхъ другихъ судебныхъ округахъ, совѣты присяжныхъ повѣренныхъ, т. е. въ *большей части* *округовъ* вовсе не существуетъ....

Во всѣхъ исчисленныхъ сочиненіяхъ, статьяхъ, брошюрахъ и отчетахъ трактуется, въ большинствѣ случаевъ, только о сравнительно незначительномъ матеріалѣ, о фактахъ и вообще примѣрахъ, извѣстныхъ почему либо изъ практики ограниченаго числа судебныхъ округовъ...

Обращаясь къ вопросу о сравнительномъ изученіи судебной защиты у другихъ народовъ, должны замѣтить, что въ этой области мы еще бѣднѣе. Мы „кое-что“ знаемъ вообще изъ исторіи судебной этики иностранныхъ адвокатовъ, но это „кое-что“ не приведено въ систему, не переработано и отрывочно разбросано въ разныхъ сочиненіяхъ и временныхъ изданіяхъ. Независимо сочиненія *Стоянова „Исторія адвокатуры“* (Харьковъ, 1869 года) и журнальных статей: „Объ адвокатурахъ во Франціи, Англіи и Германіи“ *Кистяковского* (Журналъ министерства юстиціи 1863 года, № 8); *Значеніе адвокатуры и судьба адвокатскаго сословія во Франціи*, *Бѣлкина* (Журналъ минист. юст., 1864 г. № 2); „Прокуратура и Адвокатура“ (Жур. мин. юст., 1866 г. №№ 11 и 12); „Преобразование германской адвокатуры“, *Арсеньева* (Журналъ гражд. и уголов. права, 1878 г. № 5); „Съездъ адвокатовъ въ Берлинъ: проектъ закона о таксѣ и гонорарѣ“ (Журналъ гражд. и угол. права, 1879 г. № 2); „Очеркъ изслѣдованія Франческо Карраро въ уголовной защитѣ“, *Вульфберта* (Юридическій Вѣстникъ, 1883 г. № 4), „Адвокатура во Франціи“, *Рашета* (Юридическое Обозрѣніе, 1882 г., № 80),—у насъ почти нѣтъ ничего, если не говорить о переводахъ сочиненій *Миттермайера „О судебной защитѣ“* и „О сословіи адвокатовъ“, *Бентама „О судопроизводствѣ“* (Журн. мин. юст., 1860 г.

№ 7); *Варя „Защита въ уголовныхъ дѣлахъ“* (1886 г. С.-П.-Б.); *Глазера „Руководство по уголовному процессу“*, (С.-П.-Б., 1885—1887 г.)

Конечно, на основаніи такого недостаточнаго матеріала, который изслѣдованъ, изъ десяти судебныхъ округовъ ¹⁾, лишь въ трехъ: с.-петербургскомъ, московскомъ и харьковскомъ, нельзя сказать рѣшающаго слова о цѣломъ государственномъ учрежденіи.

Притомъ же наша присяжная адвокатура не такъ долго еще живетъ, чтобы теперь же можно было сдѣлать о ней заключеніе въ смыслѣ измѣненія ея основъ или ограниченія сферы ея дѣятельности. Припомнимъ, что изъ нынѣ существующихъ адвокатскихъ корпорацій, французская—живетъ, какъ установившаяся уже организація, съ XII вѣка, со времени Людовика Святого, а англійская—со времени устройства постоянныхъ судовъ въ Вестминстерѣ. Наша же адвокатура, въ сущности, появилась только двадцать съ чѣмъ-то лѣтъ!... Что же можно требовать отъ нея, когда она еще и не начала жить полною и нормальною жизнью?...

На этомъ основаніи, не грѣша противъ истины, мы можемъ повторить еще разъ, что всякое рѣшающее слово теперь еще несовременно....

IX.

Что касается стремленія къ ограниченію правъ судебной защиты на судѣ, то такое стремленіе слѣдуетъ признать противорѣчіемъ тѣмъ непоколебимымъ основамъ правосудія, которыми учить насъ исторія правовой жизни и процесса всякаго народа.

Извѣстно, что судебная защита опирается на общественное право людей. И кто же можетъ идти на переборъ его законамъ?—Какъ тотъ, чье право нарушено (будь то въ гражданскомъ или уголовномъ смыслѣ), такъ и тотъ, кто, нарушилъ это право,—оба стараются въ свое огражденіе пред-

---

¹⁾ С.-Петербургскій, московскій, харьковскій, одесскій, казанскій, саратовскій, кіевскій, виленьскій, варшавскій и тифлиссскій.

ставить все, что может послужить въ ихъ пользу. Исключить или ограничить это право защиты, измѣнить порядокъ или способъ представленія доказательствъ, или препятствовать защищаться чрезъ другихъ лицъ, или стѣснить въ чемъ либо свободу защитника—значить отнять у человѣка его *природное право* и нарушить правосудіе въ государствѣ... Но, конечно, это будетъ святотатствомъ...

Впрочемъ, историческій ходъ развитія судебной защиты показываетъ намъ постоянныя колебанія въ ея положеніи. Если бы нужно было изобразить этотъ ходъ графическимъ способомъ, то намъ пришлось бы для каждаго народа или государства рисовать самыя разнообразныя зигзаги... Но, едва ли можно объяснить и оправдать эти колебанія *существомъ* судебной защиты... Оно всегда было и будетъ неизмѣннымъ.

А потому предоставьте этому учрежденію, несомнѣнно полезному, необходимому и высокому по своей идеѣ и назначенію, жизнь и развитіе въ его истинной сферѣ; не дѣлайте судебной защитѣ ненужныхъ препонъ и стѣсненій; устраивайте повсемѣстно совѣты присяжныхъ повѣренныхъ, какъ достаточную гарантію законнаго и нравственнаго веденія дѣла; сближайте судей и защитниковъ, съ цѣлью успѣшнѣйшаго служенія одной цѣли—правосудію; устраивайте конференціи и консултанціи; изучайте принципы адвокатуры у народовъ, которые уже жили полною юридическою жизнью, все это въ значительной мѣрѣ будетъ содѣйствовать къ упорядоченію дѣятельности членовъ и нашей адвокатской корпораціи.

Пороки, свойственные людямъ вообще, въ адвокатахъ не значительнѣе, нежели у другихъ общественныхъ дѣятелей, напр. у чиновниковъ, медиковъ, педагоговъ. Если мы слышимъ нареканія на адвокатовъ, то менѣе ли жалуются на всякихъ другихъ общественныхъ служителей, дурно исполняющихъ свои обязанности? Но сколько добра и пользы вносятъ адвокатура въ жизнь людей—это не должно забывать при оцѣнкѣ, которую производятъ этому институту и кото-

рый можетъ быть смѣло названъ *народнымъ*, потому что онъ спеціально ему посвящаетъ всѣ свои знанія, силу и энергію! Мы не защищаемъ грѣховъ отдѣльныхъ адвокатовъ, но возстаемъ противъ преувеличеній, противъ несправедливыхъ обвиненій и инсинуацій, мѣшающихъ ложь съ правдою.

Лишь серьезное и безпристрастное изученіе дѣятельности нашей присяжной адвокатуры выяснитъ то, что въ ней есть дѣйствительно дурнаго и хорошаго; что подлежитъ исправленію и что можетъ быть съ пользою сохранено.

Достаточно указать на строгія отношенія совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ въ дѣятельности своихъ сочленовъ, чтобы убѣдиться, что нравственныя основы живутъ, развиваются и поддерживаются въ нашей адвокатурѣ...

Само собою разумѣется, что для улучшенія положенія нашей судебной защиты и присяжной адвокатуры еще многое нужно сдѣлать. И если русская юридическая литература и юридическія общества поспѣшатъ на помощь судебной практикѣ, съ цѣлью поработать на пользу судебной и адвокатской этики, то они этимъ лишь исполнятъ свое истинное призваніе и назначеніе.

А. Френкель.

СУДЕБНО - МЕДИЦИНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА НА ТРУПАХЪ И СВИДѢТЕЛЬСКІЯ ПОКАЗАНІЯ ВЪ УГОЛОВНОМЪ ПРОЦЕССѢ.

„Исторія судебныхъ доказательствъ, есть исторія народнаго ума“ говоритъ Спасовичъ. И дѣйствительно, въ ней самымъ яркимъ образомъ выражаются воззрѣнія данной эпохи на вопросъ первостепенной важности для философа, на вопросъ о томъ, какая дорога ведетъ къ познанію истины. Огюсть Контъ различаетъ въ исторіи развитія человѣчества три періода: теологическій, метафизическій и позитивный. Нѣчто похожее можно бы найти въ исторіи уголовного процесса. Сначала умъ человѣческій не рассчитываетъ на себя, онъ еще младенецъ; человѣкъ вездѣ и всегда ищетъ помощи существъ высшихъ, существъ міра другаго. Это періодъ суда божія, періодъ ордалій. Тогдашняя теорія доказательствъ указываетъ намъ множество самыхъ разнообразныхъ способовъ, посредствомъ которыхъ человѣкъ вопрошаетъ Бога. Сюда относятся: жребій, испытанія огнемъ и водою, судебный поединокъ, etc. Это періодъ теологическій. Судъ имѣетъ чисто пассивное значеніе; онъ наблюдаетъ только, дабы волю божію спрашивали правильно, дабы были въ точности примѣнены способы, посредствомъ которыхъ можно эту волю разузнать. Но вотъ уровень умственнаго развитія массъ повышается, государственное и общественное устройство измѣняется. Человѣкъ начинаетъ скептически относиться къ гаданьямъ, начинаетъ сознавать, что изъ поединка цѣль выходитъ не самый

правый, а самый сильный; въ тоже время государственная власть крѣпнетъ, индивидъ поглощается государствомъ, онъ является не цѣлью, а средствомъ для достиженія цѣлей государства—и вотъ мы вступаемъ во второй періодъ уголовного процесса. Въ началѣ этого періода господствуетъ пытка, призваніе преступника считается *regina probationum*. Добиться этого признанія всѣми силами старается судья. Съ этою цѣлью онъ употребляетъ самые утонченные способы мученій: и механическія поврежденія человѣческаго тѣла, и жаръ, и холодъ, и жажду и голодъ—для него все хорошо, всѣ средства позволительны, лишь бы заставили преступника признать себя виновнымъ. Съ теченіемъ времени, при болѣе утонченныхъ правахъ, физическую пытку замѣняетъ психическая. На обвиняемаго дѣйствуютъ угрозами, потрясающими впечатлѣніями, хитростью; средства немного измѣнились, но цѣль одна и таже. Наступаетъ, наконецъ, эпоха гуманности и признанія правъ человѣка. Государство перестаетъ быть всесильнымъ Молохомъ, перестаетъ быть цѣлью само по себѣ; на первый планъ выдвигается вопросъ о благосостояніи и правахъ личности. Уже нельзя смотрѣть на обвиняемаго, какъ на средство для раскрытія истины; онъ огражденъ правами, онъ неприкосновенное лицо. Признаніе замѣняется свидѣтельскими показаніями. Въ настоящее время—свидѣтель самое важное средство для раскрытія истины на судѣ. Вопросъ о томъ, какіе свидѣтели болѣе, а какіе менѣе достовѣрны; кто можетъ, и кто не можетъ отказаться отъ свидѣтельствванія; кто долженъ допрашивать свидѣтелей, какъ должно допрашивать свидѣтелей, какими гарантіями обезпечить правдивость свидѣтельскихъ показаній—занимаютъ почтенное мѣсто какъ въ теоретическихъ трактатахъ, такъ и на страницахъ дѣйствующихъ кодексовъ. Свидѣтельскія показанія рѣшаютъ въ большинствѣ процессовъ участь подсудимаго; на нихъ чаще всего и охотнѣе всего основываютъ свои вердикты присяжные засѣдатели, свои приговоры коронные судьи. Однимъ словомъ—мы находимся все еще въ періодѣ господства показаній, хотя родъ этихъ показаній существенно измѣнился: мѣсто показаній

самого обвиняемого заняли показанія постороннихъ лицъ, показанія свидѣтелей. Періодъ этотъ можно бы, пожалуй, уподобить метафизическому періоду Конта, ибо здѣсь первенствующую роль играетъ вѣра въ метафизическую склонность человѣка говорить истину и въ возможность познать истину безъ научнаго изслѣдованія. Будетъ ли этотъ періодъ продолжаться долго — неизвѣстно, но уже замѣтны первые признаки радикальнаго переворота во взглядахъ на уголовныя дѣла. Еще молодая, но уже могущественная антропологическая школа общаетъ новую эру въ судопроизводствѣ. Ломброзо, Ферри, Гарофало стремятся, въ концѣ концовъ, замѣнить рассказъ свидѣтеля изслѣдованіемъ ученаго, судью юриста — судьей врачомъ. Насколько эти общанія оправдываетъ будущность — судить еще рано, тѣмъ не менѣе одно становится несомнѣннымъ, а именно — что въ уголовномъ процессѣ все больше и больше растетъ значеніе научнаго изслѣдованія. Неимовѣрно быстрое развитіе всѣхъ отраслей естествознанія обогатило насъ, съ одной стороны, положительнымъ матеріаломъ для разрѣшенія множества темныхъ доселѣ судебныхъ случаевъ, съ другой стороны разрушило еще болѣе нашихъ убѣжденій, которыя до сихъ поръ считались непреложными, сдѣлало насъ болѣе внимательными въ изслѣдованіи, болѣе осторожными въ выводахъ. Довольно вспомнить, какъ ученіе о промаинахъ подѣйствовало на изслѣдованіе отравленій, сколько подозрѣній устранило оно, сколько подсудимыхъ спасло — чтобы согласится, что ученый естествоиспытатель, который открылъ промаины, незнакомый, быть можетъ, вовсе съ юридическими науками, сдѣлалъ для правосудія болѣе, чѣмъ десятки опытныхъ юристовъ. Несмотря однако на всю важность научнаго изслѣдованія, на всю важность экспертизы въ уголовномъ процессѣ, нельзя не замѣтить, что теоретически значеніе ея далеко не выяснено, что практическое устройство ея далеко неудовлетворительно. Впрочемъ, это не должно насъ удивлять: научная экспертиза слишкомъ новое явленіе, чтобы ее правильно поняли, чтобы ее надлежаще оцѣнили; для этого нужно еще много времени.

Пока же въ понятіяхъ о судебной экспертизѣ господствуетъ полнѣйшій хаосъ. До сихъ поръ не могли даже согласиться на то, чѣмъ считать судебную экспертизу: одни относятъ ее къ личному осмотру, другіе—къ свидѣтельскимъ показаніямъ, третьи смотрятъ на нее какъ на самостоятельное доказательство, приближающееся къ уликамъ, четвертые дѣлаютъ изъ нея научный приговоръ и т. д., а изъ всего этого ясно только то, что пословица: „сколько головъ, столько умовъ“ имѣетъ въ мірѣ семь частое примѣненіе. Одною изъ важнѣйшихъ причинъ такой путаницы является смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ видовъ судебной экспертизы. Мнѣніе сапожника, обсуждающаго доброкачественность сапогъ, врача, изслѣдующаго раны на трупѣ, психіатра, имѣющаго дѣло съ умственнымъ растройствомъ—все это одна и таже экспертиза для нѣкоторыхъ изслѣдователей и безразлично обсуждается ими. Такъ нельзя! Условіе первой необходимости для желающихъ выяснитъ какой нибудь вопросъ въ сферѣ науки—выдѣлить самымъ точнымъ образомъ этотъ вопросъ изъ всей массы сродныхъ съ нимъ понятій. Правда, въ мірѣ реальномъ провести рѣзкія границы между явленіями дѣйствительной жизни невозможно. Строгимъ дефиниціямъ не поддаются даже явленія, которыми занимается естествознаніе; что же говорить послѣ этого о явленіяхъ запутанной общественной жизни. Правда, ни одна наука не мечтаетъ о томъ, чтобы ея формулы совпадали въ точности съ дѣйствительными явленіями и, тѣмъ не менѣе, научные выводы даютъ намъ возможность уразумѣть эти явленія; но дѣлать выводы положительно нельзя, пока мы не знаемъ, какими данными мы будемъ оперировать, пока мы не выдѣлили въ точности и не уяснили себѣ со всей отчетливостью тѣхъ понятій, о которыхъ намъ придется разсуждать. И такъ, мы должны прежде всего дать себѣ точный отчетъ о томъ, что мы понимаемъ подъ словомъ „экспертиза“. Уставъ 1864 г. не знаетъ слова экспертиза, вмѣсто него онъ употребляетъ выраженіе: „осмотръ и освидѣтельствованіе чрезъ свѣдущихъ людей“. Этимъ понятіемъ означаются дѣйствія свѣдущаго лица, обязаннаго составить объ-

ясненіе какого-либо спеціальнаго предмета. Ст. 325 гласить: „Свѣдущіе люди приглашаются въ тѣхъ случаяхъ, когда для точнаго уразумѣнія встрѣчающагося въ дѣлѣ обстоятельства, необходимы спеціальныя свѣдѣнія или опытность въ наукѣ, искусствѣ, ремеслѣ, промыслѣ или какомъ-либо занятіи“. Ст. 326: „Въ качествѣ свѣдущихъ людей могутъ быть приглашаемы: врачи, фармацевты, профессора, учителя, техники, художники, ремесленники, казначеи и лица, продолжительными занятіями по какой либо службѣ или части пріобрѣвшія особую опытность“. Изъ этого видно, какъ обширно по уставу понятіе свѣдущаго лица. Оно слишкомъ обширно, чтобы быть пригоднымъ для науки. Трудно дѣлать какіе-нибудь выводы изъ понятія столь неопредѣленнаго, изъ понятія, обнимающаго столь разнообразныя и разнородныя предметы. Намъ необходимо разбить это понятіе на его составныя части и разсудить о каждой части отдѣльно, если мы желаемъ добиться какого-нибудь положительнаго результата. Тогда мы замѣтимъ, что изъ всѣхъ видовъ экспертизы рѣзко выдѣляется одинъ видъ, видъ самый важный для судебныхъ цѣлей, видъ, въ которому чаще всего приходится прибѣгать на судъ—не трудно догадаться, что я говорю объ экспертизѣ врачей. Отличительная черта этого рода экспертизы заключается въ томъ обстоятельствѣ, что уразумѣть ея нельзя безъ спеціальныхъ свѣдѣній, свѣдѣній, для пріобрѣтенія которыхъ нужно посвятить цѣлую жизнь. Изъ этого вытекаютъ весьма важныя послѣдствія. Самымъ важнымъ изъ этихъ послѣдствій является то, что судья-юристъ не имѣетъ возможности оцѣнить научное достоинство экспертизы врача, а слѣдовательно при рѣшеніи медицинскихъ вопросовъ первенствующая роль переходитъ отъ судьи къ врачу, который пріобрѣтаетъ такимъ образомъ громадное значеніе, имѣетъ почти полную самостоятельность, словомъ—играетъ такую роль, какой не играетъ никакой другой экспертъ. Другое дѣло съ психіатрической экспертизой. Хотя и тутъ прибѣгается къ помощи врачей, но роль ихъ уже нѣсколько иная. Психіатрія далеко еще не достигла той степени достовѣрности и выработанно-

сти, какъ медицина. Поэтому и усмотрѣніе судья имѣетъ здѣсь тоже нѣкоторое значеніе, а слѣдовательно врачъ играетъ менѣе важную роль. Насколько это основательно—другой вопросъ, но мы должны считаться съ дѣйствительностью. Такимъ образомъ приходится намъ отдѣлить медицинскую экспертизу, какъ отъ всѣхъ видовъ медицинской экспертизы, такъ и отъ судебной экспертизы врачей психіатровъ. Но этого еще недостаточно. Даже разные роды медицинской экспертизы представляютъ существенныя различія. Судъ прибѣгаетъ къ медицинской экспертизѣ въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда на основаніи свѣдѣній по медицинскимъ наукамъ нужно констатировать существованіе извѣстныхъ фактовъ, 2) когда необходимо опредѣлить свойства извѣстныхъ фактовъ, 3) когда необходимо обсудить возможность или вѣроятность извѣстныхъ показаній, 4) когда нужно опредѣлить причинную связь извѣстныхъ фактовъ съ ихъ послѣдствіями (Mittermayer, Beveislehre, S. 181). Изъ этого мы видимъ, что для дачи заключенія врачу иногда приходится дѣлать осмотръ и секцію, а иногда онъ можетъ отвѣчать безъ производства судебно-медицинскаго изслѣдованія, на основаніи единственно научныхъ началъ судебной медицины (случ. 3). Значеніе этихъ двухъ родовъ экспертизы совершенно различное. Въ первомъ случаѣ заключеніе основывается на изслѣдованіи эксперта, производимомъ на основаніи особыхъ условій, придающихъ экспертизѣ особый родъ юридической достовѣрности, во второмъ—единственнымъ основаніемъ экспертизы служатъ общія научно-медицинскія начала. Поэтому слѣдуетъ строго отличать эти два рода медицинской экспертизы, такъ какъ и научныя ихъ основанія, и законныя условія, и юридическое значеніе совершенно различны. Для опредѣленія медицинской экспертизы перваго рода Вислюцкій предлагаетъ названіе „судебно-медицинская экспертиза“, а для втораго рода—„научно-медицинская экспертиза“. (Вислюцкій, О достоинствѣ судебно-медицинской экспертизы въ уголовномъ судопроизводствѣ, стр. 32). Но и судебно-медицинская экспертиза, понимаемая

въ такомъ значеніи, не представляетъ собою понятія 'одно-роднаго. Она различается существенно и по роду изслѣдованія и по значенію добытыхъ изслѣдованіемъ результатовъ, смотря по тому, производится ли изслѣдованіе на трупахъ или на живыхъ. Въ первомъ случаѣ роль врача сводится къ роли наблюдателя: онъ, посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, освѣдомляется о томъ, есть ли въ органахъ изслѣдуемаго субъекта какія-нибудь отклоненія отъ нормальнаго состоянія и въ чемъ именно состоятъ эти отклоненія. Во второмъ случаѣ врачъ не можетъ собственными глазами изслѣдовать состояніе поврежденнаго органа: онъ только дѣлаетъ выводы о перемѣнахъ внутри тѣла на основаніи симптомовъ болѣзни, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ почти никогда не указываетъ на причину болѣзни. Онъ синтетически соединяетъ болѣзненныя явленія въ извѣстныя группы, опредѣляетъ отношенія этихъ группъ другъ къ другу, чтобы найти органъ, болѣзненное измѣненіе котораго составляетъ первоначальную точку исхода болѣзни всего организма (*Вислюцкий*, стр. 68). Понятно, что и результаты изслѣдованія въ первомъ и второмъ случаѣ имѣютъ совершенно различное значеніе. Въ виду этого различія намъ надо строго отличать эти два рода судебно - медицинскаго изслѣдованія. Судебно - медицинская экспертиза на трупахъ, какъ понятіе совершенно самостоятельное и точно опредѣленное, будетъ предметомъ нашего изслѣдованія.

Различныхъ возрѣній на суть судебно-медицинской экспертизы выработалось весьма много. Юристы и врачи жарко спорили о томъ, что такое экспертиза? Представляетъ ли она судебное доказательство или нѣтъ? Если она доказательство, то самостоятельное или нѣтъ? Если нѣтъ, то къ какому виду доказательствъ она должна быть отнесена? — Вотъ вопросы, которые издавна раздѣляли юристовъ и не перестаютъ ихъ раздѣлять и до сихъ поръ. Вопросы эти, по справедливому замѣчанію Цахаріа, съ отрицательною формальною теоріею доказательствъ не потеряли своего значенія, потому что то или другое ихъ рѣшеніе должно оказать то или другое вліяніе

на разъясненіе мнѣній, могущихъ возникнуть какъ при пользованіи экспертизою, такъ и при оцѣнѣ ея достовѣрности и значенія (*Владиміровъ*, О значеніи врачей-экспертовъ въ уголовномъ судопроизводствѣ, стр. 16). Поэтому мы и должны заняться самымъ тщательнымъ разборомъ этихъ теорій и взглядовъ. Разсмотримъ ихъ по очереди.

1) Экспертиза—дополненіе личнаго осмотра, экспертъ—помощникъ судьи. Сущность этого воззрѣнія заключается въ фикціи, будто бы экспертъ является только орудіемъ въ рукахъ производящаго осмотръ судьи. Противъ этого справедливо возражаетъ *Владиміровъ*, что въ случаяхъ, требующихъ медицинскихъ свѣдѣній, осмотръ производится не слѣдователемъ, а врачомъ. Присутствіе судьи имѣетъ значеніе чисто судебное. Онъ наблюдаетъ за осмотромъ, съ цѣлью указать въ общихъ чертахъ пункты для экспертизы, охранять предписанія закона о медицинскихъ изслѣдованіяхъ, стараться, чтобы въ опредѣленіи тождества трупа не произошло никакой ошибки, а также, по возможности, ознакомиться съ результатами медицинскаго изслѣдованія. Это доказывается положительнымъ законодательствомъ (уст. суд. мед. ст. 1744, 1745; уст. угол. суд. ст. 331, 342, 343, 351, 692).

Того же мнѣнія придерживаются и лучшіе теоретики. *Миттермайеръ* (*Beveislehre*, S. 182) говоритъ: „Судья призываетъ экспертовъ не для того, чтобы они сдѣлали возможнымъ для него личный осмотръ. Если даже слѣдователь и наблюдаетъ вмѣстѣ съ экспертомъ извѣстные предметы, то и это не имѣетъ никакого значенія, потому что только опытный глазъ эксперта способенъ оцѣнить значеніе необходимыхъ фактовъ. Во всѣхъ случаяхъ производства экспертами осмотра, главная цѣль не осмотръ. Осмотръ только средство. Цѣль эксперта—составить себѣ извѣстное мнѣніе, вывести заключеніе. Врачъ вскрываетъ трупъ не для чего иного, какъ для опредѣленія значенія напр. раны; химикъ дѣлаетъ свои пробы для рѣшенія вопроса, есть ли въ трупѣ ядъ и т. д.“. Вислоцкій доказываетъ самостоятельность экспертизы слѣдующими аргументами: 1) есть случаи, въ которыхъ производится судебно-

медицинское изслѣдованіе на трупѣ именно для того, чтобы указать: есть ли основаніе для какого нибудь судебного дѣйствія или нѣтъ; есть ли событіе преступленія? Какіе же въ этомъ случаѣ судья въ состояніи дать указанія врачу, какіе вопросы онъ ему предложить, если онъ даже не знаетъ, была ли тутъ смерть естественная или насильственная? Не судья въ такомъ случаѣ предлагаетъ врачу вопросы и наставленія, а напротивъ, самъ требуетъ отъ врача и указаній и наставленій, въ какомъ направленіи должно быть произведено судебное изслѣдованіе, для того, чтобы оно могло получить желаемый успѣхъ; 2) какимъ образомъ можетъ судья предлагать врачу соответственные и точные вопросы и давать умѣстныя наставленія, если онъ не въ состояніи оцѣнить ни значенія, напр., на тѣлѣ убитаго замѣчаемыхъ явленій, ни важности различныхъ, иногда, для неопытнаго или несвѣдущаго глаза, едва замѣтныхъ обстоятельствъ дѣла, для рѣшенія и медицинскихъ и судебныхъ вопросовъ? 3) въ случаяхъ, въ которыхъ судья предлагаетъ врачу вопросы, это вовсе не стѣсняетъ его въ самостоятельномъ произведеніи экспертизы, такъ какъ онъ, по 333 ст. уст. угол. суд., обязанъ „не упускать изъ виду и такихъ признаковъ, на которые слѣдователь не обратилъ вниманія, но изслѣдованіе которыхъ можетъ повести къ открытію истины“, которые, слѣдовательно, законъ оставляетъ самостоятельному обсужденію и усмотрѣнію врача-эксперта. Предложеніе судьею вопросовъ имѣетъ только то значеніе, что указываетъ врачу, какія обстоятельства для судьи болѣе важны, но не стѣсняетъ его въ производствѣ экспертизы по собственному мнѣнію и разсужденію. Слѣдовательно: а) врачъ-экспертъ зависитъ, относительно своего дѣйствія, отъ судебного дѣла, но отнюдь не отъ судьи, б) присутствіе судьи, при извѣстныхъ родахъ судебно-медицинскаго изслѣдованія, обуславливается единственно формальною стороною дѣла и необходимо иногда самому врачу, для усиленія судебной достовѣрности его экспертизы. Между тѣмъ взглядъ на экспертовъ, какъ на помощниковъ судьи, можетъ причинить на практикѣ много

вреда, ибо онъ, какъ замѣтилъ Цахарію (Handbuch, B. II, S. 426), ведетъ къ самымъ невѣрнымъ выводамъ объ отношеніяхъ судей и экспертовъ, а именно, что судья, сверхъ указанія экспертамъ пунктовъ для изслѣдованія и дачи заключеній, принадлежитъ еще и рѣшеніе, при разногласіи въ послѣднихъ, какое изъ нихъ вѣрнѣе въ научномъ отношеніи“.

2) Болѣе вѣскимъ, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ можетъ казаться мнѣніе, относящее экспертизу къ свидѣтельскимъ показаніямъ. Приверженцы этого воззрѣнія указываютъ на то, что экспертъ, давая на судѣ показаніе, представляетъ, подобно свидѣтелю, отчетъ о фактахъ, замѣченныхъ имъ при изслѣдованіи. Другіе идутъ еще далѣе и говорятъ, что экспертъ, дѣлая научные выводы, свидѣтельствуемъ о томъ, какъ на данный фактъ смотритъ наука судебной медицины. Противъ такого смѣшенія понятій Миттермайеръ, Фостенъ-Эли, Боннье, Спасовичъ, Владиміровъ и Вислоцкій приводятъ аргументы, почерпнутые какъ изъ процессуальнаго устройства дачи заключеній и свидѣтельскихъ показаній, такъ и изъ самой сущности того и другаго рода доказательствъ. Аргументы эти сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) мы вѣримъ чувствамъ достовѣрнаго свидѣтеля, мы не требуемъ отъ него мотивовъ; эксперты, въ оправданіе своего заключенія, должны привести основательные аргументы; 2) свидѣтель можетъ давать свое показаніе во всякое время, ему для этого нечего обдумывать: чѣмъ проще выскажетъ онъ свои впечатлѣнія, тѣмъ лучше, тѣмъ достовѣрнѣе, тѣмъ цѣннѣе будетъ его показаніе; экспертъ можетъ дать только свое заключеніе, когда онъ основательно ознакомился съ дѣломъ, когда онъ хорошенько обдумалъ и взвѣсилъ каждую свою мысль, а даже каждое свое выраженіе; 3) свидѣтели даютъ свои показанія порознь—эксперты могутъ совѣщаться; это правило вытекаетъ непосредственно изъ предъидущаго положенія; 4) свидѣтели отвѣчаютъ за правдивость своихъ показаній предъ закономъ—эксперты отвѣчаютъ за свое мнѣніе только предъ своею совѣстью, ибо, какъ говоритъ Спасовичъ, правосудіе, прибѣгая къ авторитету искусства,

тѣмъ самымъ обнаруживаетъ свою некомпетентность рѣшить извѣстный вопросъ, слѣдовательно оно некомпетентно также судить, правильно ли рѣшенъ этотъ вопросъ экспертами или нѣтъ; 5) свидѣтелей, какъ выражается Фостенъ-Эли, создаетъ само преступленіе; они призываются въ судъ не по чьей-либо волѣ, произвольно, а самими обстоятельствами, приведшими ихъ туда, гдѣ совершено было преступленіе, или поставившими ихъ въ какія-либо отношенія къ подсудимымъ; напротивъ, эксперты выбираются судьей; призваніе того или другаго эксперта — дѣло произвольное, не обусловленное обстоятельствами дѣла; 6) свидѣтель передаетъ впечатлѣнія, вызванныя преступленіемъ или сопровождавшими его обстоятельствами, прежде того времени, когда тѣ стали предметомъ судебного слѣдствія; экспертъ изслѣдуетъ событіе преступленія уже въ то время, когда оно сдѣлалось предметомъ судебного слѣдствія; 7) свидѣтельскія показанія обусловливаются главнымъ и существеннымъ образомъ самимъ происшествіемъ преступнаго дѣйствія, внѣшнею стороною событія преступленія; экспертиза относится главнымъ и существеннымъ образомъ къ внутренней сторонѣ преступнаго дѣйствія, къ связи изслѣдуемаго факта съ предполагаемою причиною или съ угрожающими послѣдствіями его; 8) главная задача свидѣтельскихъ показаній — уличить виновнаго и обнаружить степень его виновности; главная задача экспертизы — возстановить событіе преступленія; 9) свидѣтельскія показанія основываются существенно на впечатлѣніяхъ, которыя вызываются преступнымъ дѣяніемъ, или обстоятельствами его въ душѣ присутствующихъ лицъ; экспертиза основывается исключительно на объективныхъ вещественныхъ слѣдахъ, произведенныхъ преступнымъ дѣяніемъ на организмъ человѣческій, которые оно оставляетъ послѣ себя, и обсуждаемыхъ на основаніи объективныхъ судебно-медицинскихъ началъ.

Согласно съ новѣйшею теоріею, уставъ 1864 г. проводитъ строгую грань между понятіемъ свидѣтеля и эксперта (свѣдущаго лица). Въ этомъ легко убѣдиться, сопоставляя

ст. 325, 334, 645, 711 уст. угол. суд. и 1748, 1753 уст. суд. мед. Того же воззрѣнія придерживается и практика кассационныхъ департаментовъ сената (рѣшенія 1868 г. за № 575 и 1869 г. за № 298). Сказаннаго, кажется, достаточно, чтобы убѣдиться, что смѣшеніе понятій экспертизы и свидѣтельскаго показанія какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ лишено всякаго основанія. Надо будетъ еще заняться сравненіемъ относительной цѣнности экспертизы и свидѣтельскаго показанія на судѣ, сравненіемъ значенія эксперта и свидѣтеля въ дѣлѣ изслѣдованія юридической истины, но объ этомъ рѣчь ниже. А теперь перейдемъ къ третьей группѣ авторовъ, по мнѣнію которыхъ эксперты—*judices facti*. Новѣйшимъ представителемъ этого воззрѣнія является Владиміровъ. Желая доказать свое мнѣніе, онъ разсматриваетъ роль судебного врача на слѣдствіи предварительномъ и судебномъ. Тутъ онъ замѣчаетъ, что эта роль въ обѣихъ стадіяхъ процесса совершенно самостоятельна: врачъ самъ производитъ медицинское изслѣдованіе, не подчиняясь при этомъ никакому чужому вліянію. Его дѣятельность состоитъ въ исполненіи не отдѣльныхъ дѣйствій, по указанію слѣдователя, а въ цѣломъ и самостоятельномъ изслѣдованіи медицинскаго вопроса въ уголовномъ дѣлѣ. Это положеніе доказывается правами и обязанностями его. Такъ, на предварительномъ слѣдствіи врачъ имѣетъ право ознакомиться съ тѣми свѣдѣніями, которыя уже собраны слѣдователемъ по данному дѣлу, читать слѣдственные акты; онъ не стѣсняется вопросами слѣдователя, не упускаетъ изъ виду и такихъ признаковъ, на которые послѣдній не обратилъ вниманія; кромѣ акта осмотра онъ можетъ дѣлать еще и другія изслѣдованія, напр. допросы подсудимыхъ, свидѣтелей. Однимъ словомъ, экспертъ, въ принадлежащей ему сферѣ явленій, производитъ такое же изслѣдованіе, какъ и слѣдователь въ своей: тотъ и другой, оба самостоятельно изслѣдуютъ истину, оба для достиженія этой цѣли пользуются одинаковыми источниками достовѣрности, т. е. осмотрами и допросами. Дѣятельность врача, съ логической точки зрѣнія, ничѣмъ не отличается отъ дѣятельности

слѣдователя. Не менѣе самостоятельна роль врачей экспертов и на слѣдствіи судебномъ. Они могутъ читать письменное производство дѣла, присутствовать при производствѣ судебного слѣдствія, совѣщаться передъ дачею заключеній, наконецъ, имѣютъ право представлять свое заключеніе не каждый порознь, а отъ всѣхъ лицъ, производящихъ одну и ту же экспертизу. Такимъ образомъ дѣятельность экспертов на судѣ, въ сущности, ничѣмъ не отличается отъ дѣятельности присяжныхъ засѣдателей. Присяжные выслушиваютъ доказательства и, на основаніи этого матеріала, постановляютъ свой приговоръ. Они присутствуютъ при производствѣ судебного слѣдствія, выслушиваютъ свидѣтелей, обозрѣваютъ вещественныя доказательства, предлагаютъ допрашиваемымъ лицамъ вопросы, совѣщаются и, наконецъ, даютъ вердиктъ. Точно также и эксперты: они также точно присутствуютъ при производствѣ судебного слѣдствія, выслушиваютъ свидѣтелей, обозрѣваютъ вещественныя доказательства, предлагаютъ допрашиваемымъ лицамъ вопросы, совѣщаются и даютъ свой научный вердиктъ. Мнѣніе экспертовъ имѣетъ характеръ мотивированнаго приговора, потому что экспертъ, на основаніи доказательствъ, приходитъ къ извѣстному заключенію. Какъ ни остроумны кажутся на первый взглядъ выводы г. Владимірова, какъ ни точны и подробны проводимыя имъ параллели, все таки можно противъ нихъ сдѣлать одно возраженіе. Возраженіе это, сдѣланное Вислоцкимъ, разбиваетъ сразу въ прахъ все зданіе теоріи, на построеніе которой потрачено столько труда и остроумія. Дѣло въ томъ, что логическое сужденіе составляетъ основаніе всякаго процесса мышленія, но въ примѣненіи къ дѣйствительности оно имѣетъ только формальное значеніе. Судебное заключеніе въ уголовномъ дѣлѣ—силлогизмъ, но силлогизмъ извѣстнаго рода. Большую посылку этого силлогизма представляетъ уголовный законъ, малую—судебное изслѣдованіе, а заключеніе—юридическія послѣдствія, возникающія изъ отношеній одного лица къ обществу на основаніи законовъ, т. е. виновность или невинность подсудимаго. Въ этомъ юридическомъ характерѣ

заключенія и въ этой особенноти посылокъ силлогизма заключается существо судейскаго сужденія, отличающее его отъ сужденій всякаго другаго рода. Судья называется судьей не потому, что онъ судить на основаніи логическихъ законовъ, а потому, что онъ обсуждаетъ виновность или невинность подсудимаго; между тѣмъ врачъ-экспертъ доставляетъ — правда, суду, въ своихъ заключеніяхъ, основанія для рѣшенія вопроса о виновности, т. е. доказательства, но эти доказательства прямо и непосредственно не рѣшаютъ вопроса. Не болѣе точны и прочіе аргументы Владимірова. Присутствовать врачу при производствѣ судебнаго слѣдствія, вообще, нѣтъ необходимости; а если онъ иногда и присутствуетъ, то отнюдь не для того, чтобы обсуждать виновность подсудимаго. Если онъ спрашиваетъ свидѣтелей, то не для того, чтобы изобличить подсудимаго, а чтобы составить свой діагнозъ. Приобрѣтеніе аналитическихъ свѣдѣній — вотъ главная цѣль его допросовъ. Если онъ обзрѣваетъ вещественныя доказательства, то единственно для того, чтобы открыть связь послѣдствія съ предполагаемою причиною, а не для того чтобы составить приговоръ или вердиктъ. Прокуроръ и защитникъ присутствуютъ на судѣ, выслушиваютъ свидѣтелей, осматриваютъ вещественныя доказательства, предлагаютъ свидѣтелямъ и подсудимому вопросы, представляютъ даже заключеніе относительно виновности или невинности подсудимаго, высказывая то или другое мнѣніе о дѣлѣ, на основаніи доказательствъ, которыя они, на основаніи тѣхъ же самыхъ логическихъ началъ, обсуждаютъ и которыми пользуются и судья и врачъ при своихъ заключеніяхъ — и однакоже никто не считаетъ судьями ни прокурора ни защитника. Слѣдовательно, заканчиваетъ Вислоцкій, врача-эксперта можно назвать судьей факта съ логической точки зрѣнія, но никакъ судьей въ техническомъ значеніи этого слова (Вислоцкій, стр. 161).

И такъ, судебно-медицинская экспертиза не можетъ быть сведена ни къ личному осмотру, ни къ свидѣтельскому показанію, ни къ научному приговору — но что же она такое?

Можетъ быть она представляетъ самостоятельное судебное доказательство? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны знать, что такое должно считаться судебнымъ доказательствомъ. Опредѣленіе судебного доказательства мы находимъ у Миттермайера (Beweislehre): „Доказательствомъ должно считать все, что даетъ основаніе, достаточное, по закону, чтобы убѣдить судью относительно достовѣрности фактовъ, имѣющихъ положительное значеніе для составленія приговора“. Нельзя сомнѣваться, что цѣль судебно-медицинскаго изслѣдованія—возбудить въ судѣ убѣжденіе относительно достовѣрности извѣстныхъ фактовъ, имѣющихъ значеніе для дѣла. Слѣдовательно, въ силу этого опредѣленія, мы должны считать медицинскую экспертизу судебнымъ доказательствомъ. Какъ ни ясенъ выводъ такого рода, однако противъ него вооружаются нѣкоторые. Такъ, Владиміровъ утверждаетъ, что экспертиза не есть доказательство, а сужденіе о доказательствахъ. Здѣсь мы опять имѣемъ дѣло съ ошибкою отъ невѣрнаго употребленія словъ. Подобныя ошибки не новость въ наукѣ. Едва ли не половина ученыхъ споровъ обусловливалась и обусловливается словами и выраженіями. Это недостатокъ общій — всѣ науки болѣе или менѣе страдаютъ путаницею, вслѣдствіе неточности выраженій, за исключеніемъ развѣ математики, которая замѣнила словесное разсужденіе символами и чертежемъ. Возрѣнія Владимірова на экспертизу представляютъ весьма характерный примѣръ подобнаго рода заблужденій, ни чуть не хуже любого юмористическаго *qui pro quo*. Смѣшивая общежитійское и техническое значеніе слова „суды“, онъ считаетъ эксперта—*judex facti*; употребляя слово „доказательство“ разъ въ общемъ, другой разъ въ техническомъ смыслѣ, онъ считаетъ экспертизу сужденіемъ о доказательствахъ судебныхъ, т. е. научнымъ приговоромъ. Экспертиза есть, дѣйствительно, сужденіе о доказательствахъ: данныя, изъ которыхъ экспертъ дѣлаетъ свои выводы, на основаніи которыхъ составляетъ свое заключеніе, представляютъ для него дока-

зательство. Но это доказательства научныя, а не судебныя; они доказательства *для врача*, а не *для суда*. Судъ не можетъ оцѣнить фактовъ, которые изслѣдуетъ экспертъ; факты эти сами по себѣ для суда ничего не значатъ. Доказательство для суда составляетъ лишь выводъ изъ этихъ данныхъ, т. е. заключеніе эксперта, ибо только оно можетъ возбудить въ умахъ судей то или другое убѣжденіе.

Взглядъ Владимірова на экспертизу, кромѣ страннаго смѣшенія понятій, обуславливается еще и чѣмъ то другимъ. Въ немъ скрыта мысль, что экспертиза относительно достовѣрности не можетъ соперничать съ прочими видами судебныхъ доказательствъ, а въ особенности со свидѣтельскими показаніями. „Едва ли нужно кого нибудь увѣрять, говорить онъ, что наблюденіе въ медицинѣ бываетъ часто ошибочно. Слабости и немощи медицинскаго наблюденія слишкомъ извѣстны всѣмъ и каждому. Если бы медицинскія наблюденія давали не мнѣнія, а факты, то эти наблюденія никогда бы не противорѣчили другъ другу. Но извѣстно, что наблюденія медиковъ весьма часто противорѣчатъ другъ другу. Не помню, кто именно остроумно замѣтилъ, что стоитъ призвать къ больному двухъ медиковъ, чтобы выслушать отъ нихъ три мнѣнія. По однимъ и тѣмъ же признакамъ, одинъ медикъ обрекаетъ больнаго на воспаленіе какого нибудь внутренняго органа, другой — на разстройство нервной системы, а третій—на какую нибудь третью болѣзнь. Одинъ экспертъ видитъ трупное пятно, другой—знакъ насилія; одинъ видитъ у подсудимаго малую голову, другой—великую сравнительно съ туловищемъ; одинъ видитъ въ сыпи признакъ сифилиса, другой добродушно улыбается и объявляетъ, что это слѣды крайней неопрятности. Словомъ, мало такихъ предметовъ въ медицинѣ, которые не вызвали бы самыхъ разнорѣчивыхъ мнѣній. Такой характеръ медицинскаго изслѣдованія совершенно понятенъ: при современномъ состояніи науки, наблюденія всегда будутъ болѣе или менѣе различны, всегда будутъ давать не факты, а мнѣнія; всегда будутъ

имѣть различное значеніе (въ отношеніи достовѣрности), смотря по научному развитію, по способностямъ и другимъ индивидуальнымъ особенностямъ наблюдателя“. Кромѣ этихъ общихъ причинъ различія въ результатахъ медицинскихъ наблюденій, Владиміровъ приводитъ еще цѣлый рядъ другихъ, играющихъ, по его мнѣнію, не менѣе важную роль. Причины эти можно формулировать такимъ образомъ: 1) различные условія, при которыхъ производится изслѣдованіе, вліяютъ на различіе результатовъ его; 2) люди смѣшиваютъ при наблюденіяхъ двѣ различные вещи: то, что было въ дѣйствительности видѣно, съ тѣмъ, что составляетъ сужденіе о немъ—выводъ изъ видѣннаго. Это обусловливается слѣдующими причинами: а) „наблюдая какое нибудь явленіе, мы сейчасъ подводимъ его подъ извѣстный типъ явленій; мы классифицируемъ то, что видимъ; б) медикъ, прежде чѣмъ станетъ описывать рану, составитъ себѣ о ней какое нибудь убѣжденіе; но коль скоро такое убѣжденіе уже есть, оно существенно будетъ вліять на пониманіе медикомъ отдѣльных частей явленія, и вотъ опять цѣлый рядъ смѣшеній видѣннаго съ выведеннымъ; в) медикъ приступаетъ къ изслѣдованію съ опредѣленною цѣлью разяснить извѣстное явленіе; коль скоро наблюденіе имѣетъ опредѣленную цѣль, оно уже не можетъ быть такимъ объективнымъ, какъ наблюденіе напр. свидѣтеля, безъ всякой цѣли смотрящаго на проходящаго человѣка, смотрящаго потому только, что человѣкъ подвернулся въ данную минуту; г) при изслѣдованіи трудно отдѣлаться и отъ прежнихъ понятій, и отъ прежней привычки понимать извѣстное явленіе такъ, а не иначе; люди часто изъ чувства умственного комфорта не оставляютъ рутины, хотя они отчасти и сознаютъ, что думаютъ извѣстнымъ образомъ только по привычкѣ; д) въ медицинѣ шаткость наблюденія усиливается еще и отъ того, что оно встрѣчаетъ много препятствій; сюда относятся: сложность явленій, частая невозможность непосредственно видѣть изслѣдуемый предметъ (наблюденіе надъ живымъ человѣкомъ), ограниченность сферы

эксперимента и т. д.; е) наконецъ, въ медицинѣ, какъ ни въ одной другой наукѣ, очень мало несомнѣнныхъ истинъ. „Послѣ всего сказаннаго, заключаетъ Владиміровъ, можно, кажется, сдѣлать выводъ, что медицинское наблюденіе далеко отъ того, чтобы всегда давать факты“. Врачъ-экспертъ, по мнѣнію Владимірова, вообще даетъ суду одни мнѣнія; свидѣтель лишь даетъ факты. Мнѣніемъ онъ, называетъ всякій вопросъ, возбуждающій сомнѣніе, вопросъ, о которомъ два человѣка, безъ всякаго абсурда, могутъ думать различно. Фактъ—это явленіе, воспринимаемое нашими ви́шними чувствами. Правильное сужденіе въ дѣлѣ факта предполагаетъ свѣдѣнія столь общечеловѣческія, что мы безусловно вѣримъ въ ихъ существованіе у каждаго человѣка, и сравненіе столь простое (обыкновенное до инстинктивности), что мы безусловно вѣримъ въ полную способность къ нему каждаго человѣка. Слушая свидѣтеля, мы задаемся вопросомъ не о томъ, сдѣлалъ ли онъ правильное сужденіе при воспріятіи извѣстнаго явленія, а говоритъ ли онъ правду, т. е. дѣйствительно ли онъ воспринялъ фактъ, и такъ ли онъ его передаетъ, какъ воспринялъ. Что онъ воспринялъ фактъ вѣрно, что онъ совершилъ необходимое при этомъ сужденіе правильно, въ этомъ мы въ высшей степени убѣждены, за вычетомъ случаевъ, въ которыхъ можно предположить болѣзненное состояніе, напр. галлюцинаціи или иллюзіи. Для уясненія этой мысли, возьмемъ какойнибудь примѣръ. Свидѣтель говоритъ, что онъ видѣлъ лошадь. Слушая его, мы задаемся вопросомъ не о томъ, правильно ли онъ опредѣлил видѣнный предметъ, не принялъ ли онъ, напр., курицы за лошадь и т. д., а о томъ, правду ли онъ говоритъ, что вообще видѣлъ предметъ. Сужденіе же, необходимое въ этомъ случаѣ, до того просто и обыденно, что мы и не задаемся даже вопросомъ—правильно ли оно совершено или нѣтъ?“ Такимъ образомъ, по Владимірову, судебно-медицинская экспертиза настолько стоитъ ниже въ отношеніи достовѣрности свидѣтельскихъ показаній, насколько мнѣніе, т. е. нѣчто сомнительное, спор-

ное, стоитъ ниже факта, т. е. чего-то „въ чемъ мы въ высшей степени убѣждены“. Такъ ли это? Посмотримъ, прежде всего, такъ ли просто сужденіе при воспріятіи какого нибудь явленія внѣшними чувствами, какъ кажется г. Владимірову. Этотъ вопросъ довольно подробно разъясненъ у Вундта: „Каждое сужденіе, говоритъ онъ, какъ бы простымъ на первый взглядъ ни казалось, является результатомъ предъидущихъ умственныхъ работъ. Положимъ для примѣра, что мы замѣтили какой-то предметъ и приняли его за льва. Не подлежитъ сомнѣнію, что прежде чѣмъ мы сѣумѣли придти къ такому заключенію, въ нашемъ умѣ должно было произойти значительное количество приготовительныхъ процессовъ мышленія. Если человѣкъ, который обладаетъ уже значительнымъ запасомъ жизненнаго опыта, увидитъ въ первый разъ льва, то не задумываясь скажетъ навѣрно, что это существо—животное (подводя такимъ образомъ новое явленіе подъ извѣстный типъ, классифицируя его)“. Идемъ дальше. „Если я скажу левъ—животное, то очевидно сужденіе это будетъ ничѣмъ другимъ, какъ объединеніемъ всѣхъ признаковъ, которые я могъ замѣтить у льва; каждый признакъ составляетъ уже самъ по себѣ болѣе простое сужденіе, какъ напр. „левъ чувствуетъ“, „левъ движется“ и т. д. Въ свою очередь положеніе, что „левъ чувствуетъ“—это ничто иное, какъ умозаключеніе, выведенное изъ множества еще болѣе простыхъ опытовъ, какъ напр. „левъ обращаетъ глаза къ свѣту“, „чувствуетъ боль“ и т. д. Углубляясь въ анализъ все болѣе и болѣе, доберемся, наконецъ, до чувственныхъ ощущеній: этотъ предметъ окрашенъ такъ или иначе, имѣетъ ту или другую форму, тѣ или другія очертанія, подъ вліяніемъ другихъ предметовъ измѣняетъ форму такимъ-то образомъ и т. д. Послѣдніе признаки, на которыхъ мы должны остановиться, будутъ вездѣ и всегда чувственными ощущеніями. Всякое же чувственное ощущеніе является самымъ простымъ сужденіемъ. Составляютъ ли эти простѣйшія сужденія элементы нашего мышленія, или же имъ предшествуетъ еще

какаянибудь умственная операция? Если я знаю, что данный предметъ краснаго цвѣта, значить я отличаю этотъ цвѣтъ отъ желтаго, зеленаго, синяго и т. д.; притомъ я отличаю его какъ ощущеніе свѣта отъ ощущеній обонянія, вкуса или слуха. Вслѣдствіе чего я сознаю это различіе? Очевидно я руководствуюсь извѣстными признаками, свойственными этому цвѣту. Ощущеніе всякаго признака въ какомъ-либо явленіи составляетъ уже извѣстное сужденіе объ этомъ явленіи. Всякое чувственное ощущеніе является, такимъ образомъ, выводомъ изъ извѣстнаго количества сужденій, или другими словами — составляетъ умозаключеніе, выведенное на основаніи этихъ сужденій (*Вундтъ*, стр. 63, томъ I). Мы видимъ теперь, что сужденія, которыя казались намъ на первый взглядъ чѣмъ-то чрезвычайно простымъ, какимъ-то неразложимымъ феноменомъ психической жизни, для воспріятія и правильной классификаціи котораго не требуется никакой предварительной подготовки—составляютъ, на самомъ дѣлѣ, явленіе весьма сложное, результатъ значительнаго количества предъидущихъ умственныхъ работъ, выводъ цѣлаго ряда умозаключеній. Остается намъ посмотреть, такъ ли общечеловѣчески вѣрны и объективны эти выводы, что не допускаютъ никакого различія, никакого противорѣчія. На этотъ вопросъ практика отвѣчаетъ отрицательно. Мы убѣждаемся на каждомъ шагу въ релятивности подобнаго рода сужденій: тысячу разъ приходилось каждому изъ насъ слышать совершенно противорѣчивые рассказы объ одномъ и томъ же предметѣ. И нечего удивляться! Сужденіе о впечатлѣніи зависитъ отъ взаимнодѣйствія двухъ факторовъ: отъ внѣшняго стимула и отъ воспринимающаго этотъ стимулъ субъекта; съ измѣненіемъ одного изъ этихъ факторовъ, измѣняется и само впечатлѣніе. А едва ли найдется чтонибудь представляющее болѣе разнообразія, болѣе измѣняемости, чѣмъ человѣкъ. Индивидуальныя различія воспринимающихъ субъектовъ отражаются на воспринимаемыхъ ими впечатлѣніяхъ и выходитъ, что одинъ и тотъ же стимулъ производитъ на разныхъ людей различное дѣйствіе. Довольно раскрыть любой трактатъ по фізіо-

логии, чтобы найти множество подтвержденій этой простой истины. Ограничимся приведеніемъ нѣсколькихъ, болѣе яркихъ примѣровъ. „У различныхъ людей, говоритъ Льюисъ („Физиологія обыденной жизни“, стр. 621), не только различна острота обонянія, но изъ 20 человѣкъ, имѣющихъ среднимъ числомъ одинаковую чувствительность, можетъ быть не найдется и двоихъ, которые бы считали пріятными одни и тѣже запахи. Мускусъ, какъ извѣстно, нѣкоторымъ очень непріятенъ; другимъ непріятенъ запахъ резеды; одни въ какомъ либо цвѣтѣ не находятъ никакого запаха, между тѣмъ какъ для другихъ онъ пахнетъ очень сильно. Турнеръ нашелъ, что *Iris pedicula* имѣетъ пріятный запахъ для сорока одной особы изъ пятидесяти четырехъ; для одной запахъ его былъ непріятенъ; четверо другихъ находили, что онъ вообще имѣетъ очень слабый запахъ. Изъ тридцати особъ, двадцать три находили запахъ *Apemone pemonoso* пріятнымъ, остальные семь думали, что онъ вовсе не пахнетъ“. „Есть люди неспособные различить извѣстные цвѣта или оттѣнки цвѣтовъ. Новѣйшія изслѣдованія показали, что они встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ думали прежде. Знаменитый химикъ Дальтонъ обнаружилъ свѣдѣнія о слабости собственныхъ своихъ глазъ въ этомъ отношеніи, и долгое время такой недостатокъ глазъ назывался „дальтонизмомъ“. Вильсонъ показываетъ, что онъ не только часто встрѣчается, но что въ нѣкоторыхъ случаяхъ бывалъ причиною то почти смѣшныхъ, то печальныхъ происшествій. Мы удивимся, когда услышимъ, что есть много людей, которые, повидимому, владѣютъ хорошими и вѣрными глазами, такими же какъ и наши, которые никогда не думали, что дѣлаютъ ошибки въ сужденіяхъ о цвѣтахъ, а по изслѣдованію оказываются совершенно неспособными отличать красное отъ зеленаго или чернаго, когда предметы, окрашенные этими цвѣтами, находятся одинъ подле другаго. Въ одномъ Эдинбургѣ были сдѣланы наблюденія надъ 1154 лицами и оказалось, что на каждыя восемнадцать человѣкъ приходится одинъ, имѣющій этотъ недостатокъ зрѣнія. Между ними одинъ изъ пятидесяти пяти смѣшивалъ красное съ зеленымъ,

одинъ изъ шестидесяти—коричневое съ зеленымъ и одинъ изъ сорока шести не отличалъ голубаго отъ зеленаго. Вильсонъ рассказываетъ объ одномъ портномъ, который изъ закройщиковъ сдѣланъ былъ смотрителемъ за работами: онъ ставилъ зеленые шнуры на алые ливреи и увѣрялъ покупателей, что красныя и синія полосы одинаково сини. Другой портной шилъ черныя сюртуки красными нитками. Одинъ квалеръ привелъ свою жену въ ужасъ тѣмъ, что купилъ себѣ бутылочнаго цвѣта кафтанъ, а ей—алой шерстяной матеріи, думая что покупаетъ вещи пріятнаго сѣрокоричневаго цвѣта. Одинъ господинъ встрѣчаетъ даму въ ярко-зеленомъ платьѣ и думая, что она въ траурѣ, начинаетъ выражать ей свое соболѣзнованіе. Довольно странно то, что тѣ цвѣта, которые для нормальнаго зрѣнія представляютъ наиболѣе контраста, слѣпыми относительно цвѣтовъ кажется смѣшиваются чаще, чѣмъ промежуточные тоны“ (тамъ же, стр. 642). Не говоря, впрочемъ, о столь рѣзкихъ случаяхъ, какъ вышеприведенные, которые собственно относятся къ области патологическихъ явленій, каждый изъ насъ можетъ убѣдиться изъ ежедневнаго опыта, какъ сильно разнятся люди въ отношеніи чувственной впечатлительности. „Каждый индивидуальный организмъ специфически отличенъ отъ всѣхъ прочихъ. Какъ бы ни былъ онъ схожъ съ другими организмами, все таки есть черты, которыми онъ отличается отъ нихъ и иногда этихъ отличій наберется весьма много. Одна и таже воздушная волна, касаясь барабанной перепонки двухъ различныхъ человѣкъ, производитъ звукъ чувствительный для одного и незамѣтный для другаго; одна и таже свѣтовая волна производитъ впечатлѣніе краснаго цвѣта на глазъ одного человѣка и впечатлѣніе безцвѣтное на глазъ другаго. Есть такіе, которые не могутъ отличать ясно различныхъ запаховъ и вкусовъ; нѣкоторые едва могутъ слѣдить за какою нибудь мелодіею; одни боятся щекотки, другіе ея не чувствуютъ; одни очень чувствительны къ боли, другіе гораздо менѣе чувствительны къ ней. Всѣ эти особенности общей чувствительности зависятъ отъ особенностей нервной системы и органовъ чувствъ“ (тамъ же, стр. 46).

Такимъ образомъ первый источникъ субъективности и противорѣчій свидѣтельскихъ показаній—это различія физической организаціи разныхъ людей. Но этого мало. Даже на одного и того же человѣка могутъ различнымъ образомъ вліять одни и тѣже стимулы, такъ какъ организмъ его не всегда находится въ одинаковомъ состояніи. Особенно интересные примѣры этой истины находимъ мы при изслѣдованіи чувства зрѣнія. „Можно легко убѣдиться, говоритъ Вундтъ (стр. 218), что впечатлѣніе всякаго первоначальнаго или составнаго цвѣта не всегда одно и то же, но подлежитъ значительнымъ измѣненіямъ. Если, напри- мѣръ, утомимъ глазъ относительно какаго нибудь основнаго цвѣта, то бѣлый свѣтъ будетъ намъ казаться не бѣлымъ, но такимъ, какимъ бы онъ показался утомленному глазу, если бы изъ его спектра исключить тѣ лучи, кото- рые именно составляютъ этотъ цвѣтъ; если напр. утомить глазъ, всматриваясь въ красный цвѣтъ, то бѣлый свѣтъ бу- детъ намъ казаться зеленоватымъ. Это измѣненіе обуслови- вается тѣмъ, что периферическіе аппараты, чувствительные къ красному цвѣту, вслѣдствіе утомленія, прекратили на время свою дѣятельность и, благодаря этому, бѣлый свѣтъ дѣйствуетъ на глазъ такимъ образомъ, какъ бы дѣйствовалъ безъ крас- ныхъ лучей. Оттуда происходитъ и то явленіе, что всѣ цвѣта мало-по-малу блѣднѣютъ, если смотрѣть на нихъ про- должительное время“. На измѣняемость нашей чувствитель- ности указалъ еще Миттермайеръ: „переходъ внѣшняго влія- нія къ внутреннему сознанию зависитъ, по большей части, и отъ умственного состоянія и отъ современнаго происшествію настроенія души. Если умъ человѣка не находится въ нор- мальномъ состояніи, если его дѣятельность возбуждена до выс- шей степени въ иномъ направленіи и онъ не обращаетъ вни- манія на то, что происходитъ передъ его глазами, то онъ или не замѣтитъ этого происшествія или замѣтитъ его не довольно отчетливо и обстоятельно, или даже замѣтитъ его невѣрно“. Немаловажное значеніе для качественного и количественнаго воспріятія даннаго стимула имѣютъ также обстоятельства, при

которых онъ дѣйствуетъ. Всякому извѣстно, говорить Вундтъ, что въ ночной тишинѣ мы слышимъ такіе звуки, которыхъ бы никогда не могли слышать среди дневныхъ занятій. Наоборотъ, тѣ звуки, которые обыкновенно ясно различаются, при извѣстныхъ обстоятельствахъ проходятъ незамѣтно, не обращая нашего вниманія; вѣдь на шумной улицѣ мы не только не слышимъ часто голоса людей, идущихъ подлѣ насъ, но иногда не можемъ отчетливо воспріять даже звуковъ нашего собственного голоса. Звѣздъ мы не видимъ днемъ, а луна кажется столь блѣдною, что мы едва можемъ ее замѣтить. Если къ лоту, который мы держимъ въ рукѣ, добавимъ второй лотъ, то замѣтимъ увеличеніе тяжести, но если къ пуду прибавимъ лотъ, не замѣтимъ никакой перемѣны. Звукъ голоса, свѣтъ звѣздъ, тяжесть лота — это стимулы и такіе именно стимулы, которыхъ напряженность вовсе не измѣняется. Очевидно поэтому, что одинъ и тотъ же стимулъ, смотря по обстоятельствамъ, дѣйствуетъ то сильнѣе, то слабѣе. Насколько различныя обстоятельства вліяютъ на наши впечатлѣнія, можно убѣдиться также изъ анализа сужденій о величинѣ предметовъ. Ежедневный опытъ убѣждаетъ насъ, что одинъ и тотъ же предметъ, на одномъ и томъ же разстояніи, можетъ казаться то больше, то меньше. Солнце напр. поутру, въ полдень и вечеромъ одинаково удалено отъ земли, а между тѣмъ въ центрѣ оно кажется намъ гораздо меньше, чѣмъ у краевъ горизонта. Еще болѣе наглядные примѣры найдемъ при изслѣдованіи цвѣтовыхъ впечатлѣній. Если пропустимъ лучъ свѣта чрезъ красное стекло и на фонъ этого цвѣтоваго освѣщенія бросимъ тѣнь, то тѣнь эта, которая собственно должна казаться намъ сѣрою — покажется зеленою. Какая причина этого страннаго феномена? Явленіе можно объяснить только тѣмъ, что объ однихъ и тѣхъ же впечатлѣніяхъ, смотря по обстоятельствамъ, мы дѣлаемъ различныя заключенія. Причина того, что тѣнь кажется намъ зеленою заключается въ красномъ свѣтѣ, разлитомъ внѣ ея. Мы привыкли, что вездѣ кругомъ насъ разлитой дневной свѣтъ бѣловатъ; мы всѣ цвѣта сравниваемъ съ нимъ. Когда же красный свѣтъ замѣнить бѣлый,

то собственно бѣлый производитъ на насъ такое впечатлѣніе, какъ будто въ спектрѣ его не доставало красныхъ лучей. А такъ какъ смѣсь всѣхъ другихъ цвѣтовъ спектра безъ красного, даетъ зеленый фонъ, то слѣдуетъ придти къ заключенію, что зеленый цвѣтъ это бѣлый, въ которомъ нѣтъ красныхъ лучей (*Вундтъ*, стр. 219 тома I). Вліяніе сравненія на впечатлѣнія зрительныя еще лучше обнаружить слѣдующій опытъ, описанный *Вундтомъ* (*ibidem*, 222). Возьмемъ два довольно большіе бумажные круга равной величины: одинъ окрашенный, другой бѣлый и прозрачный. Наложимъ одинъ на другой, окрашенный внизу, бѣлый сверху, и между нихъ вложимъ малый кусочекъ сѣрой бумаги. Если нижній кругъ зеленъ, онъ просвѣчиваетъ сквозь бѣлый, за исключеніемъ того мѣста, гдѣ находится этотъ сѣрый кусочекъ, который покажется намъ тогда не сѣрымъ, а краснымъ. Если же нижній кругъ красенъ, сѣрый представится зеленымъ, однимъ словомъ, сѣрая бумажка будетъ всегда казаться окрашенною въ тотъ цвѣтъ, который является дополнительнымъ для цвѣта круга, находящагося внизу. Если же надъ этимъ сѣрымъ кусочкомъ бумаги, положимъ другой кусочекъ тоже сѣраго цвѣта, то этотъ другой не окрасится уже въ цвѣтъ дополнительный, но сохранитъ свой дѣйствительный цвѣтъ. Тоже явленіе будетъ имѣть мѣсто и тогда, если подлѣ сѣраго куска положимъ бѣлый: сѣрая бумажка такъ и останется сѣрою. Очевидно, это интересное явленіе обусловливается сравненіемъ. Сѣрое мѣсто посреди зеленого кажется намъ краснымъ только потому, что мы не можемъ его сравнивать съ дѣйствительнымъ бѣлымъ свѣтомъ; поэтому-то иллюзія исчезаетъ немедленно, если положимъ подлѣ бѣлую бумажку. Заключение, что бумажка красна вырабатывается въ нашемъ умѣ, хотя нѣтъ и слѣда соотвѣтственнаго стимула. Мы здѣсь не разсуждаемъ и не говоримъ себѣ: цвѣтъ этого предмета по тѣмъ или другимъ причинамъ долженъ быть красный, но просто видимъ красный цвѣтъ, не сознавая причинъ, обусловливающихъ явленіе. И хотя бы мы самымъ тщательнымъ образомъ изслѣдовали, какимъ образомъ происходитъ иллюзія, это намъ

ничуть не поможет: мы всегда подвергнемся обману. Никакія изслѣдованія, ни опыты не могутъ соперничать съ тѣмъ, что непосредственное сравненіе впечатлѣній вырабатываетъ въ нашемъ умѣ. Но въ моментъ, когда приложимъ кусокъ бѣлой бумажки, иллюзія исчезнетъ, такъ какъ однородность впечатлѣній можетъ одолѣть наше субъективное сужденіе. „Всѣ эти явленія, называемыя въ оптикѣ явленіями контраста, убѣждаютъ насъ самымъ нагляднымъ образомъ, что наши сужденія о свѣтѣ и цвѣтахъ всегда релятивны, относительны. То, что разъ мы называемъ темнымъ, другой разъ покажется намъ яснымъ; то, что при данныхъ обстоятельствахъ представляется бѣлымъ, при другихъ можетъ казаться краснымъ или зеленымъ. Все зависитъ отъ суммы условій, отъ силы свѣта и отъ цвѣтнаго фона, съ которымъ мы сравниваемъ другой цвѣтной фонъ и другую степень освѣщенія“ (*Вундтъ*, стр. 229).

Такимъ образомъ мы убѣдились, что обстоятельства, сопровождающія наблюденія, имѣютъ сильное вліяніе на результатъ его, но едва-ли не больше значенія въ этомъ отношеніи имѣютъ обстоятельства, предшествующія наблюденію. Этимъ терминомъ мы обозначаемъ все то, что такъ или иначе вліяло на жизнь наблюдающаго субъекта, что развивало его чувства въ томъ или другомъ направленіи, равно какъ и все то, что способствовало выработкѣ его понятій, его образа мыслей и чувствъ. Къ такого рода обстоятельствамъ слѣдуетъ отнести: воспитаніе, образованіе, родъ занятій, обстановку жизни и т. д. Что можетъ сдѣлать упражненіе въ дѣлѣ развитія чувствъ, доказываютъ намъ люди, лишенные каковаго нибудь одного органа чувствъ. У нихъ другія чувства, которыя должны отчасти замѣнять недостающее, достигаютъ, вслѣдствіе постоянного упражненія, невѣроятнаго совершенства. Всѣмъ извѣстно, какъ развитъ слухъ у слѣпыхъ. Не менѣе изумительно у нихъ развитіе осязанія: ихъ руки столь ловки, что люди обладающіе хорошимъ зрѣніемъ, даже при величайшемъ усилии, иногда не въ состояніи соперничать съ ними. Но въ настоящую минуту для насъ важно изслѣдовать не положительные, а отрицательные результаты воспитанія

чувствъ. Къ сожалѣнію, несмотря на всю важность этого вопроса, до сихъ поръ въ этомъ отношеніи сдѣлано весьма мало, по крайней мѣрѣ я не знаю ни одной довольно подробной разработки его. Между тѣмъ изслѣдованіе въ этомъ направленіи могло бы дать весьма обильные и интересные результаты, такъ какъ каждому изъ насъ приходится испытывать силу этихъ вліяній на каждомъ шагу. Кстати я вспомнилъ одинъ весьма характерный случай. Однажды я былъ въ обществѣ. Разговорились объ одной дамѣ, которая очень любила бѣлиться, румяниться, чернить брови и т. д. Кто-то спросилъ находившагося между нами живописца. Видѣлъ ли онъ эти мастерскія произведенія искусства? — Я этого замѣтить не могъ, отвѣтилъ живописецъ, такъ какъ я, постоянно имѣя дѣло съ красками, потерялъ способность отличать искусственные цвѣта отъ естественныхъ. Гораздо болѣе сдѣлано относительно изслѣдованія вліяній умственной подготовки, или такъ называемаго предвзятаго мнѣнія. Вопросъ этотъ очень хорошо изложенъ у Михайловскаго („Что такое прогрессъ“, стр. 146). „Содержаніе нашего я, говоритъ Михайловскій, содержаніе исключительно эмпирическое, можетъ постоянно измѣняться, но въ каждую данную минуту человѣкъ отрѣшиться отъ него не можетъ. Поэтому, представленія и ощущенія, получаемыя въ данную минуту отъ даннаго явленія, самымъ существеннымъ образомъ опредѣляются тѣмъ порядкомъ, въ которомъ расположились въ нашемъ психическомъ строѣ прежде накопленные опыты и наблюденія. Совокупность этихъ предъидущихъ данныхъ опыта, сгруппированныхъ тѣмъ или другимъ образомъ, составляетъ предвзятое мнѣніе. Ребенокъ, привлеченный блестящимъ видомъ нагрѣтаго самовара, дотрагивается до него рукою и обжигается. Онъ узнаетъ, что самоваръ жжется, что въ переводѣ на болѣе точный языкъ значить: нагрѣтый самоваръ, придя въ соприкосновеніе съ человѣческимъ тѣломъ, производитъ въ немъ ощущеніе жара, которое, будучи усилено, становится болѣзненнымъ. Но такое отчетливое представленіе своихъ отношеній къ самовару возможно для ребенка только гораздо позже. Сначала у него

остается въ памяти только тотъ фактъ, что блестящее тѣло известной формы (которую онъ запомнилъ вѣроятно только приблизительно) жжется. Это сырое, неотдѣланное, изолированное представленіе служить ему уже нѣкоторымъ руководителемъ въ его несложной жизни. Увидя на другой, на третій день блестящую поверхность, сходную съ поверхностью самовара, или тотъ же самоваръ, ребенокъ смотритъ на него уже съ тѣмъ предвзятымъ мнѣніемъ, что онъ жжется. Воображеніе и память комбинируютъ для него опытъ прошедшаго съ новымъ или только повторяющимся явленіемъ. Но группировка ощущеній, составляющая его предвзятое мнѣніе, оказывается неудовлетворительною и, потому, приводитъ его къ ряду ошибокъ. Рядъ дальнѣйшихъ вольныхъ или невольныхъ опытовъ и наблюденій убѣждаетъ его наконецъ, задолго до раціональной теоретической группировки соотносящихся фактовъ, что не всякая блестящая поверхность жжется, что самый самоваръ жжется только когда онъ нагрѣтъ, что для полученія ощущенія боли надо держать палецъ у самовара известное время и т. д. Здѣсь мы имѣемъ явленіе опять таки очень простое и, потому, ступени ложныхъ предвзятыхъ мнѣній пробѣгаютъ тутъ весьма быстро. Однако не слѣдуетъ думать, чтобы даже въ такихъ несложныхъ вещахъ предвзятое мнѣніе не могло существеннымъ образомъ измѣнять значеніе непосредственнаго свидѣтельства чувствъ. Мнѣ самому случилось видѣть—и вѣроятно всякій припомнитъ аналогичные факты—какъ ребенокъ, дотронувшись до холоднаго металлическаго кофейника, заплакалъ и показывалъ на палецъ, какъ на обожженный. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, которыхъ въ особенности много можетъ привести исторія предрасудковъ и суевѣрій, ложное предвзятое мнѣніе, построенное на ошибочно или односторонне обобщенныхъ представленій и ощущеній, совершенно парализуетъ и извращаетъ непосредственное воспріятіе; говоря психологическомъ языкомъ—апперцепція перевѣшиваетъ перцепцію. Для уясненія значенія апперцепціоннаго процесса, каждый можетъ сдѣлать слѣдующій простой опытъ. Посмотрите съ извест-

наго разстоянія, напр., на вывѣску хоть мелочной лавочки. Вы увидите болѣе или менѣе ясныя очертанія плодовъ, сахарныхъ головъ, печеныхъ хлѣбовъ и т. д. Положимъ, что при силѣ вашего зрѣнія и съ того мѣста, гдѣ вы находитесь, вы можете разглядѣть на вывѣскѣ яблоко, пару грушъ и еще что-то круглое, но для васъ несовсѣмъ ясное. Вы берете зрительную трубку и, при помощи ея, усматриваете, что это нѣчто неясное изображаетъ виноградную кисть. Вы оставляете трубку, смотрите на вывѣску опять простыми глазами и на этотъ разъ можете уже рассмотреть очертанія той самой виноградной кисти, которая за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ представлялась вамъ просто круглымъ пятномъ. Предшествующее впечатлѣніе, въ этомъ случаѣ полученное при помощи зрительной трубки—что разумѣется необязательно—называется апперцепирующимъ. Перцепція или не посредственное воспріятіе, полученное въ данную минуту, осложняется апперцепціею или тѣми впечатлѣніями, которыя получены наблюдателемъ раньше. Вы рассмотрѣли во второй разъ простыми глазами виноградную кисть только потому, что предварительный опытъ приготовилъ васъ къ ея усмотрѣнію, надѣлилъ васъ предвзятымъ мнѣніемъ, безъ котораго вы во второй и въ третій разъ виноградной кисти не разглядѣли бы. Въ этомъ опытѣ съ вывѣской, мы, такъ сказать, уединяемъ апперцепцію и, потому, вліяніе ея становится очевиднымъ. Но, собственно говоря, всякое наблюденіе и всякій психическій процессъ состоитъ въ неизбѣжно совокупномъ дѣйствіи перцепціи и апперцепціи, и вторженіе послѣдней можетъ совершенно извратить свидѣтельство чувствъ. По непривычкѣ къ самонаблюденію, мы обыкновенно не замѣчаемъ подобныхъ фактовъ, потому что либо апперцепція дѣйствительно совпадаетъ съ перцепціей, либо первая совершенно заслоняетъ для нашего сознанія вторую, и въ такомъ случаѣ онѣ субъективно тождественны. Вторженіе апперцепціи можетъ происходить на очень разнообразныя лады и давать очень разнообразные результаты. Въ вышеприведенномъ примѣрѣ она только дополняла перцепцію и помогала увидѣть

то, что дѣйствительно было. Но она можетъ и помѣшать увидѣть существующій фактъ и освѣтить его невѣрнымъ свѣтомъ. Вы часто можете разсмотрѣть ту же виноградную кисть на вывѣскѣ мелочной лавочки съ такого разстоянія, съ какого не увидите предмета такихъ же размѣровъ, но вамъ менѣе знакомаго. Всѣ эти вывѣски рисуются на одинъ и тотъ же манеръ, впечатлѣнія мы отъ нихъ сотни разъ получали одни и тѣ же, и сумма ихъ составляетъ для насъ то предвзятое мнѣніе, въ силу котораго вы можете увидѣть виноградную кисть на очень отдаленномъ разстояніи. Но предположимъ, что на какой нибудь вывѣскѣ живописецъ измѣнилъ рутинѣ и нарисовалъ вмѣсто обычной виноградной кисти ананасъ. Легко можетъ быть, что вы, даже на относительно близкомъ разстояніи, увидите не ананасъ, какъ должна бы была засвидѣтельствовать перцепція, а виноградную кисть, какъ вамъ подсказываетъ апперцепція. Вы будете утверждать, что вы видѣли виноградную кисть собственными глазами, и вы будете не совсѣмъ неправы.

У Спенсера приведено нѣсколько характерныхъ примѣровъ извращенія наблюденій ложными апперцепирующими представленіями. Происхожденіе этихъ представленій необходимо опытное, но лежащій въ основѣ ихъ опытъ можетъ быть неполонъ, односторонень, совсѣмъ невѣренъ, наконецъ, можетъ быть извращень болѣе ранними ложными апперцепціями. Но точно также апперцепція можетъ быть и совершенно безупречна. Во всякомъ случаѣ, такъ или иначе, апперцепціонный процессъ неизбѣженъ. Онъ состоитъ, какъ видитъ читатель, въ томъ, что при всякомъ чувственномъ воспріятіи, въ нашемъ сознаніи особенно отчетливо поднимаются тѣ предъидущія впечатлѣнія, которыя имѣютъ съ даннымъ воспріятіемъ какое нибудь сходство. Воображеніе и память комбинируютъ воспріятіе съ соотвѣстственными сторонами нашего уже установившагося эмпирическаго содержанія, и эта новая комбинація немедленно входитъ, какъ одинъ изъ элементовъ, въ психическое содержаніе. Все это располагается въ нашемъ психическомъ строѣ

въ извѣстномъ порядкѣ, который однако, въ большинствѣ случаевъ, представляетъ большой безпорядокъ, благодаря условіямъ современной жизни: собственный опытъ ранняго дѣтства, комбинируясь съ бабушкиными сказками, можетъ породить въ насъ такія чувства, слѣды которыхъ отдаются въ взросломъ человѣкѣ; сочетаніе болѣе поздняго опыта съ впечатлѣніями, полученными отъ чтенія какого нибудь опредѣленнаго рода книгъ, можетъ дать начало новому слою побужденій и т. д. Поэтому, въ этой сложной сѣти часто бываетъ весьма трудно добратся до первыхъ источниковъ какого нибудь ошибочнаго воззрѣнія. Въ этихъ случаяхъ въ области психическихъ явленій происходитъ своего рода атавизмъ: заглухнувшее, относительно нѣкоторыхъ частностей, представленіе вдругъ встаетъ во всей силѣ и въ тайнѣ руководитъ наблюдателя, безъ вѣдома его сознанія. Наблюдатель, вслѣдствіе этого, видитъ то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, и не видитъ того, что встрѣчается на каждомъ шагу“.

Вліяніемъ предвзятаго мнѣнія на наши понятія не исчерпывается еще вліяніе нашего „я“ на выработку нашихъ сужденій. Кромѣ отвлеченныхъ понятій, у насъ есть еще свои склонности, свои симпатіи и антипатіи. Эти-то факторы, которые можно обозначить общимъ терминомъ аффектовъ, играютъ здѣсь тоже весьма видную роль. Не говорю вовсе объ умысленной лжи, объ умысленномъ извращеніи истины. Нѣтъ! Возьмемъ самаго честнаго человѣка. Онъ, положимъ, будетъ стараться говорить правду и одну только правду, но несмотря на всѣ усилія, его симпатіи и антипатіи все таки отразятся въ изложеніи происшествія. Самъ того не сознавая, считая себя безпристрастнымъ, онъ незамѣтно будетъ придавать фактамъ извѣстное освѣщеніе, извѣстную группировку, соотвѣтствующую его симпатіямъ. Что это въ самомъ дѣлѣ такъ, что аффекты вліяютъ на сужденіе человѣка—это признаютъ всѣ законодательства: всѣ они допускаютъ отводъ противъ извѣстныхъ свидѣтелей, стоящихъ въ дружескихъ или враждебныхъ отношеніяхъ къ потерпѣвшему или подсудимому, а также противъ лицъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ.

Но вражда и любовь не поддаются опредѣленіямъ, не исчерпываются дефиниціями, не укладываются въ законныя рамки. Личныя отношенія между людьми—вещь слишкомъ неуловимая, обсужденіе ихъ—задача слишкомъ трудная. Даже матеріальныя выгоды отъ извѣстнаго хода дѣла, для извѣстныхъ лицъ не всегда легко вывести на свѣтъ божій. Впрочемъ, устранить всѣхъ, настроенныхъ извѣстнымъ образомъ относительно даннаго дѣла, нельзя и потому, что пришлось бы совершенно отказаться отъ свидѣтелей. Даже совсѣмъ посторонній чловѣкъ, наблюдая извѣстное событіе, не можетъ отнестись къ нему вполне безпристрастно. Подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ мотивовъ, которыхъ онъ самъ, вѣроятно, и не подозреваетъ, симпатіи его склоняются на ту или другую сторону и сообщать изложенію его тотъ или другой колоритъ. Не говоря уже о національныхъ, религіозныхъ, классовыхъ, профессиональныхъ симпатіямъ и антипатіямъ, которыя во всякомъ случаѣ, играютъ здѣсь громадную роль, даже самое, повидимому, незначительное обстоятельство можетъ имѣть извѣстнаго рода вліяніе. Кто-то сказалъ, что во Франціи пружиною каждаго преступленія является женщина и что если эта женщина хороша собою, то выпутывается изъ дѣла, если нѣтъ—подвергается примѣрному наказанію. Это, положимъ, преувеличено, но довольно мѣтко характеризуетъ побужденія, которыми мы иногда руководствуемся безсознательно при обсужденіи важнѣйшихъ вопросовъ. Притомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на одно важное обстоятельство, которое усиливаетъ значеніе вышеупомянутыхъ источниковъ заблужденія—предвзятаго мнѣнія и аффектовъ: это—невозможность при наблюденіи замѣтить все сразу, обнять однимъ взглядомъ все происшествіе, всѣ его обстоятельства, не упуская ничего. Мы непремѣнно кой чего не замѣтимъ, упустимъ извѣстныя обстоятельства, картина происшествія окажется у насъ неполною, а за восполненіе пробѣловъ возьмется наша фантазія, руководствуемая предвзятымъ мнѣніемъ и личными симпатіями. Воображеніе дорисуетъ недостающія черты, болѣе или менѣе отступая отъ истины. Невозможность воспринять одно-

временно всѣ обстоятельства, всѣ частности сложнаго происшествія обуславливается тѣмъ, что каждое впечатлѣніе, чтобы проникнуть въ наше сознание, требуетъ извѣстнаго времени. По вычисленіямъ Вундта, прежде чѣмъ внѣшнее периферическое впечатлѣніе проникнетъ въ сознание взрослого человека, пройдетъ по крайней мѣрѣ ¹ 3 секунды. Можно убѣдиться въ этомъ, изслѣдуя напр. проявленіе страха у людей. Если на концертѣ раздается внезапно громъ оркестра, или въ театрѣ неожиданно выстрѣляютъ, то ужасъ проявится на лицахъ женщинъ обыкновенно только спустя нѣкоторое время послѣ вызвавшей его причины. Если передача столь простыхъ впечатлѣній, какъ единичный звукъ, требуетъ извѣстнаго времени, то на воспріятіе сложнаго явленія, очевидно, понадобится гораздо большій періодъ. Возьмемъ, напр., впечатлѣніе лица; для воспріятія его мы соединяемъ сначала извѣстное, болѣе или менѣе значительное количество свѣтовыхъ впечатлѣній, которыя, чтобы перейти отъ глаза къ мозгу, требуютъ извѣстнаго времени. Въ мозгу впечатлѣнія эти такъ соединяются, чтобы воспроизвести цвѣта и очертанія видимаго предмета и только тогда картина его воспринята сознаниемъ. Такимъ образомъ, если два различныя впечатлѣнія стремятся одновременно проникнуть въ сознание, то они не будутъ восприняты сознательно въ одно и тоже время, но одно раньше, другое—позже, такъ что между ними долженъ пройти извѣстный промежутокъ времени. Изъ этого слѣдуетъ, что каждая мысль имѣетъ извѣстную продолжительность, которую можно измѣрить, и что никогда двѣ мысли не могутъ занимать насъ одновременно. „Видѣть какой нибудь предметъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слышать звукъ, говоритъ Вундтъ, воспріятіе настоящее впечатлѣніе и одновременно вспомнить что либо прошлое, совсѣмъ невозможно. И хотя изслѣдованіе собственнаго ума, повидимому, указываетъ неоднократно на одновременность двухъ разныхъ процессовъ мышленія, мы можемъ быть увѣрены, что это только иллюзія, обуславливаемая быстрою ихъ смѣняемостью“. Каждый изъ насъ знаетъ, какъ трудно сразу оріентироваться, входя въ большое собраніе,

напр. въ балный залъ. На первыхъ порахъ нельзя ничего разобрать: лица, наряды, звуки—все это ошеломляетъ человѣка и лишь спустя нѣкоторое время онъ начинаетъ различать въ толпѣ знакомыя лица. Неудивительно, что человѣкъ, наблюдающій какое либо болѣе сложное происшествіе, замѣчаетъ одно, упускаетъ другое, что въ картинѣ, воспріятой имъ, если происшествіе совершается быстро, окажутся многочисленныя пробѣлы. Съ другой стороны, умъ человѣческій стремится къ цѣльному представленію, не довольствуется обрывками картины, а такъ какъ для воспроизведенія всего недостаетъ фактическаго матеріала, то онъ безсознательно пускается въ область фантазіи и разыгравшееся воображеніе восполняетъ догадками пробѣлы памяти. Даже и въ томъ случаѣ, когда впечатлѣнія могутъ быть воспріаты всѣ поочередно, если большое количество ихъ слѣдуетъ быстро другъ за другомъ, едва ли мы вспомнимъ все какъ слѣдуетъ. Мы смѣшаемъ въ памяти одно съ другимъ: слова, произнесенныя однимъ, отнесемъ на счетъ другаго и т. д.

Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что свидѣтелю приходится иногда дѣлать умосаключенія не только въ сферѣ чувственныхъ впечатлѣній, но и въ сферѣ логическихъ сужденій. Это особенно часто случается тогда, когда нужно воспроизвести какой нибудь разговоръ, или просто передать слова, произнесенныя кѣмъ либо. Почти никогда свидѣтель не въ состояніи повторить слово въ слово цѣлыя фразы, а потому онъ долженъ ограничиваться изложеніемъ ихъ содержанія. Очевидно при этомъ онъ можетъ совершенно исковеркать смыслъ рѣчи, если не пойметъ его или—что еще хуже—если пойметъ превратно. Вѣдь даже люди весьма интеллигентные понимаютъ часто различнымъ образомъ одни и тѣ же слова. Одна и таже фраза наполеонова кодекса толкуется двумя комментаторами въ совершенно противоположномъ смыслѣ. А вѣдь французскій кодексъ отличается ясностью и точностью изложенія, вѣдь толкованіемъ его занимаются знатоки, посѣдѣвшіе надъ сводами законовъ. Что же говорить о людяхъ необразованныхъ? Представимъ себѣ, напр., необразованнаго

крестьянина, который передает на судъ содержаніе разговора, касающагося какого либо хитро-придуманнаго плана—точно ли и ясно передает онъ въ чемъ дѣло?

Однимъ словомъ, мы приходимъ къ заключенію, что свидѣтельское показаніе—это сырой матеріалъ, изъ котораго опытный судья можетъ сдѣлать кой что, но сколько задача эта требуетъ знанія, навыка, осторожности, терпѣнія! Перекрестный допросъ значитъ тутъ много, но онъ зависитъ отъ способностей прокуроровъ и защитниковъ. Довольно познаться съ нѣсколькими уголовными дѣлами, чтобы убѣдиться въ этомъ. Я самъ могъ бы привести нѣсколько характерныхъ фактовъ. Вотъ напр. идетъ дѣло о поджогѣ. Свидѣтель утверждаетъ, что онъ слышалъ сильный запахъ сѣры. *Защитникъ*. Вамъ извѣстенъ хорошо запахъ сѣры?—*Свидѣтель*. Извѣстенъ. *Защитникъ*. Вы употребляли когда нибудь сѣру?—*Свидѣтель*. Да, я употреблялъ. *Защитникъ*. Зачѣмъ же вы употребляли сѣру?—*Свидѣтель*. Я зажигалъ ее, когда въ комнатѣ былъ дурной запахъ, чтобы заглушить его запахомъ сѣры.—Или другой случай. Свидѣтель говоритъ, что изъ магазина, владѣлецъ котораго подозрѣвается въ поджогѣ, съ цѣлью получить страховую премію, наканунѣ пожара вывозили много товара. Улика важная. *Защитникъ*. А за два дня до пожара не вывозили товара?—*Свидѣтель*. Вывозили. *Защитникъ*. А за три дня вывозили?—*Свидѣтель*. Вывозили. При дальнѣйшемъ допросѣ оказывается, что изъ этого магазина ежедневно вывозили товаръ и улика исчезаетъ. Положимъ, что въ этихъ двухъ случаяхъ дѣло слушалось бы при менѣе опытныхъ или болѣе лѣнивыхъ защитникахъ, которые не розыскивали бы столь тщательно истины; очевидно слова свидѣтелей, не разъясненныя допросомъ, послужили бы важною уликою и могли бы, пожалуй, имѣть роковое вліяніе на судьбу подсудимаго.

Такимъ образомъ мы убѣдились, что существенная черта свидѣтельскихъ показаній—субъективность. Теперь спрашивается, насколько черта эта присуща судебно-медицинской экспертизѣ. Разсматривая причины, обуславливающія субъ-

ективность свидетельских показаний, мы видимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ не имѣютъ почти никакого значенія для судебно - медицинской экспертизы; сюда относятся: вліяніе аффектовъ и невозможность обращать вниманіе одновременно на многія обстоятельства. Другія, какъ вліяніе индивидуальных особенностей наблюдателя, измѣняемость его психического состоянія, вліяніе обстоятельствъ, сопровождающихъ наблюденіе, вліяніе предвзятаго мнѣнія—имѣютъ извѣстное значеніе и при производствѣ экспертизы. Нельзя отрицать того факта, что какъ наблюденіе свидетеля, такъ и наблюденіе эксперта всегда зависитъ отъ физическаго и умственнаго развитія наблюдателя, отъ его личныхъ особенностей. Но при научномъ изслѣдованіи есть средство устранить вліяніе индивидуальности изслѣдователя. Это средство—повѣрка изслѣдованія одного наблюдателя опытами и наблюденіями многихъ другихъ наблюдателей. „Когда есть большое число наблюденій, говоритъ Вислоцкій, относящихся къ одному и тому же предмету, тогда обнаруживается вліяніе субъективности различныхъ наблюдателей и пріобрѣтается, такимъ образомъ возможность устраненія всѣхъ этихъ вліяній, такъ что остается только истинный результатъ наблюденія, совершенно объективное начало“. Немаловажное значеніе имѣетъ также то обстоятельство, что врачъ-экспертъ, какъ человѣкъ науки, знаетъ обо всѣхъ источникахъ заблужденій при производствѣ наблюденія; онъ старается устранить ихъ вліяніе или, по крайней мѣрѣ, дать возможность другимъ исправить ошибки изслѣдованія. „Медицинское наблюденіе, говоритъ Владиміровъ, можетъ дать различные результаты, смотря напр. по условіямъ, при которыхъ оно производится. Далеко не все равно, при какой погодѣ производится изслѣдованіе, въ частномъ домѣ, или въ секціонномъ залѣ, при томъ или другомъ положеніи трупa, скоро или нескоро послѣ смерти“.... Конечно не все равно, при какихъ условіяхъ производить изслѣдованіе экспертъ, какъ не все равно, при какихъ обстоятельствахъ наблюдаетъ свидетель, но между тѣмъ и другимъ громадная разница. Свидѣтель протокола не пишетъ, обстоятельствъ, сопровож-

щихъ событіе, очень часто не замѣчаетъ, или по крайней мѣрѣ замѣчаетъ не всѣ; экспертъ же на всѣ условія производства экспертизы долженъ обращать вниманіе и отмѣчать въ протоколѣ все, что могло имѣть вліяніе на результатъ изслѣдованія. Такимъ образомъ мы имѣемъ возможность, принявъ во вниманіе всѣ условія изслѣдованія, сдѣлать въ окончательныхъ выводахъ надлежащія поправки.

Критическое отношеніе къ дѣлу имѣетъ особенно важное значеніе для устраненія ошибокъ, проистекающихъ изъ предвзятаго мнѣнія. „Противъ этого рода опасностей, говоритъ Михайловскій, есть только одно средство: по возможности тщательно провѣрять свое эмпирическое содержаніе и отыскивать его источники. Если комбинація воспріятій, лежащихъ въ основѣ предвзятаго мнѣнія, признана и можетъ быть формулирована, она обращается въ теорію, допускающую критическое отношеніе къ себѣ. Теорія эта можетъ, безъ сомнѣнія, также служить источникомъ ложныхъ представленій, какъ напримѣръ, въ случаѣ двухъ микроскопистовъ, придерживающихся различныхъ теорій и, вслѣдствіе этого, видящихъ подъ однимъ и тѣмъ же микроскопомъ въ одномъ и томъ же явленіи, различныя вещи. Въ этомъ случаѣ каждый изъ наблюдателей видитъ только то, что желаетъ видѣть, чего онъ ищетъ, и не видитъ того, чего не ищетъ. Оба ссылаются на свои непосредственныя впечатлѣнія и, потому, взаимная повѣрка обѣихъ теорій прямымъ наблюденіемъ весьма затруднительна. Но за то здѣсь остается другой путь къ повѣркѣ. Такъ какъ теорія составляетъ рядъ сознательныхъ обобщеній, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ, и вся эта цѣпь находится у всѣхъ на виду, то всякій можетъ вернуться къ самымъ источникамъ теоріи. Такимъ образомъ, кромѣ вопроса: что видитъ микроскопистъ въ данномъ явленіи, чего онъ въ немъ ищетъ,—кромѣ этого вопроса, можетъ быть заданъ иной, а именно: имѣетъ ли микроскопистъ логическое и научное право искать именно этого, а не чего либо другаго. Другими словами—оправдывается ли его теорія фактами, уже прочно стоящими въ на-

укѣ? Если такое оправданіе существуетъ, то можно думать, что наблюденіе, сдѣланное подѣ влияніемъ соотвѣтствующей теоріи, вѣрно. Если же нѣтъ, то теорія получаетъ права и обязанности гипотезы, въ ожиданіи полученія инымъ путемъ такихъ научныхъ данныхъ, которыя либо подтвердятъ, либо уничтожатъ гипотезу. Совсѣмъ иное дѣло бываетъ съ предвзятымъ мнѣніемъ, несознаннымъ, состоящимъ изъ невѣдомаго самому изслѣдователю сочетанія воспріятій, не вылившихся въ ясную для него самую формулу. Обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ человекъ говоритъ, что онъ приступаетъ къ изслѣдованію безъ всякаго предвзятаго мнѣнія. Но хотя въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ такое выраженіе имѣетъ нѣкоторый, достаточно опредѣленный смыслъ, однако, строго говоря, этотъ человекъ, заявляющій о своемъ безусловномъ безпристрастіи, говоритъ неправду. Утвержденіе его отнюдь не значить, чтобы онъ могъ дѣйствительно отрѣшиться отъ готовыхъ уже въ его головѣ обобщеній. Оно, въ лучшемъ случаѣ, означаетъ только, что обобщенія эти образуютъ цѣпь, для него самого неясную (въ худшемъ—оно показываетъ, что человекъ собирается просто намѣренно извратить истину). И потому здѣсь несравненно труднѣе убраться въ ошибочности своего воззрѣнія и отнестись къ нему критически; здѣсь приходится имѣть дѣло съ невидимыми и неизвѣстными врагами, которые, однако, неуклонно слѣдятъ за каждымъ вашимъ шагомъ и даютъ себя чувствовать тамъ, гдѣ вы ихъ всего менѣе можете ожидать. Отрѣшиться отъ своего эмпирическаго содержанія столь же трудно, какъ напр. вывернуться на изнанку. Можно только замѣнить одно содержаніе другимъ, для чего первое должно быть приведено въ совершенную ясность и должны быть тщательно выслѣжены тѣ пути, которыми человекъ дошелъ до такихъ то именно воззрѣній. А это невозможно, если человекъ придаетъ строгое значеніе своему обѣщанію приступить къ изслѣдованію безъ всякаго предвзятаго мнѣнія, ибо это значить, что человекъ не знаетъ, что дѣлается въ его головѣ.

Спеціальные аргументы, которыми Владиміровъ старается

доказать субъективность судебно-медицинской экспертизы, не болѣе заслуживаютъ вниманія. Разсужденія о субъективности, которою яко бы спеціально, исключительно, отличаются медицинскія наблюденія, какъ справедливо замѣтилъ Вислоцкій, имѣютъ значеніе только относительно изслѣдованія, имѣющаго цѣлью приобрѣтеніе новыхъ научныхъ истинъ, или провѣрку прежнихъ, но никоимъ образомъ не примѣнимы къ наблюденію, цѣль котораго изслѣдовать состояніе даннаго предмета на основаніи выработанныхъ уже началъ. Дѣйствіе эксперта, прежде всего, описательное; изслѣдованіе, производимое имъ, такъ же объективно, какъ изслѣдованіе химика или анатома. Не болѣе значенія имѣетъ и то положеніе Владимірова, „что медикъ приступаетъ къ изслѣдованію съ опредѣленною цѣлью, а коль скоро изслѣдованіе имѣетъ опредѣленную цѣль, оно уже не можетъ быть такимъ объективнымъ, какъ наблюденіе напр. свидѣтеля“. Врачъ-экспертъ, какъ замѣтилъ Вислоцкій, не приступаетъ къ своему наблюденію съ предварительно опредѣленною цѣлью—открыть напр. тотъ или другой родъ смерти. Онъ имѣетъ только общую цѣль—узнать, есть ли какіе нибудь слѣды и какіе именно, по которымъ можно бы составить себѣ понятіе о причинѣ смерти.

Внѣшнія препятствія, которыя встрѣчаются при судебно-медицинскомъ изслѣдованіи (и которыя тоже считаются г. Владиміровымъ аргументомъ противъ достовѣрности этого изслѣдованія), часто не позволяютъ эксперту рѣшать извѣстнаго вопроса, но за то они и не вводятъ его въ заблужденіе, не приводятъ къ ложному заключенію. То же самое можно сказать относительно того упрека, „что въ медицинѣ, какъ ни въ одной другой наукѣ, очень мало несомнѣнныхъ истинъ“. Если врачъ не найдетъ въ своей наукѣ отвѣта на извѣстный вопросъ, то онъ прямо заявитъ объ этомъ, предоставляя судѣ рѣшить дѣло на основаніи другихъ данныхъ, но, по крайней мѣрѣ, никоимъ образомъ не будетъ помѣхою при изслѣдованіи истины.

Такимъ образомъ мы видимъ, что большая часть недо-

статковъ, которые сильно уменьшаютъ значеніе свидѣтельскихъ показаній, не имѣетъ почти никакого вліянія на достовѣрность экспертизы. Не въ томъ, однако, главное ея преимущество передъ свидѣтельскими показаніями. Дѣло въ томъ, что свидѣтельскія показанія основываются только на внѣшней сторонѣ событія, экспертиза же раскрываетъ намъ причинную связь изслѣдуемыхъ фактовъ, внутреннюю сторону событія. Вислоцкій разъясняетъ это примѣромъ. Въ дракѣ, одинъ изъ дерущихся, получивъ ударъ палкою, упалъ на землю и скончался. Свидѣтели показываютъ, что онъ былъ убитъ палкою, между тѣмъ вскрытіе обнаружило, что печень лопнула и смерть послѣдовала вслѣдствіе смертельнаго кровоизліянія въ брюшную полость. Подобные случаи не рѣдкость. Мнѣ самому случилось недавно присутствовать при разбирательствѣ аналогичнаго дѣла. Хозяинъ, поймавъ вора, побилъ его палкою. Черезъ нѣсколько часовъ воръ скончался. Всѣ полагали, что смерть произошла отъ побоевъ, но экспертиза обнаружила, что къ такому исходу привела прежняя болѣзнь. Въ обоихъ случаяхъ лишь только оказалось, что смерть не послѣдовала отъ ударовъ, фактъ нанесенія побоевъ потерялъ всю важность и пересталъ быть фактомъ съ судебной точки зрѣнія, такъ какъ онъ не относился къ событію преступленія, не имѣлъ значенія для уличенія виновника. Свидѣтельскія показанія здѣсь, относящіяся къ внѣшней сторонѣ событія, потеряли всякое значеніе, между тѣмъ экспертиза разъяснила событіе самымъ неопровержимымъ и совершенно объективнымъ образомъ. Объективность экспертизы, какъ справедливо замѣтилъ Вислоцкій, обуславливается тѣмъ, что она основывается на объективныхъ матеріальныхъ слѣдахъ, тогда какъ свидѣтельское показаніе основано лишь на личныхъ, субъективныхъ впечатлѣніяхъ.

Послѣ всего сказаннаго, положеніе Владимірова, что свидѣтель передаетъ фактъ, экспертъ—даетъ одно только мнѣніе, кажется крайне удивительнымъ. „Во всякомъ заблужденіи есть извѣстная доля истины“, сказалъ какой-то мудрецъ. Какая же доля истины заключается въ положеніи г. Влади-

мірова? Это раскроетъ намъ генеза его положенія. Главный аргументъ, на которомъ покоится оно, что при какихъ бы обстоятельствахъ свидѣтель ни смотрѣлъ на человѣка, за воробья его не приметъ, эксперта же эти обстоятельства могутъ иногда ввести въ заблужденіе. Это тоже самое, какъ если бы я рассуждалъ такъ: мой письменный столъ я вижу лучше простымъ глазомъ, чѣмъ какую нибудь инфузорию въ микроскопъ, а слѣдовательно невооруженный глазъ имѣетъ преимущество передъ вооруженнымъ. Какъ ни уродлива подобнаго рода аргументація, все таки она заключаетъ въ себѣ извѣстную долю истины: голыми глазами я лучше вижу столъ, чѣмъ вооруженными инфузорию. Истина эта наводитъ на другія мысли. Если я вижу какой нибудь предметъ посредствомъ усиливающаго зрѣніе инструмента хуже, чѣмъ другой предметъ простымъ глазомъ, это оттого, что первый труднѣе наблюдать. Микроскопъ мы употребляемъ тамъ, гдѣ голаго глаза недостаточно, при наблюденіяхъ болѣе трудныхъ. Къ эксперту мы прибѣгаемъ тогда, когда общежитейскихъ свѣдѣній намъ мало, при рѣшеніи вопросовъ болѣе сложныхъ. Вотъ и зерно истины, заключенное въ разсужденіяхъ г. Владимірова: экспертиза рѣшаетъ наиболѣе сложные и трудные вопросы, но это, очевидно, не можетъ ей служить укоромъ.

Б. Вронскій.

ЗА МѢСЯЦЪ.

(Юридическая хроника)

Финляндское уголовное уложение.—Законъ о диффамаци въ новомъ толкованіи сената.—Вопросъ о еврейской присягѣ.

Продолжаемъ начатую нами въ прошлой хроникѣ передачу содержанія новаго уголовного уложенія Финляндіи. Особенная часть уложенія начинается изложеніемъ постановленій о преступленіяхъ противъ вѣры. За публичное возложеніе хулы на Бога назначается смирительный домъ или тюрьма на срокъ не свыше 4 лѣтъ. Но если судъ признаетъ, что преступленіе совершено по необдуманности или въ запальчивости, то наказаніе можетъ быть понижено до денежнаго взысканія включительно. Такому же наказанію подвергается виновный въ кощунствѣ надъ святымъ словомъ божіимъ или надъ вѣроученіемъ религіознаго общества, допущеннаго въ Финляндіи. Наказаніе въ этомъ послѣднемъ случаѣ можетъ быть ограничено и незначительнымъ штрафомъ. Болѣе строго наказывается соvrращеніе принужденіемъ или обольщеніемъ въ другое вѣроисповѣданіе; штрафъ за сіе можетъ быть назначенъ до 4 тыс. мар., а для финляндскаго гражданина можетъ быть присоединено изгнаніе изъ Финляндіи, по отбытіи наказанія. За препятствованіе прислугѣ или домочадцамъ бывать на богослуженіи виновный подлежитъ штрафу не свыше 300 марокъ, но преслѣдованіе за это преступленіе допускается лишь по жалобѣ потерпѣвшаго. Ко-

нечно, сравнительно съ нашимъ уложеніемъ, эти наказанія весьма слабы, но въ сравненіи съ другими европейскими кодексами, особенно новѣйшими, они вовсе не поражаютъ своею мягкостью. Напр., по венгерскому уложенію, за кощунство также можетъ быть назначенъ денежный штрафъ до 1000 гульденовъ; по германскому уложенію тахішимъ наказанія за тоже преступленіе — тюрьма до 3-хъ лѣтъ и т. д.

11, 12 и 13 глава уложенія говорятъ о преступленіяхъ противъ верховной власти, государственной измѣнѣ, оскорбленіи Величества и насиліяхъ противъ особъ Императорскаго дома. Противъ этихъ именно главъ особенно ополчаются газеты, писавшіе о новомъ финляндскомъ уложеніи и дѣйствительно они составляютъ самое слабое мѣсто уложенія.

Въ русскомъ переводѣ они, кромѣ того, чрезвычайно дурно изложены (къ сожалѣнію, не зная шведскаго языка, мы не можемъ судить о томъ, каковы они въ оригиналѣ). Покушеніе на жизнь священной особы Государа Императора наказывается смертю. Въ этомъ случаѣ разницы съ нашимъ уложеніемъ нѣтъ. Затѣмъ слѣдуетъ параграфъ, буквально редактированный въ слѣдующимъ выраженіяхъ:

Кто съ умысломъ:

1) Лишить Государа Императора и великаго князя свободы, предать Его Величество во власть непріятеля, исторгнуть изъ рукъ Государа Императора державную власть или сдѣлать для него невозможнымъ отправленіе оной;

2) Подчинить Финляндію или нѣкоторую часть ея, или же русскія владѣнія иностранной державѣ, или отторгнуть какую либо часть Финляндіи отъ Россійской Имперіи, или же

3) Противозаконно измѣнить или отмѣнить государственный строй Финляндіи, финляндскій основной законъ, или государственный строй Россіи, или же расторгнуть соединеніе Финляндіи съ имперіей или нарушить утвержденный порядокъ престолонаслѣдія, совершить дѣяніе, заключающее въ себѣ осуществленіе умысла или покушеніе на оное, — тотъ подвергается за преступленіе противъ верховной власти

заключенію въ смирительномъ домѣ или пожизненно или срокомъ отъ 8 до 12 полныхъ лѣтъ.

Если отбросить неудачное, въ смыслѣ языка, изложеніе, то мы увидимъ, что 2 § II главы вполне соответствуетъ § 81 германскаго уложенія, по которому наказаніе за вышеприведенное преступленіе, можетъ, при наличности смягчающихъ обстоятельствъ, быть понижено до пяти лѣтняго заключенія въ крѣпости. Насколько намъ извѣстно § 81 германскаго уложенія не вызывалъ никакихъ серьезныхъ нареканій въ преступной мягкости присуждаемыхъ имъ наказаній и, къ слову замѣтимъ, неизвѣстно еще, какъ будетъ поставленъ этотъ вопросъ въ нашемъ новомъ уложеніи... Идемъ дальше.

При сговорѣ двухъ или нѣсколькихъ лицъ совершить преступленіе противъ верховной власти, каждый изъ виновныхъ подвергается заключенію въ смирительномъ домѣ или тюрьмѣ на срокъ отъ 1 года до 8 полныхъ лѣтъ. Это наказаніе мы признаемъ безусловно слабымъ. По германскому уложенію за участіе въ заговорѣ, ни въ чемъ фактически не выразившееся, *minimum* наказанія, при наличности смягчающихъ обстоятельствъ, вдвое строже — тюрьма на срокъ не менѣе двухъ лѣтъ. По венгерскому уложенію наказаніе за указанное преступленіе еще строже.

Наказанія за государственную измѣну, заключающуюся въ 1) поднятій финляндскимъ гражданиномъ, во время войны, оружія противъ Финляндіи или Россіи или союзника, 2) передачи во власть непріятеля войска, города и проч., выдачу документовъ, плановъ — наказывается смирительнымъ домомъ отъ 4 до 12 лѣтъ. Приблизительно таковы же наказанія за тождественныя преступленія и по иностраннымъ законодательствамъ.

Довольно странно намъ русскимъ читать „поднятіе оружія противъ Финляндіи или Россіи во время войны“. Развѣ Финляндія можетъ когда либо воевать съ кѣмъ либо одна безъ Россіи? Поднятіе оружія противъ Финляндіи развѣ не

будетъ въ то же время и поднятіемъ оружія противъ Россіи, съ которой она составляетъ неразрывное цѣлое?

Переходимъ къ постановленіямъ объ оскорбленіи Величества. За всякое умышленное насиліе противъ Государя Императора назначается смертная казнь, или пожизненное заключеніе въ смирительномъ домѣ или срочное заключеніе отъ 8 до 12 лѣтъ. Хотя по германскому уложенію за оскорбленіе дѣйствіемъ Императора и можетъ быть назначена крѣпость на срокъ до 5 лѣтъ, но срочное наказаніе за оскорбленіе священной особы Государя Императора противно русскому чувству, видящему въ Государѣ помазанника божія. Только милосердіе Государя въ этомъ, возмущающемъ душу всякаго истинно русскаго, преступленіи, можетъ даровать виновному жизнь. Тоже самое нужно сказать и о назначаемомъ уложеніемъ срочномъ наказаніи за оскорбленіе Государыни Императрицы и Наслѣдника Цесаревича. Въ этихъ случаяхъ должно имѣть мѣсто лишь пожизненное заключеніе.

Переходя затѣмъ къ преступленіямъ противъ дружественнаго государства, мы отмѣтимъ только, что наказанія, назначаемыя за эти преступленія нѣсколько менѣе строги, чѣмъ по германскому уложенію. Напр., за оскорбленіе посланника, аккредитованнаго при Имперіи, по германскому уложенію не допускается денежный штрафъ (§ 104), а по финляндскому таковой допускается.

Глава 15 уложенія говоритъ о преступленіяхъ противъ земскихъ чиновъ края и о нарушеніи чужаго права выбора или подачи голоса. На этихъ постановленіяхъ, ничего особаго не представляющихъ, мы останавливаться не будемъ и прямо перейдемъ къ преступленіямъ противъ общественной власти и общественнаго порядка. Наказаніе за „принужденіе насиліемъ или угрозами чиновника или служащаго сдѣлать или упустить служебное распоряженіе, или тому, кто такимъ же образомъ окажетъ сопротивленіе въ служебномъ дѣлѣ, или причинить чиновнику или служащему насиліе во время отправленія имъ должности или, отомщеніе за служебную мѣру“— назначается заключеніе въ смирительномъ домѣ, на срокъ не

менѣе 4 лѣтъ или тюрьма не менѣе трехъ мѣсяцевъ или, наконецъ, въ случаѣ особо смягчающихъ обстоятельствъ, штрафъ отъ 50 до 500 полныхъ марокъ. Къ начальствующимъ лицамъ причисляются также лица, избранныя для содѣйствія при публичномъ производствѣ, а равно и военные, при исполненіи ими обязанностей службы. За сопротивленіе безъ насилія и угрозъ назначается тюрьма на срокъ не свыше 3 мѣсяцевъ или штрафъ до 300 марокъ. За совершеніе сопротивленія скопомъ „если народъ соберется во множествѣ“—зачинщики подвергаются тюремному заключенію на срокъ не свыше 2 лѣтъ, а участники—таковому же заключенію на срокъ до 6 мѣсяцевъ или штрафу до 500 марокъ. При сопротивленіи скопомъ допускается употребленіе военной силы и если кто либо при этомъ будетъ въ скопищѣ убитъ, то сіе, по выраженію уложенія, оставляется безъ наказанія. За освобожденіе арестантовъ назначается смирительный домъ до 4 лѣтъ, если освобожденіе совершено лицомъ, которому порученъ надзоръ за арестованнымъ. Въ той же главѣ говорится объ искаженіи и порчѣ объявленій, вывѣшенныхъ общественной властью, взломѣ казенныхъ печатей, продажѣ арестованнаго имущества и проч. Наказанія за эти преступленія назначаются—или штрафъ или тюремное заключеніе на срокъ до 6 мѣсяцевъ.

За недонесеніе о приготовленіи къ преступленію противу верховной власти или къ государственной измѣнѣ—наказаніе назначается или штрафъ или тюрьма на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ, каковое наказаніе едва ли можетъ считаться достаточнымъ въ виду важности этихъ преступленій.

За укрывательство преступника или слѣдовъ преступленія назначается тюрьма на срокъ не болѣе одного года, но если укрывательство совершено съ корыстной цѣлью, то заключеніе увеличивается на срокъ до двухъ лѣтъ, но наказаніе, во всякомъ случаѣ, не должно быть выше того, къ которому виновный могъ бы быть приговоренъ за пособничество къ преступленію.

Послѣдняя статья главы 16 уложенія караетъ тюрьмою

до двухъ лѣтъ или штрафомъ до 50 марокъ того, кто обманомъ склонить финляндскаго гражданина къ выселенію изъ края.

Глава 17 говоритъ о лжеприсягѣ, наказаніе за каковую, смотря по обстоятельствамъ дѣла, назначается отъ трехъ мѣсяцевъ тюрьмы и можетъ быть возвышено до 6-ти лѣтняго заключенія въ смирительномъ домѣ, а если послѣдствіемъ лжеприсяги было осужденіе невиннаго,—то заключеніе въ смирительномъ домѣ пожизненно или даже до смертной казни.

При отказѣ отъ ложнаго показанія, до постановленія приговора по дѣлу, клятвопреступникъ подвергается лишь денежному взысканію. Ложная присяга, данная необдуманно или по небреженію, влечетъ за собою для виновнаго штрафъ или тюремное заключеніе до шести мѣсяцевъ.

За умолчаніе какого-либо обстоятельства при допросѣ на слѣдствіи, если послѣдствіемъ такового было осужденіе невиннаго, назначается тюрьма до двухъ лѣтъ. За подговоръ къ лжеприсягѣ—годовое тюремное заключеніе.

Относительно постановленій уложенія о лжеприсягѣ замѣчаютъ, что правильнѣе разграничивать ложное судебное показаніе, данное по уголовному или гражданскому дѣлу, но широкое право выбора наказаній, предоставленное суду, даетъ возможность всегда назначать наказаніе, соотвѣтствующее дѣйствительной виновности.

Преступленій противъ правъ семейственныхъ финляндское уложеніе знаетъ три. Первое—обманное вовлеченіе въ брачный договоръ, принятіемъ чужаго имени или сокрытіемъ препятствій, могущихъ повести къ расторженію брака. Наказаніе — тюрьма не свыше года или денежный штрафъ, но если бракъ состоится или обманщикъ имѣлъ незаконную связь съ вовлеченной, то наказаніе можетъ быть, при особо увеличивающихъ вину обстоятельствахъ, возвышено до четырехлѣтняго заключенія въ смирительномъ домѣ. Возбужденіе преслѣдованія по этому преступленію начинается лишь по жалобѣ потерпѣвшей.

Второе— довольно странно редактированное, постановленіе гласитъ: „кто съ умысломъ *замѣнитъ или подмѣнитъ* ребенка, или инымъ способомъ умышленно измѣнить или стѣснить семейственное право другаго — тотъ подвергается тюремному заключенію.

За совершеніе означеннаго преступленія съ корыстной цѣлью, наказаніе увеличивается до смирительнаго дома на срокъ не свыше пяти лѣтъ.

Третье, за доставленіе обманнымъ способомъ наслѣдства или другаго семейственнаго права — также назначается смирительный домъ до пяти лѣтъ.

19 глава уложенія говоритъ о преступленіяхъ противъ союза брачнаго. За прелюбодѣяніе женатаго съ незамужней или замужней съ неженатымъ, состоящее въ бракѣ лицо подвергается тюремному заключенію на срокъ до шести мѣсяцевъ или денежному взысканію не менѣе ста марокъ; несостоящее въ бракѣ—денежному взысканію не менѣе 50 марокъ. Если же учинять другъ съ другомъ прелюбодѣяніе мужчина и женщина, оба состоящіе въ бракѣ, то тюремное заключеніе за это можетъ быть повышено на годъ.

За двоебрачіе назначается смирительный домъ до четырехъ лѣтъ, но это наказаніе, при обстоятельствахъ, смягчающихъ вину, можетъ быть понижено до двухъ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія. Наказаніе за двоебрачіе увеличивается и можетъ быть доведено до шестилѣтняго заключенія въ смирительномъ домѣ, если вступавшіе въ двоебрачіе оба состоятъ въ бракѣ.

Глава о любодѣяніи чрезвычайно курьезна, благодаря невозможному языку, которымъ она переведена. Начинается она такъ: „виновный въ любодѣяніи съ собственнымъ *дитятею или другимъ своимъ потомкомъ* — наказывается смирительнымъ домомъ отъ двухъ до восьми лѣтъ. Дитя же или потомокъ присуждается къ заключенію въ смирительномъ домѣ на время не свыше четырехъ лѣтъ или къ тюремному заключенію не менѣе шести мѣсяцевъ.

Если кто совершитъ любодѣяніе съ лицомъ, состоя-

щимъ или бывшемъ въ супружествѣ съ его дитятею или другимъ его потомкомъ, тотъ подвергается....

Кто совершитъ любодѣяніе съ слабоумной женщиной.... и все въ томъ же родѣ.

Нѣкоторые §§ этой главы по русскому переводу понять невозможно, но, говорятъ, по шведски выходитъ очень хорошо. Заслуживаетъ вниманія одинъ §, насколько намъ извѣстно, не встрѣчающійся въ другихъ кодексахъ, а именно—хозяинъ за вступленіе въ половую связь съ своей служанкой подвергается штрафу отъ сорока до 200 марокъ.

Сводничество наказывается смирительнымъ домомъ до трехъ лѣтъ.

Переходимъ теперь къ главѣ 21, трактующей о смертоубійствѣ и насиліяхъ. За лишеніе жизни съ заранѣе обдуманымъ умысломъ полагается смертная казнь, или пожизненное заключеніе въ смирительномъ домѣ или срочное отъ 8 до 12 лѣтъ. За убійство, вызванное насиліемъ или тяжкимъ оскорбленіемъ со стороны убитаго, назначается смирительный домъ на срокъ не менѣе четырехъ лѣтъ. Также строги наказанія и за насилія послѣдствіемъ коихъ была смерть. За нанесеніе въ дракѣ умышленного насилія, повлекшаго за собою смерть, виновный наказывается какъ убійца.

Если при нападеніи или въ дракѣ, гдѣ участвовало двое или нѣсколько лицъ, кому-либо причинена смерть или тяжкое тѣлесное поврежденіе и нельзя выяснить, кто именно изъ нихъ причинилъ смерть или увѣче, то каждый, приложившій руку на подвергшагося насилію, присуждается за жестокую драку, заключенію въ смирительномъ домѣ срокомъ не выше четырехъ лѣтъ, или тюремному заключенію на срокъ не менѣе трехъ мѣсяцевъ, а если произошло тяжкое тѣлесное поврежденіе—къ заключенію въ смирительномъ домѣ на срокъ не выше трехъ лѣтъ или къ тюремному заключенію отъ одного мѣсяца до трехъ полныхъ лѣтъ.

За причиненіе смерти или тяжкаго тѣлеснаго поврежденія, по небреженію или неосторожности, максимумъ наказанія доходитъ до трехлѣтнаго заключенія въ смирительномъ домѣ.

Преслѣдованіе за причиненіе не тяжкихъ насилій возбуждается лишь по жалобѣ пострадавшаго.

За убійство матерью незаконнаго ребенка, оставленіе его безъ помощи и непринятіе мѣръ къ охраненію его жизни, если отъ сего послѣдуетъ смерть ребенка, виновная подвергается заключенію въ смирительномъ домѣ отъ двухъ до десяти лѣтъ.

За изгнаніе плода по уложенію слѣдуетъ сравнительно слабое наказаніе, могущее быть ограниченнымъ шестимѣсячнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ. За умерщвленіе плода въ утробѣ, безъ согласія женщины, полагается смирительный домъ до восьми лѣтъ.

Также большой строгостью отличаются постановленія уложенія о поединкѣ. За нанесеніе смерти въ поединкѣ тахімш наказанія доходитъ до восьми лѣтъ тюрьмы. За передачу вызова полагается тюрьма или заключеніе на срокъ до шести мѣсяцевъ, но секунданты, свидѣтели и врачи, приглашенные присутствовать при поединкѣ, наказанію не подлежатъ.

24 глава уложенія говоритъ о нарушеніи спокойствія. „Кто ворвется въ чужой домъ и по требованію не удалится оттуда, тотъ подвергается штрафу до 500 марокъ, или заключенію до шести мѣсяцевъ“. Если нарушено спокойствіе въ домѣ или помѣщеніи, гдѣ находится Государь Императоръ, то виновный подвергается тюремному заключенію до года. За производство домоваго обыска ненадлежащимъ или же хотя и надлежащимъ лицомъ, но не въ законномъ порядкѣ виновный подвергается штрафу или тюремному заключенію на срокъ не свыше одного года.

Слѣдующая глава говоритъ о преступленіяхъ противъ свободы другаго. За похищеніе какаго-либо лица съ цѣлью обратить его въ военную или морскую службу иной страны или рабство, или въ иную неволю внѣ края, или за поставленіе въ беспомощное положеніе въ такомъ мѣстѣ, гдѣ жизнь будетъ находиться въ опасности, виновный подвергается заключенію въ смирительномъ домѣ отъ 4 до 12 лѣтъ.

Въ этой же главѣ говорится объ изнасилованіи, за которое наказаніе отъ десятилѣтняго заключенія въ смиренительномъ домѣ можетъ быть понижено судомъ до шести мѣсяцевъ тюремнаго заключенія.

За противозаконное лишеніе свободы задержаніемъ или заточеніемъ, виновный подлежитъ наказанію не свыше четырехмѣсячнаго заключенія въ смиренительномъ домѣ. Впрочемъ, если противозаконное задержание продолжалось болѣе 30 дней или сопровождалось особыми, отягчающими вину обстоятельствами, то заключеніе въ смиренительномъ домѣ можетъ быть назначено и до шести лѣтъ. Если задержание произошло хотя и безъ законной причины, но не злоумышленно и виновный считаетъ себя вправѣ произвести таковое, то maximum наказанія не можетъ быть выше шестимѣсячнаго тюремнаго заключенія.

Если кто подвергнетъ другого истязанію, чтобы вынудить у него признаніе по какому либо дѣлу, тотъ наказывается заключеніемъ въ смиренительномъ домѣ на срокъ не болѣе четырехъ лѣтъ. За угрозу преступленіемъ, если таковая произошла при обстоятельствахъ, дѣлающихъ вѣроятнымъ исполненіе угрозъ—виновный подлежитъ наказанію тюрьмою на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ. За похищеніе женщины для любодѣянія или вступленія съ нею въ бракъ—виновный подвергается заключенію въ смиренительномъ домѣ на срокъ не болѣе восьми лѣтъ или въ тюрьмѣ до шести мѣсяцевъ. За похищеніе женщины, старше пятнадцатилѣтняго возраста, для вступленія въ бракъ, можетъ быть назначена тюрьма до года, а за похищеніе для любодѣянія—тюрьма до двухъ лѣтъ. Нельзя не указать, что послѣднее постановленіе отличается порадочнымъ анахронизмомъ. Новые иностранные кодексы не знаютъ преступленія—похищеніе взрослыхъ дѣвицъ для вступленія съ ними въ бракъ; преступно можетъ быть похищеніе несовершеннолѣтнихъ, непонимающихъ значенія даваемого ими согласія на похищеніе.

26 глава уложенія говоритъ о ложномъ и недоказанномъ обвиненіи. Мы относительно этого раздѣла уложенія отмѣ-

тимъ одно, что за ложный доносъ, поведшій къ осужденію невиннаго, правильно назначается, какъ тахімш наказанія, пожизненное заключеніе въ смирительномъ домѣ и переходимъ къ слѣдующей главѣ, говорящей объ оскорбленіяхъ чести. Первый § означенной главы предусматриваетъ клевету, которая опредѣляется такъ: кто, вопреки совѣсти, взведетъ на кого либо опредѣленное преступленіе или извѣстный видъ преступленія, или другое такое дѣяніе, которое можетъ навлечь на него неуваженіе или повредить ему въ его промыслѣ или преуспѣяніи и распространить о томъ вымыселъ или ложный слухъ, тотъ подвергается за клевету тюремному заключенію отъ мѣсяца до года или денежному взысканію не менѣе ста марокъ. За клевету, совершенную публично или путемъ печати, наказаніе можетъ быть удвоено, а за клевету „не вопреки совѣсти“ уменьшено на половину. Въ Финляндіи клеветникамъ очевидно потакать не желаютъ! За оклеветаніе памяти умершаго наказаніе назначается какъ за неосторожную клевету—тюрьма до шести мѣсяцевъ, но право преслѣдованія для родственниковъ прекращается, если со дня смерти оговореннаго прошло 20 или болѣе лѣтъ. Тогда разрѣшается клеветать на покойника сколько угодно! Намъ кажется гораздо предпочтительнѣе въ этомъ случаѣ порядокъ, принятый венгерскимъ уложеніемъ, гдѣ преслѣдованіе за оклеветаніе умершаго принадлежитъ только дѣтямъ, родителямъ, братьямъ и сестрамъ или супругу умершаго. Дѣтямъ, полагать надо, одинаково горько—клеветуютъ ли на ихъ отца чрезъ 19 или чрезъ 21 годъ по смерти.

Доказывать справедливость позорящихъ фактовъ допускается, но и при доказанности таковыхъ, если у лица, ихъ огласившаго, было намѣреніе обидѣть или укорить, онъ можетъ быть наказанъ за оскорбленіе.

Возбужденіе преслѣдованія за клевету начинается лишь по жалобѣ потерпѣвшаго.

Переходимъ къ рассмотрѣнію постановленій уложенія о кражѣ (по терминологіи уложенія „о воровствѣ и мелкой кражѣ“, при чемъ мелкой кражей называется похищеніе ве-

щей цѣнностью, непревышающей двадцати марокъ). За воровство—максимумъ наказанія, при наличности отягчающихъ обстоятельствъ—тюремное заключеніе до 2 лѣтъ. За мелкую кражу можетъ быть назначенъ штрафъ до 200 марокъ или тюрьма не свыше трехъ мѣсяцевъ. Кромѣ того уложеніе знаетъ еще „тяжкое воровство, безразлично отъ стоимости похищеннаго“, а именно похищеніе:

1) въ церкви—принадлежащаго церкви или находящагося тамъ на храненіи;

2) ввѣреннаго для доставки общественной почтъ или другому общественному учрежденію;

3) имущества, хранящагося въ публичномъ собраніи книгъ, рукописей, научныхъ предметовъ, художественныхъ или рукодѣльныхъ произведеній;

4) закрытаго цисьяма или закрытой обложки;

5) со взломомъ или въ ночное время, если виновный проникъ самовольно въ помѣщеніе, гдѣ хранилось похищенное;

6) у того, кто вслѣдствіе возстанія, нападенія непріятеля, пожара, наводненія, кораблекрушенія, общей повальной болѣзни или другой подобной опасности не въ состояніи охранять своего имущества;

7) съ судна, выкинутого на мель или потерпѣвшаго крушеніе, или съ составляющаго принадлежность маяка или опознавательнаго сооруженія;

8) лошади, коровы, оленя или другаго домашняго животнаго, пасущагося на выгонѣ;

9) у моющагося въ банѣ, купающагося, спящаго въ полѣ, лежащаго въ тяжелой болѣзни или находящагося въ состояніи безпамятства, ребенка, недостижнаго 12-ти лѣтнаго возраста, умалишеннаго или, наконецъ, съ мертвого человѣка, изъ покойницею, или съ могилы,

и 10) платья, надѣтаго на другомъ (?).

Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ наказаніе за кражу можетъ быть повышено до четырехлѣтнаго заключенія въ смирительномъ домѣ.

Наказанный за мелкую кражу, при повтореніи проступка

наказывается какъ за воровство. Понесшій наказаніе за воровство, въ случаѣ совершенія вновь мелкой кражи, наказывается какъ за воровство. При рецидивѣ же воровства—наказаніе можетъ быть доведено до шестилѣтняго заключенія въ смирительномъ домѣ. За воровство, учиненное въ третій разъ, смирительный домъ можетъ быть назначенъ на срокъ до десяти лѣтъ, а при дальнѣйшихъ повтореніяхъ преступленія—виновный можетъ быть подвергнутъ и пожизненному заключенію въ смирительномъ домѣ.

За присвоеніе чужаго или общаго имущества полагается тюремное заключеніе до года, могущее быть увеличено до трехъ лѣтъ. За присвоеніе находки можетъ быть назначена тюрьма до года. За грабежъ насильственный или сопровождающійся угрозою, представляющею явную опасность для жизни—виновный подвергается заключенію въ смирительномъ домѣ на срокъ до шести, а при увеличивающихъ вину обстоятельствъ (въ ночное время, путешествующаго, съ проникновеніемъ въ домъ и пр.) и до десяти лѣтъ. Грабежъ, совершенный нѣсколькими лицами по предварительному уговору, также считается квалифицированнымъ. За вымогательство, путемъ угрозъ, вещей, денегъ или инаго имущества съ цѣлью доставить себѣ выгоду—виновный можетъ быть подвергнутъ заключенію въ тюрьмѣ или смирительномъ домѣ отъ двухъ мѣсяцевъ до четырехъ лѣтъ. При рецидивѣ грабежа наказаніе можетъ быть увеличено до 12-ти лѣтняго заключенія. За укрывательство и покупку краденаго максимумъ наказанія по финляндскому уложенію доходитъ до трехлѣтняго заключенія въ смирительномъ домѣ, но оно не должно быть выше наказанія за пособничество преступленій (въ текстѣ забавная опечатка „при особо смягчающихъ обстоятельствахъ“), а при совершеніи преступленія по ремеслу—до 6 лѣтъ и даже до 10 лѣтъ.

Приведенныя положенія указываютъ, что уложеніе чрезвычайно строго относится къ корыстнымъ преступленіямъ, что вполне отвѣчаетъ народнымъ воззрѣніямъ финляндцевъ, у которыхъ кража не составляетъ такого обыденнаго пре-

ступленія, какъ напр. у насъ. Воруютъ въ Финляндіи лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ пролегла желѣзная дорога и которыя превратились въ дачныя населенія для прїѣзжающихъ изъ Россіи.

На постановленіяхъ уложенія „о самовольномъ пользованіи чужими угодьями, а также о недозволенной охотѣ и рыбной ловлѣ“ мы останавливаться не будемъ. Эти нарушенія караются или заключеніемъ въ тюрьмѣ до года (напр. за поврежденіе или уничтоженіе деревьевъ) или штрафомъ до 500 марокъ (напр. за выжиганіе болота подъ пашню) и перейдемъ къ 34 главѣ уложенія, говорящей о преступленіяхъ противъ общественной безопасности.

За умышленный поджогъ заведомо обитаемаго строенія назначается смирительный домъ отъ 2 до 10 лѣтъ; наказаніе увеличивается до 12-лѣтняго заключенія, если подожжены церковь, крѣпость, публичный архивъ и пр. Если поджогъ совершонъ во время какого либо общественнаго бѣдствія, то виновный можетъ быть подвергнутъ пожизненному заключенію въ смирительномъ домѣ. За поджогъ нежилаго помѣщенія, хлѣбопекарни или хлѣба въ скирдахъ и пр. виновный наказывается или смирительнымъ домомъ или, при наличности особыхъ смягчающихъ обстоятельствъ, тюрьмою на срокъ не менѣе четырехъ мѣсяцевъ. За поврежденіе желѣзнодорожнаго пути съ намѣреніемъ произвести несчастіе, полагается смирительный домъ до восьми лѣтъ, каковое наказаніе, въ виду важности преступленія, едва ли можетъ быть признано достаточнымъ,—хотя, замѣтимъ вообще, вся 34 глава уложенія не отличается особою снисходительностью и вполне соответствуетъ предшествующей ей главѣ о корыстныхъ преступленіяхъ. Напр., за умышленное отравленіе водопровода, колодца и подобнаго ему водохранилища назначается смирительный домъ отъ двухъ до восьми лѣтъ. За умышленное распространеніе между людьми заразы—смирительный домъ до 12 лѣтъ. Конечно, если отъ указанныхъ дѣяній послѣдуетъ лишеніе жизни, то наказаніе и будетъ назначено какъ за таковое. За отравленіе пастбища, угрожающее чужому скоту,

можетъ быть назначенъ виновному смирительный домъ до четырехъ лѣтъ. За поврежденіе чужаго имущества обыкновенно назначается денежное взысканіе, но за порчу памятниковъ, древностей, произведеній искусства, можетъ быть назначено и тюремное заключеніе срокомъ до одного года.

Постановленія уложенія объ обманѣ и подлогѣ, въ общемъ, также не отличаются особенной мягкостью. Напримѣръ, за обманъ въ качествѣ товара, обмѣра и обвѣсъ наказаніе, начиная отъ денежнаго взысканія, можетъ быть, при наличности отягчающихъ вину обстоятельствъ, возвышено до двухлѣтнаго заключенія въ смирительномъ домѣ.

За поджогъ собственнаго застрахованнаго имущества съ цѣлью получить страховую премію назначается смирительный домъ до шести лѣтъ, но при наличности особо смягчающихъ вину обстоятельствъ наказаніе можетъ быть уменьшено до двухмѣсячнаго тюремнаго заключенія, что, пожалуй, ужъ очень снисходительно.

За подлогъ, съ цѣлью доставить себѣ или другому выгоду или причинить кому либо вредъ, офиціальнаго документа—виновный подвергается заключенію въ смирительномъ домѣ до шести лѣтъ, а если онъ воспользовался документами—то до восьми лѣтъ; при этомъ нужно замѣтить что фактъ пользованія завѣдомо подложнымъ документомъ одинаково карается какъ и самая поддѣлка. Поддѣлка документовъ, выдаваемыхъ общественными учрежденіями, обложена нѣсколько болѣе слабымъ наказаніемъ, нежели поддѣлка документовъ, выдаваемыхъ правительственными чиновниками.

За умышленное уничтоженіе междъ и рубежныхъ знаковъ, съ цѣлью получить выгоду или причинить вредъ, виновный подвергается тюремному заключенію на срокъ до двухъ лѣтъ, но порча междъ и безъ корыстной цѣли все таки можетъ привести виновнаго въ тюрьму на срокъ до полугода.

За поддѣлку гербовой бумаги и марокъ, почтовыхъ марокъ, какъ финляндскихъ, такъ и русскихъ, казенныхъ клеймъ, гирь, вѣсовъ и проч. назначается тюрьма или смирительный домъ на срокъ не свыше двухъ лѣтъ, а при пользо-

ваніи поддѣльными знаками—до четырехъ лѣтъ. Такому же наказанію, но могущему быть увеличеннымъ до 9-ти лѣтняго заключенія, подвергается виновный въ поддѣлѣхъ или привозѣхъ поддѣльной монеты или кредитныхъ билетовъ.

О послѣднихъ семи главахъ уложенія мы, по условіямъ мѣста, упомянемъ возможно кратко, отмѣчая лишь наиболѣе интересныя постановленія. Тридцать восьмая глава говоритъ о недобросовѣстности и наказуемомъ корыстолюбіи. Опекунъ или попечитель, за причиненіе умышленнаго вреда лицу, интересы коего онъ долженъ охранять, присуждается къ тюремному заключенію до двухъ лѣтъ. Адвокатъ, предавшій довѣрителя, также подвергается тюремному заключенію и лишается права ходатайствовать на судѣ. Но адвоката можно привлечь и прямо за веденіе неправдаго дѣла, за что онъ можетъ быть подвергнутъ штрафу въ 300 марокъ и даже запрещенію заниматься адвокатурой. Едва ли, впрочемъ, эта статья будетъ имѣть особое значеніе на практикѣ. При строгомъ ея примѣненіи суды дѣлъ не оберутся. За разглашеніе семейныхъ тайнъ повѣреннымъ и врачомъ уложеніе также угрожаетъ тюремнымъ заключеніемъ до шести мѣсяцевъ. Тому же наказанію подвергается отказавшійся отъ своей подписи на долговомъ документѣ или потребовавшій вторичнаго платежа слѣдуемыхъ ему денегъ.

Лихву уложеніе не хвалитъ и ростовщики могутъ попасть за излишній процентъ на годъ въ тюрьму. Конечно, на практикѣ, эта статья только увеличитъ процентъ, требуемый ростовщиками за ссуду. За контрабанду можетъ быть назначено тюремное заключеніе срокомъ до двухъ лѣтъ.

Злостное банкротство можетъ быть обложено сравнительно легкимъ наказаніемъ — тюрьмою не менѣе двухъ мѣсяцевъ, но наказаніе можетъ быть поднято судомъ до 6-ти лѣтняго заключенія виновнаго въ смирительномъ домѣ. Постановленія о банкротствѣ весьма обстоятельны, причемъ уплата долговъ избавляетъ виновнаго отъ наказанія, хотя бы таковая была учинена по возникновеніи дѣла.

Глава сороковая уложенія говоритъ о служебныхъ пре-

ступленіяхъ чиновниковъ и служащихъ. За взяточничество, кромѣ исключенія изъ службы, соединеннаго съ признаніемъ недостойнымъ впредь состоять на службѣ края, можетъ быть назначено и тюремное заключеніе до двухъ лѣтъ, если взятка была потребована или взята за несправедливое дѣйствіе по службѣ. Такому же наказанію подвергается и судья, умышленно постановившій несправедливый приговоръ, но если вслѣдствіе этого закононарушенія пострадаетъ невинный или виновный будетъ подвергнутъ высшему чѣмъ слѣдуетъ наказанію, то несправедливый судья можетъ быть подвергнутъ наказанію до пожизненнаго заключенія въ смирительномъ домѣ включительно.

За умышленное допущеніе побѣга арестанта—виновный въ томъ чиновникъ можетъ быть подвергнутъ заключенію въ смирительномъ домѣ на срокъ до пяти лѣтъ.

За умышленные подлоги въ официальныхъ документахъ, невѣрную постановку межевыхъ знаковъ, злоупотребленіе правомъ клейменія и проч. также полагается заключеніе въ смирительномъ домѣ на срокъ до восьми лѣтъ.

За другія служебныя преступленія также уложеніе не бауетъ.

Сорокъ первая глава уложенія говоритъ о преступленіяхъ противъ постановленій касательно церковнаго благочинія. Всѣ они обложены штрафомъ. Заслуживаетъ вниманія, что ремесленникъ, работающій въ праздникъ работу, не представляющую крайней необходимости, подвергается денежному взысканію до 50 марокъ, а за открытіе лавки въ праздникъ торговецъ штрафуется до 100 марокъ. Вотъ самое простое рѣшеніе, столь много вызывающаго у насъ толковъ вопроса о воскресномъ отдыхѣ прикащиковъ.

Глава сорокъ вторая трактуетъ преступленія противъ государственной безопасности и (или) общественнаго благочинія. Сюда относятся снятіе и обнародованіе плановъ укрѣпленій (тюрьма до трехъ мѣсяцевъ); пользованіе чужимъ паспортомъ (штрафъ до 30 марокъ); нарушеніе обществен-

ной тишины и спокойствія (штрафъ или тюрьма до трехъ мѣсяцевъ) и гаданіе за плату (штрафъ до 200 марокъ).

Къ преступленіямъ противъ нравственности уложеніе относитъ (глава сорокъ третья):

устройство лотерей, содержаніе игорныхъ домовъ, или допущеніе азартной игры въ гостинницахъ и появленіе пьянымъ въ публичныхъ мѣстахъ. За всѣ эти преступленія налагается денежное взысканіе.

Наконецъ, послѣдняя глава уложенія говоритъ о нарушеніи правилъ, охраняющихъ жизнь, здравіе и собственность. Сюда относятся: неосторожное обращеніе съ оружіемъ, неподача помощи и нарушеніе всякихъ предупредительныхъ мѣръ противъ заразныхъ болѣзней, непомѣрно быстрая ѣзда, оставленіе загороди въ полѣ открытой и проч. Наказанія за эти нарушенія доходятъ до полугодичнаго заключенія въ тюрьмѣ.

Вотъ все существенное по новому финляндскому уложенію. Мы слышали, что до введенія его въ дѣйствіе, оно будетъ пересмотрѣно въ особой комисіи здѣсь, въ Петербургѣ, для согласованія его, въ чемъ окажется необходимымъ, съ основными законами.

Изъ послѣднихъ разъясненій сената особаго вниманія заслуживаетъ рѣшеніе по вопросу о представленіи письменныхъ доказательствъ подсудимыми, обвиняемыми въ диффамациі должностныхъ лицъ. Печатаемъ его полностью, такъ какъ оно изложено весьма сжато.

1889 года ноября 27 дня. По внесенному первоприсутствующимъ вопросу о разъясненіи ст. 1213¹³ уст. угол. суд., относительно права суда, по дѣламъ объ оглашеніи въ печати позорящихъ обстоятельствъ о должностномъ лицѣ, удовлетворить ходатайство подсудимаго, основанное на ст. 452 устава гражд. судопр. о выдачѣ ему свидѣтельства на предметъ истребованія документа или свѣдѣній, которые находятся въ актахъ и дѣлахъ другаго судебного либо правительственнаго мѣста, или должностнаго лица.

По выслушаніи заключенія товарища оберъ прокурора,

обращаясь къ обсужденію вышеизложеннаго вопроса, общее собраніе перваго и кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената находятъ, что нарушенія постановленій о печати, на основаніи ст. 1213¹ уст. угол. суд., преслѣдуются по общимъ правиламъ уголовного судопроизводства, съ изъятіями, точно указанными въ послѣдующихъ статьяхъ, относительно подсудности, порядка возбужденія преслѣдованія и производства суда. Статья 1213¹², помѣщенная въ отдѣлѣ объ изъятіяхъ при производствѣ суда, лишаетъ подсудимаго права приводить доказательства справедливости напечатаннаго имъ позорящаго обстоятельства о частномъ лицѣ, а слѣдующая ст. 1213¹³ постановляетъ, что если оскорбленіе, при которомъ указано на какое либо позорящее обстоятельство, касается служебной или общественной дѣятельности лица, занимающаго должность по опредѣленію отъ правительства или по выборамъ, то нанесшему оное предоставляется право представлять, въ подтвержденіе справедливости своихъ показаній, имѣющіяся въ его рукахъ письменныя доказательства; свидѣтельскія же показанія въ семъ случаѣ не допускаются. Это послѣднее постановленіе устава уголовного судопроизводства находится въ полномъ соотвѣтствіи съ правиломъ ст. 1039 ч. 2 улож. о нак., по которому подсудимый освобождается отъ наказанія, налагаемаго сею статьею, если онъ докажетъ, посредствомъ письменныхъ доказательствъ, справедливость оглашеннаго имъ въ печати позорящаго о должностномъ лицѣ обстоятельства. Засимъ, въ законѣ нѣтъ ни положительнаго опредѣленія, какими именно письменными доказательствами допускается подтвержденіе на судѣ оглашенныхъ въ печати фактовъ, ни указанія на то, какими документами воспрещается доказывать эти факты; а потому и въ виду того, что цѣль уголовного правосудія заключается въ раскрытіи не формальной, а матеріальной истины, и что подсудимому должны быть предоставлены всѣ законныя права къ оправданію, слѣдуетъ придти къ заключенію, что всякій письменный, officialный или неофициальный документъ, могущій имѣть въ уголовномъ

дѣлѣ значеніе доказательства и не заключающій въ себѣ свидѣтельскаго показанія, можетъ быть предъявленъ подсудимымъ, обвиняемымъ въ диффамаци должностнаго лица, и такой документъ долженъ быть принятъ и рассмотрѣнъ судомъ. Если, такимъ образомъ, на судѣ лежитъ обязанность рассмотрѣнія письменныхъ документовъ, представленныхъ въ свою защиту подсудимымъ, преданнымъ суду за опозореніе въ печати должностнаго лица, то не представляется правильнаго основанія для безусловнаго признанія со стороны суда неподлежащимъ удовлетворенію ходатайства подсудимаго о предоставленіи ему возможности получить, указаннымъ въ ст. 452 уст. гражд. судопр. путемъ, оправдывающій его письменный документъ, находящійся въ актахъ и дѣлахъ другаго судебного либо правительственнаго мѣста, или должностнаго лица, ибо хотя въ ст. 1213¹³ уст. угол. суд. и говорится, что подсудимому предоставляется право представлять, въ подтвержденіе справедливости своихъ показаній, „имѣющіяся въ его рукахъ письменныя доказательства“, но это выраженіе никакъ нельзя понимать въ смыслѣ лишенія подсудимаго права воспользоваться, для своего оправданія, такимъ письменнымъ документомъ, который, составляя принадлежность производства правительственнаго мѣста или должностнаго лица, въ силу сего, въ рукахъ подсудимаго, безъ посредства суда, находится не можетъ. Подтвержденіемъ этому можетъ служить то соображеніе, что и въ ст. 629, помѣщенной въ отдѣлѣ объ общихъ правилахъ производства уголовныхъ дѣлъ, употреблено выраженіе, совершенно тождественное съ изложеннымъ въ ст. 1213¹², а именно: что сторонамъ—слѣдовательно и подсудимому—не возбраняется прочтеніе „находящихся у нихъ документовъ“, если они относятся къ предмету ихъ показаній; между тѣмъ, неоднократно рѣшеніями уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената (1874 г. № 735 по дѣлу Сабакерева и др.) было уже разъяснено, что въ виду постановленій ст. 630 и 629 уст. угол. суд. и ст. 452 уст. гражд. суд. судъ не вправе уклониться отъ обсужденія просьбы какъ

подсудимаго, такъ и другихъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, объ истребованіи документовъ или свѣдѣній, находящихся въ дѣлахъ присутственныхъ мѣстъ или должностныхъ лицъ, и можетъ отказать въ этомъ истребованіи, непосредственно или выдачею свидѣтельства, лишь тогда, когда признаетъ, что представляемые къ тому причины не имѣютъ достаточнаго основанія, или же что просимые документы или свѣдѣнія не относятся къ дѣлу или не могутъ послужить къ разъясненію указанныхъ просителемъ обстоятельствъ, или что сіи послѣднія не имѣютъ для дѣла никакого значенія. По симъ сообщеніямъ находя, что основное требованіе закона по дѣламъ о диффамациі должностныхъ лицъ въ печати состоитъ единственно въ томъ, чтобы обвиняемый не былъ допускаемъ къ представленію свидѣтельскихъ показаній и что, по отношенію къ праву подсудимаго по этимъ дѣламъ предъявлять письменныя доказательства, ст. 1213¹³ уст. угол. суд. никакого изъятія изъ общихъ правилъ устава уголовного судопроизводства не устанавливаетъ, общее собраніе перваго и кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената опредѣляетъ: признать, что обвиняемые въ предусмотрѣнномъ 1039 ст. улож. о нак. нарушеніи законовъ о печати, относительно должностныхъ лицъ, имѣютъ безусловное право на представленіе письменныхъ доказательствъ.

„Новое Время“ въ № 5224 коснулось нелепостнаго общаго значенія вопроса о еврейской присягѣ.

„При изданіи судебныхъ уставовъ, по словамъ газеты, были составлены особые тексты присяги для исполненія нѣкоторыхъ обязанностей, созданныхъ новымъ положеніемъ объ устройствѣ судебной части. Таковы, напримѣръ, формулы присяги при вступленіи въ судейскую должность, въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ или въ составъ присяжныхъ заседателей. Но при этомъ не было выработано текста клятвеннаго обѣщанія для нехристіанъ. На практикѣ этотъ пробѣлъ чувствуется въ примѣненіи къ евреямъ. Формулы присяги, помѣщенные въ судебныхъ уставахъ Императора Але-

ксандра II, совершенно непримѣнны къ лицамъ этой національности, такъ какъ онѣ начинаются сакраментальными словами: обѣщаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ, предъ святымъ Его Евангеліемъ и животворящимъ крестомъ Господнимъ“ и заключаются заявленіемъ: „цѣлую слова и крестъ Спаситель моего, аминь“. Между тѣмъ, находящіеся въ другихъ частяхъ свода законовъ тексты присяги для евреевъ относятся лишь къ случаямъ принятія ихъ на службу и отображенія свидѣтельскихъ показаній предъ судомъ. Ни одинъ изъ этихъ образцовъ не подходитъ къ случаямъ допущенія евреевъ въ среду присяжныхъ засѣдателей.

Судебныя мѣста выходятъ изъ этого затрудненія, приводя евреевъ къ присягѣ по совершенно нелегальному тексту, а именно по образцу, установленному для христіанъ, но, конечно, съ пропускомъ всѣхъ сакраментальныхъ словъ. Между тѣмъ, эти послѣднія и придаютъ обѣщанію значеніе религіозной клятвы. Присяга же, къ которой въ упомянутыхъ случаяхъ предсѣдатели судебныхъ учреждений приводятъ евреевъ, очевидно не удовлетворяетъ этому понятію. Это просто частное обѣщаніе, неимѣющее ни религіозной силы, ни даже законодательной санкціи. Между тѣмъ, нельзя не придавать чрезвычайнаго значенія надлежащему способу приведенія къ присягѣ лицъ, которыя дѣлаются адвокатами или судьями, рѣшающими безповоротно вопросъ о виновности по уголовному дѣлу. Не даромъ законодательство назвало ихъ присяжными повѣренными и присяжными засѣдателями. Въ сущности, нельзя не признать, что названіе это дается теперь евреямъ, исполняющимъ упомянутыя обязанности, какъ будто лишь по недоразумѣнію, такъ какъ послѣдніе настоящей присяги не принимаютъ.

Само собою разумѣется, что пробѣлъ этотъ долженъ быть выполненъ въ законодательствѣ какъ можно скорѣе. Положимъ, что въ настоящее время допущеніе евреевъ въ среду присяжныхъ повѣренныхъ зависитъ отъ министра юстиціи. Но этимъ, конечно, положенъ предѣлъ только излишнему наплыву въ это сословіе лицъ іудейскаго происхожденія, а

не прегражденъ вовсе доступъ въ адвокатуру. Наконецъ, вопросъ о дѣйствительности принимаемой евреями присяги сохраняется по отношенію къ исполненію ими обязанностей присяжныхъ засѣдателей. Дѣйствительно, законъ требуетъ для произнесенія вердикта по уголовному дѣлу участія двѣнадцати гражданъ, приведенныхъ къ присягѣ. Можно ли призывать въ силѣ приговоръ, поставленный составомъ лицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя не были приведены къ присягѣ? Между тѣмъ, какъ извѣстно, евреи регулярно заносятся въ списки присяжныхъ засѣдателей, какъ и всѣ прочіе жители Имперіи, съ соблюденіемъ лишь въ губерніяхъ, гдѣ имъ разрѣшено постоянное жительство, того правила, чтобы число ихъ въ означенномъ спискѣ не превышало ихъ общаго процентнаго отношенія къ численности всего населенія уѣзда.

Съ своей стороны укажемъ для разрѣшенія этого вопроса на заявленное еще въ 1879 году заключеніе состоящей при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ раввинской коммисіи, которой предложено было установить порядокъ приведенія евреевъ къ присягѣ. Коммисія съ большою откровенностью признала, что у евреевъ издавна проявлялось стремленіе нарушать или, правильнѣе сказать, обходить присягу. Во время средневѣковыхъ гоненій среди евреевъ было даже распространено убѣжденіе, что ниспосылаемыя на нихъ бѣдствія вызваны клятвопреступленіями соплеменниковъ. Для устраненія этихъ опасеній, изобрѣтательность евреевъ подсказала имъ прибѣгнуть къ сочиненію такого заклинанія, которое не влекло бы за собою небесной кары за его несоблюденіе. Изъ обряда присяги были исключены сакраментальныя слова и священные предметы, но за то для введенія въ заблужденіе христіанъ устанавливались обрядности, наводившія ужасъ, какъ то: изданіе трубныхъ звуковъ, погашеніе свѣчей и даже облеченіе въ похоронный саванъ и положеніе въ гробъ. Все это было лишь кукольной комедіей, которую раввинская коммисія признала неимѣющею никакого значенія и съ своей стороны рекомендовала установить, въ видѣ общаго правила, такъ называемую пятикнижную присягу.

Обрядовая сторона послѣдней заключается въ томъ, что присягающій еврей долженъ класть руку на библию, которая должна быть непременно на еврейскомъ языкѣ и, по произнесеніи текста присяги, опять прикладываться къ библии и цѣловать ее. Сакраментальныя слова присяги состоятъ, по признанію раввинской комиссіи, въ заявленіи: „клянусь именемъ Господа Бога Израелева“. Разныя другія страшныя слова, включаемыя въ присягу, не имѣютъ, по указаніямъ раввинской комиссіи, ни малѣйшаго значенія. Согласно Талмуду, достаточно даже, если вмѣсто имени Бога произносится одинъ изъ его эпитетовъ, какъ напримѣръ: всемилостивый, всемилосердный и т. п., или даже когда просто произносится слово „клянусь“ или равнозначущее ему.

Нельзя не замѣтить, что восполненіе означеннаго обряда присяги можетъ вполне имѣть мѣсто въ судебномъ засѣданіи, а потому такое должно быть, съ установленіемъ надлежащаго текста клятвенныхъ обѣщаній, введено въ практику судебныхъ мѣстъ. Обрядъ этотъ желательно также примѣнить и къ присягѣ свидѣтелей. Такъ какъ для послѣдней требовалось по законамъ, до изданія судебныхъ уставовъ, весьма неудобное условіе, а именно—принятіе ея въ синагогѣ или молитвенномъ домѣ, то кассационный сенатъ, не имѣя въ виду положительныхъ узаконеній по этому предмету въ уставахъ, освободилъ новыя судебныя учрежденія отъ выполнения какихъ бы то ни было изъ указанныхъ въ общемъ законѣ обрядовъ для привода къ присягѣ свидѣтелей евреевъ. Даже приложеніе руки къ пятипнижію было устранено, тогда какъ раввинская комиссія придаетъ этому обстоятельству особенное значеніе. Конечно, евреямъ такое толкованіе на руку, такъ какъ даетъ имъ возможность лжесвидѣтельствовать на судѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ“.

2.

† Лоренцъ фонъ-Штейнъ.

12 сентября 1890 года скончался въ Вѣнѣ одинъ изъ величайшихъ мыслителей нашего вѣка, одинъ изъ самыхъ даровитыхъ писателей современной политической литературы Германіи, бывшій профессоръ вѣнскаго университета—Лоренцъ фонъ-Штейнъ. Умеръ онъ на 75 году отъ рожденія (родился въ Экернферде 18 ноября 1815 г.), пять лѣтъ послѣ того, какъ семидесятилѣтнимъ старцемъ оставилъ, послѣ тридцати лѣтъ преподаванія, кафедру политическихъ наукъ въ Вѣнѣ. Ученую свою дѣятельность начинаетъ Лоренцъ фонъ Штейнъ въ качествѣ изслѣдователя гражданскаго права: его перу принадлежитъ „Исторія датскаго гражданскаго процесса“ (1841 г.), послужившая основаніемъ для его ученой командировки, приведшей его въ Парижъ. Вліяніе французской соціальной философіи и французской государственной жизни неотразимо овладѣло на первыхъ же порахъ молодымъ ученымъ: обширные и капитальные труды посвящаетъ онъ французскому социализму—съ одной стороны, изслѣдованію исторіи французскаго права—съ другой. Для того, чтобы характеризовать значеніе этихъ трудовъ Л. Штейна (*Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs* 1844 2 Aufl. 1848 и *Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich* 1850) мы приведемъ сужденіе о нихъ другаго, не менѣе извѣстнаго писателя въ области политической, не разъ ставившаго въ своей литературной дѣятельности со Штейномъ—Роберта Моля.

„Никто“, говоритъ онъ, „не имѣетъ большихъ заслугъ въ дѣлѣ выясненія социалистическихъ мыслей и стремленій нашего времени, какъ Штейнъ“. Моль, считая его главнымъ писателемъ въ этой области (*der Hauptschriftsteller*), находитъ, что Штейну присуще научное стремленіе къ философскому самостоятельному разясненію социалистическихъ ученій и блестящее изложеніе своего взгляда ¹⁾).

Подъ вліяніемъ своей разработки французской исторіи права (*Franz. Staats-und Rechtsgeschichte* 1846—48), Лоренцъ Штейнъ отдался изученію условій государственной жизни вообще. При этомъ онъ начинаетъ съ изслѣдованія условій образованія богатства вообще и переходитъ, въ частности, къ государственному хозяйству; какъ въ своей „Системѣ государственныхъ знаній“ (*Штутгардъ* 1852—56), такъ и въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ, онъ выражаетъ этотъ взглядъ: въ 1858 году онъ издаетъ курсъ политической экономіи, а въ 1866 году—курсъ финансоваго права и одновременно почти приступаетъ къ выпуску въ свѣтъ обширнаго задуманнаго имъ труда „Ученія объ управленіи“ (*Verwaltungslehre*). Всѣ эти труды отличаются оригинальностью изложенія и во всѣхъ замѣтно сильное вліяніе философскаго направленія Гегеля, что отчасти затрудняетъ ихъ пониманіе. Въ своемъ ученіи о государствѣ Штейнъ выставляетъ органическую теорію государства и желаетъ въ своемъ ученіи рассмотреть всѣ проявленія жизни государственной, во всѣхъ отрасляхъ управленія. Лоренцъ Штейнъ самъ сознавалъ всю трудность этой задачи, и приступая, въ седьмомъ томѣ (изд. 1868 г.), къ изложенію экономическаго управленія (*Volkswirthschafts pflege*, онъ прямо говоритъ въ предисловіи, что силы одного человѣка недостаточны, чтобы объять всю обширную область, сюда относящуюся. Но, продолжаетъ онъ, какъ ни разнообразны, какъ ни богаты содержаніемъ отдѣльныя области экономической жизни и системы управленія, онѣ составляютъ нѣчто единое въ цѣломъ; силы одного мыслителя могутъ понять всѣ

---

¹⁾ Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften I B. 1855 S. 81.

эти явленія въ ихъ высшемъ единеніи. Освѣтитъ общимъ философскимъ изслѣдованіемъ, не вдаваясь въ подробности, отношенія государства къ человѣку, какъ къ личности, какъ къ хозяйственной единицѣ и какъ къ общественному дѣятелю,— вотъ задача, невыполненная Штейномъ въ его ученіи объ управленіи. Издавая VII томъ, посвященный системѣ земельныхъ правоотношеній, онъ самъ предчувствуетъ трудность дѣйствительнаго выполненія своего плана, указывая на то, что новое изданіе его первыхъ томовъ заставитъ его отложить на нѣкоторое время продолженіе; къ несчастью предчувствіе автора оправдалось въ самомъ худшемъ видѣ—этого продолженія мы никогда не увидимъ.

Въ видѣ нѣкотораго какъ бы вознагражденія, въ 1870 г., вскорѣ послѣ того, какъ онъ остановился печатаніемъ своего ученія объ управленіи, Штейнъ издаетъ курсъ ученія объ управленіи (*Handbuch der Verwaltungsllehre und des Verwaltungsrechts*) въ которомъ представляетъ законченную систему своего ученія.

Лоренцъ Штейнъ пользовался какъ ученый всемірною извѣстностью, но едва-ли не болѣе другихъ его ставили высоко въ Россіи; личныя сношенія его съ русскими учеными настолько его сблизили съ русскими интересами, что онъ относился къ нимъ всегда съ большимъ сочувствіемъ ¹⁾. Замѣчательна та отзывчивость, которую показывалъ покойный ученый по отношенію къ разнымъ политическимъ и соціальнымъ вопросамъ: возбуждается борьба изъ-за Шлезвигъ-Гольштейна и онъ выступаетъ въ 1848 г. съ печатною защитою этихъ процессовъ (*La question de Schleswig - Holstein*); наступаютъ аграрные безпорядки въ Ирландіи, замѣчается застой сельскаго хозяйства въ Германіи и Л. Штейнъ разрабатываетъ вопросъ о формахъ землевладѣнія и объ улучшеніи условій аграрныхъ. Живая впечатлительная натура покойнаго профессора дѣлала его лекціи особенно привлекательными, благодаря чему къ слушанію его стремились весьма многіе; въ лекціяхъ не за-

---

¹⁾ Его *Handbuch der Verwaltungsllehre* переведенъ на русскій языкъ подъ редакціей проф. И. Е. Андреевскаго.

чалось ни малѣйшей схоластики, которая, въ сожалѣнію, мѣстами дѣлаетъ его труды малодоступными для большинства.

О Л. Штейнѣ можно сказать, что онъ оставилъ навсегда неизгладимый слѣдъ въ политической литературѣ, что его ученіе объ управленіи начинаетъ новую эпоху въ области изслѣдованій о государствѣ, а его Socialismms освѣтилъ и выяснилъ многое непонятое изъ французскихъ соціальныхъ системъ; двухъ этихъ трудовъ было бы достаточно, чтобы обезсмертить его имя.

С. В.

ЗАМѢТКИ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ НА ПРОЕКТЪ УСТАВА О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ.

Не касаясь несомнѣнныхъ достоинствъ проекта устава о несостоятельности, составленнаго по распоряженію министерства юстиціи, мы намѣрены изложить лишь нѣсколько краткихъ замѣчаній по тѣмъ статьямъ, которыя, по нашему мнѣнію, не могутъ считаться удовлетворительными.

Можно было бы, конечно, возразить и противъ системы проекта, но въ этомъ отношеніи мы вполне согласны съ замѣчаніями г. С., напечатанными въ VII кн. Журн. гражд. и угол. права.

Кромѣ того нельзя не присоединиться къ автору замѣчаній и по вопросу о неточности опредѣленія торговой несостоятельности въ отличіе отъ неторговой, о чемъ трактуетъ ст. 2 проекта. Поэтому переходимъ прямо къ ст. 3.

По ст. 3 проекта несостоятельность лицъ, товариществъ или обществъ, которыя снабдили себя купеческимъ свидѣтельствомъ или промысловымъ свидѣтельствомъ на производство мелочнаго торговаго или на содержаніе промышленныхъ заведеній, признается торговою и въ томъ случаѣ, если дѣло объ открытіи несостоятельности ихъ будетъ возбуждено не позже двухъ лѣтъ со времени истеченія срока послѣднему купеческому или промысловому свидѣтельству, которымъ они были снабжены, хотя бы должникъ умеръ или товарищество или общество прекратилось.

Казалось бы, что вопросъ объ отнесеніи несостоятельности бывшихъ купцовъ и товариществъ или обществъ къ торговой, долженъ находиться въ зависимости не отъ истеченія срока свидѣтельства, а отъ тѣхъ причинъ, которыми обуслови-

вается правильное примѣненіе правилъ несостоятельности торговой. Если купецъ, прекративъ торговлю, рассчитался со всѣми кредиторами, и затѣмъ по новымъ долгамъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ торговлѣ, оказывается несостоятельнымъ должникомъ, то несостоятельность такого лица не имѣетъ ничего общаго съ несостоятельностью торговою, хотя бы дѣло объ ней началось и до истеченія двухъ лѣтъ со времени прекращенія имъ торговли. И наоборотъ, если купецъ, прекративъ торговлю, не уплатилъ долговъ, несостоятельность его по однимъ ли этимъ долгамъ или и по долгамъ, вновь сдѣланнымъ, должна быть причислена къ торговой, хотя бы дѣло объ ней началось по истеченіи двухъ лѣтъ.

По бельгійскому уставу о несостоятельности, тотъ, кто уже не производитъ торговли, можетъ быть объявленъ несостоятельнымъ подъ однимъ только условіемъ—если платежи прекратилъ, будучи еще купцомъ (ст. 437). Во французскомъ конкурсномъ уставѣ 1838 г. срокъ также не установленъ; а по проекту 1882 г., хотя указанъ годовой срокъ для возбужденія дѣла о несостоятельности умершаго купца, считая таковой срокъ со дня смерти, если, притомъ, купецъ умеръ послѣ приостановленія имъ платежей, но тамъ установленіе срока оправдывается тѣмъ соображеніемъ, что производства о несостоятельности неторговой не допускается. Проектъ же предполагаетъ, что и по истеченіи двухъ лѣтъ несостоятельность можетъ быть открыта, но только неторговая. Между тѣмъ какъ для должника или наслѣдниковъ его, такъ и для кредиторовъ совершенно безразлично—будетъ ли производиться дѣло въ порядкѣ торговой или неторговой несостоятельности, лишь бы дѣла несостоятельнаго были ликвидированы правильно. Правильное же ликвидированіе будетъ только въ томъ случаѣ, когда къ дѣлу будутъ примѣнены правила той несостоятельности, которая соотвѣтствуетъ свойству и характеру долговъ. Поэтому слѣдуетъ полагать, что несостоятельность лица, прекратившаго торговлю, должна считаться во всякомъ случаѣ торговою, если только долги его связаны съ производствомъ торговли.

Проектированное въ ст. 5 правило, по которому послѣдствія несостоятельности наступаютъ „съ начала того дня, когда состоялось постановленіе суда объ открытіи несостоятельности должника“, выражено, по нашему мнѣнію, не точно; слѣдовало бы сказать: „со

времени постановленія судомъ опредѣленія объ открытіи несостоятельности“, какъ это признается и иностранными конкурсными уставами—французскимъ (ст. 443), бельгійскимъ (ст. 444), итальянскимъ (699, 700 и др.) и германскимъ (ст. 6 и 100). Иначе и быть не можетъ, потому что въ видѣ общаго правила—а рассматриваемая 5 статья проекта имѣетъ такое именно значеніе—нельзя распространять послѣдствія несостоятельности на время, предшествовавшее открытію ея. Изъ этого правила, примѣняясь къ ст. 6 германскаго конкурснаго устава, которая имѣлась въ виду при редакціи рассматриваемой статьи проекта, должно быть сдѣлано изъятіе по отношенію къ распоряженіямъ, совершеннымъ должникомъ въ самый день открытія несостоятельности, изъятіе въ томъ, именно, смыслѣ, что распоряженія предполагаются совершенными послѣ открытія несостоятельности. Но это относится къ ст. 11 проекта, въ которой говорится о силѣ распоряженій, совершенныхъ должникомъ послѣ открытія его несостоятельности.

По отношенію къ послѣдней статьѣ нельзя не замѣтить, что слово „распоряженія“ выражаетъ собою слишкомъ общее понятіе. По нашему мнѣнію, лучше было бы сказать, примѣняясь хотя бы къ бельгійскому конкурсному уставу (ст. 444), „всякіе платежи, сдѣлки и распоряженія, совершенныя должникомъ, и всякіе платежи, полученные имъ“.....

Указывая, какое имущество должника входитъ въ конкурсную массу, статья 6 постановляетъ, что „несостоятельному должнику оставляются всѣ тѣ предметы, которые по закону изъяты отъ ареста и взысканія при исполненіи судебныхъ рѣшеній“. Такъ какъ въ правильности изъятія нѣкоторыхъ изъ сихъ предметовъ въ пользу *несостоятельнаго* должника можетъ возникнуть на практикѣ сомнѣніе, то было бы желательно, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ скобкахъ были приведены тѣ статьи и пункты статей, которые должны имѣть примѣненіе въ данномъ случаѣ.

Въ этой же статьѣ или въ особой слѣдовало бы постановить, что изъ конкурсной массы отпускается на содержаніе должника и его семейства опредѣленная сумма, размѣръ которой назначается конкурснымъ судомъ по выслушаніи несостоятельнаго должника и конкурснаго попечителя. Подобное постановленіе существуетъ и въ дѣйствующемъ законѣ. Въ интересахъ справедливости и для устраненія возможныхъ недоразумѣній, оно должно быть выражено и въ проектируемомъ.

Слѣдующая 7 статья проекта, по которой предполагается опредѣлять несостоятельному должнику сумму, необходимую на приличное содержаніе его и лицъ, которымъ онъ по закону обязанъ доставлять содержаніе, предусматриваетъ частный случай, именно, когда во время производства дѣла о несостоятельности должникъ приобрѣтаетъ имущество собственными трудами. На практикѣ подобные случаи будутъ, безъ сомнѣнія, рѣдкими исключеніями.

Получая средства отъ личнаго труда, должникъ не вправе требовать пособія изъ имущества, поступившаго въ конкурсную массу, что для большей ясности слѣдуетъ оговорить въ ст. 7, подъ условіемъ, конечно, что текстъ ст. 6 дополненъ указаннымъ выше правиломъ относительно назначенія содержанія изъ имущества, поступившаго въ конкурсную массу.

Конкурсными кредиторами по ст. 8 называются кредиторы по возникшимъ до открытія несостоятельности имущественнымъ долгамъ, не подлежащимъ отдѣльному отъ конкурса удовлетворенію. Слово „имущественнымъ“ едва ли не излишнее, потому что и безъ того понятно—какіе долги.

Въ ст. 13 проектируется правило о приостановленіи производствомъ, вслѣдствіе открытія несостоятельности, всѣхъ судебныхъ дѣлъ, касающихся конкурсной массы, а въ ст. 14 говорится о возобновленіи дѣлъ о присужденіи имущества по искамъ, начатымъ несостоятельнымъ должникомъ, и по искамъ противъ него, насколько послѣдніе иски основаны на долгахъ, не подлежащихъ заявленію въ порядкѣ конкурснаго производства.

Послѣднюю 14 статью, выражающую общее правило возобновленія всякаго рода исковыхъ дѣлъ, слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, изложить короче, въ болѣе общихъ выраженіяхъ, а главное замѣнить слово „на долгахъ“ выраженіемъ „на претензіяхъ“, такъ какъ подъ „исками, основанными на долгахъ“, можно подразумѣвать лишь иски по долговымъ обязательствамъ, между тѣмъ какъ къ несостоятельному могли быть предъявлены и иски о вещномъ правѣ на имущество. Если бы статья эта была изложена, примѣрно, въ такихъ выраженіяхъ: „дѣла по искамъ, предъявленнымъ должникомъ, и по искамъ, предъявленнымъ противъ него, насколько сіи послѣдніе иски основаны на претензіяхъ, не подлежащихъ заявленію въ порядкѣ конкурснаго производства, могутъ быть возобновлены по просьбѣ конкурснаго попечителя или противной стороны“, то, по нашему мнѣнію, она нисколько не поте-

рля бы въ своей ясности. Вторую часть ст. 14 о томъ, что „въ случаѣ отказа конкурснаго попечителя отъ возобновленія дѣла по иску о присужденіи имущества въ пользу конкурсной массы, начатому несостоятельнымъ должникомъ, о возобновленіи дѣла вправѣ просить самъ несостоятельный должникъ“, слѣдовало бы также изложить короче, хотя бы такъ: „въ случаѣ отказа конкурснаго попечителя отъ возобновленія дѣла по иску, начатому несостоятельнымъ должникомъ, о возобновленіи дѣла вправѣ просить самъ несостоятельный должникъ“.

По ст. 15 „конкурсные кредиторы могутъ требовать удовлетворенія лишь въ порядкѣ конкурснаго производства“, а по ст. 16 „впредь до прекращенія дѣла о несостоятельности, не допускается ни ареста, ни взысканія съ имущества, принадлежащаго къ конкурсной массѣ, въ пользу отдѣльныхъ конкурсныхъ кредиторовъ“.

Послѣдняя 16 статья въ настоящей редакціи представляется совершенно излишнею, потому что ст. 15 безусловно исключаетъ возможность какъ предъявленія исковъ въ общемъ, помимо конкурснаго, порядкѣ, такъ и взысканій по искамъ уже присужденнымъ, а слѣдовательно и возможность ареста имущества, поступившаго въ конкурсную массу, какъ въ обезпеченіе иска, такъ и въ обезпеченіе взысканія. Такимъ образомъ ст. 16, выражающая въ сущности тоже положеніе, что и ст. 15, должна быть совсѣмъ исключена изъ проекта.

Что касается указаннаго въ ст. 16 изъятія, состоящаго въ томъ, что „взысканіе по исполнительнымъ листамъ, выданнымъ до публикаціи объ открытіи несостоятельности должника, не останавливается, но всѣ взысканныя и еще до публикаціи не переданныя взыскателю суммы представляются въ конкурсный судъ и обращаются въ конкурсную массу“, то это, собственно говоря, не есть изъятіе изъ правила упомянутой статьи, потому что и въ этомъ случаѣ взысканіе производится также не въ пользу конкурснаго кредитора, а въ пользу конкурсной массы.

Если вникнуть въ смыслъ этого положенія, заимствованнаго цѣликомъ изъ ст. 12 дѣйствующихъ нынѣ правилъ производства въ окружномъ судѣ дѣлъ о несостоятельности (прилож. VI къ ст. 1400, примѣч. уст. гражд. суд.), то окажется, что выраженное въ немъ изъятіе состоитъ не въ томъ, что взысканными деньгами не вправѣ воспользоваться тотъ кредиторъ, которымъ взысканіе было начато, ибо это прямо вытекаетъ изъ предъидущихъ 6, 8 и 15

15 статей проекта, а въ томъ, что взысканіе по исполнительнымъ листамъ, выданнымъ до публикаціи объ открытіи несостоятельности должника, не приостанавливается. Съ этой точки зрѣнія рассматриваемое положеніе является изъятіемъ изъ правила не 16 статьи, а 13, которая говоритъ о приостановленіи судебныхъ дѣлъ вслѣдствіе открытія несостоятельности.

Слѣдуетъ замѣтить, что редакція ст. 12 прилож. къ ст. 1400 уст. гражд. суд., а слѣдовательно и ст. 16 проекта по настоящему вопросу не можетъ считаться удовлетворительною. Статья эта установлена, какъ извѣстно, въ видахъ соблюденія интересовъ конкурсной массы. Между тѣмъ нерѣдко случается на практикѣ, что для конкурсныхъ кредиторовъ гораздо выгоднѣе, если взысканіе не только приостанавливается, но и вовсе прекращается, такъ какъ въ подобномъ случаѣ въ конкурсную массу поступитъ самое имѣніе должника, а не деньги, какія будутъ выручены отъ продажи онаго.

Поэтому, казалось бы, что и взысканія по исполнительнымъ листамъ должны быть подчинены, говоря вообще, правилу ст. 13 проекта, причемъ вопросъ о дальнѣйшемъ производствѣ или о совершенномъ прекращеніи взысканія долженъ зависѣть, точно также какъ вопросъ о возобновленіи исковаго дѣла, отъ конкурснаго попечителя. Обязательное приостановленіе взысканій безусловно полезно для конкурсной массы, потому что оно даетъ возможность конкурсному попечителю, во 1-хъ, ознакомиться съ исполнительнымъ производствомъ, а во 2-хъ, посоветоваться съ еѣмъ слѣдуетъ относительно дальнѣйшаго направленія его. Право же прекращенія взысканія можетъ быть въ крайнемъ случаѣ ограничено развѣ только тѣмъ моментомъ исполненія, когда уже сдѣланы установленнымъ порядкомъ публикаціи о продажѣ имѣнія.

По этимъ соображеніямъ правильнѣе было бы, какъ кажется, совсѣмъ исключить постановленіе ст. 16 проекта относительно взысканія по исполнительнымъ листамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ изложить ст. 13 и 14 такъ, чтобы въ нихъ предусматривалось приостановленіе и возобновленіе взысканій по исполнительнымъ листамъ.

Ст. 18 подчиняетъ дѣла о несостоятельности вѣдомству окружнаго суда съ такимъ изъятіемъ, что маловажныя дѣла, по коимъ сумма долговъ не превышаетъ 5000 руб., вѣдаются мировыми судьями, если притомъ дѣла эти возникаютъ внѣ города, гдѣ есть окружный судъ.

Хотя и желательно было бы отнести маловажныя дѣла о не-

состоятельности къ вѣдомству мировыхъ судей, но примѣненіе проектированнаго правила на практикѣ будетъ сопряжено, какъ это легко предвидѣть, съ большими затрудненіями, главнымъ образомъ, потому, что подсудность сихъ дѣлъ мировымъ судьямъ опредѣляется такимъ условіемъ, „если сумма долговъ не превышаетъ 5000 руб.“, которое, по желанію должника или кредиторовъ, можетъ быть устранено во всякое время.

Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только должнику сказать, что долговъ у него болѣе 8000 рублей, или любому конкурсному кредитору заявить претензію, которая вмѣстѣ съ заявленными уже долгами составитъ болѣе 8000 рублей, чтобы мировой судья призналъ дѣло себѣ неподсуднымъ и передалъ таковое *ipso jure* въ мѣстный окружный судъ. А такъ какъ производство даже самаго простаго дѣла о несостоятельности отнять у мирового судьи не мало времени, то можно ожидать, что многіе мировые судьи будутъ хвататься за всякое указаніе на неподсудность, какъ за якорь спасенія, и передавать дѣла о несостоятельности въ окружный судъ. Съ своей стороны и окружные суды неохотно будутъ принимать такіа дѣла къ производству. По этой причинѣ можно ожидать постоянныхъ пререканій между мировыми судьями и окружными судами, если только у послѣднихъ не будетъ отнято право возбужденія вопроса о неподсудности имъ дѣлъ, переданныхъ мировыми судьями. Въ виду однихъ этихъ соображеній можно сомнѣваться въ практической пользѣ проектируемаго измѣненія въ подсудности маловажныхъ дѣлъ о несостоятельности.

Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ будетъ введено положеніе 12 іюля 1890 года о земскихъ участковыхъ начальникахъ, всѣ дѣла о несостоятельности можно бы было, безъ особыхъ затрудненій, подчинить вѣдѣнію уѣздныхъ членовъ окружнаго суда.

Допуская, совершенно основательно, переводъ дѣла о несостоятельности въ окружный судъ по мѣсту постоянного жительства несостоятельнаго должника, проектъ въ ст. 25 исключаетъ изъ этого правила дѣла маловажныя. По нашему мнѣнію, слѣдовало бы допустить переводъ и маловажныхъ дѣлъ, въ виду однородности причинъ, а также пользы и удобства для сторонъ, когда ликвидація дѣлъ должника производится по мѣсту постоянного его жительства, а слѣдовательно по мѣсту нахождения его имущества.

Въ ст. 34 проектируется правило, по которому двухнедѣльный срокъ на принесеніе жалобъ исчисляется со дня объявленія обжа-

ловаянаго постановленія, „за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, для коихъ въ семь уставѣ указанъ иной способъ исчисленія срока на принесеніе жалобъ“.

Желательно было бы, чтобы указанное правило не допускало никакихъ исключеній, тѣмъ болѣе, что существенной надобности въ нихъ не представляется.

Постановляя правило о томъ, что несостоятельность должника открывается, если онъ окажется неоплатнымъ (ст. 36), а несостоятельность торговая, сверхъ того, и въ случаѣ неспособности должника къ платежу своихъ долговъ (ст. 275), проектъ указываетъ признаки неоплатности, руководствуясь при этомъ какъ дѣйствующими законами, такъ и примѣромъ англійскаго конкурснаго устава.

По нашему мнѣнію, перечисленіе въ проектируемомъ уставѣ о несостоятельности признаковъ неоплатности—нежелательно. Мнѣніе это мы основываемъ на тѣхъ же соображеніяхъ, изложенныхъ на стр. 120 объясн. записки къ проекту, по которымъ всѣ новѣйшія иностранныя законодательства (за исключеніемъ англійскаго) не указываютъ вовсе въ своихъ конкурсныхъ уставахъ признаковъ неоплатности.

Эти, такъ называемые, признаки несостоятельности суть законныя предположенія, не устраниющія возможности представленія доказательствъ противнаго. Ихъ правильнѣе было бы назвать доказательствами, сила и значеніе которыхъ должны быть обсуждаемы на основаніи правилъ исковаго производства, что допускается и проектомъ, какъ это видно изъ ст. 41, 42 и 278. Поэтому, даже съ точки зрѣнія проекта перечисленіе признаковъ несостоятельности представляется излишнимъ.

Въ частности, по отношенію къ первому признаку неоплатности должника, „если должникъ, до возбужденія дѣла объ открытіи его несостоятельности предъ судомъ или внѣ суда, учинить признаніе въ неоплатности своей“—нельзя не замѣтить, что признаніе предъ судомъ, конечно, лучшее доказательство, не требующее дальнѣйшихъ доказательствъ. Но это—общее правило исковаго производства (ст. 480 уст. угол. суд. и 276 зак. суд. гражд.), которое примѣняется по ст. 27 проекта и къ дѣламъ о несостоятельности.

Что касается признанія, выраженнаго внѣ суда, то оно должно быть кредиторомъ доказано, опять-таки, на основаніи правилъ исковаго производства (ст. 479 уст. гражд. суд. и 278 ст. зак. о

судопр. гражд.); слѣдовательно и этотъ видъ признанія не представляетъ въ конкурсныхъ дѣлахъ никакихъ особенностей сравнительно съ признаніемъ по дѣламъ исковымъ.

По изложеннымъ соображеніямъ не усматривается никакихъ оснований для перечисленія въ проектѣ устава о несостоятельности признаковъ неоплатности.

Перечисленіе признаковъ неоплатности, какъ условій возбужденія дѣла о несостоятельности даже въ видахъ охраненія интересовъ должника, могущихъ пострадать отъ неосновательнаго возбужденія дѣла о его несостоятельности, такъ какъ правило ст. 39 и 277, по которому просьба кредитора объ открытіи несостоятельности должника „принимается судомъ къ производству лишь въ томъ случаѣ“, когда она подтверждена „достаточными доказательствами“, вполне гарантируетъ должника отъ неосновательныхъ требованій кредиторовъ объ открытіи несостоятельности.

Если согласиться съ тѣмъ, что перечисленіе признаковъ несостоятельности представляется излишнимъ, то въ такомъ случаѣ придется исключить изъ ст. 39 выраженія: „или о наличности указываемаго просителемъ признака неоплатности“.

Ст. 37, по которой „дѣло о несостоятельности можетъ быть возбуждено не иначе какъ по просьбѣ самого должника или кого-либо изъ его кредиторовъ“, редактирована въ смыслѣ, недопускающемъ никакого исключенія, ибо выраженія „не иначе какъ по просьбѣ“ устраняютъ всякую возможность открытія несостоятельности помимо просьбы, а между тѣмъ открытіе несостоятельности торговой допускается проектомъ, и вполне основательно, по инициативѣ самого суда, безъ всякой просьбы. Поэтому правило ст. 37 слѣдовало бы выразить въ другой формѣ, хотя бы такъ:

„Объ открытіи несостоятельности можетъ просить какъ должникъ, такъ и каждый изъ конкурсныхъ его кредиторовъ“.

По ст. 38 должникъ, возбуждающій дѣло о своей несостоятельности, обязанъ представить суду списокъ своихъ должниковъ и кредиторовъ, „съ означеніемъ имени и мѣста жительства каждаго изъ сихъ послѣднихъ“. Въ отношеніи редакціи этой статьи было бы полезно сдѣлать слѣдующее измѣненіе: или 1) послѣ слова „съ обозначеніемъ“ прибавить „званія, имени, отчества и фамиліи или прозвища“, или 2) совершенно исключить слово „имени“.

Замѣчаніе это касается и ст. 276.

Проектированное въ 44 ст. правило о томъ, что „если имѣю-

щаяся въ виду суда масса оказывается недостаточною для покрытия предстоящихъ издержекъ конкурснаго производства, то судъ отказываетъ въ просьбѣ объ открытіи несостоятельности должника“, слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, дополнить такимъ условіемъ: „и если кредиторы не внесутъ необходимой для этого суммы денегъ“, то судъ и т. д.

Отказывать въ открытіи несостоятельности за недостаткомъ имущества должника на покрытие расходовъ въ томъ случаѣ, когда кредиторы вносятъ на этотъ предметъ деньги въ правомъ, конечно, получить ихъ сполна въ послѣдствіи изъ конкурсной массы, — нѣтъ достаточнаго основанія, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ кредиторы рассчитываютъ розыскать имущество должника на удовлетвореніе своихъ претензій.

Замѣчаніе это касается и ст. 231 проекта, по которой производство дѣла о несостоятельности прекращается, коль скоро окажется, что имѣющаяся въ виду суда конкурсная масса недостаточна для покрытия издержекъ дальнѣйшаго производства.

Въ объявленіи объ открытіи несостоятельности слѣдовало бы означать и званіе должника, а также фамилію судьи — комиссара, котораго можно было назвать „членомъ суда — докладчикомъ“, и конкурснаго попечителя (ст. 48 п. 2 и 3).

По ст. 49 объявленіе о несостоятельности доставляется кредиторамъ и должникамъ несостоятельнаго, мѣстожителство которыхъ суду извѣстно, при повѣсткѣ. Если принять способъ сношенія органовъ конкурснаго процесса со сторонами посредствомъ почты, заказными письмами (ст. 32), то повѣстка въ данномъ случаѣ — бумага безцѣльная. Сообразно съ этимъ слѣдовало бы измѣнить редакцію 49 статьи.

Относительно назначенія конкурснаго попечителя ст. 57 принимаетъ въ сущности дѣйствующее нынѣ въ окружныхъ судахъ правило о назначеніи присяжныхъ попечителей (ст. 10 прилож. къ ст. 1400 уст. гражд. суд.).

Жалательно было бы, чтобы при этомъ принято было во вниманіе и встрѣчающееся на практикѣ затрудненіе при примѣненіи этого закона, состоящее въ томъ, что по мелкимъ дѣламъ о несостоятельности, когда нельзя ожидать вознагражденія, сообразнаго труду присяжнаго попечителя, не оказывается обыкновенно желающихъ исполнять обязанности попечителя.

Систематическое уклоненіе присяжныхъ повѣренныхъ отъ этой

обязанности вызвало, какъ извѣстно, даже разъясненіе со стороны сената (рѣш. общ. собр. кас. деп. 1886 г. № 34), признававшего, что присяжные повѣренные не вправе отказываться отъ обязанностей присяжнаго попечителя по дѣламъ о несостоятельности. Хотя такое разъясненіе и несогласно съ буквою закона, но для цѣлей правосудія оно было необходимо.

Даже съ изданіемъ такого правила, какое проектируется относительно вознагражденія конкурснаго попечителя (ст. 67) по усмотрѣнію суда, не стѣсняясь какимъ либо законнымъ предѣломъ вознагражденія, труды конкурснаго попечителя по нѣкоторымъ дѣламъ о несостоятельности не могутъ быть вознаграждены въ достаточной степени, ибо для этого пришлось бы иногда выдать попечителю все, что выручено изъ имущества, поступившаго въ конкурсную массу.

Въ виду этихъ соображеній не мѣшало бы прибавить въ ст. 57, что „присяжные и частные повѣренные назначаются по очереди и не вправе отказываться безъ достаточныхъ основаній“.

Кромѣ того, вмѣсто словъ: „конкурснымъ попечителемъ можетъ быть назначено только лицо, изъявившее письменное на то согласіе“,—лучше было бы, по нашему мнѣнію, постановить, что „отказъ отъ званія конкурснаго попечителя можетъ быть заявленъ лишь въ теченіи двухъ дней“.

Эта редакція предполагаетъ слѣдующую процедуру назначенія конкурснаго попечителя: одновременно съ открытіемъ несостоятельности и въ томъ же опредѣленіи, какъ это требуется и 46 статьею проекта, судъ назначаетъ конкурснаго попечителя, согласіе котораго, если оно не было выражено до засѣданія письменно или въ засѣданіи, хотя бы словесно (о чемъ должно быть записано въ протоколѣ судебного засѣданія), предполагается. Если въ теченіи двухъ дней лицо, назначенное на должность конкурснаго попечителя, категорически заявитъ, что оно не желаетъ принять на себя обязанности попечителя, и заявленіе его будетъ признано судомъ уважительнымъ, то судъ, въ отмѣну своего опредѣленія, по измѣнившимся обстоятельствамъ, назначить другаго попечителя, что, безъ сомнѣнія, будетъ случаться не часто.

Редакція же разсматриваемой статьи проекта предполагаетъ, что судъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ долженъ будетъ предварительно войти въ сношеніе съ лицомъ, намѣченнымъ въ попечители, чтобы заручиться его согласіемъ, а такъ какъ опредѣле-

ніе о назначеніи попечителя постановляется, какъ уже замѣчено, одновременно съ опредѣленіемъ объ открытіи несостоятельности, то переписка по вопросу объ истребованіи согласія отъ предполагаемаго попечителя должна происходить до разрѣшенія вопроса о несостоятельности; слѣдовательно, можетъ оказаться совершенно безцѣльною (кромѣ преждевременности) въ томъ случаѣ, если въ объявленіи несостоятельности будетъ судомъ отказано.

Ст. 58 п. 2 предполагаетъ не назначать конкурсными попечителями лицъ, состоящихъ съ несостоятельнымъ въ родствѣ или свойствѣ до 4 степени включительно. Свойство можно было бы ограничить тремя степенями, примѣняясь къ постановленію относительно нотариусовъ (ст. 75 полож. о нотар. части), или даже двумя, какъ постановлено по отношенію къ судебнымъ приставамъ (ст. 324 учр. суд. уст.).

Для устраненія возможнаго недоразумѣнія по вопросу о порядкѣ наложенія проектируемаго въ ст. 66 взысканія съ конкурснаго попечителя, желательно было бы прибавить въ этой статьѣ: судъ можетъ подвергать конкурснаго попечителя, „въ порядкѣ дисциплинарнаго производства“, денежнымъ взысканіямъ....

Созывать общее собраніе кредиторовъ удобнѣе было бы представить не суду, какъ предполагается по ст. 75, а судѣ-комисару.

По ст. 93 п. 3 недействительными признаются распоряженія, „совершенныя должникомъ послѣ заявленія суду просьбы объ открытіи его несостоятельности, или въ теченіи послѣднихъ десяти дней до наступленія сего событія . . . . , если кредиторъ не докажетъ, что онъ во время полученія такого удовлетворенія или обезпеченія не зналъ о заявленіи суду просьбы объ открытіи несостоятельности должника“.

Въ редакціи этой статьи замѣчается недомолвка въ томъ отношеніи, что изъ смысла послѣднихъ словъ не видно, что именно долженъ доказать кредиторъ, получившій удовлетвореніе за 10 дней до заявленія просьбы объ открытіи несостоятельности, если онъ будетъ опровергать искъ конкурснаго попечителя? Очевидно, что заявленіе просьбы объ открытіи несостоятельности въ данномъ случаѣ не имѣетъ значенія, какъ событіе, происшедшее не до, а послѣ полученія удовлетворенія или обезпеченія. Примѣняясь къ германскому конкурсному уставу (ст. 23 п. 2), въ которомъ содержится аналогичное правило относительно распоряженій должника, слѣдовало бы конецъ 3 п. 93 ст. проекта изложить такъ:

„если кредиторъ не докажетъ, что онъ во время полученія такого удовлетворенія или обезпеченія не зналъ: въ первомъ случаѣ—о заявленіи суду просьбы объ открытіи несостоятельности должника, а во второмъ—объ умыслѣ должника причинить ущербъ прочимъ кредиторамъ“.

Постановляя, что опись и оцѣнка имущества должна производиться по правиламъ устава гражданского судопроизводства, статья 148 указываетъ изъятіе для недвижимаго имущества, которое должно быть описано и оцѣнено „по имѣющимся въ виду документамъ“. Исключеніе это можетъ оказаться на практикѣ неудобноисполнимымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда подходящихъ документовъ вовсе не окажется.

По ст. 150 проекта несостоятельный должникъ приводится къ присягѣ по представленіи конкурснымъ попечителемъ баланса. По нашему мнѣнію, лучше было приводить должника къ присягѣ не послѣ составленія баланса, а послѣ открытія его несостоятельности, какъ это дѣлается и въ настоящее время въ коммерческихъ судахъ.

Въ статьѣ 158 сказано, что „въ первомъ общемъ собраніи кредиторовъ конкурсный попечитель обязанъ представить свѣдѣнія о причинахъ упадка должника ....“ Первое общее собраніе созывается не далѣе какъ чрезъ мѣсяцъ по объявленіи несостоятельности (ст. 46 п. 4) для избранія конкурснаго попечителя и комитета кредиторовъ, слѣдовательно предусматриваемое въ ст. 158 общее собраніе уже не будетъ *первымъ*.

Такъ какъ повѣстки предполагается доставлять по почтѣ заказными письмами (ст. 32), то нѣтъ основанія требовать, чтобы участвующія въ дѣлѣ лица заявляли мѣстожительства въ предѣлахъ конкурснаго суда и нѣтъ цѣли оставлять, какъ это предполагаетъ ст. 163 проекта, повѣстки въ канцеляріи суда.

По ст. 170 для повѣрки долговъ, заявленныхъ по истеченіи назначеннаго срока, если повѣрка ихъ не состоялась въ первомъ общемъ собраніи (ст. 168), назначается особое общее собраніе кредиторовъ, съ отнесеніемъ сопряженныхъ съ тѣмъ издержекъ на счетъ кредиторовъ, несвоевременно заявившихъ о причитающихся имъ долгахъ.

Къ этой статьѣ слѣдовало бы прибавить, что „деньги на расходы (публикаціи) должны быть представлены тѣми кредиторами въ назначенный судомъ (лучше судьей-комисаромъ) срокъ“, ибо, въ

противномъ случаѣ, невозможно будетъ назначить общее собраніе. Изъ конкурсной массы деньги на этотъ предметъ не могутъ быть позаимствованы, съ условіемъ вычета впослѣдствіи изъ дивиденда тѣхъ кредиторовъ, потому что можетъ случиться, что кредиторы эти ничего не получаютъ.

Недѣльный срокъ на заявленіе возраженія противъ составленной конкурснымъ попечителемъ смѣты распредѣленія между кредиторами дивиденда считается, по ст. 188 проекта, со времени представленія въ канцелярію суда конкурснымъ попечителемъ смѣты. Начало этого срока будетъ для кредиторовъ неизвѣстно, потому что время представленія смѣты не опредѣляется какимъ либо напередъ назначеннымъ, положимъ, въ публикаціи срокомъ. Поэтому слѣдовало бы въ публикаціи назначать и то число, когда смѣта будетъ представлена въ судъ. Кромѣ того, въ виду удобства оповѣщенія кредиторовъ заказными письмами, полезно было бы объявить кредиторамъ и этимъ путемъ какъ о предстоящей раздачѣ дивиденда, такъ и о времени представленія смѣты въ канцелярію суда.

Правило ст. 189 о томъ, что опредѣленіе суда, постановленное по возраженіямъ, заявленнымъ противъ смѣты, передается въ канцелярію суда для обозрѣнія со стороны участвующихъ лицъ, представляется едва ли не излишнимъ въ виду правилъ производства гражданскихъ дѣлъ, на основаніи которыхъ (правилъ) лица, участвующія въ дѣлѣ, могутъ обозрѣвать во всякое время акты производства.

Кромѣ того, предполагаемое этою статьею исчисленіе срока съ того дня, когда опредѣленіе было передано въ канцелярію суда, также неудобно. Срокъ слѣдовало бы исчислять по общему правилу, выраженному въ ст. 34 проекта. Вводить измѣненіе въ этомъ отношеніи—нѣтъ ни цѣли, ни основанія.

Для невключенія по ст. 190 въ смѣту спорнаго долга, основаннаго на судебномъ рѣшеніи, недостаточно удостовѣренія объ отказѣ судомъ въ удовлетвореніи; необходимо, конечно, удостовѣреніе въ томъ, что рѣшеніе суда по этому вопросу вступило въ законную силу.

Ст 195 проекта, постановляя, что чеки или ассигновки выдаются кредитору не иначе какъ по предъявленіи подлиннаго документа, на которомъ долгъ основанъ, или подлежащей выписи изъ таблицы долговъ, предполагаетъ, что подлинныя документы,

послѣ повѣрки ихъ, возвращаются кредиторамъ (о чемъ однако въ ст. 172 проекта ничего не постановлено и по ст. 162 не требуется представленія подлинныхъ документовъ). Такъ какъ право каждаго кредитора на полученіе опредѣленнаго дивиденда удостоверяется табелью долговъ и смѣтою, которыя находятся въ рукахъ попечителя, а полученіе дивиденда—роспискою кредитора на табели долговъ, то необходимость представленія кредиторомъ подлиннаго документа предполагается установить развѣ только съ цѣлью удостовѣренія самоличности кредитора. Если такова цѣль этого правила, то нельзя не замѣтить, что по дѣйствующимъ нынѣ кассовымъ правиламъ самоличность тѣхъ лицъ, которымъ выдаются ассигновки, можетъ быть удостовѣрена и другими способами, болѣе удобными для получателей ассигновокъ.

Статья 208 предусматриваетъ условія принятія судомъ къ производству предложенія о мировой сдѣлкѣ, а ст. 209—передачу принятаго судомъ къ производству предложенія на заключеніе комитета кредиторовъ.

Для сокращенія времени и переписки, удобнѣе было бы, проводя предположеніе конкурсному попечителю съ цѣлью представленія ему и комитету кредиторовъ возможности заявить ходатайство о непринятіи предложенія, потребовать вмѣстѣ съ тѣмъ заключеніе комитета кредиторовъ (если онъ учрежденъ) по содержанію предложенія, если таковое, по мнѣнію его и конкурснаго попечителя, будетъ подлежать принятію.

Назначеніе дня общаго собранія кредиторовъ для разсмотрѣнія по ст. 210 мировой сдѣлки удобнѣе было бы предоставить судья-комисару.

Публикація о днѣ засѣданія суда, которую предполагаетъ ст. 214—излишняя формальность, въ виду публикаціи о созывѣ общаго собранія кредиторовъ для разсмотрѣнія мировой сдѣлки. Во всякомъ случаѣ способъ оповѣщенія кредиторовъ чрезъ публикаціи—стоитъ слишкомъ дорого, особенно для незначительной конкурсной массы; поэтому публиковать въ газетахъ слѣдуетъ лишь въ случаяхъ крайней необходимости.

Постановленіе 215 статьи о томъ, что опредѣленіе суда объ утвержденіи мировой сдѣлки или объ отказѣ въ утвержденіи оной „провозглашается судомъ“, а также, что „срокъ на принесеніе жалобы исчисляется со времени провозглашенія судомъ опредѣ-

ленія“, слѣдовало бы исключить въ виду изложеннаго выше замѣчанія на ст. 34.

Если исключить эти слова изъ ст. 215, то въ текстѣ ея останется правило о томъ, что „опредѣленіе объ утвержденіи мировой сдѣлки или объ отказѣ въ утвержденіи оной можетъ быть обжаловано какъ несостоятельнымъ должникомъ, такъ и каждымъ конкурснымъ кредиторомъ втораго разряда, за которымъ признано право голоса“.

Примѣняясь къ венгерскому конкурсному уставу (ст. 219), было бы цѣлесообразнѣе предоставить право на обжалованіе опредѣленія конкурснаго суда объ утвержденіи мировой сдѣлки только тѣмъ кредиторамъ втораго разряда, которые не изъявили положительнаго согласія на мировую сдѣлку; на обжалованіе же опредѣленія объ отказѣ въ утвержденіи—только тѣмъ кредиторамъ, кромѣ несостоятельнаго должника, которые прямо не возражали противъ принятія мировой сдѣлки.

А. Маттель.

По поводу ст. 138 уст. гражд. судопр.

У одного изъ мировыхъ судей Кіевской губерніи разбиралось въ августѣ минувшаго 1889 года слѣдующее дѣло. Къ гор. Черкасамъ приплыло болѣе десятка плотовъ лѣснаго матеріала, купленнаго какимъ то кіевскимъ лѣсопромышленникомъ въ Полѣсьи и сплавленнаго имъ внизъ по р. Днѣпру для распродажи по дорогѣ, гдѣ случится, за болѣе или менѣе сходную цѣну. Прикащикомъ этого лѣсопромышленника евреемъ Певзнеромъ няято было для сплава этихъ плотовъ около ста человѣкъ изъ крестьянъ различныхъ селеній Могилевской и Минской губерній. Въ письменномъ договорѣ объ этомъ сплавѣ, заключенномъ домашнимъ порядкомъ, значилось, что рабочіе нанимаются Певзнеромъ, но плата должна имъ слѣдовать отъ хозяина сплавленнаго товара купца П ....; расчетъ съ рабочими назначался тамъ, гдѣ матеріалъ будетъ проданъ весь, но если бы онъ не былъ распроданъ весь выше гор. Кременчуга или Екатеринослава, то, во всякомъ случаѣ, по требованію рабочихъ, окончательный расчетъ долженъ быть произведенъ въ гор. Кременчугѣ или Екатеринославѣ, гдѣ пожелаютъ. Харчи, т. е. продовольствіе въ пути, долженъ былъ имъ доставлять прика-

щикъ. Когда матеріалъ этотъ проходилъ мимо Кіева, часть его продана была двумъ другимъ купцамъ Ф—гу и Ч—му и должна была быть передана имъ или ихъ повѣреннымъ въ гор. Черкасахъ. Всѣ рабочіе явились къ мировому судѣ съ жалобою, что приказчикъ прекратилъ выдачу имъ харчей, не далъ имъ денегъ на кормъ, самъ скрылся неизвѣстно куда и они, не получая ни пищи, ни разчета, не могутъ слѣдовать далѣе внизъ по р. Днѣпру съ остающимися плотами и просятъ о розысканіи виновнаго и о взысканіи съ него причитающейся каждому изъ нихъ до гор. Черкасъ платы, объявивъ при этомъ, что далѣе сплавать матеріалъ они не намѣрены и что искъ свой (въ общей суммѣ около 1700 руб.) они предъявляютъ къ приказнику, еврею Певзнеру, такъ какъ съ нимъ лишь договаривались о сплавѣ плотовъ, отъ него получили задатки, а самаго хозяина плотовъ они не знаютъ, не видѣли и никакого дѣла съ нимъ имѣть не желаютъ. До прибытія въ Черкасы приказчикъ былъ съ ними на плотахъ, но въ Черкасахъ, отлучившись отъ нихъ, болѣе не возвращается къ нимъ уже нѣсколько дней и они его нигдѣ отыскать не могутъ. Рабочіе всѣ неграмотные; пять или шесть человѣкъ изъ нихъ умѣли только кое какъ подписать свои фамиліи; жалобу мировому судѣ заявили словесно. Въ иномъ случаѣ судья, на основаніи закона о подсудности дѣла, по суммѣ иска, не принялъ бы ихъ просьбы, но при изложенныхъ обстоятельствахъ, гдѣ до ста человѣкъ чернорабочихъ, въ далекомъ, чужомъ городѣ, брошенные на произволъ нанимателемъ, остаются безъ корма и денегъ, этого нельзя было сдѣлать, а надо было такъ или иначе удовлетворить ихъ просьбу. Судья принялъ къ своему производству этотъ искъ въ видѣ четырехъ отдѣльныхъ исковъ, каждый на сумму менѣе 500 рублей, записавъ всѣ исковыя требованія рубочихъ въ четыре отдѣльные протокола. Разбирательство назначено было черезъ два дня и Певзнеру посланы были вызывныя повѣстки. Не смотря на розыски со стороны полиціи, Певзнеръ не былъ найденъ и повѣстки возвращены были къ дѣламъ неврученными. Разсмотрѣніе дѣла, ради соблюденія формальности, было отложено еще на три дня, но и это ни къ чему не привело: отвѣтчикъ не былъ отысканъ и повѣстки на его имя были оставлены въ томъ постояломъ дворѣ, въ которомъ онъ прежде, по обыкновенію, останавливался. Мировой судья разрѣшилъ дѣло заочно, нашелъ иски основательными, доказанными, обезпечилъ присужденное взысканіе наложеніемъ ареста

ж. гр. и уг. пр. кн. VII 1890 г.

2

на плоты и выдалъ истцамъ исполнительные листы. Но это была одна формальность, нисколько не облегчающая рабочихъ. Прикащикъ продолжалъ скрываться и посланныя чрезъ полицію копіи рѣшеній при повѣсткахъ на его имя вновь оставлены были хозяину того же постоялаго двора. Возникалъ вопросъ—что затѣмъ дѣлать?—не доводить же до крайности голодныхъ, оборванныхъ рабочихъ, оставшихся безъ всякихъ средствъ и возможности отысканія себѣ гдѣ либо работы. Они стали бродить по городу толпами, съ угрозами распорядиться по своему съ Певзнеромъ или хозяевами плотовъ, если ихъ гдѣ нибудь отыщутъ, чѣмъ ужасно напугали еврейское населеніе города; мѣстные евреи серьезно начали опасаться новаго погрома, тѣмъ болѣе, что свои чернорабочіе на лѣсныхъ складахъ по берегу р. Днѣпра, такъ называемые въ гор. Черкасахъ „босяки“, „босая команда“, выслушивая жалобы „лопацонтовъ“ (литвиновъ), выражались будто: „что вы имъ смотрите въ зубы (евреямъ)?! Начинайте, а мы васъ поддержимъ!“ Положеніе мирового судьи было тяжело. Въ приднѣпровскихъ городахъ, какъ и вообще въ городахъ по теченію судоходныхъ рѣкъ, у мировыхъ судей всякое лѣто возникаетъ не мало дѣлъ по спорамъ и искамъ нанимателей съ рабочими по судоходству или сплаву лѣса; дѣла эти разрѣшаются обыкновенно тутъ же на мѣстѣ, въ самый день жалобы или на другой день; но въ Черкасахъ не бывало еще случая, чтобы отвѣтчикъ не явился на судъ и чтобы вызывная повѣстка или заочное рѣшеніе не могли быть ему вручены. Истцы стали требовать немедленной продажи въ ихъ пользу арестованныхъ плотовъ. Какъ ни основательно и какъ ни справедливо было такое требованіе ихъ, но оно не было законно, такъ какъ заочныя рѣшенія, не вошедшія въ законную силу, не могутъ быть приводимы въ исполненіе. Съ другой стороны, истцы-рабочіе были поставлены въ такое положеніе, что могли рѣшиться на что угодно, хотя бы и на открытые грабежи. Необходимо было придумать выходъ изъ этого положенія. Мировой судья рѣшился, въ нарушеніе ст. 156 и 138 уст. гражд. суд., подвергнуть публичной продажѣ половину арестованнаго лѣснаго матеріала, по суммѣ исковъ. Продажа назначена была судебнымъ приставомъ черезъ семь дней. На другой же или на третій день явился изъ гор. Кіева повѣренный отъ купцовъ Ч... и Ф... и просилъ мирового судью о снятіи ареста и объ освобожденіи арестованнаго лѣснаго матеріала отъ продажи, въ той части, какая куплена была купцами

Ч... и Ф... у кievскаго лѣсопромышленника, добавивъ при этомъ, что въ случаѣ продажи имъ будетъ предъявленъ искъ о вознагражденіи за убытки къ самому же мировому судѣ. Адвокатъ, при этой просьбѣ своей, представилъ и письменныя доказательства, что около половины лѣснаго матеріала купилъ его довѣритель. Прикащики купцовъ Ч... и Ф... приняли купленные плоты и размѣстили ихъ вдоль берега рѣки у лѣсныхъ пристаней, но отзывались, что они не уполномочены платить рабочимъ деньги и вообще входить въ какіе бы ни было расчеты съ кѣмъ либо относительно этого лѣса. Мировой судья употребилъ всѣ усилія, чтобы убѣдить повѣренныхъ и прикащиковъ купцовъ Ф... и Ч..., что они могутъ счета свои съ довѣрителями ихъ свести впоследствии, но что необходимо немедленно же рассчитать рабочихъ и отпустить ихъ или, наконецъ, выдавать имъ продовольствіе, и что въ противномъ случаѣ арестованный матеріалъ непремѣнно будетъ проданъ. Послѣ долгихъ размышленій оба повѣренные внесли 1100 р. для немедленной уплаты истцамъ, что и было исполнено въ тотъ же и на другой день, и рабочіе, получившіе полное удовлетвореніе, отправились на родину; но не всѣ; человѣкъ около пятнадцати остались безъ расчета, почему арестъ снятъ былъ не со всего арестованнаго лѣса, а оставлена была для продажи часть его на удовлетвореніе нерасчитанныхъ рабочихъ. Въ день продажи тѣ же повѣренные купцовъ Ч... и Ф... окончательно расквитались и съ этими остальными рабочими и дѣла были окончены. Еще въ дорогѣ до гор. Черкасъ у Певзнера почему-то не хватило денегъ для разныхъ расходовъ въ пути и въ томъ числѣ для харчей рабочимъ. Доѣхавъ до гор. Черкасъ и не имѣя тамъ ни кредита, ни поддержки со стороны Ф... и Ч... (уѣхавшихъ въ гор. Вильно и Москву или Харьковъ), онъ боялся худыхъ послѣдствій отъ такого большаго числа рабочихъ, почему и оставилъ весь лѣсной матеріалъ и ихъ самихъ на произволъ и самъ скрывался до тѣхъ поръ, пока рабочіе не возвратились на родину. Это все фактическая сторона дѣла.

Случай этотъ я изложилъ съ цѣлью указать, въ какое трудное положеніе бываетъ иногда поставленъ судъ ради соблюденія формальностей и благодаря неполнотѣ закона, въ ущербъ справедливости и вообще въ ущербъ тому самому дѣлу, служить которому онъ призванъ. Призывная повѣстка не могла быть вручена отвѣтчику Певзнеру по нерозысканію его; слѣдовательно судья, по закону,

не имѣлъ даже права разбирать дѣла, а тѣмъ болѣе рѣшать ихъ заочно. Но что было бы, если бы онъ объявилъ неграмотной, грубой и голодной толпѣ литвиновъ рабочихъ, доведенныхъ до отчаянія, что онъ не будетъ разбирать ихъ дѣла по какому-то непонятному для нихъ закону,—или предложилъ бы имъ отправиться въ Кіевъ, за 200 верстъ, для предъявленія тамъ въ окружномъ судѣ своего иска, по подсудности?

Неправильно было и предварительное исполненіе невошедшихъ въ законную силу рѣшеній, т. е. продажа лѣснаго матеріала на удовлетвореніе истцовъ. Здѣсь, дѣйствительно, мировой судья рисковалъ своимъ собственнымъ карманомъ на очень чувствительную для него сумму; но не сдѣлай онъ того, что сдѣлалъ, онъ рисковалъ бы гораздо большимъ; не равенъ часъ: сотни голодныхъ и озлобленныхъ, пожалуй и подстрекаемыхъ мѣстными собратами, въ самомъ дѣлѣ могла рѣшиться на насиліе надъ обидчиками или близкими къ нимъ, а затѣмъ достаточно первой вспышки и..... чего добраго, пошли бы припоминать на дѣлѣ минувшіе безпорядки, а по примѣру гор. Черкасъ, какъ по сигналу, насилія могли бы возобновиться и въ другихъ мѣстахъ. Въ концѣ концовъ, кто былъ бы виноватъ? Изъ за чего загорѣлся сыръ боръ? Отвѣтъ оказался бы легокъ и скоръ: 1) евреи, раздражившіе народъ нечаяно ни слѣдуемыхъ рабочимъ по договору денегъ, ни пищи и бросившіе ихъ на произволъ въ чужихъ краяхъ, да 2) мировой судья, неумѣвшій взяться за свое дѣло и вызвавшій этимъ народные безпорядки. Да, такой приговоръ на словахъ очень легокъ, но не такъ легко положеніе мирового судьи, который обязанъ былъ разобраться и дѣйствовать въ тѣсныхъ, узкихъ рамкахъ закона и соблюдать всякія формальности. Въ ст. 138 и 156 уст. гражд. суд. не упоминается о случаѣ, подобномъ данному, гдѣ одна изъ входящихъ въ дѣло сторонъ или обѣ онѣ, въ пути, безъ пищи и всякихъ средствъ къ существованію, гдѣ малѣйшее замедленіе въ исполненіи ихъ законныхъ и справедливыхъ домогательствъ можетъ вызвать всякое насиліе и серьезные безпорядки, особенно когда дѣло съ цѣлою толпою, гдѣ, слѣдовательно, немыслимы и на практикѣ невозможны, по своей безцѣльности, соблюденія всякихъ правилъ и выжиданія сроковъ, установленныхъ на подачу просьбъ о новомъ разборѣ дѣла, на обжалованіе въ сѣздѣ рѣшенія или какого либо распоряженія мирового судьи и т. п. Въ ст. 737 того же устава гражд. судопр. есть п.п. 4 и 5, дающіе нѣкоторый выходъ въ подобныхъ

казусахъ, но и этими правилами мировые судьи не могутъ руководиться въ силу 80 ст. того же устава, такъ какъ, по разъясненіямъ гражд. кассац. департамента правительствующаго сената, такое восполненіе неясности или неполноты закона допускается вовсе не въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ мировомъ уставѣ излагаются точныя, опредѣленные правила относительно извѣстнаго предмета, какъ напримѣръ въ ст. 156 и 138 уст. гражд. суд. Если такъ, то слѣдуетъ признать, что законодатель, устанавливая особенное, исключительное правило въ п.п. 4 и 5 ст. 737 уст. гражд. суд., а не въ 138 ст., т. е. устанавливая это правило не для мировыхъ судей, а лишь для производства въ окружныхъ судахъ, имѣлъ въ виду только одни серьезные случаи на практикѣ, могущіе имѣть мѣсто въ важныхъ, крупныхъ по исковой суммѣ дѣлахъ. Но чѣмъ настоящий случай по дѣлу литвиновъ съ Певзнеромъ уступаетъ другимъ серьезнымъ и большимъ по цѣнѣ иска случаямъ, разрѣшающимся въ окружныхъ судахъ, если бы дѣло было на сумму гораздо менѣе 500 рублей? При однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ исходъ дѣла и всякія послѣдствія могли бы быть одинаковы.

Статью 138 уст. гражд. суд. необходимо дополнить правилами, установленными для окружныхъ судовъ въ п.п. 4 и 5 ст. 737 того же устава, или допустить примѣненіе этихъ послѣднихъ въ производствѣ дѣлъ, подсудныхъ мировому судѣ.

М. Гавриленко.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ОПЕКУНСКИХЪ УСТАНОВЛЕНІЯХЪ ДЛЯ КРЕСТЬЯНЪ.

Въ январской книжкѣ Юридическаго Вѣстника за прошлый годъ, появилась статья г. Змирлова „Опекунскія установленія для крестьянъ по новому проекту“, въ которой авторъ подвергаетъ подробному разсмотрѣнію общія основанія, послужившія редакціонной комисіи по составленію гражданскаго уложенія къ установленію, въ выработанномъ комисіею проектѣ новаго опекунскаго устава, особыхъ правилъ по устройству опекунской части у крестьянъ. Признавая важное значеніе этого вопроса и не соглашаясь съ выводами почтеннаго автора, мы считаемъ долгомъ нѣсколько остановиться здѣсь на этомъ вопросѣ. Хотя окончатель-

ная редакція выработаннаго комисією новаго опекунскаго устава еще не принята, но тѣмъ не менѣе представляется вполне возможнымъ на немъ остановиться, въ виду того, что насъ въ данномъ случаѣ интересуютъ не подробности проекта, а тѣ общія начала, которыя положены въ основу устройства у насъ опекунской части, а особенно для насъ важенъ въ данномъ случаѣ тотъ путь, который избрала комисія для организаціи опекунскаго дѣла у крестьянъ.

Дѣйствующіе гражданскіе законы, опредѣляющіе институтъ опеки, какъ извѣстно, вмѣсто общаго строя на одномъ началѣ, которое дѣлало бы его одинаково примѣнимымъ ко всѣмъ классамъ населенія, даютъ намъ отдѣльныя постановленія объ устройствѣ опеки у дворянъ, купцовъ и т. д., а отсюда происходитъ крайнее разнообразіе учреждений, вѣдающихъ опекунскія дѣла. Для устранения этого существеннаго недостатка дѣйствующаго права, редакціонная комисія, безъ сомнѣнія, должна была, прежде всего, озаботиться установленіемъ такихъ общихъ правилъ по завѣдыванію опеками, которыя были бы одинаково примѣнимы ко всѣмъ сословіямъ государства, чтобы такимъ путемъ достигнуть единства въ устройствѣ опекунской части; но съ другой стороны, комисія не могла не обратить вниманія на особенности строя крестьянской жизни, которыя служатъ большимъ препятствіемъ для достиженія означеннаго единства. Принявъ во вниманіе, съ одной стороны, эти особенности строя крестьянской жизни, каковы, напримѣръ, общинное землевладѣніе, податная система, опека общины надъ отдѣльными членами и круговая порука, дѣлающія въ крестьянскомъ быту совершенно непримѣнимымъ общій порядокъ опекунскаго устройства, а съ другой стороны—тѣ соображенія, что положеніемъ 19 февраля 1861 года, въ составленіи котораго участвовали лица, близко стоявшія къ народу и вполне знакомыя съ его семейнымъ и общественнымъ бытомъ, предоставлено крестьянамъ руководствоваться своими обычаями въ дѣлахъ наслѣдственныхъ, и условія крестьянской жизни, вызвавшія это постановленіе, за послѣднія 25 лѣтъ измѣнились не настолько, чтобы возможно было отиѣнить означенное постановленіе, причемъ, также имѣя въ виду, что оба института наслѣдства и опеки такъ тѣсно связаны между собой, что всякое измѣненіе въ порядкѣ завѣдыванія крестьянскими опеками необходимо повлекло-бы за собою и измѣненіе въ порядкѣ наслѣдованія, комисія пришла къ тому выводу, что всѣ крестьян-

скія опеки невозможно подвести подъ дѣйствіе общихъ законовъ. Поэтому, стремясь, съ одной стороны, къ достиженію единства въ устройствѣ опекунской части, а съ другой стороны, принимая во вниманіе всѣ изложенныя выше соображенія, указывающія на невозможность всѣхъ крестьянскія опеки подчинить дѣйствію общихъ законовъ, коммисія и проектируетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ завѣдываніе опекуною частью у крестьянъ изъять изъ вѣдѣнія мирового судьи, вѣдомству котораго по проекту должна подлежать опека надъ лицами всѣхъ сословій, и возложить таковое на волостные суды, съ установленіемъ для того особыхъ правилъ. На этомъ основаніи, по проекту коммисіи, вѣдомству волостнаго суда должны подлежать опеки надъ крестьянами: во первыхъ, когда принадлежащія имъ недвижимыя имѣнія поступили къ нимъ въ качествѣ крестьянскаго надѣла, а движимыя имущества ихъ составляютъ принадлежность крестьянскаго хозяйства и находятся въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла, безъ ограниченія относительно ихъ цѣнности, и во вторыхъ, когда опекѣ подлежитъ движимость цѣною не свыше 1500 рублей, и также находящіяся внѣ предѣловъ городскихъ поселеній недвижимыя имѣнія, поступившія къ крестьянамъ не въ качествѣ крестьянскаго надѣла и не превышающія, каждое въ отдѣльности, по своей цѣнности 1500 руб.

Разсматривая означенныя основанія коммисіи для изъятія завѣдыванія опекуною частью у крестьянъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ вѣдѣнія мировыхъ судей и возложенія таковаго на волостные суды, г. Змировъ находитъ эти основанія недостаточно убѣдительными и не указывающими установленія особаго порядка для завѣдыванія крестьянскими опеками. „Всѣ указываемыя коммисіею особенности русской крестьянской жизни, говоритъ г. Змировъ, не могутъ свидѣтельствовать о непримѣнимости у крестьянъ общаго опекунскаго устройства, а могутъ привести лишь къ слѣдующимъ выводамъ: во первыхъ, что институтъ опеки носить у крестьянъ своеобразныя особенности и не можетъ быть построенъ по одному шаблонному типу, и во вторыхъ, что, вслѣдствіе такихъ особенностей, въ общій опекунскій уставъ не слѣдуетъ вводить какихъ либо правилъ относительно попеченія о личности опекаемаго крестьянина, завѣдыванія принадлежащимъ ему имуществомъ, веденія хозяйства, порядка представленія отчетности и характера вознагражденія опекуна за исполненіе имъ опекунскихъ обязанностей, такъ какъ всѣ эти вопросы у крестьянъ разрѣшаются до-

вольно разнообразно ихъ обычнымъ правомъ“ ¹⁾. Сама коммисія, признавая, что существенное измѣненіе въ устройствѣ опекунской части, въ виду тѣсной связи института опеки и наслѣдства, невозможно безъ соотвѣтственнаго измѣненія въ порядкѣ наслѣдованія у крестьянъ, а послѣднее не можетъ быть допущено, вмѣстѣ съ тѣмъ, существенно измѣняетъ порядокъ завѣдыванія крестьянскими опеками, передавая ихъ въ вѣдѣніе волостныхъ судовъ, вмѣсто сельскихъ сходовъ, и устанавливая контроль и надзоръ за волостными судами въ лицѣ мировыхъ судей и ихъ сѣздовъ и подчиняя дѣятельность опекуна опредѣленнымъ предписаніямъ закона, далеко не согласно съ обычнымъ правомъ крестьянъ по этому предмету; а разъ предполагается возможнымъ вмѣшательство закона въ устройство опекунской части у крестьянъ, безъ отмѣны и измѣненія существующихъ крестьянскихъ обычаевъ относительно порядка у нихъ наслѣдованія, то, по мнѣнію г. Змирлова, представляется безразличнымъ для дѣла, кому именно будетъ передано, въ силу закона, завѣдываніе сельскими опеками ²⁾, и съ этой точки зрѣнія будетъ вполне цѣлесообразнымъ завѣдываніе крестьянскими опеками ввѣрить мировому судѣ, который близко поставленъ къ крестьянскому населенію и, какъ мѣстный житель, близко знакомый съ окружающими условіями, пребывающій болѣе или менѣе продолжительное время въ одномъ и томъ же участкѣ, а не смѣняющійся ежегодно, можетъ явиться вполне знакомымъ съ обычнымъ правомъ данной мѣстности, тѣмъ болѣе, что примѣненіе крестьянскихъ обычаевъ при разрѣшеніи гражданскихъ дѣлъ, въ случаяхъ, дозволенныхъ закономъ, наше законодательство ставитъ одинаково обязательнымъ какъ для крестьянскаго, такъ и для мирового суда ³⁾. Цѣлесообразность этого, по мнѣнію г. Змирлова, вполне подтверждаетъ дѣйствительность, такъ какъ сами крестьяне, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, недовольны своими судами и стремятся изъять возникшіе между ними имущественные споры изъ вѣдѣнія волостнаго суда и перенести ихъ на разрѣшеніе мирового или окружнаго суда ⁴⁾, такъ что возложеніе на волостные суды новыхъ обязанностей по завѣдыванію крестьянскими

---

¹⁾ Опекунскія установленія для крестьянъ по новому проекту, Юридическій Вѣстникъ, 1889 г., январь, стр. 96.

²⁾ Тамъ же, стр. 97.

³⁾ Тамъ же, стр. 97, 98, 99, 101, 103 и 112.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 101 и 111.

опеками „ляжетъ только тяжелымъ бременемъ на крестьянское население, не принося взаимѣнъ того никакихъ плодотворныхъ результатовъ“, тѣмъ болѣе, что неудовлетворительность дѣятельности волостныхъ судовъ, вообще, кроется въ самой ихъ организаціи: въ волостные судьи выбираются не отъ каждаго сельскаго общества но представителю, вслѣдствіе чего составъ волостнаго суда болѣею частью незнакомъ съ дѣлами всей волости; далѣе, волостные судьи вознагражденія за исполненіе своихъ обязанностей не получаютъ, почему и замѣчается уклоненіе болѣе зажиточныхъ и вліятельныхъ крестьянъ отъ исполненія этой тяжелой для нихъ судейской повинности, волостныхъ же судей вербуютъ, обыкновенно, изъ сравнительно бѣдныхъ и почему либо не особенно пріятныхъ волостному начальству крестьянъ, а затѣмъ ежегодная, въ силу закона, смѣна однихъ очередныхъ судей другими дѣлаетъ то, что судьи и не могутъ ознакомиться хорошо съ дѣлами своей волости, а „при такихъ обстоятельствахъ и при безграмотности, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, волостныхъ судей, руководителемъ суда является волостной писарь, близко знакомый съ имущественнымъ и семейнымъ положеніемъ членовъ своей волости, онъ собственно и рѣшаетъ дѣла во многихъ извѣстныхъ намъ, говоритъ г. Эмирловъ, волостяхъ, причемъ судьи совершенно пассивно подчиняются его указаніямъ и нерѣдко даже не понимаютъ объявленную отъ ихъ имени тѣмъ же писаремъ резолюцію суда“ ¹⁾ При такихъ условіяхъ „никакой контроль и никакая отвѣтственность за упущенія по службѣ не могутъ измѣнить дѣятельности даннаго учрежденія (т. е. волостнаго суда), если оно по своей организаціи не въ состояніи правильно функционировать“, и „можно ли въ такомъ случаѣ надѣяться, чтобы люди, нисколько не заинтересованные въ дѣлѣ, оторванные насильственно и безъ всякаго, при томъ, вознагражденія отъ своихъ занятій, явились бы хорошими опекунами? Полагаемъ, что отвѣтъ можетъ быть только отрицательный“ ²⁾. Указывая, далѣе, на нѣкоторые случаи изъ практики ковенскаго окружнаго суда, когда старшіе члены крестьянской семьи, воспользовавшись малолѣтствомъ другихъ, захватывали себѣ большую часть принадлежащей послѣднимъ земли, причемъ также захваты облекались, при посредствѣ волостныхъ правленій, въ большинствѣ случаевъ, въ форму добровольной письменной сдѣлки,

¹⁾ Тамъ же, стр. 110, 111 и 119.

²⁾ Тамъ же, стр. 111 и 112.

г. Змирловъ приходитъ къ тому заключенію, что „подобнаго рода явленія будутъ немислимы, если завѣдываніе крестьянскою опекою возложить на мировыхъ судей: это былъ бы свѣтлый лучъ, проникшій въ темное царство“¹⁾).

Таковы соображенія г. Змирлова, въ силу которыхъ онъ находитъ проектируемое редакціонною комисіею устройство опекунской части у крестьянъ неправильнымъ и предлагаетъ съ своей стороны завѣдываніе крестьянскими опеками, на основаніи общаго опекунскаго устава, возложить на мировыхъ судей. Не находя возможнымъ согласиться съ изложенными выше соображеніями почтеннаго автора и признавая таковыя не отвѣчающими дѣйстви-тельному положенію дѣла, въ виду важности возбужденныхъ вопро-совъ, постараемся здѣсь представить хотя бы нѣкоторыя возра-женія.

Такъ какъ г. Змирловъ не оспариваетъ тѣхъ особенностей крестьянской жизни, которыя даютъ своеобразный характеръ отно-шеніямъ между членами крестьянской семьи и вполне признаетъ тотъ фактъ, что институтъ опеки у крестьянъ носить своеобраз-ныя особенности и не можетъ быть построенъ по одному шабло-ному типу и что, вслѣдствіе такихъ особенностей, въ общій опе-кунскій уставъ не слѣдуетъ вводить какихъ либо правилъ относи-тельно попеченія о личности опекаемаго крестьянина и завѣды-ванія принадлежащимъ ему имуществомъ и т. п., въ виду того, что вопросы эти разрѣшаются довольно разнообразно ихъ обыч-нымъ правомъ, мы не считаемъ нужнымъ здѣсь распростра-няться по этому вопросу. Къ тому же, послѣ изданія „Трудовъ комисіи по преобразованію волостныхъ судовъ“, „Трудовъ этно-графической статистической экспедиціи въ западно-русскій край“ и другихъ матеріаловъ, заключающихъ въ себѣ массу драгоцѣн-ныхъ свѣдѣній по народно-обычному праву, странно было бы отвергать особенности крестьянской жизни и обусловливаемыя ими своеобразныя начала народно-обычнаго права. Къ этому выводу приходятъ не только отдѣльные изслѣдователи, но и въ цѣломъ составѣ ученыхъ общества, поставившія себѣ цѣлью изуче-ніе этой отрасли права.

Такимъ образомъ, существованіе своеобразныхъ обычаевъ, опре-дѣляющихъ институтъ опеки у крестьянъ, безспорно признается

---

¹⁾ Тамъ же, стр. 108.

и г. Змирловымъ, но дальнѣйшіе выводы отсюда дѣлаются имъ совершенно неправильно. Прежде всего, не можемъ не обратить вниманія на неправильность того соображенія г. Змирлова, что особенности русской крестьянской жизни не могутъ свидѣлствовать еще о непримѣнимости къ крестьянскому быту общаго опекунскаго устава. Подобное соображеніе почтеннаго автора какъ-то не вяжется съ высказаннымъ имъ же самимъ ранѣе сего взглядомъ на своеобразность крестьянскихъ обычаевъ. Въ самомъ дѣлѣ, разъ и авторъ не отвергаетъ существованія у крестьянъ обычнаго права, своеобразно нормирующаго у нихъ институтъ опеки, то едва ли при такихъ условіяхъ будетъ логично утверждать, что къ завѣдыванію крестьянскими опеками можетъ быть примѣненъ общій опекунскій уставъ. Вѣдь самъ авторъ, въ другомъ мѣстѣ (на стр. 96), признаетъ, что въ общій опекунскій уставъ, благодаря особенностямъ крестьянской жизни, не слѣдуетъ вводить какихъ либо правилъ относительно попеченія о личности опекаемаго крестьянина, завѣдыванія принадлежащимъ ему имуществомъ, веденія хозяйства, порядка представленія отчетности и характера вознагражденія опекуна за исполненіе имъ опекунскихъ обязанностей, такъ какъ всѣ эти вопросы у крестьянъ разрѣшаются довольно разнообразно ихъ обычнымъ правомъ. Если даже исходить изъ этого послѣдняго положенія, то и въ такомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что общій опекунскій уставъ не можетъ быть примѣняемъ къ завѣдыванію крестьянскими опеками, такъ какъ изъ него въ отношеніи крестьянъ будутъ исключены такіа постановленія, которыя въ общемъ опекунскомъ уставѣ въ отношеніи остальныхъ классовъ общества будутъ разрѣшать крайне существенные вопросы по завѣдыванію опеками. Но если ближе всмотрѣться въ содержаніе нашего народно-обычнаго права, то не трудно будетъ замѣтить то коренное различіе, которое существуетъ между правомъ, нормирующимъ юридическія отношенія у другихъ сословій, и народно-обычнымъ правомъ, и какъ бы ни старались это опровергнуть, но это рѣшительно невозможно, особенно въ настоящее время, когда въ распоряженіе литературы поступила масса драгоценныхъ матеріаловъ по народно-обычному праву. Еще 25 лѣтъ тому назадъ, когда народно-обычное право во многихъ отношеніяхъ было нѣкотораго рода *terra incognita*, и тогда отъ просвѣщеннаго вниманія редакторовъ новыхъ судебныхъ уставовъ не могла укрыться эта существенная разница между дѣйствующимъ

правомъ другихъ сословій и народно-обычнымъ правомъ, такъ что, напримѣръ, въ объяснительной запискѣ къ судебнымъ уставамъ находимъ, между прочимъ, слѣдующее мѣсто: „имущественное и хозяйственное положеніе крестьянъ, говорится тамъ, дало своеобразный характеръ отношеніямъ между членами крестьянской семьи. Отсюда рѣзкое различіе обычаевъ въ наслѣдованіи и раздѣлахъ крестьянскаго имущества и въ опеку и попечительство надъ малолѣтними отъ правилъ, дѣйствующихъ относительно наслѣдованія, раздѣловъ и опеки между прочими классами. Посему нарушение этихъ обычаевъ было бы тождественно съ разстройствомъ семейныхъ отношеній въ той формѣ, въ какой они сложились у крестьянъ съ незапамятныхъ временъ“.....¹⁾. Это выраженное въ такой положительной формѣ мнѣніе просвѣщенныхъ редакторовъ судебныхъ уставовъ раздѣляется и большинствомъ изслѣдователей народно-обычнаго права, какъ основанное на дѣйствительномъ и глубокомъ знаніи жизни. Поэтому высказанный редакціонною комиссіею по составленію будущаго гражданскаго уложенія взглядъ, что всѣ крестьянскія опеки, въ виду особенностей строя крестьянской жизни и господствующихъ въ крестьянскомъ быту обычаевъ, не могутъ быть подведены подъ дѣйствіе общихъ гражданскихъ законовъ и что къ нимъ совершенно непримѣнимъ общій порядокъ опекунскаго устройства, долженъ быть признанъ вполне правильнымъ, какъ отвѣчающій дѣйствительному положенію дѣла и этотъ взглядъ комиссіи служить лучшимъ ручательствомъ того, что въ будущемъ гражданскомъ уложеніи дѣйствительные интересы многомилліонной крестьянской массы не будутъ игнорированы, а найдутъ положительную защиту, основанную на господствующихъ въ крестьянскомъ быту нормахъ народно-обычнаго права, а потому, мнѣ кажется, мнѣніе г. Змирова о примѣненіи къ крестьянскому быту общаго опекунскаго устава, въ виду вышеизложеннаго, едва ли имѣетъ подъ собою твердую почву.

Не менѣе неправильно, на нашъ взглядъ, и другое мнѣніе г. Змирова, состоящее въ томъ, что если въ принципѣ предполагается возможнымъ вмѣшательство закона въ устройство опекунской части у крестьянъ, то представляется безразличнымъ для дѣла, кому именно будетъ передано, въ силу закона, завѣдываніе крестьянскими опеками. Въ этомъ случаѣ весьма

¹⁾ Объяснительная записка 1863 г. ч. 1 стр. 60—67.

важно, прежде всего, опредѣлить, до какихъ предѣловъ простирается такое вмѣшательство закона въ устройство опекунской части: будетъ ли оно касаться только порядка надзора и контроля надъ крестьянскими опеками, или же законъ будетъ опредѣлять по существу и самыя юридическія отношенія по опекамъ. Это—двѣ вещи совершенно разныя, и если во второмъ случаѣ еще можно съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ сказать, что при подробномъ нормированіи въ законѣ института опеки будетъ безразлично, кому именно будетъ передано завѣдываніе крестьянскими опеками, но этого нельзя сказать въ первомъ случаѣ, такъ какъ при опредѣленіи въ законѣ только порядка надзора и контроля надъ опеками, порядка выбора опекуновъ и т. п., вся сфера внутренней дѣятельности опекуна по завѣдыванію крестьянскими опеками и другіе существенные вопросы стоятъ въ сторонѣ отъ вмѣшательства закона и разрѣшаются на основаніи нормъ народно-обычнаго права, и въ такомъ случаѣ будетъ уже не безразлично, какому суду или учрежденію будетъ ввѣрено завѣдываніе крестьянскими опеками, такъ какъ отъ этого учрежденія въ значительной степени будетъ зависѣть примѣненіе къ юридическимъ отношеніямъ, вытекающимъ изъ опеки, началъ народно-обычнаго права, и съ этой точки зрѣнія выборъ того или другаго учрежденія для завѣдыванія опеками имѣетъ крайне существенное значеніе для дѣла. Редакціонная коммисія поняла все важное значеніе этого вопроса и при разрѣшеніи его стала на совершенно правильный путь, возложивъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, завѣдываніе крестьянскими опеками на волостные суды и предоставивъ послѣднимъ въ отношеніи попеченія о личности опекаемаго, завѣдыванія принадлежащимъ ему имуществомъ, веденія хозяйства и относительно разрѣшенія другихъ существенныхъ вопросовъ, руководствоваться мѣстными обычаями. Разрѣшая въ такомъ смыслѣ данный вопросъ, редакціонная коммисія, безъ сомнѣнія, хорошо понимала, что если, вообще, всѣ опеки, въ интересахъ достиженія болѣе правильной постановки дѣла, отнести къ вѣдомству суда, то только крестьянскій судъ, близко стоящій къ сельскому насленію и состоящій изъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ семейнымъ и хозяйственнымъ положеніемъ крестьянъ и господствующими среди нихъ юридическими обычаями, можетъ вполне удовлетворять своему назначенію по завѣдыванію крестьянскими опеками, примѣняя при этомъ выработанныя народною жизнью начала народно-

обычнаго права. Двадцатипятилѣтній опытъ новыхъ судебныхъ учреждений показалъ, что, несмотря на свои высокія достоинства, новыя судебныя учрежденія, дѣйствующія по судебнымъ уставамъ и обязанныя, въ извѣстныхъ, закономъ дозволенныхъ случаяхъ, при разрѣшеніи гражданскихъ дѣлъ руководствоваться мѣстными обычаями, на этомъ пути сдѣлали очень мало, не оправдавъ тѣхъ надеждъ, которыя возлагали на нихъ редакторы судебныхъ уставовъ, предоставивъ имъ право примѣнять въ извѣстныхъ случаяхъ начала народно-обычнаго права. Этотъ двадцатипятилѣтній опытъ нашихъ новыхъ судебныхъ установленій можетъ служить лучшимъ опроверженіемъ мнѣнія г. Змирлова, полагающаго цѣлесообразнымъ завѣдываніе всѣми крестьянскими опеками возложить на мировыхъ судей въ томъ разчетѣ, что мировой судья, поставленный близко къ сельскому населенію и какъ мѣстный житель, хорошо знакомый съ окружающими условіями и пребывающій болѣе или менѣе продолжительное время въ одномъ и томъ же участкѣ, можетъ явиться вполне знакомымъ съ обычнымъ правомъ данной мѣстности и будетъ руководствоваться таковымъ при завѣдываніи крестьянскими опеками. Но едва ли этотъ разчетъ можетъ оказаться правильнымъ, въ чемъ порукою служитъ предшествующая въ этомъ отношеніи практика мирового суда, такъ какъ если въ теченіи 25 лѣтъ, мы видимъ, что мировые судьи рѣдко пользуются этимъ драгоценнымъ правомъ примѣнять въ своей дѣятельности и начала народно-обычнаго права, то едва ли на 26 годъ мировые судьи измѣнятъ свою практику по этому вопросу. Очевидно, тутъ кроются какія либо серьезныя причины, и однимъ предписаніемъ закона едва ли можно будетъ скоро по такому серьезному предмету добиться солидныхъ результатовъ. Г. Змирловъ говоритъ, что съ принятіемъ предлагаемой имъ мѣры — возложенія завѣдыванія всѣми крестьянскими опеками на мировыхъ судей, послѣдніе сдѣлаются настоящимъ сосредоточеніемъ народныхъ обычаевъ, такъ какъ разбирая и рѣшая опекунскія, наслѣдственныя и, вообще, земельныя дѣла, мировые судьи поневолѣ знакомились бы съ существующими народными обычаями и заносили бы ихъ въ свои рѣшенія (стр. 108). Все это прекрасно, но отчего же нынче-то они не пользуются своимъ правомъ и не знакомятся съ народными обычаями, и мы видимъ крайне мало примѣровъ, когда бы народные обычаи заносились въ рѣшенія мировыхъ судей, а также почему они, при предлагаемомъ комиссіею устройствѣ опекунской части

у крестьянъ, лишены будутъ возможности знакомиться съ народными обычаями? Поэтому, намъ кажется, совершенно правильно разсуждаютъ редакторы гражданскаго уложенія, признавая необходимымъ, въ интересахъ дѣйствительнаго примѣненія къ опекунскимъ дѣламъ у крестьянъ народныхъ обычаевъ, возложить завѣдываніе крестьянскими опеками, гдѣ это вызывается именно необходимостью примѣненія обычаевъ, на волостные суды, въ той справедливой мысли, что подобный порядокъ завѣдыванія опекунскими дѣлами у крестьянъ будетъ болѣе гарантировать дѣйствительные интересы населенія по обезпеченію личности опекаемаго и завѣдыванію принадлежащимъ ему имуществомъ, соотвѣтственно господствующимъ въ крестьянскомъ быту началамъ народно-обычнаго права и безъ разстройства установившихся между членами крестьянской семьи отношеній.

Далѣе, мнѣніе г. Змирлова, что волостной судъ по самой организаціи своей не въ состояніи правильно функціонировать, и что сами крестьяне недовольны своими судами и стремятся, по возможности, разрѣшеніе ихъ спора изъять изъ вѣдѣнія своего волостнаго суда и перенести таковое къ мировому судѣ или въ окружный судъ, не можетъ быть признано вѣрнымъ и вполнѣ соотвѣствующимъ дѣйствительному положенію дѣла. Въ самомъ дѣлѣ, правда-ли, что неудовлетворительная дѣятельность волостнаго суда, замѣченная г. Змирловымъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ, гдѣ приходилось ему быть по дѣламъ службы, кроется только въ самой организаціи волостнаго суда и послѣдній, вообще, не можетъ правильно функціонировать? Съ этимъ мы никакъ не можемъ согласиться, такъ какъ дѣятельность того или другаго учрежденія, а тѣмъ болѣе народнаго суда, зависитъ не только отъ той или другой организаціи его, но и отъ массы другихъ условій, среди которыхъ ему приходится дѣйствовать, такъ что уродливыя явленія въ дѣятельности того или другаго волостнаго суда не всегда объясняются непременно недостатками въ его организаціи, а тѣмъ болѣе не могутъ объясняться невѣрностью самой идеи народнаго суда. Предположимъ, мировые судьи цѣлаго мирового округа отличается неправосудіемъ, взяточничествомъ, незнаніемъ законовъ и т. п. Что же изъ этого слѣдуетъ? Можно ли въ такомъ случаѣ сказать, что означенные недостатки, замѣченные въ дѣятельности мировыхъ судей, непременно объясняются неправильностью самой организаціи мирового суда, а потому послѣдній

долженъ подлежать уничтоженію? Конечно никто не рѣшится такъ утверждать, кромѣ развѣ только самыхъ рьяныхъ противниковъ новаго гласнаго и публичнаго суда. Самъ г. Змирловъ приходитъ къ тому же самому выводу, говоря на стр. 112, что „едва ли изъ отдѣльныхъ фактовъ уклоненія мировыхъ судей отъ исполненія ими своихъ служебныхъ обязанностей, позволительно дѣлать заключенія о неудовлетворительности организаціи мировыхъ учреждений“, и добавляя затѣмъ, что „единственный отсюда выводъ, что не всегда удачно падаетъ выборъ въ мировые судьи на лица достойныя и могущія стоять на высотѣ своихъ обязанностей, но что такія уклоненія и ошибки возможны и въ другихъ учрежденіяхъ“. Съ этою мыслью нельзя не согласиться, но почему же въ такомъ случаѣ дѣятельность волостныхъ судовъ выдѣляется изъ ряда другихъ учреждений и къ нимъ не примѣняются указанные выше выводы?

Съ другой стороны, безъ сомнѣнія, нельзя сказать, чтобы волостные суды, вообще, были чужды недостатковъ, но только вопросъ заключается въ томъ, насколько существенны эти недостатки и могутъ ли они быть устранены, а также—съ устраненіемъ этихъ недостатковъ, можетъ ли волостной судъ правильно функционировать? Г. Змирловъ говоритъ, что такъ какъ въ числѣ волостныхъ судей имѣются представители не отъ cadaго сельскаго общества, то, слѣдовательно, составъ волостнаго суда большею частью незнакомъ съ дѣлами всей волости (стр. 110). Но едва ли вполнѣ справедливо это мнѣніе, такъ какъ по этому мнѣнію какъ бы выходитъ, что крестьяне—волостные судьи, всю жизнь проведеніе среди будничныхъ интересовъ крестьянской жизни и, такъ сказать, родившіеся съ этими интересами, признаются почему-то менѣе знакомыми съ семейнымъ и имущественнымъ бытомъ крестьянъ своей волости, чѣмъ мировой судья, насчитывающій въ своемъ участкѣ по крайней мѣрѣ нѣсколько волостей. Дѣйствительное знакомство съ жизнью нашей деревни покажетъ, что большинство крестьянъ, въ предѣлахъ своей волости, въ подробности знаетъ все семейное и имущественное положеніе cadaго крестьянина, а это, безъ сомнѣнія, служить большимъ залогомъ для успѣшной дѣятельности крестьянскаго суда, давая возможность достигать большаго индивидуализма рѣшеній и примѣняться на дѣлѣ къ многообразнымъ явленіямъ справедливости. То обстоятельство, указываемое г. Змирловымъ, что волостные судьи ежегодно смѣняются и,

потому, не могутъ хорошо ознакомиться съ дѣлами своей волости, легко устранимо: въ связи съ принятіемъ другихъ мѣръ къ улучшенію личнаго состава волостнаго суда, законъ всегда можетъ увеличить срокъ обязательной службы волостныхъ судей ¹⁾. но и при настоящихъ условіяхъ едва ли справедливо мнѣніе, что волостные судьи не могутъ хорошо ознакомиться съ дѣлами своей волости; если бы г. Змирловъ сказалъ, что они въ такой короткій срокъ не успѣваютъ ознакомиться съ законами и порядкомъ судопроизводства, то тогда бы мнѣніе его могло бы быть признано справедливымъ.

Затѣмъ г. Змирловъ, между прочимъ, высказалъ такой взглядъ, что зажиточные и вліятельные въ волости крестьяне уклоняются отъ исполненія судейскихъ обязанностей, а въ волостные судьи попадаютъ люди безграмотные и почему либо неугодные волостному начальству, вслѣдствіе чего такіе люди, нисколько не заинтересованные въ дѣлѣ и насильственно оторванные, безъ всякаго, притомъ, вознагражденія, отъ своихъ занятій, не могутъ быть хорошими опекунами, причѣмъ въ такомъ волостномъ судѣ будто бы царить одинъ волостной писарь, самовластно разрѣшающій крестьянскія дѣла (стр. 111 и др.). Кто же будетъ утверждать, чтобы подобные случаи вовсе не были возможны въ жизни, но только на основаніи этихъ отдѣльных случаевъ дѣлать такіа обобщенія, что и во всѣхъ волостныхъ судахъ царить подобный же порядокъ—будетъ рѣшительно несправедливо. Лучшимъ опроверженіемъ этого служить та масса обнародованныхъ въ трудахъ комисіи „рѣшеній волостнаго суда“, констатирующихъ не мало своеобразныхъ крестьянскихъ обычаевъ и указывающихъ какъ несправедливъ тотъ взглядъ на эти рѣшенія, какъ на произведеніе исключительно пера волостнаго писаря, почему-то признаваемого г. Змирловымъ болѣе „близко знакомымъ съ имущественнымъ и семейнымъ положеніемъ членовъ своей волости“, чѣмъ избранные самимъ же крестьянскимъ населеніемъ его представители. Безъ сомнѣнія, существуютъ недостатки въ дѣятельности волостнаго суда, но какой же отсюда можетъ быть выводъ? Можетъ ли быть отсюда сдѣланъ тотъ выводъ, что волостной судъ вообще не мо-

---

¹⁾ Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ вводятся земскіе начальники, Высочайше утвержденными 12 іюля 1889 года временными правилами о волостномъ судѣ, срокъ службы волостныхъ судей уже установленъ трехлѣтній.

жетъ правильно функционировать?—Очевидно нѣтъ. Если и можно отсюда сдѣлать выводъ, то развѣ только тотъ, что для болѣе успѣшной дѣятельности волостнаго суда необходимо принять мѣры къ устраненію тѣхъ его недостатковъ, которые въ настоящее время тормозятъ его дѣятельность, причемъ мѣры эти должны быть направлены, главнымъ образомъ, именно къ поднятію уровня волостныхъ судей и къ привлеченію лучшихъ силъ къ отправленію народнаго правосудія. Многія изъ этихъ мѣръ уже давно намѣчены изслѣдователями народнаго суда, а потому что же, на примѣръ, стоитъ, чтобы вмѣстѣ съ возложеніемъ на волостные суды, положимъ, новыхъ обязанностей по завѣдыванію крестьянскими опеками, проектировать одновременно съ тѣмъ тѣ или другія мѣры къ улучшенію современнаго состоянія волостныхъ судовъ, и въ такомъ случаѣ возложеніе на волостные суды новыхъ обязанностей по завѣдыванію крестьянскими опеками не только не ляжетъ тяжелымъ бременемъ на крестьянское населеніе, какъ думаетъ это г. Змировъ, но напротивъ, можетъ принести и хорошіе результаты, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ отмѣченныхъ литературою недостатковъ въ организаціи волостнаго суда уже устранены съ изданіемъ Высочайше утвержденныхъ 12 іюля 1889 года временныхъ правилъ о волостномъ судѣ. Совсѣмъ другое дѣло было бы, еслибъ самая идея крестьянскаго суда въ основѣ своей была бы неправильна и не имѣла бы *raison d'être*, но, я думаю, и г. Змировъ не рѣшится этого утверждать.

Наконецъ и послѣднее мнѣніе г. Змирова, что будто бы сами крестьяне недовольны своимъ волостнымъ судомъ, также едва ли можетъ быть признано справедливымъ. „Труды коммисіи по преобразованію волостныхъ судовъ“ даютъ намъ для разрѣшенія этого вопроса крайне богатый матеріалъ: въ большинствѣ мѣстностей, осмотрѣнныхъ коммисіею, крестьяне, указывая на нѣкоторые недостатки въ организаціи волостнаго суда, въ то же время просили сохранить имъ свой судъ, какъ судъ „близкій“, „недорогой“, „доступный для населенія“ и въ своихъ рѣшеніяхъ примѣняющій начала народно-обычнаго права. Примѣръ тѣхъ немногихъ волостей, на которыя указываетъ г. Змировъ, еще не можетъ подрывать указаннаго выше вывода, основаннаго на массѣ вполне достовѣрнаго матеріала. Что касается того, что будто бы крестьяне стараются сами изъять многія дѣла изъ вѣдѣнія волостнаго суда и перенести ихъ въ жировой или окружный судъ,

то и это, какъ общій выводъ, не вполне справедливо, такъ какъ тѣ же „Труды комисіи“ и другіе матеріалы по народно-обычному праву показываютъ намъ, что, напротивъ, волостные суды разсматриваютъ часто дѣла, изъятія по закону изъ ихъ подсудности, а съ другой стороны, если и замѣчается иногда подобное стремленіе нѣкоторыхъ крестьянъ изъять свои дѣла изъ подсудности волостнаго суда и перенести таковыя въ мировой или окружной судъ, то оно объясняется вовсе не тѣмъ, что крестьяне вообще недовольны своими крестьянскими судами, а въ большинствѣ случаевъ только желаніемъ ихъ воспользоваться выгодами формальныхъ доказательствъ по закону и такимъ путемъ выиграть часто неправо по существу дѣло, но и то, нужно сказать, что подобный пріемъ практикуется, главнымъ образомъ, только мѣстными кулаками, старающимися въ такомъ случаѣ въ дѣлѣ эксплуатаціи населенія опереться на силу закона. Поэтому-то и слѣдуетъ крайне осторожно пользоваться такими аргументами для подрѣзленія своихъ выводовъ. Что касается указываемаго г. Змировымъ явленія, что иногда старшіе члены крестьянской семьи, пользуясь малолѣтствомъ другихъ, захватываютъ себѣ большую часть принадлежащей имъ земли, то едва ли подобное явленіе составляетъ исключительное достояніе крестьянской среды, такъ какъ оно одинаково же часто можетъ быть наблюдаемо и въ другихъ слояхъ общества, и ссылка въ этихъ случаяхъ на злоупотребленія волостныхъ правленій никоимъ образомъ не можетъ служить аргументомъ противъ крестьянскаго суда, а потому, если и дѣйствительно настоятельно необходимо проникновеніе свѣтлаго луча въ темную крестьянскую среду, то этотъ лучъ долженъ исходить изъ совершенно другихъ источниковъ просвѣщенія, а никакъ не можетъ произойти отъ передачи завѣдыванія крестьянскими опеками въ исключительное вѣдѣніе мировыхъ судей.

Однимъ словомъ, всѣ указанныя выше соображенія не могутъ не привести насъ къ тому заключенію, что проектъ новаго гражданскаго уложенія стоитъ на вѣрномъ пути къ правильному и соответствующему дѣйствительнымъ интересамъ населенія устройству опекунской части у крестьянъ. Въ заключеніе, не можемъ не отмѣтить здѣсь одной возможной поправки въ этомъ проектѣ, могущей, на нашъ взглядъ, благотворно отозваться на интересахъ крестьянскаго населенія. Дѣло въ томъ, что, по проекту, жалобы по опекунскимъ дѣламъ на волостной судъ приносятся

мировому судья, а на опредѣленія мировыхъ судей—мировому съѣзду. Но такъ какъ опекунамъ въ крестьянскомъ быту и волостнымъ судамъ въ отношеніи попеченія о личности опекаемаго, завѣдыванія принадлежащимъ ему имуществомъ, веденія хозяйства и храненія неподлежащей продажѣ движимости, предоставлено, по проекту, руководствоваться мѣстными крестьянскими обычаями, то, на нашъ взглядъ, болѣе гарантировало бы дѣйствительное примѣненіе въ такихъ случаяхъ началъ народно-обычнаго права устройство второй инстанціи для разсмотрѣнія жалобъ на волостные суды также изъ волостныхъ судей, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго мирового судьи. Такая инстанція, составленная также изъ народныхъ судей, хорошо знакомыхъ съ семейнымъ и имущественнымъ положеніемъ крестьянъ и господствующими въ крестьянскомъ быту началами народно-обычнаго права, могла бы болѣе обеспечивать интересы опекаемаго крестьянина, примѣняя въ такихъ случаяхъ начала, соответствующія особенностямъ крестьянской жизни и не вызывая тѣмъ разстройства установившихся между членами крестьянской семьи отношеній. Такая организація второй инстанціи для разсмотрѣнія жалобъ на волостные суды могла бы также содѣйствовать и проникновенію началъ народно-обычнаго права въ практику мирового суда, и такой путь для знакомства мировыхъ судей съ бытовыми особенностями данной мѣстности и существующимъ въ ней обычнымъ правомъ былъ бы значительно надежнѣе и дѣйствительнѣе, чѣмъ при непосредственномъ ихъ завѣдываніи сельскими опеками. Съ другой стороны, такое участіе представителей крестьянской общины, вмѣстѣ съ мировымъ судьей, въ разрѣшеніи опекунскихъ дѣлъ, могло бы сдѣлать дѣйствительнѣе и самый надзоръ мирового судьи за крестьянскими опеками. Прусскій опекунскій уставъ 5 іюля 1875 года, послужившій, повидимому, во многомъ образцомъ для составленнаго редакціонною комиссіею опекунскаго устава, возлагая опекунскія дѣла на судей, въ качествѣ органовъ государственной власти, не нашелъ возможнымъ устранить и общину отъ участія въ опекунскомъ надзорѣ. Въ объясненіяхъ къ означенному проекту ¹⁾ основаніемъ къ привлеченію общины выставлена принадлежность опекаемаго къ числу членовъ не только государства, но и общины,

---

¹⁾ „Прусскіе законы объ опеѣ и о дѣеспособности несовершеннолѣтнихъ“, изданіе редакціонной комисіи по составленію гражданского уложенія, стр. 11—12.

которой, также какъ и государству, должно быть предоставлено влияние на опеку, и особенно необходимо содѣйствіе общины на почвѣ воспитанія принадлежащаго, къ составу ея лица, потому что государственная власть не имѣетъ возможности удовлетворительно осуществлять попеченіе о личномъ благосостояніи опекаемаго, такъ какъ для надзора за опекуномъ недостаточны ежегодные его отчеты о воспитаніи, и судья, по занимаемому имъ положенію и при большомъ числѣ подвѣдомственныхъ ему опекъ, не въ состояніи лично удостовѣряться, насколько добросовѣстно опекуны исполняютъ свои обязанности относительно личности опекаемаго, такъ что члены общины, посредствомъ личнаго надзора, могутъ восполнить недостатокъ наблюденія со стороны опекунскаго судьи. Эти соображенія, изложенныя въ объяснительной запискѣ къ прусскому опекунскому уставу, тѣмъ болѣе приложимы къ нашей русской жизни и особенно къ крестьянскому быту, гдѣ, благодаря особенностямъ крестьянской жизни и господствующимъ въ ней своеобразнымъ мѣстнымъ обычаямъ, мировой судья, не имѣя близкаго знакомства съ бытовыми особенностями данной мѣстности и съ семейнымъ и имущественнымъ положеніемъ отдѣльнаго крестьянина, безъ участія представителей крестьянскаго населенія въ лицѣ народныхъ судей, едва ли бы въ состояніи былъ удовлетворительно выполнять свои обязанности по завѣдыванію крестьянскими опеками. Если еще противъ проектируемаго редакціонною комисіею участія въ мировыхъ сѣздахъ при разрѣшеніи опекунскихъ дѣлъ представителей дворянскаго и городскаго сословій можно сдѣлать возраженія о неумѣстности вообще сословныхъ представителей при передачѣ завѣдыванія опекунскими дѣлами судебно-мировымъ установленіямъ, то участіе волостныхъ судей въ качествѣ представителей въ судѣ, завѣдывающемъ крестьянскими опеками, едва ли можетъ вызывать такія возраженія, такъ какъ подобное участіе ихъ въ судѣ не можетъ быть признано какой либо уступкой сословному началу въ устройствѣ опекунской части, а вызывается именно существомъ самаго дѣла и соображеніями его цѣлесообразности.

И. Тютрюмовъ.

Замѣтки къ поясненію правилъ судебнаго - межеваго разбирательства (приложеніе IV къ ст. 1400 уст. гражд. суд. изданія 1883 года).

Подъ судебнаго-межевымъ разбирательствомъ разумѣется понудительное опредѣленіе границъ частнымъ участкамъ, въ окружной межѣ находящимся. Такимъ образомъ судебное межеваніе всегда имѣетъ дѣло съ дачами общаго или черезполоснаго владѣнія. Начало образованія общаго и черезполоснаго владѣнія уходитъ въ глубь исторіи, ко временамъ помѣстной системы, когда земли раздавались не по наличному ихъ количеству при извѣстномъ селѣ или деревнѣ, а по „окладу“ и по „указнымъ статьямъ“. Каждому разряду служилыхъ людей назначенъ былъ свой окладъ пашни, исчисленной четвертями, съ соответственнымъ количествомъ угодій—лѣсныхъ и сѣнокосныхъ, и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда окладъ не совпадалъ съ наличнымъ количествомъ земли и угодій въ извѣстной мѣстности, простая необходимость вынуждала раздавать села и деревни во владѣніе нѣсколькимъ лицамъ, добавлять оклады отхожими пустошами и особенно разнo помѣщать владѣніе въ угодьяхъ въ виду разбросанности ихъ и различія размѣровъ по мѣстностямъ. А затѣмъ отсутствіе точныхъ границъ между селами, деревнями и пустошами смѣшивали владѣніе на всемъ пространствѣ государства. Эти границы во времена помѣстной системы, даже среди земель „описанныхъ“, изыскивались по тому что къ чему изстари „тянуло“ и „належало“, не говоря уже о земляхъ „обводныхъ“ и „дикихъ“. Наконецъ, помѣстная система, по существу своему, вызывала необходимость какъ можно чаще дозировать размѣръ cadaго владѣнія въ дѣйствительности, отсюда и въ дачахъ единственнаго владѣнія по доносу, досмотру и челобитью, постоянно смѣшивалось землевладѣніе противъ воли частныхъ лицъ, и смѣшеніе это доходило не только до владѣнія въ поляхъ черезъ полосу, но и до владѣнія крестьянами въ усадьбахъ черезъ дворъ. Генеральнымъ размежеваніемъ всѣхъ земель къ именамъ селъ и деревень, а пустошей—къ ихъ собственнымъ названіямъ, помянутое зло было локализовано. Внутреннее размежеваніе дачъ допускалось не иначе, какъ по полюбовному всѣхъ владѣльцевъ соглашенію, другими словами—когда оно ничѣмъ не затрудняло генеральнаго межеванія. Во всѣхъ иныхъ случаяхъ разновладѣльческія дачи

обводились общею межею „*впредь до будущиѣхъ на собственномъ изживеніи владѣльцевъ межеваній*“. Первые способы для этого размежеванія указаны въ 1806 году, въ такъ называемомъ межеваніи чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ, но опять таки съ характеромъ частнымъ, по общему согласію владѣльцевъ и на ихъ счетъ. Но начиная съ 1836 г. правительство предпринимаетъ цѣлый рядъ уже общихъ мѣръ къ производству внутренняго размежеванія не только въ казенныхъ и общественныхъ, но и въ частныхъ дачахъ. Въ существованіи этихъ дачъ усматривается прямой вредъ для сельскаго хозяйства и причины мѣстныхъ волненій. Специальное размежеваніе объявляется дѣломъ важнымъ, имѣющимъ цѣлью привести въ положительную извѣстность, обезпечить и упрочить благосостояніе и государственное и частное. Для успѣховъ этого межеванія правительство жертвуетъ въ пользу частную крѣпостными и гербовыми пошлинами и принимаетъ на свой счетъ довольствіе землемѣровъ.

Главнѣйшимъ средствомъ къ размежеванію дѣлъ общаго и чрезполоснаго владѣнія были избраны добровольныя между участвующими соглашенія и, потому, общее свойство мѣръ, предпринятыхъ правительствомъ для означеннаго межеванія, заключалось или въ поощреніи и побужденіи владѣльцевъ къ этому средству размежеванія, или въ облегченіи имъ сколь возможно всѣхъ по сему предмету дѣйствій. Затѣмъ, общія мѣры по этому предмету распространены были только на губерніи генерально-обмежеванныя по той простой причинѣ, что безъ предварительнаго обвода генеральной или окружной межи дачи невозможно было и думать о внутреннемъ въ ней размежеваніи.

10 февраля 1836 года (8763) обнародованы „*предупредительныя*“ распоряженія. Правительство всенародно объявило твердое намѣреніе свое въ ближайшемъ будущемъ тѣмъ или инымъ повелительнымъ способомъ приступить къ специальному размежеванію всѣхъ дачъ общаго владѣнія, казенныхъ, общественныхъ и частныхъ, за исключеніемъ только принадлежащихъ къ горному и соляному вѣдомствамъ, и для этой цѣли на первыхъ порахъ распорядилось: а) собрать, чрезъ особые комитеты, по каждой губерніи вѣрнѣйшія свѣдѣнія о всѣхъ земляхъ общаго и чрезполоснаго владѣнія для представленія въ государственный совѣтъ; б) обязать владѣльцевъ въ теченіи трехъ лѣтъ со дня обнародованія сего распоряженія разверстать между собою земли полюбовно и акты о семъ

представить въ уѣздные суды для формальнаго засвидѣтельствованія и исполненія въ натурѣ, съ предвареніемъ, что тѣ изъ нихъ, кои не воспользуются дарованными преимуществами (свобода отъ крѣпостныхъ пошлинъ и право на примѣрныя земли) до открытія государственнаго спеціального межеванія, подвергнутся всѣмъ издержкамъ, съ тѣмъ межеваніемъ сопряженнымъ. Но вскорѣ же обнаружилось, что не всѣ поняли настоящую цѣль правительства; такъ, многіе изъ владѣльцевъ ограничились одними вызовами своихъ соучастниковъ, неимѣвшими никакой обязательной силы, и что главнѣйшимъ препятствіемъ къ миролюбному размежеванію владѣльцевъ было затрудненіе въ соглашеніи ихъ взаимныхъ выгодъ и въ самомъ сближеніи ихъ сношеній. Для отклоненія сихъ неудобствъ въ 1839 году именнымъ указомъ, даннымъ сенату (12458), повелѣно въ каждой губерніи учредить по уѣздамъ посредниковъ полюбовнаго межеванія, въ качествѣ постоянныхъ ходатаевъ—по дѣламъ спеціального межеванія, а въ губернскихъ городахъ посредническія коммисіи собственно для объединенія дѣйствій тѣхъ посредниковъ. Срокъ полюбовныхъ соглашеній продолженъ еще на два года. Владѣльцамъ указано два прямыхъ способа къ размежеванію: 1) согласиться между собою на миролюбное размежеваніе дачи, 2) или предоставить размежеваніе распоряженіямъ посредника, который затѣмъ обязывался созвать владѣльцевъ, въ случаѣ надобности предварительно снять дачу на планъ, для чего самъ долженъ былъ пріискать землебра, предлагать отъ себя владѣльцамъ проекты размежеванія и нарѣзокъ, сообразные, по возможности, съ желаніемъ каждаго изъ нихъ, склонять владѣльцевъ къ обмѣнамъ и уступкамъ. Для облегченія хода самаго межеванія еще расширенъ кругъ безошлинныхъ промѣновъ и уступокъ, дозволено отводить одному владѣльцу участки въ нѣсколькихъ мѣстахъ и оставлять въ общемъ владѣніи выгоны, дороги, водопой, мельницы, рыбныя ловли; на отсутствующихъ владѣльцевъ возложена обязанность увѣдомить коммисіи о мѣстѣ пребыванія своего; указанъ порядокъ замѣстительства лицъ безвѣстно-отсутствующихъ, неявившихся или почему либо ограниченныхъ въ своихъ правахъ, приняты соотвѣтствующія мѣры къ пополненію недостатка въ землебрахъ. Затѣмъ, какъ и прежде, правительство предварило владѣльцевъ, что если и при участіи посредника они въ теченіи вновь назначеннаго срока не согласятся на размежеваніе, то тѣ изъ нихъ, требованія коихъ при межеваніи отъ правительства окажутся не-

правильными, будутъ подлежать всѣмъ мѣрамъ строгости понудительнаго межеванія. Между прочимъ въ этомъ указѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ дозволеніе мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ, имѣющимъ менѣе 15 десятинъ земли, оставаться и впредь въ общемъ владѣніи. Въ этомъ распоряженіи мы видимъ первое исключеніе изъ общаго правила объ обязанности спеціальнаго размежеванія для всѣхъ разновладѣльческихъ дачъ.

Предпринятія мѣры оказались весьма практичными, такъ что правительство нашло нужнымъ еще два раза отсрочить понудительное межеваніе: 27 мая 1841 года—на пять лѣтъ и 5 іюня 1846 года—на четыре года. Итоги этихъ мѣръ къ 1850 выразились въ слѣдующемъ: изъ числа всѣхъ обнаруженныхъ дачъ общаго и чрезполоснаго владѣнія болѣе чѣмъ по семи десятымъ изъяснено было владѣльцами соглашеніе на размежеваніе и дѣйствительно размежевано болѣе половины всего количества такихъ дачъ. Видя въ этомъ значительный успѣхъ, правительство, по истеченіи послѣдне-назначеннаго срока, именно 12 іюля 1850 г. (полн. собр. зак. № 24326), приказало существующій порядокъ размежеванія общихъ и чрезполосныхъ дачъ, при участіи посредничьихъ комиссій и посредниковъ, продолжить *безсрочно* впредь до уменьшенія количества тѣхъ дачъ до той мѣры, при какой главное межевое начальство и правительствующій сенатъ найдутъ возможнымъ слѣлать распоряженіе о постепенномъ закрытіи комиссій. Уменьшеніе числа посредниковъ, по той же причинѣ, предоставлено непосредственному усмотрѣнію главнаго межеваго начальства, по представленіямъ начальниковъ губерній. Дѣла, по коимъ не состоится за всѣми принятыми мѣрами добровольныхъ соглашеній на размежеваніе, приказано было передавать въ уѣздные суды для понудительнаго размежеванія, которое начиналось непосредственно только по тѣмъ изъ означенныхъ дѣлъ: а) въ коихъ имѣетъ участіе казна или вѣдомства, защищаемыя на правахъ казны, б) по которымъ имѣются въ виду взаимные споры и жалобы владѣльцевъ на неправильное владѣніе. Всѣ прочія дѣла подвергались судебно-межевому разбирательству и не прежде, какъ по поступленіи хотя бы отъ одного владѣльца просьбы о вымежеваніи его въ отдѣльный участокъ. На ряду съ этими распоряженіями правительство допустило еще болѣе крупное исключеніе изъ общаго правила объ обязательности спеціальнаго размежеванія для всѣхъ разновладѣльческихъ дачъ, а именно: тѣмъ изъ владѣльцевъ, которые, по особенному положе-

нію и мѣстнымъ удобствамъ своихъ дачъ, пожелаютъ оставаться безъ размежеванія и единогласно подтвердятъ сіе желаніе любовною сказкою, дозволено было оставаться въ общемъ владѣніи, хотя бы на часть каждаго изъ нихъ и причиталось изъ той дачи и болѣе 15 десятинъ, съ тою, впрочемъ, существенною оговоркою, что сіе согласіе, единожды изъявленное, не должно препятствовать симъ владѣльцамъ и каждому изъ нихъ, или наслѣдникамъ ихъ и преемникамъ ихъ правъ, впослѣдствіи времени просить о понудительномъ размежеваніи.

Въ 1853 году изданы правила о судебномъ разбирательствѣ споровъ, возникающихъ при специальномъ размежеваніи. Правила эти цѣликомъ введены въ дѣйствующій сводъ межевыхъ законовъ (1143—1203 ст.). Дѣйствіе описанныхъ выше порядковъ продолжалось вплоть до преобразованія судебныхъ учреждений. Съ той поры, какъ были обнародованы основныя положенія этого преобразованія (29 сентября 1862 года), простая необходимость заставила пересмотрѣть дѣйствующія правила судебно-межеваго разбирательства и всѣ законоположенія по межевому управленію. Правило судебно-межеваго разбирательства входило въ составъ общаго гражданскаго процесса, а межевое управленіе неразрывно связано было съ судебнымъ вѣдомствомъ. Въ этихъ именно видахъ 10 ноября 1862 года былъ открытъ комитетъ изъ трехъ членовъ: генералъ отъ инфантеріи Муравьева, государственнаго секретаря и министра юстиціи, подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Гагарина. Послѣ нѣсколькихъ засѣданій, бывшихъ въ декабрѣ 1862 года, январѣ и февралѣ 1863 года, комитетъ образовалъ при себѣ особую приуготовительную комисію изъ шести членовъ: двухъ — отъ министерства юстиціи, двухъ — отъ межеваго вѣдомства и двухъ — отъ законодательныхъ установленій для опредѣленія главныхъ началъ предстоящаго преобразованія по двумъ основнымъ положеніямъ: а) чтобы судебная часть межеваго дѣла была, по возможности, отдѣлена отъ части исполнительной или технической, б) чтобы часть эта была устроена, примѣняясь къ главнымъ началамъ общаго преобразованія судебной части. Составленныя комисіею предположенія были обсуждены въ комитетѣ и затѣмъ внесены въ государственный совѣтъ. Государственный совѣтъ въ существѣ согласился съ означенными предположеніями и 16 января 1868 г. изданы Высочайше утвержденныя правила о порядкѣ производства межевыхъ дѣлъ въ мѣстностяхъ, гдѣ введены въ дѣйствіе судебные

уставы 20 ноября 1864 года. Правила эти въ настоящее время распределены по своду законовъ. Часть ихъ составляетъ примѣчаніе къ 751 ст. межевыхъ законовъ по продолженію 1886 года, а часть извѣстна подъ названіемъ правилъ судебно-межеваго разбирательства, приложенныхъ къ 1400 ст. уст. гражд. суд. изданія 1883 года.

По этимъ новымъ правиламъ (ст. 1) изъ межевыхъ дѣлъ оказываются подвѣдомственными судебнымъ учрежденіямъ только тѣ, кои окончательно признаны подлежащими судебно-межевому разбирательству, а такъ какъ межевыя дѣла признавались подлежащими судебному разбирательству только посредническими комиссиями, когда за всѣми принятыми мѣрами между владѣльцами дачи не послѣдовало добровольнаго соглашенія на размежеваніе, то необходимо заключить, что въ этомъ первомъ правилѣ законодатель, изъ за желанія согласовать производство межевыхъ дѣлъ въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ съ историческимъ ходомъ спеціального межеванія вообще, предписываетъ не начинать межеваго разбирательства непосредственно въ судахъ до тѣхъ поръ, какъ по дѣлу не исчерпаны всѣ мѣры къ полюбовному разводу земель. Правило весьма умѣстное, но приданная ему безусловная форма невѣрна въ историческомъ отношеніи и потому представляетъ при примѣненіи къ жизни непреодолимые затрудненія, особливо на ряду съ 1 ст. уст. гражд. суд. При настоящей редакціи 1 ст. правилъ межеваго разбирательства суды обязаны (1 п. 584 ст. уст. гражд. суд.), независимо отъ отвода сторонъ, не принимать къ своему производству никакихъ иныхъ межевыхъ дѣлъ, кромѣ указанныхъ въ той статьѣ, а между тѣмъ исторія спеціального межеванія показываетъ, что во время изданія новыхъ правилъ межеваго разбирательства имѣлось въ виду нѣсколько категорій межевыхъ дѣлъ, по коимъ совершенно неумѣстно требованіе особаго признанія ихъ подлежащими судебно-межевому разбирательству. Это, во первыхъ, дачи горнаго и солинаго вѣдомствъ, такъ какъ на нихъ вовсе не распространялась власть органовъ полюбовнаго межеванія; во вторыхъ, тѣ дачи, въ коихъ общее или черезполосное владѣніе образовалось послѣ спеціального размежеванія ихъ при посредствѣ органовъ полюбовнаго размежеванія, такъ какъ эти органы, будучи вообще учрежденіемъ срочнымъ, временнымъ, введеннымъ въ жизнь главнымъ образомъ для уничтоженія неопредѣленности правъ землевладѣнія, оставшейся отъ генеральнаго межева-

нія, дѣйствовали по каждому дѣлу только однажды. Что же касается настоящаго времени, то эти исключенія настолько увеличились, вслѣдствіе послѣдовавшихъ преобразованій въ межевыхъ учрежденіяхъ, что возможная область примѣненія основнаго правила, выраженнаго въ 1 ст., ничтожна. Въ подтвержденіе этого положенія необходимо припомнить, что при изданіи правилъ судебно-межеваго разбирательства въ 1868 году, по всѣмъ губерніямъ, генерально обмежеваннымъ, продолжали дѣйствовать посредники полюбовнаго межеванія и посредническія комисіи, такъ что каждый изъ желающихъ размежеваться имѣлъ полную возможность, пройдя обязательный путь полюбовнаго соглашенія, открыть себѣ доступъ къ понудительному или судебному размежеванію. Были, впрочемъ, и къ тому времени закрыты три посредничьи комисіи: вятская (1856 г.), владимірская (1862 г.) и оренбургская (1864 г.), но это закрытіе скорѣе было преобразованиемъ тѣхъ учреждений. Всѣ обязанности перенесены были: посредничьей комисіи—на губернское правленіе, а посредниковъ—на уѣздные суды. Для обсужденія дѣлъ по полюбовному межеванію въ губернское правленіе приглашался предводитель дворянства и чинъ судебного вѣдомства. Губернскимъ правленіемъ было поручено озаботиться скорѣйшимъ размежеваніемъ дачъ общаго и черезполоснаго владѣнія. Совсѣмъ не то въ настоящее время. Къ 1889 году закрыто еще 23 посредничьи комисіи: московская (1874 г.), казанская (1875 г.), олонечская (1877 г.), екатеринославская (1878 г.), с.-петербургская, саратовская, псковская и самарская (1879 г.), рязанская, тамбовская, симбирская и новгородская (1880 г.), тверская, вологодская, воронежская, калужская, нижегородская, смоленская, тульская и харьковская (1881 г.), курская (1882 г.), ярославская (1883 г.) и орловская (1884 г.), и притомъ на совершенно иныхъ основаніяхъ. Въ губернскія правленія, по губернской чертежной, переданы для дальнѣйшаго производства изъ посредничьихъ комисій только дѣла о неоконченныхъ соглашеніемъ дачахъ, съ возложеніемъ на губернскаго землеѣбра ближайшаго наблюденія за порядкомъ производства сихъ именно дѣлъ, доклада ихъ присутствію и исполнительныхъ по онимъ дѣйствій. Что же касается обязанности посредниковъ полюбовнаго межеванія, то при закрытіи комисій: московской—обязанности эти оставлены за уѣздными предводителями дворянства, казанской и с.-петербургской—сохранена должность одного посредника на губернію. Закрытіе комми-

сій: вологодской, воронежской, калужской, нижегородской, смоленской, тульской и харьковской соединилось съ совершеннымъ упраздненіемъ должности посредниковъ. При закрытіи всѣхъ остальныхъ комиссій вовсе неупомянуто, на кого переходятъ обязанности посредниковъ. Намъ, кромѣ того, хорошо извѣстно, что по Калужской губерніи указъ сената о закрытіи посредничьей комисіи былъ полученъ во время полного развитія дѣятельности трехъ посредниковъ полюбовнаго межеванія по 46 дѣламъ, такъ что мѣстное начальство нашло необходимымъ ходатайствовать гдѣ слѣдуетъ о продолженіи дѣйствія комисіи и запрашивало, на кого затѣмъ должны перейти обязанности посредниковъ полюбовнаго межеванія. Продолжить дѣйствіе комисіи еще на полгода было разрѣшено, а отвѣта на послѣдній вопросъ такъ и не послѣдовало. За время отсрочки посредники не успѣли окончить бывшихъ у нихъ на рукахъ дѣлъ и въ такомъ видѣ сдали ихъ въ губернскую чертежную, гдѣ, конечно, никакого движенія по нимъ и быть не можетъ за отсутствіемъ посредниковъ.

И такъ, въ настоящее время, по всѣмъ тѣмъ дачамъ общаго и чрезполоснаго владѣнія, по коимъ, во первыхъ, не было производства въ посредничьихъ комиссіяхъ (наличность такихъ дачъ весьма возможна, если принять во вниманіе, что требованіе закона о специальномъ размежеваніи общихъ дачъ чрезъ посредниковъ было не безусловно и что производство у посредниковъ начиналось не ex officio, а по просьбѣ владѣльцевъ) во вторыхъ, по коимъ производство сдано посредниками въ губернскія правленія незаконченнымъ; въ третьихъ, гдѣ общее владѣніе образовалось послѣ закрытія посредничьихъ комиссій и образовывается постоянно вновь чрезъ продажу, раздѣлъ или по наслѣдству, — желающіе размежеваться не находятъ, при несогласіи владѣльцевъ на полюбовную сказку, законныхъ путей къ удовлетворенію своихъ нуждъ. Органовъ полюбовнаго соглашенія нѣтъ, а суды, основываясь на буквальномъ смыслѣ 1 статьи, не принимаютъ къ своему производству этихъ дѣлъ, какъ не признанныхъ подлежащими судебному - межевому разбирательству. Между тѣмъ число дѣлъ третьей категоріи весьма значительно. Достаточно указать на государственныхъ крестьянъ, которые въ большинствѣ случаевъ получили чрезполосные надѣлы и, притомъ, нѣсколькими обществами по одной владѣнной записи. Наконецъ, начиная съ 1879 года, правительство дозволило выкупъ надѣловъ

помѣщичьихъ крестьянъ при чрезполосицѣ, такъ что прежнія помѣщичьи дачи, за продажею остатковъ, въ большинствѣ случаевъ, нѣсколькимъ мелкимъ собственникамъ, представляютъ довольно пеструю картину землевладѣнія. При подобныхъ условіяхъ безусловно необходимо иначе редактировать 1 ст. правилъ судебно-межеваго разбирательства—этотъ тормазъ для жизни и камень преткновенія для практическихъ дѣателей, незнакомыхъ съ исторіею спеціального межеванія.

Правила судебно-межеваго разбирательства устанавливають и новый порядокъ производства межевыхъ дѣлъ, основанный на формѣ процесса состязательнаго. Судъ приступаетъ къ производству сихъ дѣлъ не иначе, какъ вслѣдствіе исковаго прошенія, въ установленномъ порядкѣ поданнаго, и не принимаетъ, затѣмъ, никакого участія ни въ направленіи дѣлъ, ни, въ особенности, въ изысканіи доказательствъ. Это тотъ же обыкновенный порядокъ производства гражданскихъ дѣлъ, какой указанъ въ уставѣ гражданского судопроизводства. Никакихъ исключеній въ этомъ отношеніи для дѣлъ межевыхъ не допущено, и если особо упомянуто о дѣлахъ, въ коихъ участвуетъ казна или вѣдомства, защищаемыя правомъ казны, то только потому, что въ прежнихъ судебныхъ мѣстахъ этотъ родъ дѣлъ получалъ дальнѣйшее движеніе безъ просьбы сторонъ.

По поступленіи исковаго прошенія, для принятія объясненій сторонъ и для распоряженій, относящихся до повѣрки доказательствъ, назначается членъ суда, который затѣмъ и дѣлаетъ первоначальный вызовъ сторонъ на общемъ основаніи (2 и 3 ст.). Въ законѣ не сказано, кто назначаетъ члена суда, но въ виду 271 ст. уст. не представляется никакого сомнѣнія въ томъ, что это распоряженіе должно исходить отъ предсѣдателя, по особой очереди, послѣ того, какъ имъ рассмотрѣно поступившее прошеніе съ формальной стороны (265—269 ст.). И такъ, объяснительное производство по межевымъ дѣламъ начинается вслѣдъ за первоначальнымъ вызовомъ сторонъ. Такой порядокъ нельзя назвать удачнымъ. Онъ совершенно не соотвѣтствуетъ важности объяснительнаго производства. Членъ суда по межевымъ дѣламъ не только принимаетъ объясненія сторонъ, но и повѣряетъ доказательства, что по всѣмъ инымъ дѣламъ происходитъ въ присутствіи суда, при рассмотрѣніи дѣла по существу. Такого рода дѣйствія не имѣютъ ничего общаго съ формальной инструкціей (312—318 ст. уст.),

предшествующей разсмотрѣнію всякаго инаго дѣла въ обыкновенномъ порядкѣ, и потому совершенно неумѣстны въ то время, когда судомъ еще не установлена подсудность межеваго дѣла по роду его и самое дѣло не очищено отъ побочныхъ вопросовъ, путемъ отдѣльнаго разсмотрѣнія заявленныхъ отводовъ. Практика поэтому давно отступила отъ буквального смысла 2 и 3 ст. межевыхъ правилъ. Обыкновенно судъ поручаетъ одному изъ своихъ членовъ объяснительное производство въ то время, какъ убѣдится, что межевое дѣло можетъ получить дальнѣйшее движеніе.

Переходимъ къ ближайшему разсмотрѣнію обязанностей члена суда, коему поручено межевое дѣло. По принятой въ уставѣ терминологіи, личныя и письменныя объясненія тяжущихся имѣють цѣлю (330. 354, 360, 362, 904 и 906 ст.) разъяснить дѣло въ его существѣ, а подъ повѣркою доказательствъ разумѣется (499—465 ст.) повѣрка письменныхъ актовъ, осмотръ на мѣстѣ и заключеніе свѣдущихъ людей. Все это такія дѣйствія, при посредствѣ коихъ складается то или иное убѣжденіе судьи по гражданскому дѣлу. Такимъ образомъ важность порученныхъ члену суда обязанностей несомнѣнна. Это своего рода предварительное слѣдствіе, имѣющее цѣлю исчерпать сушность дѣла и вполнѣ приготовить его къ правильному и безпрепятственному разрѣшенію въ судебномъ засѣданіи. Въ этихъ видахъ необходимо, прежде всего, обозрѣть весь наличный письменный матеріалъ не только по производству суда, но и за время полюбовнаго межеванія, для того, чтобы узнать, всѣ ли владѣльцы приняли участіе въ дѣлѣ, кто изъ нихъ является прямыми дачниками, а кто такъ называемыми вступщиками въ степень и по какимъ основаніямъ, чьи права освящены надлежащими актами и кому изъ владѣльцевъ необходимо представить еще эти доказательства и какія именно; узнаетъ членъ суда этимъ путемъ и причины, кои въ свое время препятствовали полюбовному разводу, и тогда самъ собою опредѣлится предметъ для личныхъ объясненій съ тяжущимися. Вызывая затѣмъ на извѣстный срокъ всѣхъ владѣльцевъ для этихъ объясненій, членъ суда обязанъ напомнить въ повѣствахъ тѣмъ изъ нихъ, для коихъ это необходимо, чтобы ко дню явки они представили свои крѣпости и доказательства. При личныхъ объясненіяхъ надлежитъ пополнить дѣло, конечно въ порядкѣ состязательнаго процесса, всѣми недостающими свѣдѣніями, выяснить требованія и намѣренія сторонъ относительно размежеванія и распросить о фактическомъ

владѣніи въ дачѣ, о положеніи усадьбъ, хозяйственныхъ заведеній. Членъ суда будетъ исполнѣ на высотѣ своихъ обязанностей, если при этихъ личныхъ объясненіяхъ, кромѣ того, приметъ мѣры къ сближенію сторонъ между собою и будетъ предлагать отъ себя проекты размежеванія, наиболѣе сообразные съ общими выгодами. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда безошибочный и уравнительный раздѣлъ земли стоитъ въ зависимости отъ приведенія въ точную извѣстность пространства, положенія и качества земли, на членѣ суда лежитъ обязанность, по порученію суда, произвести, съ участіемъ свѣдущаго лица, осмотръ на мѣстѣ, снять внутреннюю ситуацию и провѣрить окружную межу. Разъяснивши такимъ образомъ дѣло въ существѣ, членъ суда переходитъ, въ присутствіи сторонъ, къ формальной повѣркѣ письменныхъ доказательствъ по родамъ ихъ, указаннымъ въ межевыхъ законахъ, и на основаніи этой провѣрки составляетъ примѣрный расчетъ количеству земли, какое слѣдуетъ каждому изъ владѣльцевъ, а затѣмъ въ свое время составляетъ и проектъ нарѣзовъ, съ точнымъ описаніемъ границъ. Все происшедшее и оказавшееся при объяснительномъ производствѣ членъ суда заноситъ въ особый протоколъ, отмѣчая, между прочимъ, и тѣ факты, кои могутъ служить основаніемъ къ правильному распредѣленію между сторонами судебныхъ издержекъ.

4, 6, 7, 8 и 9 статьи правилъ самыя существенныя. Сдѣланная въ 4 статьѣ ссылка на оставляемые въ своей силѣ статьи законовъ межевыхъ показываетъ, что новыми правилами не измѣнены ни сущность судебно-межеваго разбирательства, ни система доказательная. Такимъ образомъ при размежеваніи по суду необходимо, прежде всего, постоянно имѣть въ виду интересы мѣстнаго спокойствія. Эта цѣль исполнѣ обеспечивается, во первыхъ, привлеченіемъ къ участію въ дѣлѣ безусловно всѣхъ владѣльцевъ дачи, и во вторыхъ, производствомъ межеванія цѣлыми, въ смыслѣ межевомъ, дачами. Первое правило прямо вытекаетъ изъ содержанія 1143 ст. X т. 3 ч. Второе правило буквально въ законахъ нигдѣ не выражено. Косвенные намеки содержатся въ 9 ст. правилъ судебно-межеваго разбирательства, въ 668 ст. X т. 2 ч. изданія 1876 года, въ примѣчаніи къ 1379 ст. уст. лѣсн. изданія 1856 г. и въ 817 ст. X т. 3 ч. Но это правило разумѣется и само собою. Специальнымъ размежеваніемъ довершается благая цѣль генеральнаго межеванія и, потому, всякому понятна необходимость держаться границъ, указанныхъ тѣмъ межеваніемъ, а не спутывать

добытые имъ результаты. Выполненію двухъ помянутыхъ существенныхъ условий судебно-межеваго разбирательства нисколько не препятствуетъ состязательное начало, положенное въ основу дѣйствующаго гражданскаго процесса. Конечно, суды въ настоящее время не имѣютъ права сами исправлять замѣченные въ ходѣ межеваго дѣла недостатки, но они обязаны отказывать въ искахъ, предъявленныхъ съ нарушеніемъ существенныхъ требованій закона. Такой выходъ для суда, между прочимъ, указанъ и кассационнымъ сенатомъ: а) въ рѣшеніи 1875 года № 423, гдѣ просительный пунктъ исковой не отвѣчалъ цѣлямъ межеваго разбирательства, б) въ рѣшеніяхъ 1875 года № 1027 и 1880 года № 264, когда истцы не привлекли всѣхъ владѣльцевъ дачи. Достаточно припомнить дѣло сараевскихъ крестьянъ, рассмотрѣнное въ 1888 году, въ Рязскѣ, московскою судебною палатою, чтобы понять, насколько важно въ интересахъ общественнаго благосостоянія судебное межеваніе производить при участіи всѣхъ владѣльцевъ и цѣлыми дачами. По этому дѣлу окружный судъ, увлекшись состязательнымъ началомъ, оставилъ безъ вниманія умышленный пропускъ одного владѣльца въ дачѣ, а люди смуты потомъ этимъ воспользовались, и въ итогѣ 30 человѣкъ, въ дѣйствительности мирныхъ гражданъ, понесли тяжкое наказаніе.

Затѣмъ, по прежнему судебное межеваніе необходимо производить только между лицами, показанными на планѣ дачниками или законными преемниками ихъ правъ (вступщики въ степень) и, притомъ, имѣющими дѣйствительное владѣніе въ дачѣ, дабы не примѣшивать къ межевому производству споровъ вотчинныхъ, коимъ судебными уставами указанъ свой особый процессуальный путь.

Система доказательная должна быть сохранена двойная, смотря по тому, когда въ дачѣ образовалось общее владѣніе. Если это владѣніе образовалось послѣ генеральнаго межеванія, то законъ предписываетъ (1158 ст. X т. 3 ч.) споры разбирать по двумъ главнымъ основаніямъ современнаго вотчиннаго права—по крѣпостямъ въ томъ смыслѣ, какое это слово получило со временъ учрежденія о губерніяхъ, и по давности владѣнія. Наоборотъ, если въ дачѣ сохранилось общее или черезполосное владѣніе отъ временъ генеральнаго межеванія, то споры необходимо разбирать по соображенію съ тѣми порядками, при коихъ то владѣніе возникло и сложилось. Этотъ разрядъ дѣлъ самый сложный, хотя уже рѣдкій.

ж. гр. и уг. пр. кн. ви 1890 г.

4

въ практикѣ. Одного знакомства съ дѣйствующимъ сводомъ межевыхъ законовъ совершенно недостаточно для правильнаго по суду разрѣшенія ихъ. Необходимо первоначально изучить: 1) порядокъ пожалованія земель и утвержденія правъ владѣнія во времена помѣстной системы, 2) порядокъ и всѣ формальности писцовыхъ описаній за время съ XVII столѣтія. Самымъ лучшимъ къ тому средствомъ мы находимъ систематическое чтеніе первыхъ двухъ томовъ перваго полнаго собранія законовъ отъ первой страницы до послѣдней. Такимъ путемъ для желающаго вполне уяснятся:

1) порядокъ *справки* недвижимыхъ имѣній въ помѣстномъ приказѣ по пожалованію, по наслѣдству, по записямъ купчимъ, мѣновнымъ, сдаточнымъ, раздѣльнымъ и закладнымъ, при переводѣ помѣстья въ вотчину и при пополненіи вотчинныхъ окладовъ;

2) содержаніе грамотъ жалованныхъ, правыхъ, послушныхъ, раздѣльныхъ, передѣльныхъ и сотныхъ;

3) кто были писцы, разряды ихъ (валовые и нарочно особые), способы повѣрки ихъ дѣйствій (розыщики);

4) значеніе слова „дачи“ до генеральнаго межеванія, со всѣми въ ней необходимыми въ извѣстной пропорціи принадлежностями; роды дачъ: особыхъ, съ иными въ однѣхъ четвертяхъ, мѣрныхъ, и приуроченныхъ; виды приурочиваній: по урочищамъ живымъ, по бортинымъ ухажьямъ, по звѣринымъ, птичьимъ и рыбнымъ ловлямъ; по поднятію водъ и по птичьимъ полетамъ;

5) понятіе о земляхъ описанныхъ, обводныхъ, дикихъ; примѣрныхъ, пустыхъ, порожжихъ, пустопомѣстныхъ, пустопорожжихъ, взлоинныхъ, отхожихъ, припущенныхъ, объ одоброваніи полей, о дѣсахъ вѣзжихъ и поверстныхъ;

6) разница въ порядкѣ раздачи земель изъ полей, описанныхъ писцами, и полей обводныхъ и дикихъ. Значеніе помѣты въ разрядѣ на челобитной, значеніе сыскной грамоты, книгъ мѣрныхъ и численныхъ, и цѣлый обрядъ отказа—относительно вотчинъ и ввоза, относительно помѣстій, съ особымъ въ этихъ случаяхъ юридическимъ значеніемъ;

7) содержаніе книгъ даточныхъ, писцовыхъ, переписныхъ, дозорныхъ, строельныхъ, засѣчныхъ, межевыхъ, приправочныхъ, отписныхъ, отказныхъ, раздѣльныхъ и составленныхъ по воеводствамъ отдѣльщиками;

8) взаимное отношеніе всѣхъ помянутыхъ крѣпостей между собою и по времени и необходимыя условія для „*справчивости*“ ихъ.

Затѣмъ надлежитъ перейти къ чтенію манифеста о генеральномъ размежеваніи земель (полн. собр. зак. 12474) и межевыхъ инструкцій въ подлинникѣ (тамъ же №№ 12570 и 12659)—этихъ по истинѣ 12 русскихъ таблицъ; тогда нетрудно уже будетъ овладѣть каждымъ межевымъ дѣломъ и самое занятіе, вопреки общепринятому мнѣнію, станетъ интереснымъ.

Въ видахъ болѣе правильнаго и успѣшнаго разсмотрѣнія межеваго дѣла, самый процессъ, какъ и прежде, раздѣленъ на двѣ стадіи: первая—опредѣленіе количества слѣдующей каждому владельцу земли, вторая—распредѣленіе земель по участкамъ. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы по каждому дѣлу такое раздѣленіе было безусловно необходимо. Если стороны всѣ на лицо, дѣлятъ цѣлую дачу и, при этомъ, о количествѣ слѣдующей каждому земли не спорятъ, то ничто суду не препятствуетъ перейти прямо ко второй стадіи процесса (см. рѣш. сената 1875 г. № 980). Наконецъ, исполненіе судебныхъ рѣшеній по межевымъ дѣламъ, какъ требующее особой техники и въ соотвѣтствіе принятымъ при генеральномъ межеваніи правиламъ, предоставлено исключительно межевымъ учрежденіямъ.

Заканчиваемъ наши замѣтки исправленіемъ кодификаціоннаго недосмотра. Въ 10 статьѣ вмѣсто 1368—1393 ст. уст. лѣсн. указаны 660—667 ст., и недосмотръ этотъ допущенъ въ 1876 году, при изданіи вновь законовъ о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражданскихъ (X т. 2 ч.).

Н. Побѣдоносцевъ.

По поводу проекта новаго закона о потравахъ.

Какъ извѣстно, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ представленъ въ государственный совѣтъ проектъ новаго закона о потравахъ. Цѣлью новаго закона является, съ одной стороны, усиленіе предупредительныхъ мѣръ, а съ другой—увеличеніе отвѣтственности за причиненные потравами убытки. Мѣры предупредительнаго характера заключаются въ учрежденіи особыхъ полевыхъ сторожей и въ возложеніи потребнаго на нихъ расхода на средства сельскихъ обществъ или волостей, т. е. на крестьянъ. Измѣненіе карательныхъ мѣръ заключается въ томъ, что виновные въ потравахъ хозяева скота будутъ подвергаться, кромѣ штрафа, еще

и аресту до одного мѣсяца въ первый разъ и на болѣе долгій срокъ, въ случаѣ повторенія, и что денежная отвѣтственность за отдѣльныхъ крестьянъ, въ случаѣ ихъ несостоятельности, будетъ падать на все сельское общество за круговую порукою всѣхъ его членовъ. Къ этимъ существеннымъ подробностямъ закона совершенно особнякомъ примыкаетъ предоставляемое владѣльцу земли или посѣвовъ право убивать чужихъ животныхъ и птицъ, наиболѣе вредныхъ полямъ и оставляемыхъ крестьянами безъ надлежащаго присмотра, причемъ подобныя распоряженія землевладѣльцевъ изъемяются отъ дѣйствія 153 статьи мирового устава, карающей за убой или изувѣченіе чужихъ животныхъ.

Несомнѣнно новый законъ, въ изложенномъ нами проектѣ, вытекаетъ изъ самыхъ добрыхъ намѣреній и исполненъ большимъ уваженіемъ къ интересамъ поземельной собственности, сельскохозяйственные плоды которой серьезно страдаютъ отъ потравъ скотами и птицами. Только общее направленіе закона и нѣкоторые подробности его мало согласованы какъ съ этими добрыми намѣреніями, такъ и съ дѣйствительными обстоятельствами и условіями земледѣльской дѣятельности и хозяйственного строя въ деревнѣ. Жалобы на потравы дѣйствительно существуютъ, но далеко не повсемѣстно, а преимущественно тамъ, гдѣ существуетъ чрезполостность владѣльческихъ и крестьянскихъ земель. Не надо забывать, что у насъ существуетъ цѣлый разрядъ частныхъ владѣльцевъ, которые, благодаря потравамъ, эксплуатируютъ окрестное населеніе, ведя нескончаемые процессы изъ за каждой перешедшей ихъ границы курицы и тѣмъ отравляя жизнь себѣ и сосѣднимъ крестьянамъ. Между тѣмъ тамъ, гдѣ искони установлены нормальные порядки и справедливыя сосѣдскія отношенія, потравы полей являются рѣдкостью, но въ этихъ случаяхъ виновные въ нихъ крестьяне сами спѣшатъ вознаградить пострадавшаго сосѣда землевладѣльца, если не деньгами, то, по крайней мѣрѣ, работками въ пользу его дней въ сѣнокосъ или въ жатву. Существующій порядокъ взысканія за потравы и высокія таксы вознагражденія, устанавливаемыя на земскихъ собраніяхъ представителями все того же крупнаго землевладѣнія, въ достаточной степени сурово наказываютъ виновныхъ и безобидно вознаграждаютъ пострадавшихъ. Попытаемся сдѣлать нѣсколько критическихъ замѣчаній по поводу подробностей новаго проекта.

Предупредительная мѣра въ формѣ учрежденія особыхъ поле-

выхъ сторожей безспорно могла бы принести извѣстную пользу, особенно въ средней Россіи и на югѣ, гдѣ полевныя угодья занимаютъ обширныя пространства и гдѣ не существуетъ ограждающихъ посѣвы изгородей, какъ это имѣетъ мѣсто на сѣверѣ. Но каждый разсчетливый и справедливый землевладѣлецъ долженъ имѣть полеваго сторожа на свой собственный счетъ, а никакъ не на средства сосѣдняго крестьянства. Возложеніе на сельскія общества этой новой натуральной повинности не можетъ не отозваться тяжело на средствахъ нашихъ и безъ того бѣдныхъ поселянъ. Еще былъ бы какой либо смыслъ учреждать официальныхъ полевыхъ сторожей на соединенныя средства всѣхъ представителей землевладѣнія, то есть помѣщиковъ, частныхъ землевладѣльцевъ другихъ сословій и крестьянскихъ обществъ, распредѣливъ между ними расходы пропорціонально количеству принадлежащей каждому полевой земли, но всю тяжесть охраненія полей возлагать на бѣднѣйшую часть населенія и несправедливо и нерасчетливо. Несправедливо потому, что охраненіе общихъ интересовъ населенія должно падать на средства всего населенія, а не части его, хотя бы и безропотно переносящей всякія сочиняемыя на его яко бы пользу мѣропріятія. Нерасчетливо же потому, что неумѣренное обремененіе платежныхъ способностей населенія и особенно крестьянъ, можетъ совершенно исчерпать ихъ средства и повлечь за собою всеобщее обѣдненіе, которое отзовется значительными недоборами на прочихъ общественныхъ и казенныхъ повинностяхъ и налогахъ. Учрежденіе исключительно крестьянскихъ полевыхъ сторожей, по нашему мнѣнію, представляетъ мало гарантіи и съ точки зрѣнія достиженія намѣченной закономъ цѣли. Никто не поручится, что крестьяне будутъ избирать въ полевые сторожа лучшихъ и добросовѣстнѣйшихъ людей; наоборотъ, съ большою достовѣрностью можно предсказать, что въ этой должности, какъ и въ прочихъ сельскихъ полицейскихъ должностяхъ, окажутся разные неисправные домохозяева и недоимщики, т. е., другими словами—худшіе люди.

Установленіе ареста, какъ наказанія за потравы, едва ли соотвѣтствуетъ имущественному характеру этого проступка. Въ дѣлахъ о потравахъ страхъ подвергнуться денежному штрафу или платежу убытковъ въ достаточной мѣрѣ можетъ удержать крестьянъ отъ умышленнаго совершенія потравъ чужихъ полей. За неосторожное же совершеніе ихъ несправедливо наказывать арестами,

тяжело отзывающимися на хозяйствѣ крестьянъ и обременяющими все населеніе расходами по устройству арестныхъ домовъ и по содержанію арестуемыхъ. Намъ могутъ возразить, что штрафы и вознагражденіе за причиненные потрами убытки не всегда возможно взыскать съ виновныхъ вслѣдствіе ихъ несостоятельности или прямой нищеты. Но къ населенію, доведенному жизненными условіями до подобнаго положенія, необходимо, по нашему мнѣнію, приходить не съ уголовною карою, а съ матеріальною и духовною помощью. Странно и даже безчеловѣчно нищихъ людей, ради одного только этого, толпами переселять въ арестные дома, изъ которыхъ они возвратятся еще болѣе обнищавшими, озлобленными и еще менѣе расположенными къ уваженію чужой собственности. Намъ извѣстны многіе землевладѣльцы, которые ради ихъ взаимныхъ интересовъ съ населеніемъ и добрыхъ сосѣдскихъ отношеній предпочитаютъ умѣренное возмѣщеніе причиненныхъ потравъ убытковъ судебной волокитѣ и суровымъ мѣрамъ взысканія. Отъ подобной селско-хозяйственной политики выигрываютъ обѣ стороны, а съ ними и землевладѣльческое хозяйство.

Еще меньшаго оправданія заслуживаетъ возложеніе денежной отвѣтственности за несостоятельныхъ домохозяевъ, виновныхъ въ потравѣ, на все сельское общество, за круговую порукою его членовъ. Представляя собою полный абсурдъ съ юридической точки зрѣнія, какъ примѣръ коллективной отвѣтственности всѣхъ за чужую вину, подобная мѣра неудобноисполнима и съ практической стороны. Во первыхъ, если не невозможно, то будетъ весьма затруднительнымъ самое взысканіе подобныхъ штрафовъ. Если производить его путемъ описи и продажи имущества отдѣльныхъ домохозяевъ селскаго общества, то отъ отвѣтственности будутъ избавлены какъ разъ сами виновные и она упадетъ на состоятельныхъ и въ тоже время наиболѣе достойныхъ и честнѣйшихъ крестьянъ, защита которыхъ отъ напрасной обиды и эксплуатаціи лежитъ на обязанности общественной власти. Если же взысканіе будетъ производиться путемъ включенія штрафовъ въ мірскую раскладку наравнѣ съ податями, то не будетъ ли эта процедура грозить успѣшному поступленію этихъ послѣднихъ? Наконецъ, сами подати и другіе обязательные сборы вездѣ ли поступаютъ у насъ аккуратно и безнедоимочно? Во вторыхъ, въ случаѣ успѣшнаго взысканія присужденныхъ за потраву штрафовъ со всего крестьянскаго общества, тѣмъ самымъ будутъ создаваться между членами

его ссоры и розни, которыя не могут не отозваться разрушительно на добрыхъ нравахъ населенія. Не дорожить же этими добрыми нравами могутъ только люди, стремящіеся повернуть Россію на путь варварства и совершенно позабывшіе о необходимости человѣческихъ условій и для нашего отечественнаго общежитія. Какъ извѣстно, круговая порука въ податной сферѣ потому только и существуетъ въ нашемъ законодательствѣ, что она никогда и нигдѣ не примѣнялась въ дѣйствительности.

Что касается права убивать чужихъ животныхъ и птицъ, особенно вредящихъ полямъ и оставляемыхъ хозяевами безъ присмотра, то этотъ пунктъ новаго проекта возбуждаетъ много недоразумѣній. Вѣдь и дѣйствующій законъ не воспрещаетъ убивать животныхъ, загнанныхъ во дворъ съ потравы, если хозяева ихъ, по извѣщеніи ихъ и чрезъ извѣстный срокъ, не придутъ за ними и не внесутъ слѣдующаго за потраву штрафа. Если же подъ новымъ правомъ разумѣется расправа съ животными на мѣстѣ самой потравы, соединенная, какъ давно уже мечтаютъ объ этомъ нѣкоторые землевладѣльцы изъ военныхъ, со стрѣльбой въ забравшіеся на ихъ поля скотъ, то это едва ли похвально и плохо вяжется съ нашею мирною русскою цивилизаціею. „Тутъ грѣха не оберешься“, какъ выражаются наши простодушные крестьяне, и благомыслящіе землевладѣльцы—мы въ этомъ увѣрены—откажутся отъ подобнаго предосудительнаго права. Интересно было бы знать, будутъ ли опубликованы общіе списки вредныхъ и лишенныхъ покровительства закона животныхъ, или въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вопросъ этотъ будетъ предоставленъ рѣшенію охранителей землевладѣльческихъ полей.

Вообще, разсматриваемый нами проектъ закона о потравахъ слѣдуетъ назвать неудачнымъ какъ въ цѣломъ, такъ и въ подробностяхъ. Онъ грѣшитъ теоретичностью и необдуманностью. Повидимому, составители его стоятъ далеко отъ нашей деревни и ея нуждъ и потребностей. Они жертвуютъ формальной строгости внутреннею и общественною справедливостію, и интересы временнаго удобства ставятъ выше общественныхъ задачъ и всесторонне понимаемыхъ дѣйствительныхъ нуждъ деревни и населяющихъ ее обывателей. Въ случаѣ успѣха проекта, онъ могъ бы оказать весьма плохую услугу охраняемому имъ землевладѣнію. Онъ немного увеличилъ бы шансы на болѣе вѣрное возмѣщеніе причиняемыхъ потравами убытковъ,

но значительно усилилъ бы дурныя отношенія и рознь между различными классами сельскаго населенія, а также послужилъ бы еще большему поработченію и обѣдненію крестьянской массы, этому повсемѣстному злу, объ избавленіи отъ котораго пора бы серьезно подумать и нашему обществу и его правящимъ сферамъ.

А. Тютрюмовъ.

У КОММИСИОНЕРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФИИ

И. И. АНИСИМОВА

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ.

Спеціальная продажа книгъ законовъ и другихъ изданій Кодификаціоннаго Отдѣла при Государственномъ Совѣтѣ, узаконеній и распоряженій Правительства, и всѣхъ вообще изданій по русской юридической литературѣ.

Печатается и въ скоромъ времени поступить въ продажу

КУРСЪ ГРАЖДАНСКАГО ПРАВА

соч. К. Побѣдоносцева

Часть 3. Договоры и обязательства

С.-П.-Б. 1890 г.

Только что отпечатаны и поступили въ продажу:

Анисимовъ А. Уставъ о пошлинахъ съ разъясненіями сената. С.-П.-Б. 1890 г. Ц. 1 р.

Берендтъ Э. Государственное хозяйство Швеціи, ч. I до 1809 г. С.-П.-Б. 1890 г. Ц. 5 р.

Василевскій А. Замѣтки о законоположеніяхъ, касающихся крестьянъ Прибалтійскихъ губ. Р. 1890 г. Ц. 1 р.

Воронцовъ-Вельяминовъ И. Сборникъ законоположеній о крестьянахъ для губерній, на коихъ распространяется дѣйствіе положенія о земскихъ начальникахъ, со всѣми дополненіями по 1 іюля 1890 г. Т. 1890 г. Ц. 2 р.

Временникъ Демидовскаго юридическаго лица, книги 50 и 51. Я. 1890 г. Ц. по 2 р. за книгу.

Ивановскій И. Собраніе дѣйствующихъ договоровъ, заключенныхъ Россією съ иностранными державами, Т. I, ч. 1 и 2. Договоры о промышленности и конвенціи о консулахъ и о наслѣдствахъ. О. 1890 г. Ц. 4 р. 75 к.

Каменоградскій И. и Бановутъ Н. Уставъ гражданскаго судопроизводства (съ измѣненіями для Прибалтійскихъ губ.). С.-П.-Б. 1890 г. Ц. 2 р.

Каменоградскій П. Уставъ уголовнаго судопроизводства, дополненный по продолженіямъ 1886, 1887, 1889 гг. и позднѣйшимъ узаконеніямъ, съ объясненіями по рѣшеніямъ уголовн. кассац. и общ. собр. кассац. дѣловъ чравит. сената. С.-П.-Б. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к.

Латкинъ Лекціи по вѣтшней исторіи русскаго права. С.-П.-Б. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Маврикій В. Новая инструкція церковнымъ старостамъ (Высочайше утвержд. 12 іюня 1890 г.). М. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Макалинскій И. Практическое руководство для судебныхъ слѣдователей, часть 1 и 2 изд. 3 дополн. С.-П.-Б. 1890 г. Ц. 6 р.

Моцлевъ М. Повторительный курсъ русскаго государственнаго права, изд. 2 дополн. С.-П.-Б. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Оксъ М. О врачебной тайнѣ. (Лекція, читанная въ одесскомъ юридическомъ обществѣ). С.-П.-Б. 1890 г. Ц. 25 к.

Правила и формы слѣдственнаго производства по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію духовнаго (епархіальнаго) суда. Руководство для духовныхъ слѣдователей. М. 1890 г. Ц. 1 р.

Русскій уголовный процессъ. (Краткій очеркъ) по судебнымъ уставамъ и положенію и правиламъ о земскихъ участковыхъ начальникахъ и городскихъ судьяхъ, примѣн. къ программѣ юридической комисіи. С.-П.-Б. 1890 г. Ц. 90 к.

Сборникъ свѣдѣній по Россіи за 1890 г. изд. центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ. С.-П.-Б. 1890 г. Ц. 2 р.

Сементовскій И. Уставъ о ссыльныхъ, съ приложеніемъ циркуляровъ министерства юстиціи и внутреннихъ дѣлъ. Т. 1890 г. Ц. 1 р. 60 к.

Сергѣевъ С. Императоръ Вильгельмъ II и вопросы международной политики. С.-П.-Б. 1890 г. Ц. 40 к.

Ферри Э. Преступленія и преступники въ наукѣ и въ жизни (лекціи). О. 1890 г. Ц. 40 к.

Ходотовъ Н. Сборникъ законовъ и распоряженій правительства о содержаніи по гражданской службѣ и о вычетахъ изъ него, въ двухъ книгахъ, изд. 5. П. 1890 г. Ц. 3 р.

Чижовъ В. Памятная книжка для земскаго начальника, уѣзднаго съѣзда и волостнаго суда. М. 1890 г. Ц. 25 к.

Якубъ Н. Справочная книжка всѣхъ должностей военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, которыя могутъ быть занимаемы военными чинами штабъ и оберъ-офицерскаго званія, съ указаніемъ содержанія имъ присвоеннаго. С.-П.-Б. 1890 г. Ц. 1 р. 20 к.

Ярмонкинъ В. Золото и кредитный рубль. С.-П.-Б. 1890 г. Ц. 1 р.

Яснопольскій Н. О географическомъ распредѣленіи государственныхъ доходовъ и расходовъ въ Россіи, ч. 1. К. 1890 г. Ц. 2 р.

Книги высылаются съ наложеннымъ платежомъ и чрезъ конторы транспортовъ; за посылаемые же по почтѣ взимается 10% съ рубля. Каталогъ юридическихъ книгъ магазина высылается бесплатно по первому требованію.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1891 году.

(Годъ двадцать второй).

Согласно съ утвержденною программю, ежемѣсячный журналъ „ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ помѣщаетъ на своихъ страницахъ изслѣдованія по вопросамъ, относящимся къ разнымъ частямъ права, критику и библіографію замѣчательнѣйшихъ юридическихъ сочиненій какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, разныя извѣстія, замѣтки и корреспонденціи и проч.—Кругъ предметовъ правовѣдѣнія журнала понимается въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ этотъ послѣдній установленъ на юридическихъ факультетахъ нашихъ университетовъ.

Журналъ издается подъ редакціей *С. А. Муромцева* и *В. М. Пржевальскаго*, при ближайшемъ участіи въ редакціи *Н. А. Каблукова*.

Цѣна ВОСЕМЬ руб. съ пересылкою и доставкою, безъ доставки СЕМЬ руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ главной конторѣ журнала, Петровскія торговыя линіи, контора *Н. Н. Печковской*, и въ книжномъ магазинѣ: *И. П. Анисимова*, на Никольской улицѣ.

Въ С.-Петербурѣ: въ книжномъ магазинѣ *И. П. Анисимова*, рядомъ съ Императорскою Публичною Библіотекою.

Въ Одессѣ: у *В. В. Скидана*, Греческая улица, д. № 9, кв. № 8.

Редакція журнала помѣщается въ Скатертномъ переулкѣ, въ д. № 22.

За переѣзду адреса гг. подписчики благоволятъ присылать деньгами или марками *сорокъ* коп.

Экземпляры журнала за 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887 и 1888 годы высылаются по 8 руб.; отдѣльныя книжки по 1 руб. Лица, выписывающія журналъ сразу за три года и болѣе, благоволятъ высылать по расчету *шести* руб. за годъ.

Содержаніе сентябрьской книги.

I. Международный союзъ уголовного права. *Н. Я. Фойницкаго*. II. Откуда идетъ деморализація нашей адвокатуры. *Н. П. Обнинскаго*. III. Бумажныя деньги въ сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатахъ. *Е. Энштейна*. IV. Гражданское судопроизводство въ Прибалтійскомъ краѣ. *И. М. Тютрюмова*. V. О городскихъ отхожихъ заработкахъ въ солигаличскомъ уѣздѣ Костромской губерніи. *Д. И. Жбанкова*. VI. Библіографія. VII. Разныя извѣстія и замѣтки.

Съ 1-го сентября 1890 г. вносъ принимается подписка

Н А Ж У Р Н А Л Ь

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ

ПРИ УЧАСТІИ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Подъ редакціей профессора московскаго университета Н. Я. Грота.

ИЗДАНИЕ А. А. АБРИКОСОВА.

ГОДЪ ВТОРОЙ

(съ 1-го ноября 1890 года).

Содержаніе четвертой книги журнала:

Отъ редакціи. *Н. Грота*.—*Кн. Е. Трубецкаго*. Политическіе идеалы Платона и Аристотеля въ ихъ всемірно-историческомъ значеніи.—*Э. Радлова*. Вольтеръ и Руссо.—*Л. Лопатина*. Нравственное ученіе Канта.—*А. Токарскаго*. Гипнотизмъ въ педагогикѣ.—*Н. Карьева*. Свобода воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса.—*Н. Грота*. Жизненные задачи психологій. Некрологъ: *М. И. Владиславлева*.—**Экспериментальная психологія**: *Н. Ламе*. Элементы воли.—**Общая характеристика**: *В. Розанова*. О борьбѣ съ Западомъ въ связи съ дѣятельностью одного изъ славянофиловъ.—*П. Астафьева*. Нравственное ученіе Гр. Л. Толстого и его критики.—**Обзоръ книгъ** по метафизикѣ, логикѣ, психологій, этикѣ и эстетикѣ.—**Обзоръ журналовъ**: *Zeitschrift f. Psychologie* *Е. Челпанова*.—*Mind*. *П. Мокіевского*.—Перечень статей въ иностранныхъ философскихъ журналахъ. Русскіе духовные журналы.—**Новыя книги**.—**Приложенія**: *Р. Колубовскаго*. Матеріалы для исторіи философіи въ Россіи.—Психологическое общество.

Общая программа журнала: 1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологій; въ понятія философіи и психологій включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ,—опытная и фیزیологическая психологія, психопатологія; 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ и русскихъ философовъ и психологовъ; 3) Общія обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи, и библіографія; 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія.

Журналъ будетъ выходить **пять** разъ въ годъ (вмѣсто 4 разъ): 1—5 ноября, 1—5 января, 1—5 марта, 1—5 мая, 1—5 сентября—книгами по 15—16 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ 6 р. безъ доставки,—6 р. 50 к. съ дост. въ Москвѣ и перес. въ другіе города Россіи; для членовъ психологическаго общества, а также сельскихъ священниковъ, учителей народныхъ школъ, студентовъ и воспитанниковъ учебныхъ заведеній—4 р. безъ дост.,—съ дост. и перес. 4 р. 50 к.—Заграницей 7 р. 50 к., а для русскихъ и славянскихъ студентовъ заграницей 5 р. Отдѣльная книга журнала стоить въ редакціи 1 р. 50 к. безъ дост. и перес., 2 р. съ дост. и перес.,—въ книжныхъ магазинахъ 2 р. 50 к. Цѣна оставшимся экземплярамъ журнала за I-й годъ: за четыре книги 4 р. безъ доставки, 5 р. съ пересылкой и доставкой. Отдѣльная книга въ редакціи 1 р. 25 к., съ доставкой и пересылкой 1 р. 50 к.

Подписка принимается въ помѣщеніи редакціи (Новинскій бульваръ, д. Котлярева, и конторы редакціи (Новинскій бульваръ, д. Важеновой), въ редакціи журнала „Русская Мысль“ и въ конторѣ типографіи А. Гатцука (Никитскій бульваръ, д. Гатцука); въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ, Н. П. Карбасникова въ Москвѣ, Петербургѣ и Варшавѣ; Н. Я. Оглобина въ Кіевѣ, Е. Распопова и Бѣлаго въ Одессѣ, и въ другихъ большихъ книжныхъ магазинахъ, а также въ конторѣ Печковской (Москва, Петровскія линіи).

93. Прямое обвиненіе или заявленіе подозрѣнія противъ извѣстнаго лица не можетъ служить основаніемъ къ непремѣнному привлеченію его въ качествѣ обвиняемаго и не служитъ препятствіемъ къ допросу такого заподозрѣннаго лица въ качествѣ свидѣтеля, если отъ допроса этого можно ожидать указанія на обстоятельства, выясняющія истинную роль заподозрѣннаго или ведущія къ открытію дѣйствительнаго виновника преступленія, причемъ, однако же, слѣдователь обязанъ предварить заподозрѣннаго о взведенномъ на него подозрѣніи и о правѣ его не давать объясненій по такимъ предметамъ, которые могутъ его уличить въ какомъ либо преступленіи (рѣш. общаго собр. кассац. д-та правительствующаго сената 5 декабря 1875 г. по дѣлу Штанга).

Примѣчаніе. Во всѣхъ случаяхъ, когда на жалобщика можетъ пасть отвѣтственность за несправедливость его показаній или за неосновательность заявленнаго имъ обвиненія, привлеченіе заподозрѣннаго лица къ отвѣтственности можетъ послѣдовать лишь по предъявленіи жалобщнику 307 ст. уст. угол. суд.

§ 31 прок. моск. суд. пал.; объясненія къ 55 ст. наказа.

94. Судебный слѣдователь вправе примѣнить къ дѣянію должностнаго лица, за которое противъ него возбуждено преслѣдованіе, статью уголовного закона, соотвѣтствующую законнымъ признакамъ преступленія, не стѣсняясь опредѣленіемъ, сдѣланнымъ начальствомъ обвиняемаго.

Примѣчаніе. Обнаруживъ при производствѣ слѣдствія о должностномъ лицѣ прикосновенность къ тому же дѣлу еще другаго должностнаго лица, или новое по должности же преступленіе, слѣдователь сообщаетъ о томъ, на основаніи 314 и 1097 ст. уст. угол. суд., прокурору суда.

§ 34 прок. моск. суд. пал.

95. Прежде допроса обвиняемаго по существу дѣла, отъ него отбираются свѣдѣнія, необходимыя для составленія статистическаго листка (ст. 20 и 21 наказа).

§ 38 прок. моск. суд. пал.; ст. 20 острожскаго, 144 ст. тамбовскаго, 197 ст. костромскаго, 178 ст. екатеринбургскаго, 51 ст. кіевскаго наказовъ.

96. Обвиняемому, передъ допросомъ его, предъявляется обвиненіе въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ по фактическимъ признакамъ приписываемаго ему преступнаго дѣянія, соотвѣтствующимъ существеннымъ частямъ законнаго состава преступленія.

§ 38 прок. моск. суд. пал.; 19 ст. острожскаго, 179 ст. екатеринбургскаго, 288 ст. с.-петербургскаго наказовъ.

прил. къ ж.гр. и уг. пр. вв. VII 1890 г.

97. Всякая ссылка обвиняемаго, сдѣланная въ его показаніи, на обстоятельства, особо уменьшающія его вину или его оправдывающія, обязательно провѣряется судебнымъ слѣдователемъ. Отказъ въ повѣркѣ такихъ ссылокъ можетъ быть сдѣланъ не иначе какъ по постановленію, которое и объявляется обвиняемому.

Примѣчаніе. Вопросъ о томъ, до сколькихъ разъ слѣдуетъ провѣрять ссылки обвиняемаго на его alibi, не можетъ быть разрѣшенъ утвердительно указаніемъ на опредѣленное число; рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ усмотрѣнія слѣдователя, основаннаго на всей совокупности обстоятельствъ дѣла.

§ 39 прок. моск. суд. пал.; 39 ст. острогожскаго, 334 ст. орловскаго наказовъ.

98. Личное задержаніе, какъ мѣру самую строгую, слѣдуетъ избирать только въ тѣхъ крайнихъ случаяхъ, когда слѣдователь не находитъ возможнымъ ограничиться менѣе строгою мѣрою. Въ постановленіи о взятіи обвиняемаго подъ стражу излагаются обстоятельства дѣла, съ оцѣнкою уликъ и доказательствъ основательности обвиненія, и указываются подробно тѣ соображенія, которыми слѣдователь руководствовался избирая эту, а не другую, менѣе строгую мѣру (опред. общ. собр. кассац. д-товъ правительствующаго сената 11 декабря 1872 г.).

Примѣчаніе. Въ отношеніи военныхъ лицъ мѣры пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда принимаются не на основаніи устава уголовного судопроизводства, а по правиламъ XXIV кн. св. воен. пост. (ст. 548—553 изд. 1869 г.).

§ 40 прок. моск. суд. пал.; ст. 25 острогожскаго наказа.

99. Судебный слѣдователь, одновременно съ предъявленіемъ постановленія о взятіи подъ стражу обвиняемаго, спрашиваетъ его, желаетъ ли онъ, чтобы были приняты мѣры къ предохраненію его имущества отъ растраты и, въ случаѣ просьбы, сообщаетъ о семъ мѣстному полицейскому или волостному начальнику.

§ 42 прок. моск. суд. пал.; 37 ст. острогожскаго, 191 ст. костромскаго, 188 екатеринбургскаго, 298 ст. с.-петербургскаго, 72 кievскаго 36 ст. саратовскаго наказовъ.

100. Такое же постановленіе, какъ и о взятіи подъ стражу, составляется слѣдователемъ по поводу избранія всякой другой мѣры пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, а равно и въ случаѣ измѣненія разъ уже принятой мѣры. Въ этихъ постановленіяхъ слѣдователь не ограничивается ссылкой

на 421 и 424 ст. уст. угол. суд., а каждое изъ обстоятельствъ, указанныхъ въ нихъ, оцѣниваетъ особо.

§ 43 прок. моск. суд. пал.; 186 екатеринбургскаго наказа.

101. Сумма поручительства или залога точно обозначается въ самомъ постановленіи слѣдователя (425, 1164, 1189 ст. уст. угол. суд.). Если во время производства предварительнаго слѣдствія окажется нужнымъ увеличить сумму поручительства или залога, то на пополненіе ихъ до вновь опредѣленной суммы или на представленіе новыхъ поручителей слѣдователь назначаетъ, принимая во вниманіе обстоятельства, вызвавшія необходимость измѣнить принятую мѣру, опредѣленный, болѣе или менѣе краткій, срокъ, по истеченіи коего поступаетъ съ обвиняемымъ согласно 428 ст. уст. угол. суд. Уменьшая сумму залога или поручительства, слѣдователь объявляетъ свое постановленіе по сему предмету поручителямъ и залогодателямъ и возвращаетъ послѣднимъ излишнюю часть залога.

Примѣчаніе 1. Поручителямъ за обвиняемаго предлагается представить удостовѣреніе объ ихъ состоятельности отъ полицейской или общественной власти.

Примѣчаніе 2. Слѣдователь не можетъ принять поручительство отъ лица, хотя и состоятельнаго, но уже опороченного приговоромъ суда, или о дурной нравственности котораго у слѣдователя имѣются свѣдѣнія.

§ 44 прок. моск. суд. пал.; 24 ст. острогскаго, 189 ст. востромскаго наказовъ, которые однако же не предоставляютъ обвиняемому срока на представленіе залога или поручительства.

102. Отдавая обвиняемаго подъ особый надзоръ полиціи, слѣдователь можетъ опредѣлить порядокъ этого надзора, о чемъ и сообщаетъ полиціи. Слѣдователю же принадлежитъ опредѣлить, если это по обстоятельствамъ дѣла необходимо, и порядокъ содержанія обвиняемаго подъ стражею.

§ 45 прок. моск. суд. пал.

103. По каждому отдѣльному слѣдственному производству объ одномъ и томъ же обвиняемомъ принимаются, съ соблюденіемъ общихъ правилъ, особыя мѣры пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Ссылки на мѣры, уже принятыя по другимъ дѣламъ, не допускаются.

§ 46 прок. моск. суд. пал.

104. По отсылкѣ дѣла, слѣдователь не вправе измѣнить или

отгнать принятую против обвиняемого мѣру пресѣченія способъ уклоняться отъ слѣдствія и суда.

§ 48 прок. моск. суд. пал.; 186 ст. екатеринбургскаго наказа.

105. Если содержащійся подъ стражею до представленія поручительства или залога представить таковыя уже послѣ окончанія дѣла и отсылки его по принадлежности, то слѣдователь, обсудивъ благонадежность поручительства или залога, во исполненіе первоначальнаго постановленія своего объ избраніи мѣры, освобождаетъ обвиняемаго, по особому о семъ постановленію, на поруки или подъ залогъ въ общемъ порядкѣ. Равно въ случаѣ заявленія поручителемъ или залогодателемъ ходатайства объ освобожденіи ихъ отъ принятыхъ ими на себя обязательствъ уже по окончаніи и дальнѣйшемъ направленіи дѣла, слѣдователь, записавъ это заявленіе въ протоколъ, составляетъ постановленіе о заключеніи обвиняемаго вновь подъ стражу, согласно первому своему о семъ постановленію, свѣдѣнія о коемъ должны быть въ его настольномъ реестрѣ (ст. 7 наказа), и, на основаніи 428 ст. уст. угол. суд., копію сего постановленія отсылаетъ для исполненія въ мѣстное полицейское управленіе. Всю переписку свою по сему предмету слѣдователь въ обоихъ случаяхъ препровождаетъ по принадлежности, въ дополненіе къ дѣлу.

Въ разсмотрѣнныхъ мною наказахъ нѣтъ такого постановленія, но указываемый порядокъ опредѣляется тѣмъ соображеніемъ, что, во первыхъ, въ этихъ случаяхъ слѣдователь не измѣняетъ принятой мѣры, а только приводитъ свои постановленія въ исполненіе, и во вторыхъ, что поручителямъ и залогодателямъ нельзя отказать въ правѣ представить находящагося на ихъ отвѣтственности обвиняемаго въ распоряженіе правительства во всякое время, когда они признаютъ то нужнымъ, или же придется предоставить имъ право по собственному распоряженію лишить обвиняемаго, явно обнаружившаго намѣреніе скрыться, свободы, впредъ до разрѣшенія судомъ ходатайства объ освобожденіи ихъ отъ отвѣтственности.

106. Возрастъ обвиняемаго точно опредѣляется или посредствомъ надлежащихъ справокъ о его лѣтахъ, или, при невозможности добыть таковыя—освидѣтельствованіемъ, когда есть основаніе предполагать, что обвиняемому во время совершенія преступленія было менѣе 10, 14, 17 или 21 года, или же болѣе 70 лѣтъ (94, 137—140, 144—146 и 74 ст. улож. о нак.; 214, 215 ст. 1 ч. X т. св. зак.; 212 ст. 1 ч. II т. св. зак.; 1048, 1052 и 1053 ст. IX т. св. зак.; рѣш. угол. кассац. департ. правит. сената 1869 г. № 958 и 1870 г. № 525). Возрастъ потерпѣвшаго отъ преступле-

нія опредѣляется, когда то нужно, такимъ же порядкомъ, какъ и возрастъ обвиняемаго (рѣш. угол. кассац. департ. правит. сената 1869 г. № 958 и 1870 г. № 65).

§ 49 прок. моск. суд. пал.; 202 ст. костромскаго, 290 ст. с.-петербургскаго наказовъ.

107. Справки о лѣтахъ, званіи и прежней судимости обвиняемыхъ, въ случаяхъ, указанныхъ въ ст. 413 и 414 уст. угол. суд., должны быть требуемы въ самый день допроса или не позже трехъ дней послѣ перваго допроса обвиняемаго. Справки о судимости собираются какъ по мѣсту приписки, такъ и по мѣсту жительства обвиняемаго. Отъ мѣстныхъ мировыхъ судей, волостныхъ правленій, сословныхъ учреждений и гражданского начальства справки о судимости требуются во всякомъ случаѣ, а отъ другихъ судебныхъ мѣстъ и лицъ и ихъ архивовъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣются указанія на прежнюю судимость обвиняемаго. Если окажется, что обвиняемый уже судился и былъ осужденъ, то слѣдователь обязанъ истребовать копію приговора или выписку изъ него и свѣдѣнія о томъ, былъ ли приговоръ этотъ приведенъ въ исполненіе и когда именно. О судимости каждаго обвиняемаго безъ исключенія наводятся справки и по вѣдомостямъ справокъ о судимости. Справки о званіи, особыхъ заслугахъ и отличіяхъ обвиняемыхъ, требуются: о показавшихъ о дворянскомъ своемъ происхожденіи—отъ дворянскихъ депутатскихъ собраній и уѣздныхъ предводителей дворянства; о потомственныхъ и личныхъ почетныхъ гражданахъ и купцахъ—отъ сословныхъ управъ; о чиновникахъ, если у нихъ нѣтъ указовъ объ отставкѣ—отъ подлежащихъ начальствъ и о состоящихъ въ военной службѣ—отъ подлежащихъ командъ (цирк. указъ правит. сената № 27).

Примѣчаніе. Въ случаяхъ, указанныхъ въ 5 п. 959 ст. уст. угол. суд., слѣдователь обязанъ, въ виду 152 ст. улож. о наказ., немедленно увѣдомить прокурора (948 ст. уст. угол. суд. по прод. 1886 г.) или подлежащаго мирового судью или предсѣдателя сѣзда мировыхъ судей (183 ст. уст. угол. суд.) о новомъ привлеченіи къ отвѣтственности осужденнаго или отбывающаго уже наказаніе по приговору мировыхъ или общихъ судебныхъ установлений, и просить указанныхъ должностныхъ лицъ сообщить ему, для приложенія къ слѣдствію, справку о времени пріостановленія исполненія тѣхъ приговоровъ.

§ 50 прок. моск. суд. пал.; 185 ст. екатеринбургскаго, 58, 59 и 62 ст.

киевского, 34 ст. острожского, 289 ст. с.-петербургского наказовъ, безъ примѣчанія.

108. На судебномъ слѣдователѣ лежитъ также обязанность, посредствомъ надлежащихъ справокъ, опредѣлить отношенія обвиняемаго къ потерпѣвшему (родственныя, служебныя, по опеку и т. под.) или особое свойство жертвы преступленія (состояніе въ бракѣ, въ дѣвчествѣ, во вдовствѣ и проч.), въ томъ случаѣ, когда эти обстоятельства имѣютъ вліяніе на квалификацію преступленія и опредѣленіе наказанія (напр. 395, 1449, 1451, 1476, 1523, 1525, 1526 п. п. 1, 5 и 6, 1530, 1534, 1547, 1580 и др. ст. уложенія).

§ 51 прок. моск. суд. пал. и 291 ст. с.-петербургскаго наказа.

109. За неполученіемъ затребованныхъ слѣдователемъ справокъ, предварительное слѣдствіе не останавливается въ дальнѣйшемъ направленіи, кромѣ случаевъ, когда справокою разрѣшаются вопросы о судебномъ преслѣдованіи обвиняемаго или о подсудности дѣла.

§ 52 прок. моск. суд. пал.

110. Въ случаѣ привлеченія къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ лицъ, подлежащихъ по возрасту призыву къ исполненію воинской повинности, слѣдователь обязанъ сообщить о томъ мѣстному уѣздному по воинскимъ дѣламъ присутствію (сбор. цирк. мин. юстиціи т. II № 9), а въ случаѣ привлеченія въ качествѣ обвиняемыхъ уволенныхъ въ запасъ арміи или временно-отпускныхъ, слѣдователь сообщаетъ о томъ мѣстному уѣздному воинскому начальнику и мѣстному городскому или уѣздному полицейскому управленію. Въ виду 47, 114 и 115 ст. особаго приложенія къ IX т. св. зак., судебный слѣдователь сообщаетъ сельскому и волостному начальству о привлеченіи къ отвѣтственности лицъ сельскаго состоянія.

§ 53 прок. моск. суд. пал. и статья 60 кievскаго наказа, которые не заключаютъ въ себѣ указанія на необходимость сообщеній о привлеченіи къ отвѣтственности лицъ сельскаго состоянія.

111. Производство, въ порядкѣ 353 ст. уст. угол. суд., объ умственныхъ способностяхъ обвиняемаго не смѣшивается съ производствомъ о преступленіи, совершенномъ заподозрѣннымъ къ разстройствѣ разсудка, а составляетъ особый самостоятельный томъ слѣдственнаго производства. Производство объ умственныхъ способностяхъ не зависитъ отъ производства о преступленіи и можетъ получить направленіе независимо отъ сего послѣдняго. Препроводивъ производство о безуміи, согласно 353 ст. уст. угол. суд., про-

курору, слѣдователь продолжаетъ производство по дѣлу о преступленіи, въ особенности, если по одному дѣлу съ заподозрѣнными въ сумашествіи привлечены въ качествѣ обвиняемыхъ и другія лица.

Первая часть этого постановленія прямо вытекаетъ изъ 353 ст. уст. угол. суд., которая предписываетъ передавать прокурору „все производство по сему предмету“ т. е. о безуміи, слѣдовательно, очевидно, законъ имѣть въ виду особое производство о безуміи. Требованіе § 54 прок. моск. суд. пал., чтобы къ производству о безуміи слѣдователи приступали уже по изслѣдованіи самаго событія преступленія и участвующихъ обвиняемаго обстоятельствъ, должно быть исключено въ виду цирк. мин. юстиціи № 83, ст. 35 острожскаго, 163 ст. екатеринбургскаго, 274 и 275 ст. с.-петербургскаго, ст. 72—75 кievскаго, ст. 33 и 34 саратовскаго наказовъ.

112. Представленіе свое о наложеніи запрещенія или ареста на имущество обвиняемаго, въ обезпеченіе падающаго на него взысканія, слѣдователь долженъ основать на особомъ постановленіи, въ которомъ обязанъ: а) объяснить существенныя улики противъ обвиняемаго; б) изложить подробно обстоятельства дѣла, коими обусловливается необходимость принятія указанныхъ мѣръ; в) точно означить сумму падающаго на обвиняемаго взысканія, и г) указать съ точностью имѣніе, подлежащее запрещенію, или движимое имущество, подлежащее аресту, а равно мѣсто ихъ нахожденія. Если для обезпеченія частнаго взысканія испрашивается наложеніе запрещенія на недвижимое имѣніе обвиняемаго, то слѣдователь обязанъ представить суду въ полномъ количествѣ слѣдующіе за напечатаніе запретительной статьи 1 руб. 50 коп., истребовать таковыя отъ просителя, и всѣ свѣдѣнія, указанные въ 618 ст. уст. гражд. суд. Опредѣленіе суда о наложеніи ареста приводится въ исполненіе чрезъ выдачу или посылку просителю исполнительнаго листа, съ означеніемъ судебного пристава, на котораго возлагается исполненіе.

Ст. 207 и 208 кoстрoмcкaгo, 347 и 348 oрлoвcкaгo, и 184 ст. eкaтepинбyргcкaгo, 80—82 кievcкaгo, ст. 26 сaрaтoвcкaгo нaкaзoвъ.

113. Представленія суду о сыскѣ обвиняемаго чрезъ публикацію основываются на особомъ о семъ постановленіи, въ которомъ слѣдователь обязанъ помѣстить свѣдѣнія, требуемыя 847 ст. уст. угол. суд., съ указаніемъ, когда именно и по какому дѣлу состоялось постановленіе о привлеченіи розыскиваемаго къ отвѣтственности въ качествѣ обвиняемаго и объяснить: а) какія именно мѣры были приняты слѣдователемъ для обнаруженія мѣста пре-

быванія скрывшагося лица; б) когда, откуда и при каких обстоятельствах скрылось то лицо; в) примѣты розыскиваемого, и г) мѣстонахождение имущества его.

Ст. 27 острожскаго, 349 ст. орловскаго, 185 ст. екатеринбургскаго, 76 и 77 кievскаго наказовъ.

114. Публикаціи о бродягахъ и о мертвыхъ тѣлахъ (348 ст. уст. угол. суд.) производятся самимъ слѣдователемъ, о чемъ составляется имъ особое постановленіе (ст. 46 наказа и цирк. мин. юст. т. I, № 339).

Примѣчаніе. Публикаціи производятся лишь по освидѣтельствуваніи бродягъ порядкомъ, указаннымъ въ 621 ст. уст. о бѣглыхъ (ст. 618 по прод. 1886 года).

Ст. 28 острожскаго и 26 ст. саратовскаго наказовъ допускаютъ непосредственную публикацію слѣдователемъ о бродягахъ, умалчивая о публикаціяхъ о мертвыхъ тѣлахъ; ст. 78 и 79 кievскаго наказа предоставляютъ самимъ слѣдователямъ публиковать лишь о мертвыхъ тѣлахъ.

115. Въ постановленіи о прекращеніи или пріостановленіи дѣла въ порядкѣ 277 ст. уст. угол. суд. судебный слѣдователь обязанъ подробно изложить: а) существенныя обстоятельства дѣла; б) соображенія, по коимъ считаетъ онъ неосновательнымъ заявленное на кого либо подозрѣніе, если ранѣе сего не составлено особаго постановленія о непривлеченіи этого лица въ качествѣ обвиняемаго; в) соображенія, по коимъ онъ признаетъ, что имъ были приняты всѣ мѣры, исчерпаны всѣ средства къ открытію виновнаго; г) поводъ и законное основаніе къ прекращенію или пріостановленію слѣдствія. Если постановленіе это будетъ составлено неполно или вообще небрежно, то дѣло можетъ быть возвращено слѣдователю для составленія обстоятельнаго постановленія.

Примѣчаніе 1. Направляя дѣло въ порядкѣ 277 ст. уст. угол. суд., слѣдователь обязанъ пополнить справочный листъ всѣми необходимыми свѣдѣніями, согласно 24 ст. наказа.

Примѣчаніе 2. Дѣла, производящіяся въ порядкѣ частнаго обвиненія, могутъ быть представлены на прекращеніе на основаніи 277 ст. уст. угол. суд. лишь по причинамъ, исчисленнымъ въ 16 и 27 ст. уст. угол. суд., или же по отсутствію въ обстоятельствахъ предъявленнаго обвиненія признаковъ преступнаго дѣянія (рѣш. общаго собранія правит. сената 1880 г. № 10).

Примѣчаніе 3. По дѣламъ, производящимся въ порядкѣ частнаго обвиненія, начинающимся не иначе какъ по жалобамъ и

прекращаемымъ за примиреніемъ сторонъ, неявка по вызову, безъ уважительныхъ причинъ, обвинителя равносильна отреченію отъ обвиненія и на общемъ основаніи 593 ст. уст. угол. суд. служитъ поводомъ къ представленію дѣла для прекращенія по 277 ст. уст. угол. суд.

Примѣчаніе 4. Дѣла, подлежащія разсмотрѣнію судебной палаты въ качествѣ первой инстанціи, направляются въ порядкѣ 277 ст. къ прокурору судебной палаты (рѣш. угол. кассац. департ. правит. сената 1884 года № 27).

Примѣчаніе 5. Требованіе начальства обвиняемаго о производствѣ слѣдствія надъ подчиненнымъ ему лицомъ обязательно для судебного слѣдователя, который не имѣетъ права не привлечь въ качествѣ обвиняемаго къ отвѣтственности лицо, надъ коимъ назначено слѣдствіе, хотя бы съ своей стороны признавалъ собранныя слѣдствіемъ улики для сего недостаточными. Но это не лишаетъ слѣдователя предоставленнаго ему по 277 ст. уст. угол. суд. права пріостановить производство слѣдствія, когда обнаружатся причины къ прекращенію онаго, въ силу самаго закона (ст. 16 уст. угол. суд.), или когда, по надлежащемъ обслѣдованіи дѣла, т. е. по допросѣ обвиняемаго и по повѣркѣ его объясненій, онъ убѣдится въ совершенной недостаточности уликъ обвиненія или даже въ невинности привлеченнаго къ слѣдствію лица. Въ такихъ случаяхъ, на основаніи 277 и 1091 ст. уст. угол. суд., слѣдователь представляетъ дѣло чрезъ прокурора тому установленію, отъ котораго зависитъ преданіе суду, такъ какъ отъ сего установленія зависитъ и прекращеніе слѣдствія. (Общаго собранія перваго и кассационныхъ департаментовъ правит. сената 1884 года № 21 и 1886 г. № 37).

Примѣчаніе 6. Порядокъ прекращенія слѣдствій о нижнихъ чинахъ и офицерахъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, указанъ въ примѣчаніи 3 къ ст. 56 наказа; во всѣхъ же другихъ случаяхъ слѣдствія о воинскихъ чинахъ прекращаются на основаніи 277 ст. уст. угол. суд. въ общемъ порядкѣ.

Примѣчаніе 7. Направляя дѣло по 277 ст. уст. угол. суд., слѣдователь можетъ принять условную мѣру въ отношеніи дальнѣйшаго способа храненія вещественныхъ доказательствъ, на случай утвержденія судомъ постановленія о прекращеніи дѣла.

Примѣчаніе 8. О направленіи дѣла въ порядкѣ 277 ст. уст. угол. суд. слѣдователь объявляетъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, о чемъ и отмѣчаетъ на постановленіи,

Примѣчаніе 9. Направляя дѣло, по воему имѣются лица, привлеченныя къ отвѣтственности въ качествѣ обвиняемыхъ, на прекращеніе по причинамъ, указаннымъ въ 16 ст. уст. угол. суд., судебный слѣдователь отмѣняетъ мѣры, принятыя для обезпеченія явки обвиняемыхъ къ слѣдствію и суду.

§§ 55 и 56 прок. моск. суд. пал.; 206 костромскаго, 191 ст. екатеринбургскаго ст. 30 острожскаго наказовъ; 7 примѣчаніе соответствуетъ указу московской судебной палаты отъ 19 марта 1882 г. по дѣлу о покушеніи на кражу у Бухмостова, Дубинина и Суровцева; 8 примѣчаніе взято изъ 87 ст. кievскаго наказа; ст. 33 саратовскаго.

116. Оконченное слѣдственное производство предъявляется обвиняемому только по его о томъ просьбѣ. При первомъ же допросѣ обвиняемаго по существу дѣла слѣдователь спрашиваетъ его, желаетъ ли онъ, чтобы ему предъявлено было слѣдственное производство, объяснивъ напередъ обвиняемому право его требовать прочтенія показаній, отобранныхъ въ его отсутствіе, а также предъявленія ему всего слѣдственного производства.

§ 59 прок. моск. суд. пал., сверхъ сего, требуетъ предъявленія обвиняемому слѣдствія и въ случаѣ дополненія послѣдняго по предложенію прокурора или судебной власти, что я нахожу излишнимъ, такъ какъ: а) дополнительное производство слѣдствія не можетъ представляться существеннымъ, если только слѣдствіе произведено сколько нибудь добросовѣстно; б) дополнительные дѣйствія только по случайности представляются таковыми; они могли составить часть главнаго слѣдственного производства; в) для обвиняемаго, разъ уже отказавшагося отъ предъявленія ему слѣдствія, заявившаго, что въ этомъ предъявленіи онъ не нуждается, безразлично, когда именно и въ какомъ порядкѣ будутъ произведены тѣ или другія слѣдственные дѣйствія: по инициативѣ ли самаго слѣдователя во время производства слѣдствія, или же по предложенію прокурора о дополненіи слѣдствія; ст. 32 острожскаго наказа не требуетъ предъявленія по дополненіи слѣдствія.

117. Въ повѣсткѣ о вызовѣ обвиняемаго для предъявленія ему слѣдственного производства указывается какъ цѣль вызова, такъ и право обвиняемаго, если онъ не желаетъ предъявленія ему оконченнаго слѣдствія, отказаться отъ явки по этому вызову. Второй экземпляръ такой повѣстки съ роспискою получателя прилагается къ дѣлу (ст. 28 наказа).

§ 60 прок. моск. суд. пал., 182 ст. екатеринбургскаго наказа.

118. Закончивъ слѣдствіе, слѣдователь составляетъ особое постановленіе о дальнѣйшемъ направленіи дѣла.

Примѣчаніе. Направивъ дѣло въ порядкѣ 482 ст. уст. угол.

суд., слѣдователь сообщаетъ участковому товарищу прокурора копію своего о томъ мотивированнаго постановленія.

§ 73 прок. моск. суд. пал.; 88 ст. кіевскаго, ст. 31 саратовскаго и 193 ст. екатеринбургскаго наказовъ. Требованіе такъ называемыхъ заключительныхъ постановленій, съ помѣщеніемъ въ нихъ всѣхъ необходимыхъ для суда справочныхъ свѣдѣній, устрояется ст. 24 наказа.

119. Направивъ дѣло о бродягѣ, обвиняемомъ только по 950, 951 и 952 ст. улож. о нак., къ участковому товарищу прокурора, слѣдователь дѣлаетъ распоряженіе о немедленномъ переводѣ арестанта въ губернский тюремный замокъ.

Ст. 29 острогожскаго, 146 тамбовскаго, 205 костромскаго наказовъ, такъ какъ въ названныхъ округахъ всѣ дѣла о бродягахъ разсматриваются въ губернскихъ городахъ; ст. 29 саратовскаго наказа.

120. Судебные слѣдователи доставляютъ отчетныя вѣдомости по установленнымъ формамъ: 1) лицамъ прокурорскаго надзора: а) ежемѣсячныя вѣдомости—о движеніи всѣхъ дѣлъ по участку и б) шестимѣсячныя вѣдомости—объ арестантахъ, содержащихся за судебнымъ слѣдователемъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ, и 2) окружному суду—третнюю и годовую вѣдомости о движеніи всѣхъ дѣлъ по участку.

Примѣчаніе 1. Если общее число оставшихся неоконченными слѣдствій будетъ превышать $\frac{1}{4}$ часть слѣдствій, возникшихъ въ теченіи отчетной трети, то слѣдователь, съ представленіемъ вѣдомости, обязанъ объяснить суду причины такого накопленія дѣлъ.

Примѣчаніе 2. Дѣла, возвращенныя для дополненія, показываются въ вѣдомостяхъ въ особомъ примѣчаніи, съ указаніемъ сколько изъ нихъ не окончено и почему.

Примѣчаніе 3. Мѣсячныя, шестимѣсячныя и третныя вѣдомости должны быть отправлены слѣдователемъ не позже 3 числа слѣдующаго за отчетнымъ мѣсяцемъ, а годовая—не позже 15 января.

Примѣчаніе 4. Въ порядкѣ судебной отчетности по дѣламъ уголовнымъ слѣдователи руководствуются приложенными къ циркуляру министерства юстиціи по I т. сборника № 279 Высочайше утвержденными 11 ноября 1871 года правилами о преобразованіи системы судебной отчетности и разъясненіями о порядкѣ примѣненія этихъ правилъ, а равно дальнѣйшими разъясненіями этихъ правилъ циркулярами министерства юстиціи.

Ст. 23 временныхъ правилъ о внутреннемъ распорядкѣ; 139 ст. екатеринбургскаго наказа говоритъ о формахъ, установленныхъ старшимъ предсѣдателемъ палаты, а 352 и 353 ст. орловскаго наказа говорятъ о фор-

махъ, утвержденныхъ министерствомъ юстиціи. Ст. 97 кievскаго наказа требуетъ для суда лишь одного годоваго отчета къ 1 февраля.—Полагалъ бы необходимымъ, за неимѣніемъ у слѣдователей вышеозначеннаго сборника, издать особой брошюрой сводъ правилъ о судебной отчетности, съ разъясненіями ихъ циркулярами министерства юстиціи. Такой сводъ уже составленъ мною и будетъ отпечатанъ въ самомъ непродолжительномъ времени, если на изданіе его будетъ получено мною разрѣшеніе.

121. Независимо отъ сего наказа, судебные слѣдователи, въ порядкѣ производства предварительныхъ слѣдствій, руководствуются циркулярными указами правительствующаго сената и циркулярными распоряженіями министерства юстиціи.

Полагалъ бы необходимымъ издать особой брошюрой указатель циркуляровъ министерства и циркулярныхъ указовъ правительствующаго сената, съ краткимъ изложеніемъ сущности ихъ содержанія, каковой указатель уже составленъ мною и будетъ изданъ въ самомъ непродолжительномъ времени, если на изданіе его будетъ получено мною разрѣшеніе. Изданіе такого указателя я нахожу необходимымъ, во первыхъ, потому, что этимъ избѣгаются повторенія въ наказѣ циркуляровъ министерства и указовъ сената, чѣмъ грѣшатъ разсмотрѣнные мною указы другихъ судовъ, причѣмъ указы эти, повторяя лишь нѣкоторые изъ циркуляровъ, не объясняютъ, почему же именно не приводятъ они другихъ, болѣе важныхъ циркуляровъ и указовъ, имѣющихъ болѣе серьезное значеніе въ практической дѣятельности слѣдователей; во вторыхъ, потому, что слѣдователи, на сколько мнѣ извѣстно, не всѣ имѣютъ сборники циркуляровъ министерства юстиціи и указовъ правительствующаго сената, и въ третьихъ, потому, что, по обширности тѣхъ сборниковъ, заключающихъ въ себѣ нерѣдко такіа распоряженія министерства юстиціи, которыя потеряли уже силу вслѣдствіе позднѣйшихъ распоряженій министерства же или вслѣдствіе позднѣйшихъ же указовъ правительствующаго сената, коимъ они противорѣчатъ (напр. о порядкѣ взысканія штрафовъ и др.), пользованіе тѣми сборниками едва ли можетъ быть признано удобнымъ. Между тѣмъ, изъ числа изданныхъ по настоящей годъ, въ количествѣ болѣе 705, циркуляровъ министерства, только 82, а изъ числа болѣе 154 циркулярныхъ указовъ сената—только 30, какъ оказывается по тщательной ихъ повѣркѣ, имѣютъ отношеніе къ служебной дѣятельности слѣдователей, и дополняя наказъ, не только могутъ, но и должны служить имъ руководствомъ.

122. Уголовное отдѣленіе суда, на основаніи 250 ст. учр. суд. уст. по прод. 1886 г., вправѣ указать судебному слѣводителю, если признаетъ это нужнымъ, на допущенное послѣднимъ нарушеніе установленнаго порядка проиводства предварительныхъ слѣдствій, или на иныя упущенія, замѣченныя судомъ при разсмотрѣнніи дѣлъ въ распорядительныхъ или судебныхъ засѣданіяхъ. При повтореніи тѣхъ же нарушеній, или въ виду иныхъ упущеній, когда дѣятельность судебного слѣдователя будетъ признана вообще небреж-

ною, уголовное отдѣленіе суда передаетъ всѣ сдѣланныя имъ судебному слѣдователю указанія на разсмотрѣніе общаго собранія суда.

Примѣчаніе. Въ канцеляріяхъ уголовныхъ отдѣленій окружнаго суда ведутся особые для каждаго судебного слѣдователя наряды черновыхъ отпусковъ сдѣланныхъ имъ указаній.

Такого постановленія нѣтъ въ другихъ наказахъ, но практическое значеніе его понятно. Ссылка на 250 ст. учр. суд. уст. обусловливается разнорѣчіемъ въ пониманіи закона практикою, такъ какъ многіе полагаютъ, что означенный законъ имѣетъ въ виду лишь общее собраніе суда; но само собою разумѣется, что такое толкованіе сего закона равносильно устраненію всякаго надзора со стороны суда за слѣдователями, за исключеніемъ случаевъ развѣ только преступныхъ, ибо тѣ или другія, болѣе или менѣе важныя и существенныя нарушенія порядка и правилъ и формъ производства могутъ быть замѣчены едва-ли не въ каждомъ, безъ исключенія, слѣдствіи; входитъ же въ каждомъ такомъ отдѣльномъ случаѣ съ особымъ представленіемъ въ общее собраніе суда, отдѣленіе послѣдняго не будетъ имѣть даже физической возможности, а общее собраніе суда, конечно, не успѣвало бы разсматривать массу подобныхъ представленій.

ДОПОЛНЕНИЯ.

Къ примѣч. 1 къ ст. 47.—Такое опредѣленіе понятій о законномъ поводѣ и достаточномъ основаніи къ производству слѣдствія не можетъ быть признано правильнымъ по соображеніямъ, подробно изложеннымъ въ статьѣ моей: „О пререканіяхъ судебныхъ слѣдователей съ прокурорскимъ надзоромъ. (Журналъ гражд. и угол. права кн. V за 1890 годъ)“. Въ этой статьѣ понятіе о законномъ поводѣ опредѣлено въ смыслѣ *наличности факта преступленія или его признаковъ, свидѣтельствующихъ о несомненной наличности въ происшествіи преступленія, заявленныхъ слѣдственной властью однимъ изъ способовъ, указанныхъ въ 297 ст. уст. угол. суд., при соблюденіи установленныхъ закономъ условій*: опредѣленія подсудности (ст. 200), погашенія уголовной отвѣтственности (ст. 16), предварительнаго разрѣшенія преюдиціальныхъ вопросовъ (ст. 27), предъявленія требованія о производствѣ слѣдствія со стороны тѣхъ установленій, которымъ предоставлено исключительное право на возбужденіе уголовного преслѣдованія противъ нѣкоторыхъ, указанныхъ въ законѣ, преступленій (ст. 1006, 1080, 1089, 1213⁶), и другихъ. Понятіе же о достаточномъ основаніи опредѣлено въ смыслѣ *наличности уликъ и доказательствъ, какъ средствъ обнаружить преступника и доказать его виновность*. Доказательство же самаго совершенія преступнаго дѣянія, наличности въ происшествіи факта преступленія или его признаковъ, составляютъ предметъ и цѣль розыска и дознанія.

Къ ст. 54.—Статья эта заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Если изложенныя подъ этою статьею соображенія правильны, то нѣтъ ли лучшаго способа логически примирить текстъ этой

статьи съ первымъ къ ней примѣчаніемъ, помимо, такъ сказать, механическаго ихъ соединенія.

Къ примѣч. 2 ст. 56.—При обсужденіи этой статьи слѣдуетъ принять во вниманіе помѣщенную въ кн. I за 1890 годъ Журнала гражд. и угол. права замѣтку г. Шамонина: „О правѣ судебного слѣдователя требовать дополненія дознанія“. Замѣтка эта не встрѣтила еще возраженій. Съ своей стороны я нахожу, что г. Шамонинъ опирается на неправильную постановку имъ вопроса, подлежащаго разрѣшенію. Но такъ какъ возраженія, которыя могутъ быть сдѣланы г. Шамонину, по характеру и обширности необходимыхъ разъясненій, не могутъ войти въ проектъ наказа, то я имѣю въ виду изложить ихъ въ особой статьѣ.

Къ ст. 68.—Было бы весьма желательно, чтобы кто нибудь взялъ на себя трудъ разъяснить вопросъ объ образѣ дѣйствія слѣдователя въ томъ случаѣ, когда спорная вещь будетъ тлѣнная.

Къ ст. 72—80 и 87.—Болѣе подробныя разъясненія основаній проектируемаго порядка изложены въ статьѣ моей: „Судебно-медицинская экспертиза по циркулярнымъ указамъ правительствующаго сената“ (Журналъ гражд. и угол. права книга IV за 1890 годъ).

Къ ст. 121.—Изданіе такихъ указателей встрѣтило препятствія. Поэтому, я полагаю, что взаимнѣ этихъ указателей могутъ быть изданы, по собственному распоряженію суда, соответствующіе сборники, съ точною перепечаткою текста циркуляровъ сполна.

Къ ст. 122.—Редакція 250 ст. учрежд. по прод. 1886 года возбудила упорное разномысліе по вопросу о томъ: не слѣдуетъ ли подъ именемъ „судебнаго мѣста“ разумѣть только общее собраніе суда, или же законъ имѣетъ въ виду отдѣленія суда? Поэтому ст. 122 должна обратить на себя особенное вниманіе. Съ своей стороны я нахожу, что ограниченіе понятія о судебномъ мѣстѣ общимъ собраніемъ суда не только неправильно, уже потому, что и за отдѣленіемъ или присутствіемъ суда, очевидно, не можетъ быть отнято значеніе судебного мѣста, но и, сверхъ сего, имѣло бы своимъ практическимъ послѣдствіемъ устраненіе дѣйствительнаго надзора за слѣдователями со стороны суда: непра-

вильности и упущения въ производствѣ слѣдствій замѣчаются такъ часто, что уже одна только необходимость безпрерывныхъ и постоянныхъ со стороны суда указаній и разъясненій, помимо другихъ неудобствъ, исключаетъ физическую возможность для отдѣленія суда передавать всѣ свои замѣчанія на весьма сложное обсужденіе общаго собранія суда.

Приложение къ ст. 6 наказа (примѣчаніе).

1. ФОРМА РАЗСЫЛЬНОЙ КНИГИ.

№ по по- рядку.	Мѣсяцъ и число от- правленія.	Кому или куда адре- сованы пакеты.	№№ реестра исходящихъ бумагъ.	Число паке- товъ.	Росписка въ полу- ченіи.

2. ФОРМА АЛФАВИТНАГО УКАЗАТЕЛЯ.

№ № по по- ряду.	Фамилія, имена, отчества и званія привлеченныхъ къ отвѣтственности и лицъ, потерпѣвшихъ отъ пре- ступленія.	Были ли обвиняе- мые или потер- пѣвшими по дѣлу.	№ № дѣлъ по на- стоятельному, съ оз- наченіемъ года этого реестра дѣламъ.	
				А
				Б
				В
				Г
				Д
				Е

Приложеніе къ ст. 7 наказа.

НАСТОЛЬНЫЙ РЕЕСТРЪ
Д Ъ Л А М Ъ
СУДЕБНАГО СЛѢДОВАТЕЛЯ
ВИЛЕНСКАГО ОКРУЖНАГО СУДА.

_____ *участка*

_____ *уѣзда.*

1888 ГОДА.

№ по порядку.	№ входящаго реестра.	Годъ, мѣсяцъ и число вступленія.	Названіе дѣла.	Движеніе дѣла.	Годъ, мѣсяцъ, число и № ис- полненія ра- споряженія и направленія дѣла.
			Началось по (297 ст. уст. уг. суд.)		
	Какія именно веществен- ныя доказательства имѣ- ются при дѣлѣ.			Кому принад- лежать, отъ кого отобраны, между кѣмъ находятся въ спорѣ.	Гдѣ хранятся, когда сданы на храненіе.

№ по порядку.	Фамиліи, имена, отчества, званія обвиняемыхъ и потерпѣвшихъ.	Какая принята мѣра пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда.	Кто представилъ залогъ или поручительство.	Въ какой суммѣ.	Гдѣ проживаютъ или находятся: обвиняемые, потерпѣвшіе, поручители и залогодатели.
	Обвиняемые:				
	Потерпѣвшіе:				
Сколько представленийъ было сдѣлано о принятіи мѣръ къ обезпеченію убытковъ и сколько изъ нихъ уважено судомъ.			Представлено.		Уважено.
Сколько лицъ оштрафовано за неявку по вызову.			Понятыхъ.	Свѣдущ. лицъ.	Свидѣтелей.
					На какую сумму.

Приложене къ 13 ст. наказа.

Арестантское.

По настольному реестру

188 ____ года № ____

Д Ъ Л О

ВЪ ТОМ ____

СУДЕБНАГО СЛѢДОВАТЕЛЯ

Виленскаго окружнаго суда

по ____ участку

_____ уѣзда

(съ ____ приложеніям ____)

Начато _____ 1888 года.

Кончено _____ 1888 года.

На _____ листахъ.

*Приложенія къ 20 ст. наказа.
Формы протоколовъ и постановленій.*

№
**ПРОТОКОЛЪ ДОПРОСА
ОБВИНЯЕМАГО.**

188 года _____ дня. Судебный слѣдователь виленскаго окружнаго суда, по _____ участку _____ уѣзда (фамилія слѣдователя) допрашивалъ (чрезъ переводчика съ такого-то языка или нарѣчія или безъ такового) въ камерѣ своей (или въ селеніи такомъ то), въ качествѣ обвиняем _____ нижепоименован _____, котор _____ на предложенныя согласно 403 ст. уст. угол. суд. вопросы показал _____:

1. Имя, отчество и фамилія:
2. Возрастъ во время совершенія преступленія:
3. Мѣсто рожденія и крещенія:
4. Мѣсто приписки:
5. Постоянное мѣстожителство и временное пребываніе:
6. Рожденіе (законное или незаконное):
7. Званіе (состояніе, сословіе, чинъ, гдѣ служить, имѣетъ ли знаки отличія и какія именно):
8. Народность и племя:
9. Религія:
10. Какое получилъ образованіе или вообще грамотенъ ли:
11. Семейныя отношенія (женатъ, вдовъ, живетъ въ разводѣ, при родителяхъ, имѣетъ ли дѣтей, сирота, подкидышъ и т. д.):
12. Занятіе или ремесло:
13. Степень имущественнаго обезпеченія:
14. Особыя примѣты (глухъ, слѣпъ, нѣмъ и, вообще, примѣты, которыя могутъ содѣйствовать къ его розыску):
15. Въ какихъ отношеніяхъ состоитъ къ потерпѣвшему отъ преступленія:
16. Не состоитъ ли или не состоялъ ли подѣ слѣдствіемъ или судомъ, и если состоялъ, то гдѣ именно, по какому дѣлу, и какъ кончилось дѣло:

По существу обвиненія и обстоятельствомъ дѣла обвиняемый показавъ: (На протоколѣ должна быть отмѣтка имени, отчества, фамиліи, званія и мѣстожителства переводчика и лица, подписавшагося за неграмотнаго обвиняемаго).

№

**ПРОТОКОЛЬ ДОПРОСА
СВИДѢТЕЛЯ.**

188 года _____ дня. Судебный слѣдователь виленскаго окружнаго суда, по _____ участку _____ уѣзда (фамилія слѣдователя), допрашивалъ (черезъ переводчика съ такого то языка или нарѣчія или безъ переводчика), въ камерѣ своей (или въ такомъ то селеніи или мѣстѣ), въ качествѣ свидѣтеля, нижепоименованнаго, который, по предупрежденіи, согласно 443 ст. уст. угол. суд., о присягѣ (или на основаніи 704, 705, 709, 712 ст. уст. угол. суд.), на предложенные вопросы показаль:

№

ПОСТАНОВЛЕНІЕ.

188 года _____ дня. Судебный слѣдователь виленскаго окружнаго суда, _____ участка _____ уѣзда (фамилія слѣдователя), рассмотрѣвъ въ камерѣ своей (или въ такомъ то мѣстѣ), дѣло такое то, нашелъ:

Приложение къ 24 ст. наказа.

СПРАВКИ

судебнаго слѣдователя _____ участка _____ уѣзда, по дѣлу _____
по настоящему реестру 188 _____ г. № _____
Составленъ _____ дня 188 _____ года.

1. Фамиліи, имена и отчества обвиняе- мыхъ.	Л. д. постановл. о привлеченіи къ от- вѣтствен. и прото- колъ допроса.	Приняты мѣры спосо- бовъ уклониться отъ суда. (Если содер- жатся подъ стражей, то съ какою времени).	Л. д. постановл. о при- нятіи этихъ мѣръ.	Подъ надзоромъ какой полиціи находится, въ какомъ тюремномъ замкѣ содержится, кто взятъ на поруки, кто представилъ залогъ.	Л. д. подписки о неот- лучѣ, распоряженіи объ учрежденіи над- зора или заключенія подъ стражу, поручи- тельной подписки, по- стан. о прин. залога.

къ 5 л.

3. Точное перечисленіе предметовъ, приобщенныхъ къ дѣлу въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ.	Л. д. протоколовъ осмотра и постановленій о приобщеніи вещест. доказ. къ дѣлу.	Гдѣ хранятся, когда, кому и за какимъ № отправлены на храненіе.	Листы дѣла протоколовъ осмотра и оцѣнки.	Кому принадлежатъ, у кого, когда и кѣмъ отобраны (при производствѣ дознанія или слѣдствія, по обыску или предавленію) и между кѣмъ находятся въ спорѣ.	Листы дознанія и слѣдствія съ этими свидѣніями.
4. Имѣется ли при дѣлѣ счетъ судебныхъ издержекъ и если имѣется, то на какомъ листѣ дѣла.					
5. Кѣмъ именно заявленъ гражданскій искъ.	На какомъ листѣ дознанія и слѣдствія на ходятся эти заявленія и постанов. о призн. ихъ гражд. исцами.	Когда состоялось постановленіе и какия мѣры приняты къ обезпеченію гражданскаго иска, когда и за какимъ № представлено суду.	Л. д. этого постановленія и справки о представленіи суду.	Уважено ли судомъ ходатайство о принятіи мѣръ обезпеченія гражданскаго иска, и когда и за какимъ № сообщено объ этомъ слѣдователю.	Листы дѣла этихъ свидѣній и сообщеній.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Авторъ присылаемыхъ рукописей, редакція проситъ озаботиться яснымъ и четкимъ письмомъ текста, особенно иностраннаго, а равно и цитать, для устраненія отказа въ помѣщеніи статьи—по неразборчивости почерка. Рукописи, неудобныя къ печатанію, не возвращаются, но могутъ быть получены въ редакціи авторами или уполномоченными ими лицами. По истеченіи года, со дня полученія, рукописи, невзятые обратно—уничтожаются.

2) Гоноратъ, въ установившемся размѣрѣ, получается въ редакціи самими авторами; иногороднымъ онъ высылается по особому, каждый разъ, заявленію ихъ, съ вычетомъ почтовыхъ расходовъ. Статьи, получаемыя безъ заявленія о вознагражденіи, считаются бесплатными.

3) Статьи не должны превышать *трехъ печатныхъ листовъ*. Статьи, превышающія этотъ размѣръ, печатаются по особому соглашенію съ редакціею, а при отсутствіи особаго соглашенія, по усмотрѣнію редакціи. Всѣ принятые для напечатанія статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и исправленію.

4) Лицъ, желающихъ видѣть скорѣйшій разборъ ихъ трудовъ, редакція проситъ, въ обоюдномъ интересѣ, доставлять свои сочиненія *въ двухъ экземплярахъ*, тотчасъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ.

5) Объявленія печатаются: для періодическихъ изданій *бесплатно*, при условіи взаимности; для всѣхъ прочихъ—по 5 руб. за страницу и 30 к. за строку. За разсылку объявленій при журналѣ, взимается по 10 р. съ тысячи.

6) **О перемѣнѣ адреса** сообщается редакціи своевременно, до сдачи книги на почту; при невозможности же исполнить это, слѣдуетъ сообщить мѣстной почтовой конторѣ свой новый адресъ и извѣстить редакцію о перемѣнѣ адреса, для высылки слѣдующихъ книгъ журнала; причемъ слѣдуетъ обозначить мѣсто прежняго отправленія журнала и съ какого нумера высылать журналъ по новому адресу.

Примѣчаніе. При переходѣ городскихъ подписчиковъ журнала въ иногородные и наоборотъ, а равно, при переходѣ городскихъ подписчиковъ на кассационныя рѣшенія въ иногородные и наоборотъ высылается по 1 р. Въ прочихъ случаяхъ, при перемѣнѣ адреса высылается 30 к. деньгами или марками.

7) **Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала** препровождается прямо въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена конторой. По полученіи такой жалобы редакція немедленно представляетъ въ газетную экспедицію дубликатъ, для отсылки съ первою почтою; но безъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы, газетная экспедиція должна будетъ прежде сноситься съ сею послѣднею и редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи никакъ не позже полученія слѣдующей книги журнала, иначе редакція не будетъ имѣть возможности удовлетворить подписчика высылкою новаго экземпляра.

8) **Жалобы на неполученіе листовъ кассационныхъ рѣшеній** принимаются лишь въ теченіи мѣсяца со дня полученія той книги журнала, въ которой указаны сроки сдачи листовъ на почту.

9) Редакція не отвѣчаетъ за своевременную высылку журнала и рѣшеній тѣмъ лицамъ, которые подписались не въ указанныхъ въ объявленіи о подпискѣ мѣстахъ.

10) Для отвѣтовъ на всякаго рода запросы гг. сотрудниковъ и подписчиковъ должна быть приложена почтовая марка.

Объ изданіи въ 1891 году
ЖУРНАЛА
ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки 8 р. || съ пересылкой въ другіе города 9 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ 8 р. 50 к. || за-границей . . . . . 12 р.
отдѣльно книга журнала 2 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 12 р. 50 к.

Рѣш. касс. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассационныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январь 5 руб. съ кассацион. рѣш. 8 руб. и въ іюнь остальная до подписной цѣны, сумма. Гг. дѣйствительные члены с.-петербургскаго юридическаго общества пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к. а съ касс. рѣш. 9 р. 50 к. Тоже право предоставляется студентамъ университетовъ и вообще учащимся и кандидатамъ на судебныя и военно-судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, С.-Петербургъ, уоуль Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

Подписка принимается: въ конторахъ журнала—при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: Анисимова, рядомъ съ Публичною Библіотекою, Мартынова, В. Морская, 30 и Чичинадзе, Невскій, 57; въ Москвѣ: Анисимова, на Никольской улицѣ и въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи;—а равно въ конторѣ редакціи. Контора редакціи открыта разъ въ недѣлю, по субботамъ, отъ 2 до 4 часовъ.

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1886, 1887, 1888 и 1889 г.г. по 9 р., за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы, по 2 р. съ пересылкою.

РЕДАКТОРЫ: В. М. Володиміровъ.
(по отдѣлу гражд. права) А. Х. Гольмстенъ.

